

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

**Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)**

A.N. Nikolyukin

**COLLECTED WORKS
IN FOUR VOLUMES**

Volume 1

**LITERARY RELATIONS
OF RUSSIA
AND THE UNITED STATES**

**THE RISE
OF LITERARY CONTACTS**

Second edition

**MOSCOW
2022**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

А.Н. Николюкин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том первый

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
РОССИИ И США**

**СТАНОВЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Издание второе, дополненное

**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1.09:821.111(73).09
ББК 83.3(2) + 83.3(7Coe)
Н 63

Ответственный редактор второго издания
кандидат филологических наук
А.В. Маньковский

Николюкин А.Н.
Н 63 Собр. соч.: в 4 т. / А.Н. Николюкин; РАН. ИНИОН.
Т. 1: Литературные связи России и США: Становление
литературных контактов. Изд. 2-е, доп. М., 2022.
411 с., 4 л. ил.
ISBN 978-5-248-01023-3

В монографии рассматривается процесс становления русско-американских литературных связей до середины XIX в. Автор рассказывает об отношении к Америке Ломоносова, Радищева, Новикова, о восприятии в России произведений Ирвинга, Купера, Эдгара По. Специальные главы посвящены Пушкину и американской литературе и русской литературе в США. В работе использованы неопубликованные материалы из архивных собраний Москвы и Петербурга.

УДК 821.161.1.09:821.111(73).09
ББК 83.3(2) + 83.3(7Coe)

ISBN 978-5-248-01023-3

© А.Н. Николюкин, 2022
© ИНИОН РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7

Часть первая ПЕРВЫЕ ВЕСТИ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

1. «И нарекоша те острова именем Америка...»	15
2. Русские просветители и «словутая страна»	26
3. Франклин в русской литературе	72

Часть вторая АМЕРИКАНСКИЙ РОМАНТИЗМ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Первые русские писатели в Соединенных Штатах	100
2. У истоков русской американистики: журнал «Московский Телеграф»	145
3. Вашингтон Ирвинг и ранние переводы американских писателей	166
4. Пушкин и американская литература	207
5. Фенимор Купер и русская критика	237
6. Эдгар По в России	303
7. Русская литература в Соединенных Штатах	322

Наследие американского романтизма и русская журналистика	345

Приложения	359
Список сокращений	394
Указатель имен и периодических изданий	395
Библиографическая справка	408
Список иллюстраций	410

CONTENTS

Introduction	7

Part one **EARLY NEWS FROM AMERICA**

1. «And They Called Those Islands America...»	15
2. The Russian Enlighteners and «The Renowned Land»	26
3. Franklin and the Russian Literature	72

Part two **AMERICAN ROMANTICISM** **AND RUSSIAN LITERATURE**

1. The First Russian Writers in America	100
2. The Origin of the Russian Study of American Literature and «Moskovsky Telegraph»	145
3. Washington Irving and the Russian Translators	166
4. Pushkin and the American Literature	207
5. Fenimore Cooper and the Russian Critics	237
6. Edgar Allan Poe in Russia	303
7. The Russian Literature in the United States	322
American Romanticism and the Russian Critics	345
Appendix	359
Abbreviations	394
Index of Names and Periodicals	395
Bibliographical note	408
List of Illustrations	410

ВВЕДЕНИЕ

Американские писатели заговорили о связях Соединенных Штатов и России еще в годы американской революции. «Кто знает, какие революции могут в один прекрасный день породить Россия и Америка; мы, быть может, более близкие соседи, чем сами думаем», – заявил в конце XVIII столетия американский писатель Жан де Кревкёр устами одного из своих героев, русского путешественника по США¹.

Через столетие ту же мысль развил Уолт Уитмен в своем известном «Письме к русскому». Сознание того, что в некоторых чертах «наши страны так схожи», постепенно утвердилось в умах передовых людей XIX и начала XX в.

Интерес к истории литературных связей России и Соединенных Штатов Америки обусловлен интенсивным развитием культурных взаимосвязей между двумя странами. Интерес этот растет из года в год, свидетельством чему могут служить все новые и новые работы, появляющиеся как в нашей стране, так и в Америке.

Наряду со связями русской и американской литератур значительный интерес представляют общие закономерности развития художественных направлений в литературах двух стран. Внешние сходства и параллели при всей увлекательности их анализа не представляются автору ни наиболее очевидным, ни наиболее убедительным доказательством влияния одной литературы на другую.

В настоящей работе автор развивает положение о влияниях как активном отборе, когда представители одной национальной литературы обращаются к опыту и сокровищнице другой национальной традиции в результате назревшей необходимости собст-

¹ Цит. по: Брэдфорд Уильям. История поселения в Плимуте; Франклин Бенджамин. Автобиография. Памфлеты; Кревекер Сент Джон де. Письма американского фермера: пер. с англ. М.: Худож. лит., 1987. С. 672.

венного художественного развития. При этом более активной стороной оказывается та литература, которая творчески обращается к художественному наследию другой страны.

Поясним нашу мысль.

Фольклор американских индейцев существовал столетия, прежде чем американские романтики его открыли и он «оказал влияние» на повести Ирвинга, романы Купера и Симмса, «Гайавату» Лонгфелло. Ясно, что обращение писателей к индейской теме связано не с каким-то влиянием этой фольклорной традиции, существовавшей столетия бок о бок с культурой белых поселенцев Америки и оставшейся до времени невоспринятой. Внутренние процессы развития самой американской литературы, наступление эпохи романтизма с его интересом к народному, фольклорному началу определили в конечном счете и интерес, активное обращение к наследию устного творчества индейцев, что лишь условно можно назвать термином «влияние». Характерно, что в первые столетия европейской цивилизации Америки, когда индейские племена были многочисленны и в расцвете сил, европейцы прошли мимо их фольклора, а после того как большинство племен было уничтожено или загнано в резервации, индейский фольклор «оказал влияние» на американскую литературу.

Фактор активного отбора направил интерес русских романтиков 20–30-х годов XIX в. к европейскому и американскому романтизму, вызвал небывалый подъем популярности Купера и особенно Ирвинга, которого некоторые критики ставили даже выше Пушкина. В далеком, заморском находили свое, и оттого чужое вдруг становилось таким близким: поэзия Байрона, романы Вальтера Скотта, Купера. Никакое влияние не было в состоянии произвести такого действия, как органическая заинтересованность в родственных литературных явлениях.

Когда Генри Джеймс обратился к художественному опыту Тургенева, то причиной тому было развитие реализма в американской литературе и в творчестве самого Г. Джеймса, побудившее его искать сходные явления в литературе других стран. Джеймс «отобрал» для себя Тургенева как наиболее близкое ему эстетическое явление. Однако он признал это обстоятельство лишь тогда, когда влияние русского писателя на него стало уже историческим фактом и когда американский писатель обрел свою собственную художественную манеру.

Американская национальная литература возникла в результате революции 1775–1783 гг. С самого зарождения в XVII в. словесность Соединенных Штатов развивалась в двух направлениях, отражая две коренные тенденции национального развития. У исто-

ков демократической литературы стоят овеянные романтикой войны за независимость героические фигуры Томаса Пейна, Филипа Френо, Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина.

Американская революция неизбежным образом вела к утверждению литературной независимости США от Англии. Развитие нового – романтического – направления шло в Соединенных Штатах одновременно с признанием национального характера литературы.

В послереволюционную эпоху, когда формировались основы социально-политической системы Соединенных Штатов, американские писатели-романтики первыми отразили в своих книгах социальные противоречия, возникшие в молодом государстве. Американский романтизм, достигший расцвета в 20–50-е годы XIX в., определял судьбы развития литературы США в первой половине столетия.

Литературы русского и американского Просвещения, так же как позднее романтизм в русской и американской литературах, представляют собой художественно-эстетические системы, национальная специфика которых выступает со всей отчетливостью при историко-сопоставительном анализе этих явлений. Внутренние связи, возникающие и развивающиеся в художественной системе национальной литературы, воспринимаются вне ее в иной, преобразованной форме. Движение, начавшееся внутри творчества писателя или литературного течения, вдруг «выплескивается» в сферу развития литературы мировой. Именно в ходе этого процесса и зарождаются связи национальных литератур, отражающие моменты общности и отталкивания культур и литератур различных народов. Задача исследователя заключается в анализе сопричастности различных художественных систем общему художественно-эстетическому развитию.

Настоящая работа представляет собой попытку системного рассмотрения раннего периода истории литературных связей двух стран и охватывает период XVIII – первой половины XIX в. В отдельных случаях, когда речь идет о судьбе наследия американских писателей-романтиков, автор был вынужден выходить за эти рамки. Однако русско-американские литературные связи второй половины XIX и начала XX в., так же как и типология романтизма и реализма в литературах России и США, – это особая тема исследования, к которой автор надеется обратиться в дальнейшем.

Много лет назад академик М.П. Алексеев писал: «Разработка американо-русских литературных отношений должна быть обоюдным делом советских и американских ученых, и мы знаем, действительно, что она уже ведется и с той, и с другой стороны, однако

подлежащий исследованию материал так велик и разнообразен, что не скоро еще общая история литературных взаимосвязей России и США будет изложена с достаточной полнотой и широтой документации»². Нет сомнения, что совместные усилия российских и американских исследователей позволят в дальнейшем осуществить замысел общей истории литературных связей России и Соединенных Штатов, которая засвидетельствует, что русская литература не только выступила инициатором развития литературных связей, но и определила пути реализма в мировой литературе XIX–XX вв. Великая гуманистическая миссия русской литературы провозглашалась в знаменитых словах А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Именно в те далекие годы проявился активный гуманизм русской литературы, ее «всемирная отзывчивость», о которой позднее говорил Ф.М. Достоевский и которую русский реализм пронес через всю свою историю.

* * *

Исследователь, обращающийся к изучению русско-американских литературных связей, не найдет готового материала. Сведения о них не столь обширны, особенно в ранние периоды, и не лежат на поверхности. Поисковая работа определила в конечном счете тот круг историко-литературных явлений, которые включены в настоящее изучение связей России и США в области художественного слова и литературно-эстетической мысли.

Важнейшим источником являются, безусловно, архивные собрания. Они проливают новый свет как на опубликованные издания, так и на многое, оставшееся по тем или иным причинам не напечатанным. Не сделавшись активным фактором в жизни двух стран, эти материалы остаются памятником истории литературных связей. Рукописные дневники, письма, переводы, критические очерки и воспоминания существенно важны для последовательного воссоздания картины становления литературных контактов России и Америки.

Отдельные материалы, касающиеся американских писателей XVIII–XIX вв., имеются почти во всех крупнейших архивах Москвы и Санкт-Петербурга: РГАЛИ, РГБ, ГИМ, РНБ, ИРЛИ (см. список сокращений). Фонды Московского цензурного комитета в ЦИАМ

² *Алексеев М.П.* Американо-русские литературные заметки // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 8. С. 22.

(ф. 31), Главного управления цензуры, Петроградского комитета по делам печати, Центрального комитета цензуры иностранной в ЦГИА СПб (ф. 772, 777, 779) содержат ценнейшие сведения об истории переводов американских авторов и публикации критических работ о них. Обширные материалы по истории общественно-культурных отношений России и США хранятся в фондах РГАДА, ГАРФ, АВПРИ, СПбИИ РАН. Без этих и некоторых иных архивных материалов многие факты и обстоятельства русско-американских литературных связей остались бы необъясненными.

К сожалению, архивы русских журналов и газет XVIII и первой половины XIX в. большей частью не сохранились. Отдельные документы, связанные с изданием «Московского Телеграфа» и некоторых других журналов, представляющих интерес для русской американистики, встречаются в различных фондах перечисленных архивов. Так, исключительный интерес представляет до сих пор целиком не опубликованный «Опыт словаря русских анонимов и псевдонимов в “Московском Телеграфе”»³, составленный С.Д. Полторацким в 1849 г. и раскрывающий имена авторов и переводчиков в этом журнале, стоящем у истоков русской американистики.

Наряду с архивами важнейшими источниками являются повременные издания тех лет. Русские журналы и газеты, альманахи и сборники – эти «свидетели живые» – содержат огромный фактический материал, который ничто не может заменить. Свежесть и непосредственность восприятия текущей литературной продукции, как отечественной, так и переводной, с годами утрачивается, и мы можем лишь пытаться восстановить это восприятие, листая газеты и журналы тех дней.

Литературные источники – разного рода воспоминания, записки, дневники, тем более критические очерки и исследования, при всей своей важности и ценности, являются вторичными свидетельствами.

Содержание русских журналов XVIII в. расписано в справочнике А.Н. Неустроева⁴. Для книг и периодических изданий XVIII в. наиболее авторитетными являются коллективные библиографии

³ РГБ. Ф. 233. Карт. 80. Ед. хр. 10–14. Материалы словаря Полторацкого не учтены в известном «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова (М., 1956–1960. Т. I–IV).

⁴ Неустроев А.Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб.: тип. «Общественная польза», 1874. См. также его «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к историческому разысканию о них» (СПб.: тип. Яблонского, 1898).

«Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.» (М.: Л., 1955) и «Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (Т. I–V и Дополнения. М., 1962–1975). По книгам и периодике XIX в. подобные научные библиографии до сих пор отсутствуют, и в этом отношении наша библиография сильно отстает от уровня библиографической работы в крупнейших странах мира. В отношении периодики существующий пробел в известной мере заполняется, помимо старой библиографии Н.М. Лисовского, изданной в 1915 г., справочником «Русская периодическая печать (1702–1894)» под редакцией А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова (М., 1959) и исследованиями русской журналистики XVIII–XIX вв.⁵ Полезным справочным пособием является книга Н.П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.» (М., 1965).

Важнейшим источником являются также комплекты журналов и газет, содержащие обширные материалы американистики. В XVIII в. это «Санкт-Петербургские Ведомости» (особенно за период, когда иностранные известия в них редактировал М.В. Ломоносов, 1748–1751), «Московские Ведомости» за «новиковское десятилетие» (1779–1789), «Прибавление к “Московским Ведомостям”» (1783–1784), карамзинские «Московской Журнал» (1791–1792) и «Пантеон Иностранной Словесности» (1798). В первой половине XIX в. для американистики представляют интерес «Вестник Европы» (особенно в 1802–1803 гг., когда его издавал Н.М. Карамзин, и в 20-е годы), «Дух Журналов» (1815–1820), «Сын Отечества» (в декабристский период), «Московский Телеграф» (1825–1834), «Московский Вестник» (1827–1830), «Атеней» (1828–1830), «Литературная Газета» (1830–1831), «Литературные Прибавления к “Русскому Инвалиду”» (1831–1839), «Телескоп» и «Молва» (1831–1836), «Библиотека для Чтения» (главным образом в 30-е годы), «Современник» (1836–1866), «Отечественные Записки» (особенно в годы работы в журнале В.Г. Белинского, 1839–1846). Систематический просмотр этих повременных изданий помог обнаружить немало новых данных, характеризующих интерес русских демократических кругов к литературе и культуре США.

⁵ Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: ЛГУ, 1950, 1965. Т. 1–2; Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952; История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А.В. Западова. М.: Высшая школа, 1963.

Нам остались недоступны комплекты крупнейших американских журналов и газет первой половины XIX в., отсутствующие в отечественных книгохранилищах. Как известно из американских библиографических указателей⁶, в них печаталось немало рецензий и статей, посвященных русской литературе, а со временем и литературам народов СССР (отдельные номера «Норт америкен ревью», крупнейшего общественно-литературного журнала Америки, издававшегося с 1815 г. в Бостоне, имеются в РНБ и в Воронцовской коллекции Библиотеки Одесского университета). Систематическое исследование американской периодики этого времени и архивных собраний в Соединенных Штатах позволит в будущем полнее представить обе стороны процесса литературных связей России и Америки.

Зачинателем изучения русско-американских литературных контактов выступил в 1920-е годы академик М.П. Алексеев. Его исследования, а также статьи и публикации А.А. Ахматовой, Е.М. Двойченко-Марковой, А.И. Старцева, Г.П. Макогоненко и других внесли значительный вклад в разработку этой проблематики и положили начало научному изучению литературных связей России и Америки в XVIII–XIX вв.

Из зарубежных работ в этой области следует отметить книги А. Ярмолинского о ранних сведениях об Америке в России⁷, содержащее большой фактический материал исследование Д. Бодена об изображении Америки в русской литературе XVIII–XIX вв.⁸, обстоятельную монографию Джоан Д. Гроссман о восприятии творчества Эдгара Аллана По в России⁹.

В последние годы отечественное литературоведение успешно разрабатывает историю и теорию связей русской и зарубежной литературы. Большой материал собран и обобщен в трудах Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской

⁶ Poole's Index to Periodical Literature. 1802–1906 / ed. by W.F. Poole. N.Y.: Smith, 1938. Vols. I–VI.

⁷ Yarmolinsky A. Russian Americana. Sixteenth to Eighteenth Centuries. A Bibliographical and Historical Study. N.Y.: New York Public Library, 1943.

⁸ Boden D. Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg: Cram, De Gruyter & Co., 1968. Особую ценность в этом издании имеет обширная библиография источников и критической литературы.

⁹ Grossman J.D. Edgar Allan Poe in Russia. A Study in Legend and Literary Influence. Würzburg: Jal-Verlag, 1973. См. также: Proffer C.R. Washington Irving in Russia: Pushkin, Gogol, Marlinsky // Comparative Literature. 1968. Fall. Vol. XX. N 4. P. 329–342; Neuhauser R. Notes on Early Russian-American Cultural Relations (James Fenimore Cooper and Russia) // Canadian Slavic Studies. 1967. Fall. Vol. I. N 3. P. 461–473.

литературы (Пушкинский Дом) РАН (в частности, в серии книг «Из истории международных связей русской литературы»); в монографии В.И. Кулешова «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина)» (М., 1965), вышедшей в 1977 г. вторым изданием; в книге А.Л. Григорьева «Русская литература в зарубежном литературоведении» (Л., 1977).

В области истории русско-американских отношений выделяются фундаментальные труды Н.Н. Болховитинова, созданные на основе изучения архивных материалов в СССР и США¹⁰.

Ценнейшим сборником документальных материалов является совместный труд советских и американских историков и архивистов «Россия и США: Становление отношений. 1765–1815» (М., 1980). 560 документов этого издания, многие из которых опубликованы впервые, свидетельствуют о раннем периоде развития культурных, научных, дипломатических и торговых связей между двумя странами.

Основным библиографическим пособием для всех изучающих литературу США и ее связи с русской литературой до сих пор является выпущенная ИНИОН РАН и ИМЛИ РАН библиография В.А. Либман «Американская литература в русских переводах и критике. 1776–1975» (М., 1977), представляющая собой итоговый свод русской и советской американистики за два века. Существование этого справочника во многом освобождает нас от необходимости приводить обширные библиографические перечни переводов и критических работ, что было неременным условием исследований русско-американских литературных связей в прошлом. Более подробные библиографические отсылки и описания приводятся для публикаций, не учтенных в этой библиографии.

Свод работ советских исследователей по проблеме литературных взаимосвязей дан в продолжающемся библиографическом издании ИНИОН и ИМЛИ РАН «Взаимосвязи и взаимодействие литератур мира»¹¹.

¹⁰ Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815–1832. М.: Наука, 1975; Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783. М.: Мысль, 1976.

¹¹ Выпуск I вышел под названием «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур» (1945–1960) в 1962 г., выпуск II (1961–1965) – в 1968 г., выпуск III (1966–1970) – в 1973 г., выпуск IV (1971–1975) – в 1979 г.

Часть первая

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

1

«И НАРЕКОША ТЕ ОСТРОВЫ ИМЕНЕМ АМЕРИКА...»

В старой русской космографии рассказывается об «островах диких людей», которые «немецкие люди» (так именовали на Руси всех иностранцев) называют Новый Свет. Страна эта «не в давних летах изыскана, от шпанских и французских немец, с людьми безграмотными и со златою и серебряною рудою, и от сих островов те немцы зело обогатились, и грады поставили, и назваша четвертую часть Новую Землю, и положили к тем трем частям»¹ – Азии, Африке и Европе.

В другом списке, запечатлевшем географические познания древних россиян, – «Книга, глаголемая Козмография» читаем: «...в недавних летех Латинские философи обрели на западе на море окияне вдоль по пучине многие острова различные, овии же люднии и богатии, овии же бесчеловечны и нарекоша те острова именем Америка»². Обращает на себя внимание стремление древнерусского географа подчеркнуть недавность этих открытий. Примечателен и сказовый стиль («на море окияне») первых упоминаний в русской письменности об Америке.

Первые об открытии Америки стало известно на Руси от монаха Максима Грека, получившего образование в Италии и прибывшего в 1518 г. в Русское государство по приглашению великого князя Василия III, отца Ивана Грозного, для перевода церковных книг. Ученик итальянских гуманистов, среди которых были прославленные Пико делла Мирандола, Савонарола, Альд Мануций, он, как совре-

¹ Полевой Н. О географических сведениях древних Россиян // Московский Телеграф. 1831. Ч. 42. № 24. С. 465. См. также «Повествование об открытии Америки, помещенное в русских хронографах» (Там же. 1832. Ч. 43. № 4. С. 594–599).

² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Попов. М.: тип. Мамонтова, 1869. С. 460.

менник, безусловно знал историю открытия Америки и в одном из своих сочинений, относящихся к 30-м годам XVI в., писал, что древние народы не умели, а главное – не дерзали плавать «далее Гадира» (Кадиса), т.е. за Гибралтар. «Нынешние же люди португальстии, испанстии, – повествует Максим Грек, – со всяким опаством vyplывають корабли великими, не давно почали, лет тому 40 или 50, по совершении седмыя тысящи, и нашли островов много, иных убо обитаемых людми, а иных пустых, и землю величайшу глаголемую Куба, еяже конца не ведают тамо живущей»³.

Максим Грек довольно точно определил время плавания испанцев и португальцев «через Гадир» – вскоре по истечении седьмого тысячелетия от «сотворения мира». 7000 год по старому летосчислению, принятому в России до Петра I, соответствует 1492 г. нашей эры, т.е. году открытия Америки Колумбом. Сведения, приведенные Максимом Греком, были первыми точными известиями на Руси о плавании в Америку.

Наименование «Америка» появилось на западноевропейских картах в 1507 г. и первоначально относилось к Бразилии и Южной Америке в целом. Однако известия о Новом Свете распространялись в Европе медленно. Прошло более полувека, прежде чем название Америка дошло до Русского государства.

В Российской национальной библиотеке в Петербурге хранится рукописный перевод 1584 г. компилятивной польской «Хроники всего света» М. Бельского, опубликованной в Кракове в 1554 и 1564 гг. на основании космографий Симона Гринейуса и Себастьяна Мюнстера⁴. В этой рукописи, содержащей описание путешествий Колумба и Америго Веспуччи, впервые в русской литературе упоминается топоним Америка. «О походе амьмерикуса Веспуща: Амьмерикус прозван именем отвеликого острова амьмерика, атот остров мошно прозвать за четвертую часть света: а нашел тот остров аммерикус веспуща»⁵. В этой же рукописи встречается самое

³ Инок Максима Грека сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова // *Максим Грек. Сочинения*: [в 3 ч.]. Казань: тип. губернского управления, 1862. Ч. 3. С. 44.

⁴ *Grynaeus S. Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum. Basileae, 1532; Münster S. Cosmographia universalis. Basileae, 1550.*

⁵ РНБ. Ф. IV. 162. Л. 1265 (перевод 1584 г. в списке 1670 г.). См.: *Берг Л. С. Первые русские сведения об Америке // Известия Всесоюзного геогр. об-ва. 1945. Т. 77. № 3. С. 173. Фотокопия этой записи об Америке приводится в кн.: Yartolinsky A. Russian Americana. Sixteenth to Eighteenth Centuries. A Bibliographical and Historical Study. N.Y.: New York Public Library, 1943. P. 11.*

раннее упоминание на русском языке имени Колумба, впервые прозвучавшее в год смерти Ивана Грозного.

В 1637 г. по приказу царя Михаила с латинского языка была переведена «Космография» Меркатора, куда вошла глава об Америке из «Хроники» Бельского. В нескольких последующих рукописных космографиях XVII в. делается попытка краткого описания обретенной четвертой части света («Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих», 1670). Так, в списке хронографа 1696 г. читаем: «Земля Новая и остров глаголемая Америка в долготу и в широту зело велик, другого такова острова на море нет, людей же в нем мало и те дикие, образ и нрав имут свой яко звери, питаются зверми и рыбами, и одеваются зверскими кожами и рыбими, корения же и орехов и мушкатов и масличия имут зело много»⁶. В XVII в. известия в России об Америке были весьма скудные.

Россия была уже сильным централизованным государством, когда в лесах и прериях Северной Америки стали возникать первые поселения белых колонизаторов. С эпохи Петра сведения об Америке начинают проникать во всевозрастающем количестве. В петровских «Ведомостях» от 19 июля 1710 г. можно было прочесть, что «из Лондона мая в 23 день, 4 корабля американских с двумя воинскими и 18 торговыми кораблями в новую англию пошли»⁷. Очевидно, в Петербурге и Москве были читатели, для которых такое известие имело смысл и представляло коммерческий или политический интерес.

В петровских «Ведомостях», напечатанных в московской типографии, писали, что губернатор Бостона «велел там обнародовать прокламацию, в которой он объявляет войну индейцам»⁸. По прошествии трех лет «Российские Ведомости» извещали своих читателей (в сообщении из Бостона от 28 декабря 1725 г.): «Господин Вилгелм Думмер, вице-губернатор и главный комендант сего города и всей провинции, заключил мир с владельцами Восточных индианцов: артикулы того трактата подписали здесь вчера, и имеют они быть подтверждены всеми племенами, или коленами индианцов в будущем месяце мае»⁹.

В первой русской географии, напечатанной по повелению Петра I в марте 1710 г. и представляющей собой переработку гол-

⁶ Изборник славянских и русских сочинений... С. 538–539.

⁷ Ведомости времен Петра Великого. В память двухсотлетия первой русской газеты. М.: Синодальная тип., 1906. Вып. II. С. 65.

⁸ Ведомости. 1722. 23 ноября. № 27. С. 6.

⁹ Российские Ведомости. 1726. 18 марта. № 14. С. 12.

ландского источника, описывается открытие Америки: «...прииде некто христофор колумбус, житель италийских стран к гишпанскому королю Фердинанду и испроси у него неколико кораблей, имиже по многом и зело трудном дванадесятонедельном шествии, сих пребогатых стран остров перво обрете, и того гишпаниолом нарече, но сему безвинно оклеветану бывшу, и во оковах к королю гишпанскому отвезену, послан паки некто америкус, иже самую страну америтскую обрете, и именем своим америкую нарече»¹⁰.

Перед нами вполне реальные исторические сведения, весьма отличные от тех сказочных легенд, которые доходили до Руси в XVI и XVII вв., когда река Дон считалась границей Европы и Азии, а в переведенном на русский язык с латинского «Сказании о семи свободных мудростях» можно было прочесть, что «Америка в Асии, иже во Европе»¹¹. Как известно, подобный стилистический прием «матрешек» издавна применялся в народных сказках. Вспомним «Царевну-лягушку», где говорится, что смерть Кощея Бессмертного на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу...

В петровские времена сведения об Америке приобретают научную достоверность. В 1719 г. в Москве повелением Петра I переведена с немецкого и издана книга Ягана Гибнера (Иоганна Гюбнера) «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии», восемнадцатая глава которой посвящена описанию Америки. По этим книгам учились еще предшественники Ломоносова (петровская география выдержала с 1710 по 1716 г. четыре издания), а вскоре Америка стала фигурировать и в учебниках для открывшейся в Петербурге гимназии¹².

В первом русском журнале «Исторические, Генеалогические и Географические Примечания в Ведомостях» дается описание открытия Америки, исполненное непосредственности восприятия

¹⁰ География или Краткое земнаго круга описание. Напечатано повелением Царского Величества в типографии Московской лета господня 1710-го в месяце марте. С. 94.

¹¹ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб.: тип. Акад. наук. 1903. С. 167.

¹² Краткое руководство к географии. В пользу учащегося при гимназии юношества. СПб.: Акад. наук, 1742 (переиздано в 1767 г. и Н.И. Новиковым – в 1781 г.). Первое упоминание на русском языке Нью-Йорка (Невиорка, как его тогда называли) встречается в переводе Ф. Поликарповым книги нидерландского географа Б. Варениуса «География генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа», изданной в Москве в 1718 г. повелением Петра I.

не столь далекого прошлого. Русский историк повествует: «Обещанную в прошлых примечаниях Историю о мореплавании к западным странам, и до оной надлежащее изыскание Америки сообщаем мы при сем толь охотнее, сколь нужнее быть мы рассуждаем общую историю пространнее и основательнее выразить... Возращение сей, как известно, Португалцам, оную же Гишпанцам приписуют, которые Гишпанцы при окончании 15-го века к западным странам ради изыскания новых земель поехали, о которых они и подлинного известия неимели, ежели такие земли во свете имеются»¹³.

Описывая открытие Колумбом Америки, с которого «история о мореплавании к западным странам началась», автор первого русского обзора путешествий в Америку продолжает в следующем номере журнала: «Отправление Гишпанских кораблей к западным странам токмо тогда в самое сущее возвращение пришло, как Колумбус второй и третий путь туды с великою пользою воспринял...» Говоря о росте испанских владений в Америке, историк перечисляет наиболее известных путешественников и конкистадоров. «Те, которые сие в действо произвели, были особливо Америкус Веспучиус, Васко Нугнец Балбоа, Фердинанд де Магелланес, Фердинанд Кортес и Францискус Пицаррус. Вышеупомянутой Америкус Веспучиус был рожденный флорентиянин и имел то щастие, что все сии земли по его имени Америкою названы»¹⁴.

Рассказывая о Нуньесе де Бальбоа, испанском конкистадоре, достигшем американских берегов Тихого океана, «Примечания в Ведомостях» впервые заговорили об уничтожении испанскими завоевателями индейских аборигенов. В довольно неуклюжей языковой манере того времени было сказано, что Бальбоа понуждал испанцев «против безвинных американцев некоторые бесчеловечия показывать».

Сведения об Америке медленно, но неуклонно распространялись в русской словесности. В 1730 г. Антиох Кантемир в примечаниях к своему переводу «Разговоров о множестве миров» секретаря Французской академии Бернара Фонтенеля дает уже точную дату открытия Америки, а Колумба называет «изобретателем Америки»¹⁵.

¹³ Примечания в Ведомостях. 1729. 12 апреля. Ч. 29. С. 113.

¹⁴ Там же. Ч. 30. С. 117–118.

¹⁵ Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы: [в 2 т.]. М.: тип. Глазунова, 1868. Т. 2. С. 422, 424.

Газета «Санкт-Петербургские Ведомости» с первых лет своего существования печатала сообщения из Америки. Первое из них появилось 26 января 1728 г.: «Из Бостона из новой Англии пишут, что там 29 дня октября прошлого года в вечеру о 10 часе при тихой и ясной погоде вдруг великое тресение земли слышно было, но оное не боле как 2 минуты было, и токмо некоторые дворы от оного не много повреждены»¹⁶. С тех пор известия из Америки начинают более или менее регулярно публиковаться на страницах газеты. Особое внимание уделялось соперничеству европейских держав в Америке.

Начало торговых сношений с Америкой нашло отражение в стихах Тредиаковского на новый год, написанных в 1732 г. и зачитанных автором 1 января 1733 г.:

Купля благословенна,
Придет обогащенна,
Нам содружит народы,
Американски роды¹⁷.

Число сообщений из Америки возросло и приняло более систематический характер в период с 6 мая 1748 г. до 23 марта 1751 г., когда отдел иностранных известий в газете редактировал М.В. Ломоносов. На первой полосе было напечатано сообщение из Бостона о заключении там союза с шестью «американскими народами», т.е. индейскими племенами¹⁸. «Санкт-Петербургские Ведомости» писали о столкновении английских колоний в Америке с французами и испанцами¹⁹, о войнах с индейцами²⁰, о черных невольниках, бежавших в леса и образовавших там свою общину²¹. Неизменно сообщалось о росте торговли с Америкой и принимаемых мерах «к безопасности купечества, дабы оное впредь столь многим беспокойствам подвержено не было»²².

Ради русских купцов печатались сообщения, подобные следующему: «Помещики около Бостона, что в Новой Англии, при-

¹⁶ СПб. Ведомости. 1728. 26 генваря. № 8. С. 31.

¹⁷ *Тредиаковский В.К.* Избр. произв. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 414.

¹⁸ СПб. Ведомости. 1748. 2 декабря. № 97. С. 771.

¹⁹ Там же. 1749. 11 июля. № 55. С. 326; 27 октября. № 86. С. 681; 1750. 7 августа. № 63. С. 498.

²⁰ Там же. 1750. 10 августа. № 64. С. 507; 31 августа. № 70. С. 555; 1751. 18 генваря. № 6. С. 44–45.

²¹ Там же. 1749. 14 марта. № 21. С. 161.

²² Там же. 1749. 11 июля. № 55. С. 326.

няли намерение пеньку там сеять, что всеконечно умножению купечества в сей провинции немало способствовать будет, также и другим Аглинским селениям в Америке»²³.

Внимание Ломоносова не могло не привлечь известие из Лондона: «Здесь трудятся над приготовлениями к новой экспедиции, такой же, какая предпринята была в 1746 и 1747 годах, дабы вновь отвезти, чтоб сыскать проход в северозападной Америке и исполнить великое намерение, чтобы надежнейшим и не столь опасным путем, миновав Магелландский пролив и нос Доброй Надежды, ходить в Индию»²⁴.

Подбор иностранных сообщений соответствовал географическим интересам самого Ломоносова, внесшего большой вклад в изучение полярных морей и плавания по Северному Ледовитому океану.

Наиболее важным материалом иностранного раздела газеты за период, когда его редактировал Ломоносов, стало «Известие о нынешних Аглинских и Французских селениях в Америке», появившееся в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 25 ноября 1750 г. как оригинальный текст, без ссылки на иностранный источник. В статье впервые в России дано географическое и историческое описание Северной Америки и ее населения.

Мы не обладаем документальным подтверждением авторства Ломоносова в отношении этой статьи, однако текстологическое сопоставление с его позднейшими географическими трудами позволяет предположить, что перед нами одна из ранних географических работ Ломоносова, написанная им самим или при его непосредственном участии (см. Приложения).

В своих географических трудах Ломоносов вновь возвращается к теме «аглинских селений» в Америке. Говоря о населении Алеутских островов, он пишет: «...зеркала и железные орудия показывают в небольшом отдалении селения людей, у коих сии ремесла знаемы. Калифорния и селения испанские в Мексике суть в немалом отдалении: то думать должно, что оное получают из аглинских селений в Гудсонском заливе, где Новый Йорк построен»²⁵. Можно надеяться, что дальнейшее изучение источников позволит окончательно решить вопрос об атрибуции этой первой русской статьи о Северной Америке.

²³ СПб. Ведомости. 1749. 6 января. № 2. С. 12.

²⁴ Там же. 1750. 25 мая. № 42. С. 330–331.

²⁵ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: [в 11 т. + прил. к т. 3]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 512.

В русскую поэзию Америка вошла в середине XVIII в. благодаря Ломоносову как страна, откуда алчные европейцы вывозят золото. В «Письме о пользе стекла» (1752) Ломоносов писал об американских индейцах:

В Америке живут, мы чаем, простак,
Что там драгой металл из серебряной реки
Дают европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно.

Как бы комментируя и развивая эти ломоносовские строки, А.Н. Радищев в «Слове о Ломоносове», вошедшем в «Путешествие из Петербурга в Москву», писал: «Желаешь ли снискать вящее искусство извлекати серебро и злато? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки?...»²⁶

Изображение алчности и колониального разбоя в Америке встречаем мы и у А.П. Сумарокова. В стихотворении «О Америке» звучит гнев поэта, обличающего европейских захватчиков:

Коснулись Европейцы суши,
Куда их наглость привела,
Хотят очистить смертных души,
И поражают их тела:
В руке святыя держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смирненным мзду и казни злым,
В другой остр мечь: ярься пылают,
И ближним щастия желяют,
Подобно как себе самим²⁷.

Еще в 1725 г., отправляя В. Беринга в камчатскую экспедицию, Пётр I повелел найти, где Азия «сошлася с Америкою». Хотя казак Семён Дежнёв в 1648 г. прошел через пролив, отделяющий Азию от Америки, только в 1732 г. русский мореплавателю Иван Фёдоров впервые нанес на карту американский берег этого пролива, названного позднее Беринговым. Лишь после этого и второй

²⁶ Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: [в 3 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. I. С. 384.

²⁷ Трудолюбивая Пчела. 1759. Ноябрь. С. 704. То же в кн.: Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / собраны и изданы Н. Новиковым. М.: Унив. тип., 1781. Ч. IX. С. 168.

камчатской экспедиции Беринга, достигшей в 1741 г. побережья Северной Америки, был окончательно разрешен вопрос, «сошлася ли Америка с Азией», поставленный Петром I²⁸. Вскоре появился и термин «Русская Америка» (так называли Аляску и Алеутские острова), получивший распространение к 60-м годам XVIII в.

Тема Русской Америки возникла почти одновременно в поэзии Ломоносова и Сумарокова. В героической поэме «Петр Великий» (1761) Ломоносов писал о пути русских в Америку:

Колумбы Россские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток.
И наша досягнет в Америку держава²⁹.

Эти ломоносовские строки стали эпиграфом к книге русского мореплавателя Г.И. Шелехова, «росского Колумба», как назвал его в надгробии Державин, возглавившего экспедицию к берегам Русской Америки³⁰. Шелехов стал одним из основателей Российско-американской компании, созданной для освоения Русской Америки, хотя ему и не довелось дожить до ее официального учреждения в 1799 г.

²⁸ Существует обширная литература о первых русских землепроходцах в Северо-Западной Америке, еще в 40-е годы XVII в. посещавших берега Аляски. Укажем важнейшие труды, связанные с темой Русской Америки: *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–1742 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946; *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939; *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971; *Фёдорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в. – 1867 г. М.: Наука, 1971; *Болховитинов Н.Н.* Колонизация Россией Северо-Запада Америки и отношения с Соединенными Штатами (1779–1808 гг.) // Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 269–334; *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во, 1975.

²⁹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: [в 11 т. + прил. к т. 3]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. С. 703.

³⁰ Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам, и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный аглинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу: также климат, годовые перемены, звери, домашняя животная, рыбы, птицы, земные произрастения и многие другие любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. СПб.: тип. Сытина, 1791; Российского купца Григорья Шелехова продолжение странствования по Восточному океану к Американским берегам в 1788 году. Во граде св. Петра: [тип. Сытина], 1792.

На следующий год после создания Российско-американской компании Г.Р. Державин в «Мнении о постройке мореходных судов частными людьми» высказался за развитие торговли с Америкой и призвал российское купечество «все свои обратить силы на Левант, на Индию, на Китай и Америку, которые давно, простирая руки, просят, чтоб Россияне брали от них сокровища их без всяких соперничеств весьма выгодным образом»³¹. Столетнее существование Русской Америки, проданной царским правительством в 1867 г. Соединенным Штатам, было первым реальным фактором исторических связей народов России и Америки.

В то время когда американцы еще вели борьбу за национальную независимость, Россия уже простиралась в трех частях света – Европе, Азии и Америке. Русские вышли к Тихому океану и перешагнули его, став на американском континенте. Русская поэзия XVIII в. с гордостью говорила о росте могущества России, славila российских колумбов, прокладывавших свой путь в Америку. Сумароков называл Екатерину владычицей «трех частей земного круга». Пушкин приводил слова Державина о Екатерине: «...в трех частях света владычество имеющая» (XI, 106)³². Отмечая, что Державин превозносил великое будущее России, Ф. Энгельс цитировал его двустилие, в сжатой форме выражающее политику Екатерины:

На что тебе союз? – о Росс!
Шагни – и вся твоя вселенна³³.

В «Дифирамбе государыне императрице Екатерине Второй на день ее тезоименитства ноября 24 дня 1763 года» Сумароков воспеваеt «Российского американца» (индейца) и Русскую Америку, связанную в представлении современников с именем Витуса Беринга, умершего во время зимовки на Командорских островах, а также будущий расцвет мореплавания, торговли и культуры в этой части России:

³¹ Державин Г.Р. Сочинения: в 7 т. / с примеч. Я. Грота. 2-е акад. изд. СПб.: тип. Акад. наук, 1878. Т. VII. С. 362.

³² Тексты Пушкина здесь и в дальнейшем приводятся по «большому» академическому изданию (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. I–XVII; в скобках в тексте указываются том и страница).

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 10. С. 312.

За протоком Окияна,
Роска зрю Американа,
С Азиатских берегов.
Тщетно глубины утроба,
Мещет бурю, скорбь и глад;
Я у Берингова гроба,
Вижу флот, торги и град³⁴.

В 60-е годы XVIII в. начинается период более пристального знакомства русских литераторов и русских читателей с Америкой. Определяющую роль в этом процессе сыграли русские просветители, их журналы и газеты. Вместо диковинной и полуфантастической страны, где живут то ли троглодиты, то ли люди с двумя головами³⁵, Америка приобретает в сознании русских авторов и читателей конкретно-исторический облик, а со времени войны за независимость в 1775–1783 гг. между Россией и Соединенными Штатами завязываются уже торговые и культурные связи.

³⁴ Сумароков А. Разные стихотворения. СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. С. 139.

³⁵ Подобные сведения появлялись в русской печати и позднее. См.: *Фиектонг*. Описание земли, нравов и обычаев одного американского народа, обитающего в нижней части Северной Америки, о котором никакой еще путешественник не писал; с присовокуплением известия о троглодитах. М.: Унив. тип., 1789.

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И «СЛОВУТАЯ СТРАНА»

И мы страну опустошения назовем блаженною...

А.Н. Радищев

В 60–80-е годы XVIII в. возникают первые взаимные симпатии и интересы между народами России и Америки. Выходившее в Москве «Собрание Лучших Сочинений», издававшееся учителем Д.И. Фонвизина по Московскому университету профессором И.Г. Рейхелем, опубликовало в 1762 г. «Диссертацию о вероятнейшем способе, каким образом в Северной Америке первые жители поселились», переведенную с латинского языка графом Артемием Воронцовым. Ссылаясь на голландского юриста и социолога XVII в. Гуго Гроция, автор диссертации развивает идею о том, что американские индейцы – выходцы из «восточной Татарии или Камчатки»¹. В 1765 г. появилась книга под названием «Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей», переведенная с немецкого языка А. Разумовым. Эти первые на русском языке сочинения о Северной Америке знакомили с историей открытия и колонизации страны, с природными условиями и нравами ее жителей.

На русском языке получила распространение «американская повесть» о старике-индейце, спасшем молодого английского офицера. Эта чувствительная история печаталась под разными заглавиями: «Великодушие дикого человека» (перевод с немецкого)²,

¹ Собрание Лучших Сочинений. 1762. Ч. 4. Октябрь – декабрь. С. 173–174. Эта диссертация вместе с другими частями журнала была переиздана в 1787 г. Н.И. Новиковым, однако авторство ее осталось нераскрытым.

² Ни То ни Сю в Прозе и Стихах. 1769. 30 мая. Лист 14. С. 105–108.

«Абенаки» (перевод с французского)³, «Абенакизец. Нравоучительная повесть» (перевод с немецкого Дм. Рыкачева)⁴, «Повесть о диком абенакице»⁵, «Абенаки, или Пример чувствительности индейцев» (за подписью поэта Авраама Лопухина)⁶, «Абенаки. Американская повесть» (перевод с французского)⁷.

Разного рода повести и очерки об американских индейцах довольно часто появлялись в русских журналах конца XVIII в. В них честные, хотя нередко и жестокие индейцы противопоставлялись испорченным европейцам. Изображение индейцев носило, особенно в первое время, условно-русоистский характер. В журнале «Детское Чтение для Сердца и Разума», издававшемся Н.И. Новиковым в качестве приложения к «Московским Ведомостям», появилась назидательная новелла «Дикий американец»⁸. П.И. Богдановичем была дважды издана повесть «Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света»⁹, пользовавшаяся, по-видимому, успехом у читателей. Поэт Александр Савин переводит пасторальный рассказ И.Г. Кампе «Пример жестокости индейцев»¹⁰. В другом приложении к газете «Московские Ведомости» – журнале «Приятное и Полезное Препровождение Времени» – напечатана в переводе с английского сентиментальная драматическая сценка «Разговор в царстве мертвых. Меркурий, поединщик и дикий американец»¹¹. Этот перечень можно было бы продолжить¹².

³ СПб. Вестник. 1778. Май. Ч. I. С. 369–373.

⁴ Утренний Свет. 1780. Февраль. Ч. VIII. С. 172–176.

⁵ Небылицы в лицах, или Собрание увеселительных повестей и забавных сказок, в стихах и прозе. М.: тип. Зедербана, 1793. С. 76–80.

⁶ Чтение для Вкуса, Разума и Чувствований. 1793. Ч. XII. С. 296–301.

⁷ Приятное и Полезное Препровождение Времени. 1798. Ч. XIX. С. 151–156. О предполагаемом источнике этих переводов см. в статье Ю.Д. Левина «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века» в книге «Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы» (Л.: Наука, 1967. С. 85. Сноска 6).

⁸ Детское Чтение для Сердца и Разума. 1785. Ч. IV. С. 46–48.

⁹ В оба издания этой книги (СПб., 1781 и 1790) включен близкий ей по духу «Разговор дикого с бакалавром, из сочинений г. Вольтера», перевод которого печатался еще в журнале «Ни То ни Сие в Прозе и Стихах» (1769. 28 марта и 4 апреля. Листы 6 и 7. С. 43–54).

¹⁰ Чтение для Вкуса, Разума и Чувствований. 1793. Ч. XII. С. 282–295.

¹¹ Приятное и Полезное Препровождение Времени. 1798. Ч. XIX. С. 73–80.

¹² В частности, интерес представляет повесть «Зара» русского крепостного литератора Н.С. Смирнова о красавице-индианке, проданной в рабство спасенным ею юношей-англичанином. Повесть была написана на основе эпизода из книги

Индийская тематика постоянно привлекала внимание выдающегося русского просветителя Н.И. Новикова. Мемуарный роман И.Г. Пфейля «Похождение дикого американца» в переводе Ивана Богаевского вышел у Новикова двумя изданиями – в Петербурге (1773) и в Москве (1779). В год окончания войны за независимость США Новиков опубликовал перевод книги Жана Бернара Боссю «Новые путешествия в Западную Индию, содержащие в себе описание разных народов, живущих в окружности большой реки Сент-Луи, обыкновенно называемой Миссисипи». Русский рецензент книги Боссю писал, что она «заохочивает читателя» и «содержит в себе столько же приятности, сколько и пользы»¹³.

В журнале Новикова «Покоящийся Трудолюбец» появилось «Письмо индейца о нравах европейцев», написанное в том же жанре записок простодушного и наивного наблюдателя, что и «Персидские письма» Монтескье и «Гражданин мира, или Письма китайского философа» Голдсмита. Очутившись в Европе, американский абориген пересказывает все увиденные им несообразности и приходит к выводу: «Одним словом, Европейец есть облеченное в тело противоречие. Для разведения спорящих сторон имеют они получающих за то плату людей, которые все тяжбы делают вечными. Для сохранения спокойствия в государстве покупает один сосед право судить другого... Люди, которые никогда не голодны, едят целый день; а кто голоден, должен поститься. Богатым дают в подарок тысячи, а убогим полушку»¹⁴.

К жанру эпистолярной просветительской литературы о «естественном человеке» относится также «Письмо дикого американца, привезенного в Старый Свет из Нового». Простодушный индеец обращается к своему другу в лесах Америки: «Я нахожусь между Европейцами, таким народом, который просвещеннейшим себя почитает и в то ж самое время не стыдится возлагать узы рабства на тех, коих природа произвела может стать под единым

французского просветителя аббата Рейналя, известной в России под названием «История обеих Индий», а сам этот сюжет послужил темой многих произведений, печатавшихся в переводах и обработках в русских журналах и книгах XVIII – начала XIX в. (см.: *Левин Ю.Д.* Инкл и Ярико в России // XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 236–246).

¹³ Московские Ведомости. 1783. 2 декабря. № 96. С. 765.

¹⁴ Покоящийся Трудолюбец. 1784. Ч. 2. С. 162–163. Другой перевод этого памфлета под названием «Письмо путешествующего по Европе индейца» появился в 1800 г. в еженедельном издании «Что нибудь от Безделья на Досуге» (с. 152–155).

созвездием». Царящая среди европейцев социальная и нравственная несправедливость глубоко поражает индейца. «Но вот, что для меня неразрешимую загадкой: они ежечасно твердят мне, что не должно притеснять никого, кто бы какого закона ни был; ибо де все мы братья, а сами, переплыв столь обширное море на такой большой лодке, отнимают у нас вольность и права человечества, сами грабят и теснят, да еще при том не стыдятся говорить, что они то делают из человеколюбия и желая нас просветить. Прекрасное просвещение! – Изрядное человеколюбие! – О! Сколько бы мы были блаженны, когда б не знали ни сего человеколюбия, ни их просвещения! Поля б наши не были обгарены кровию наших отцов, братьев и сродников...»¹⁵.

Особое место индейская проблематика занимала в газете «Московские Ведомости», когда ее редактором был Н.И. Новиков. Уже в начале 1780 г. газета извещала, что «Индейцы объявили, от лица пяти народов, войну Американскому Конгрессу за то, что Американцы делали в их областях великие разорения»¹⁶. Через пять лет Новиков сообщал, что война с «индейскими народами» закончилась подписанием трактата, по которому немалая часть земель их отнята «в награждение тех убытков», какие причинили индейцы белым¹⁷.

После окончания войны за независимость проблема индейцев приобрела новую остроту. Осенью 1785 г. из Нью-Йорка пришло известие, что «Индейцы, с которыми Конгресс в прошлом году заключил трактат, весьма оным недовольны» и не хотят отдавать тех земель, которые по договору у них отбирались¹⁸. В следующем номере газеты Новикова сообщалось, что американский конгресс отправил «несколько войск в те страны, где недавно Индейцы окказали свои свирепства»¹⁹.

Индейцы сопротивлялись. «Находящиеся в Ниагарских окрестностях дикие Американцы вступили между собою в союз на тот единственный конец, чтобы независимым Американским Областям отомстить за разные притеснения, какие они с некоторого времени от них претерпевают»²⁰. Вчерашние участники револю-

¹⁵ Дело от Безделья. 1792. Ч. I. С. 10, 12–13. Этот жанр использовался в журналах и позднее. В ноябре 1803 г. «Вестник Европы» (№ 21/22. С. 30–33) напечатал «Письмо одного путешествующего Американца из Екатеринограда».

¹⁶ Московские Ведомости. 1780. 5 февраля. № 11. С. 85.

¹⁷ Там же. 1785. 12 февраля. № 13. С. 156.

¹⁸ Там же. 1785. 12 ноября. № 91. С. 975.

¹⁹ Там же. 1785. 15 ноября. № 92. С. 984.

²⁰ Там же. 1785. 3 декабря. № 97. С. 1033–1034.

ции пришли в «величайшее беспокойство по причине союза Индейцев и войны, которою они уже угрожают. Конгресс просил Васгингтона, чтобы он принял на себя командование войсками противу оных; но он отказался от сего»²¹. О конфликте с индейцами, у которых конгресс отобрал земли, и о прямом истреблении индейских племен «Московские Ведомости» систематически писали на протяжении 1786–1787 гг.²² На страницах газеты можно было прочитать о «бесчеловечном поступке» отряда полковника Робертсона в Виргинии, истребившего индейцев Чикамангского поколения близ озера Тене²³.

Свою расовую политику американское государство закрепило в первых же постановлениях. Наряду с истреблением индейцев «Американские Соединенные Области определили позволять селиться в Америке всем иностранцам, какой бы веры ни были, исключая жидов»²⁴. Как бы в противовес измышлениям американских расистов по поводу индейцев газета Новикова предлагает своим читателям антропологическое описание американцев, как называли тогда обычно индейцев. «Американцы великорослы и имеют прямой стан. Сложение их крепко, но такой крепости, которая способнее к перенесению многих трудностей, нежели к продолжительной рабской работе, скоро их умерщвляющей: они имеют крепость хищных зверей, а не тяглых... Личные черты их правильны, но вид суров. Волосы их длинные, черны, прямы и столь жестки, как лошадиные. Бород они не имеют. Цвет лица их краснотемный. Сей цвет почитается ими за красоту и поддельвается беспрестанным употреблением медвежьего сала и румян»²⁵.

В статье «Об образе правления у Американцев и о гражданском их установлении» газета Новикова писала о свободолюбии индейцев: «Свобода, в полном ее пространстве, есть любимая склонность Американцев, которой они всем жертвуют. Она делает им сносною жизнь сомнительную и бедную, и воспитание их таково, что сия склонность до крайности оным утверждается»²⁶.

²¹ Московские Ведомости. 1786. 7 января. № 2. С. 12–13.

²² Корреспонденции из Америки на эту тему печатались в «Московских Ведомостях» 20 мая, 5 августа, 21 ноября 1786 г., 2 января, 10 марта, 8 мая, 22 декабря 1787 г.

²³ Московские Ведомости. 1787. 18 декабря. № 101. С. 951.

²⁴ Там же. 1786. 23 мая. № 41. С. 409.

²⁵ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 65. С. 489–490.

²⁶ Там же. № 68. С. 516.

«Американцы» для русского читателя XVIII и начала XIX в. — прежде всего индейцы. Самым известным произведением русской литературы XVIII в. об Америке стала комедия «Американцы» (1788), написанная И.А. Крыловым совместно с А.И. Клушиным, где героями выступают индейцы, изображенные согласно просветительской литературной традиции. В раннем стихотворении Пушкина «К Наталье» (1813) индейцы именуются «грубыми американцами». Н.А. Полевой в своем переводе «Легенды о Сонной Лощине» Ирвинга называл старого индейского вождя «старик американец»²⁷. И даже в «Психологических заметках» В.Ф. Одоевского, написанных в 30-е годы и опубликованных в 1843 г., об индейце говорится как об американце, которого человек европейской культуры не в состоянии понять²⁸.

Глубокое осуждение новой, послереволюционной Америки, истребляющей индейцев, дано в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Писатель-революционер рассматривает «заклание индийцов» как начало развития Америки по пути наживы и унижения человеческого достоинства. «Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию»²⁹.

Н.М. Карамзин в «Послании к А.А. Плещееву» (1794) недвусмысленно выразил сложившееся к концу XVIII столетия отношение русской просветительской мысли к современной Америке:

Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;
Индейцев в цепи заключивший
Цепями сам окован был³⁰.

Интерес к Америке был вызван в русском обществе 80–90-х годов XVIII в. событиями американской революции, или, как тогда говорили, отложением «аглинских селений» в Америке от Великобритании. В это время появляется ряд изданий, уделяющих пристальное внимание истории Америки. Русские книгочеи не рас-

²⁷ Московский Телеграф. 1826. Ч. 9. № 11. Отд. II. С. 117.

²⁸ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 223.

²⁹ Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: [в 3 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. I. С. 316.

³⁰ Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 143. В начале XIX в. возобладало сентиментальное изображение индейцев («Сонет одного прокойца, написанный на его природном языке» А.Е. Измайлова).

ставались с 27-томным «Всемирным путешественником» Жозефа де Ла Порты, одним из популярных сочинений того времени, содержащим сведения о всех известных странах и государствах. Книги Ла Порты, неоднократно переиздававшиеся на русском языке, имелись во всех больших библиотеках, собранных в конце XVIII в.

В восьмом томе «Всемирного путешественника», наряду с Канадой, Флоридой и Ямайкой, рассказывалось об английских поселениях в Северной Америке и их культуре, о просветительно-миссионерской деятельности новоанглийского проповедника Джона Элиота (1604–1690), прозванного «апостолом индейцев» за то, что он первым стал обращаться к индейцам на их собственном языке, а затем перевел несколько церковных книг на язык массачусетских индейцев. Сообщалось и о культуре английских колоний в Северной Америке, в частности в Бостоне, население которого достигало в 40-е годы XVIII в., когда писалась книга Ла Порты, 20 тысяч человек: «Находится также в Бостоне пять или шесть типографий, в коих станы всегда заняты печатанием; и два раза в неделю издаются ведомости»³¹.

Выпуская книгу Ла Порты в самый разгар войны в Америке, переводчик Я.И. Булгаков счел нужным пояснить раздел «Аглинские селения» своим собственным примечанием: «Всем известно, что аглинские в Америке селения отложились от Великобритании и усиливаются составить независимую республику: но никто предугадать не в состоянии, чем их война кончится, и в каком они тогда положении останутся, а потому и бесполезно кажется увеличивать сию книгу историею всех нынешних тамо происшествий, пока дело совершенно не решится и не переменит состояния Американских аглинских селений, поставя их на твердом и прочном основании»³².

Другой не менее популярной книгой, содержащей сведения об Америке, была «История о странствиях вообще по всем краям земного круга», принадлежащая автору «Манон Леско» аббату Прево. Сочинение Прево (изданное в Университетской типографии у Н. Новикова в 22 частях в переводе М.И. Веревкина, автора пьесы «Точь в точь» из эпохи пугачёвского восстания) представляет собой целую библиотеку научных знаний того времени. Эти книги, как и

³¹ Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового света... изданное господином аббатом де ла Порт, а на российский язык переведенное с французского. СПб.: Вейтбрехт и Шнор, 1780. Т. 8. С. 241. Переводчиком этого издания, выходившего более 15 лет, был русский дипломат Я.И. Булгаков (1743–1809); несколько томов переведены им в бытность русским посланником в Турции, где его заключили в Семибашенный замок в Константинополе.

³² Там же. С. 300.

составленное П.И. Богдановичем обозрение «О Америке»³³, давали изложение основных известных в Европе исторических, географических и социально-этнографических сведений о стране.

Глава об «аглинских сельбищах» в XIV части «Истории о странствиях» заканчивается прославлением Вашингтона, который «в настоящем столетии... произвел самую знаменитую политическую перемену», и «другого великого мужа, достойного называться Американским Фабиусом», – Франклина. Особенно примечательны рассуждения об итогах и смысле американской революции: «Положительные законы Соединенных Областей Северной Америки, изданные уже на свет, составляют уложение, столь же примечательное в летописях философских, как и произведенная основанием их перемена в летописях же политических. Проявили народное правительство, коего чистее никогда еще не существовало». М.И. Веревкин как бы предоставляет читателю сравнить «демократию» (понятие, переданное им как «народное правительство») с русским самодержавием.

Напечатать в русской книге, что «чистее» Американской республики никогда еще не было другого правления, означало бросить прямой вызов Екатерине II. Однако слово «революция», каким названы в оригинале американские события, в переводе отсутствует. Вместо фразы: «Из революции нередко возникают лучшие законы» – в напечатанном переводе читаем: «Из посреди наисильнейших потрясений областей нередко возникают лучшие законы. Человек, свергая с себя иго, которое находит тягостным, щастливым себя ставит, что мог отважиться на такое усилие»³⁴.

³³ Академические Известия на 1781 год. Ч. 7. Февраль – апрель; Ч. 8. Май – июль. Издание осталось незаконченным. Переиздано в сокращенном виде в качестве приложения «О Америке вообще» к книге Г. Циммермана «Последнее путешествие около света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти. Новое издание с прибавлением подробного описания острова Отаити и обозрения всех вообще американских областей» (СПб.: изд. П. Богдановича, 1788. С. 307–411).

³⁴ История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением через господина Ла-Гарпа члена французской академии, содержащая в себе: достойнейшее примечания, самое полезнейшее и наилучшим доказанное образом, в странах света, до коих достигали европейцы; о нравах оных жителей, о верах, обычаях, науках, художествах, торговле и рукоделиях, с приобщением землеописательных чертежей и изображений вещей любопытных. На российской язык переведена 1782 года Дмитровского уезда в сельце Михалева Михайлом Веревкиным. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1785. Ч. 14. С. 183. Этот том, поступивший в университетскую книжную лавку, рекламировался в «Московских Ведомостях» в течение апреля 1786 г. (№№ 27–29).

Первое оригинальное сочинение о «селениях агличких» в Америке составил литератор и переводчик Дм.М. Ладыгин (Лодыгин). В предуведомлении к своей книге «Известие в Америке о селениях агличких, в том числе ныне под названием Соединенных провинций» автор этой первой русской истории США рассказывает о попытке суммировать различные сведения об Америке, печатавшиеся как в иностранных новейших сочинениях, так и в русских «Ведомостях» – петербургских и московских: «И об Америке есть давно у нас в книгах показание: да не всем читателям ведомостей для справок подручно».

«Известие» Ладыгина написано красочным и своеобразным языком того времени. О Нью-Йорке повествуется: «Ней Юрк, Новый Юрк, страна так нарицаемая близ Новой Англии, найдена сперва Шведскими мореплавателями и населена при их Королеве Кристине, – потом Шведов выгнали Голландцы, а тех выгнали Агличане, и так по себе се проименовали»³⁵. О Филадельфии сообщалось, что там «еще теплее Азова и Астрахани», а из достопримечательностей города упомянута «знатная библиотека с натуральным кабинетом и монет собранием». Автор постоянно сравнивает Северную Америку с Россией и даже предлагает свое средство от американских мух, «называемых мускиты»: «Дегтю бы нашего березового или ныне ославленного мыла дегтярного туда отведать в посылку»³⁶.

В большинстве своем книги об Америке, появлявшиеся в России, были переводными. В типографии Новикова издана в переводе с немецкого книга Фридриха Вильгельма Таубе «История о аглинской торговле...» (1783), программный подзаголовок которой выражал отношение просветителей к революционной войне американского народа: «...с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» (немецкое издание книги Таубе вышло в Лейпциге в 1776 г.). В 1790 г. в переводе И.И. Ливотова, автора работ по сельскому хозяйству, в Петербурге вышла «Сокращенная аглинская история от древнейших до нынешних времен, сочиненная г. Купером». К книге В.Д. Купера приложено «Описание войны Англии с Соединенными Американскими областями», дающее очерк истории этой войны вплоть до заключения в 1783 г. Парижского мирного договора.

³⁵ Известие в Америке о селениях агличких, в том числе ныне под названием Соединенных провинций, выбрано перечнем из новейших о том пространно сочинителей. СПб.: тип. Морск. кад. корпуса, 1783. С. 12.

³⁶ Там же. С. 15. Д.М. Ладыгин – автор нескольких книг о мыловарении и изобретенном им новом способе варения мыла.

Среди книг, которые возил «с собой в дорогу» (VI, 438) пушкинский Евгений Онегин, была «История о Америке» В. Робертсона, первый том которой появился по-русски в начале 1784 г.³⁷ Книга Робертсона заслуживает особого внимания, ибо по ней изучали историю Америки Радищев и декабристы (П.И. Пестель); она стала для современников символом свободолюбивого духа американской революции³⁸. Побывав в России и узнав «об открытиях Россиян в преплавании их из Камчатки к берегам Америки»³⁹, Робертсон намеревался ввести эти сведения в свой оставшийся незавершенным труд.

В новиковских «Московских Ведомостях» рекламировалась книга Иоахима Кампе «Открытие Америки», выпущенная для «приятного и полезного чтения» детям и юношеству и написанная в увлекательной форме беседы отца с детьми. «Кампе, прославившийся в Германии сочинениями своими до воспитания детей, – писала газета Новикова, – предлагает в сем своем сочинении, на российский язык переведенном и одобряемом нами, младым нашим соотечественникам всю историю открытия Америки, или Нового Света, почерпнутую им из достоверных источников и очищенную от всего того, что имело в себе вид романтический и неправдоподобный»⁴⁰.

В 1795 г. в типографии Московского университета вышел перевод книги известного путешественника по Северной Америке Джонатана Карвера, выдержавшей многочисленные переиздания на английском, французском и немецком языках⁴¹. Описывая жизнь американских индейцев, их нравы и обычаи, образ правления, религию, обряды, игры, «способ, каким индейцы ведут войну», и

³⁷ «СПб. Ведомости» 13 февраля 1784 г. сообщили, что книга В. Робертсона поступила в книжную лавку имп. Академии наук.

³⁸ В 1824 г. А. Свистовский перевел «Историю Америки» Робертсона «с американского», рукопись проходила через Московский цензурный комитет (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 9. № 52, 147 и 196), однако в свет не вышла. Декабрист В.С. Толстой в своих показаниях следственному комитету писал, что «заимствовал подобный образ мыслей в чтении Истории Робинсонова о Соединенных Штатах Америки» (Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1979. Т. XV. С. 243).

³⁹ Робертсон В. История о Америке / пер. с аглинского <А.И. Лушков>. СПб.: Акад. наук, 1784. Ч. I. С. VII–VIII.

⁴⁰ Московские Ведомости. 1788. 17 июня. № 49. С. 461. Многочисленные русские переводы книг выдающегося немецкого демократического публициста и педагога И.Г. Кампе (1746–1818), избранного почетным гражданином Французской Республики, были весьма популярны в России конца XVIII в.

⁴¹ Carver J. Travels Through the Interior Parts of North America, in the Years 1766, 1767 and 1768. London: Walter, 1778.

«способ, каким у индейцев заключается мир», автор приводит в качестве примера индейского фольклора перевод песни, которую индейцы поют при начале охоты. Это первый известный нам образец индейского фольклора на русском языке: «Я встану до восхождения солнца и взойду на тот холм, чтобы видеть, как новый свет прогоняет пары и истребляет облака. Великий Дух, даруй мне счастье! а когда солнца не будет, даруй мне, о луна, достаточный свет, чтоб я мог безопасно, обремененный дичиной, возвратиться в свою палатку»⁴². Отмечалась также музыкальность языка индейцев, у которых почти каждое слово кончается гласной.

Что касается переводческого уровня этих и подобных им книг, то его кратко и выразительно охарактеризовал еще Пушкин, сказавший, что мы узнаем судьбы земли «в переводах одичалых» (VI, 583). Эти издания, отражавшие уровень «дохудожественного» перевода, сыграли тем не менее немалую роль в знакомстве русских читателей с историей и культурой Америки.

* * *

Статьи об Америке в русской прессе XVIII в., и прежде всего в новиковских «Московских Ведомостях», представляют собой факт литературной истории. Как известно, понятие «литературная история» шире понятия «история литературы» и предполагает рассмотрение литературы в контексте проблем истории и общественной мысли того времени. Перед нами интересная и еще малоизученная страница русско-американских литературных связей⁴³. В течение целого десятилетия американская революция была в центре внимания русских просветителей, рассматривалась как самое важное событие мировой истории, сведения о котором определяли во многом лицо выпускавшейся Н.И. Новиковым газеты. «Объявление независимости соединенных Северо-Американских областей принадлежит к самоважнейшим приключениям нашего

⁴² Достопамятнейшия приключения, взятая из Путешествий Иогана Карвера по внутренним странам Северной Америки // Собрание любопытных и соответственно юношескому возрасту сочиненных путешествий, изданное г. Кампе. М.: Унив. тип., 1795. Ч. 2. С. 396.

⁴³ Первая попытка анализа американского материала в «Московских Ведомостях» за 1779–1783 гг. с точки зрения историка предпринята в статье М.Н. Шпрыговой «Война Америки за независимость в освещении “Московских ведомостей” Н.И. Новикова» (Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 3. С. 74–89).

века, толь обильного достопамятными переменаами»⁴⁴, – утверждалось в «Прибавлении к “Московским Ведомостям”», своеобразном общественно-политическом журнале.

Лишь Великая французская революция обозначила конец периода исключительного и ни с чем не сравнимого интереса к «американским делам» в русской демократической прессе.

«Московские Ведомости» в десятилетие, когда их редактором был выдающийся писатель-просветитель и журналист Н.И. Новиков (с 1 мая 1779 г. до 1 мая 1789 г.), содержат ценнейший материал русской публицистики.

Значение раздела «Америка» в газете Новикова, информировавшей русских читателей о политической, общественной, экономической и культурной жизни возникающего государства, можно по-настоящему понять и оценить лишь в сравнении с тем, что было известно читателям того времени об «аглинских селениях» в Америке. Переводные сочинения на эту тему, печатавшиеся в журналах и выходившие отдельными изданиями (упоминавшиеся уже книги Ла Порта, В.Д. Купера, И. Кампе и др.), не идут ни в какое сравнение с живым и обстоятельным репортажем, который из номера в номер вел Новиков в газете, выходившей по средам и субботам.

В годы американской революции в «Московских Ведомостях» выработался жанр небольшого публицистического репортажа, военного очерка, повествующего, в частности, о трудностях и успехах суровой борьбы революционной армии Вашингтона против англичан и гессенских наемников. Специфическая черта этого нового жанра – умение на основе конкретных и повседневных фактов, далеко не всегда благоприятных для американских революционеров, вызвать симпатии и сочувствие читателя к делу борьбы за свободу.

Читающая Россия была обязана Новикову тем, что он стал систематически печатать известия об Америке, полученные не только из Лондона и Парижа, как делали другие издатели, но и из самой Америки. Нетрудно понять, что осуществить подобное начинание двести лет назад, когда газета не имела «собственного корреспондента» в Нью-Йорке или Вашингтоне (да и на месте будущей столицы США еще простирались болота и леса), было неимоверно трудно. Редкие письма Ф.В. Каржавина, первого русского писателя, находившегося в Америке в годы революции, не могли, конечно, даже если некоторые из них и печатались анонимно в «Прибавлениях к “Московским Ведомостям”», разрешить задачу

⁴⁴ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 39. С. 306.

постоянной и систематической информации о событиях в Соединенных Штатах. Источники здесь, помимо иностранных газет и журналов, были самые разнообразные – от жившего в Париже Франклина, на которого нередко ссылалась газета, до приезжих американцев, о прибытии и отъезде которых изредка сообщалось в газете. Как бы то ни было, публицистическая хроника американской революции, печатавшаяся в «Московских Ведомостях», остается выдающимся и еще недостаточно исследованным документом русской литературы конца 70-х – начала 80-х годов XVIII в.

События американской войны за независимость привлекли внимание русских читателей еще в «доновиковский» период «Московских Ведомостей». О битве при Конкорде 19 апреля 1775 г., ознаменовавшей начало вооруженной борьбы американского народа, сообщалось из Лондона от 29 мая: «С прибывшим вчера сюда из Америки от генерала Гажа <Гейджа> нарочным получено известие, что вражда между королевским войском и Бостонскими жителями напоследок дошла действительно до неприятельских действий. Для овладения некоторою артиллериею, которую тамошние жители поставили неподалеку от местечка Конкорды... послан был, как в присланном объявлении показано, деташамент под предводительством полковника Шмита, состоящий от 800 до 900 человек, которой сперва встретили сто человек тамошней ландмилиции. Деташамент оный сначала их уговаривал, чтобы они разошлись добровольно: но как Американцы в том оного не послушались, то королевское войско по них выстрелило... В том же объявлении упоминается еще, что народ со всех сторон сбегался в Бостон, и оказался повсюду ужас гражданской войны»⁴⁵.

По прошествии года в России читали удивительные известия о событиях в «аглинских селениях» Северной Америки. «Санкт-Петербургские Ведомости» сообщали со ссылкой на Лондон о провозглашении независимости «Соединенных селений», как именовались у нас поначалу Соединенные Штаты. «В Глазгов, что в Шотландии, прибыл из Виргинии... корабль, на котором приехали и разные из Америки люди, – писала официальная правительственная газета. – Они объявляют, что Филадельфийский Конгресс объявил тринадцать Селений вступивших в союз независимыми, и дело производится теперь всеми Генеральными в разных Провинциях собраниями... Земли всех тех, которые не хотят еще от Вели-

⁴⁵ Московские Ведомости. 1775. 30 июня. № 52 (без пагинации).

кобритании отложиться, конфискуются; и они должны из Селений удаляться: причем также взяты под стражу, как предатели Американской вольности, некоторые Аглинского правления доброжелатели, которых письма мятежниками переняты»⁴⁶.

Новость была столь необычна, что журнал Академии наук, печатавший политические известия, сообщил о ней осторожно – как о создании новой организации: «Конгресс учредил ныне особый военный орден, под именем Ордена независимости. Оный состоит из президента Ордена, Иона Ганкока и 24-х кавалеров, в числе коих находятся и мятежнические предводители Васгингтон, Путнам и Востер» (Дэвид Вустер)⁴⁷. И только в следующем номере журнала было сказано о «ясном объявлении от Конгресса», провозгласившего независимость американцев от Англии.

30 августа 1776 г. «Московские Ведомости» повторили известие о том, что «Филадельфийский конгресс 13 соединенных селений объявил независящими от Великобритании», а в декабре того же года «Санкт-Петербургские Ведомости» поместили сообщение из Парижа от 9 декабря о том, что вблизи Нанта стал на якорь американский капер «о шестнадцати пушках», взявший на пути своем в плен два английских судна. «На капере сем находится славный Доктор Франклин с двумя своими внуками... Он говорит, что Англия не может уже теперь покорить мятежных Селений... Должно думать, – заключает репортер, – что он имеет важный предмет в своем путешествии»⁴⁸. С этих пор имя Франклина в русской печати неразрывно связано с судьбами американской революции.

«Санкт-Петербургские Ведомости», перепечатававшие большинство сообщений об Америке из английских газет, занимали проанглийскую позицию, присущую определенным правительственным кругам в Петербурге. Совершенно иное, подчас восторженное отношение к делу американской свободы встречаем мы у Н.И. Новикова. Три его периодических издания («Московские Ведомости», журналы «Прибавление к “Московским Ведомостям”» и «Московское Ежемесячное Издание») постоянно давали широкую информацию о политических событиях в Америке.

Русская демократическая общественность, особенно молодежь, с волнением следила за развитием борьбы в далекой и неиз-

⁴⁶ СПб. Ведомости. 1776. 23 августа. № 68 (без пагинации).

⁴⁷ Собрание Разных Сочинений и Новостей. Ежемесячное издание. 1776. Сентябрь. С. 28.

⁴⁸ СПб. Ведомости. 1776. 27 декабря. № 104.

вестной еще Америке. Общество разделилось на сочувствующих американцам и на тех, кто держал сторону английского короля. Н.М. Карамзин вспоминал, что в годы учения в частном пансионе профессора Московского университета Шадена его симпатии были еще целиком на стороне англичан: «С каким восторгом, будучи пансионером профессора Ш*, читал я во время американской войны донесения торжествующих британских адмиралов! Родней, Гоу не сходили у меня с языка; я праздновал победы их и звал к себе в гости маленьких соучеников моих»⁴⁹. С годами, как признается писатель, его симпатии к англичанам, порожденные чтением романов, заметно поостыли, и он не без иронии вспоминает в «Письмах русского путешественника» свое юношеское англофильство.

В первый год, когда Новиков стал издателем «Московских Ведомостей», отношение газеты к американским событиям не было еще самостоятельным и большей частью основывалось на сообщениях из Лондона. Лишь со временем Новиков вырабатывает собственный взгляд на войну в Америке и начинает опираться на сведения из Соединенных Штатов. Первое известие непосредственно из Америки появилось в его газете 17 июля 1779 г. Из Бостона от 26 апреля сообщалось об успехе американцев на море и захвате кораблей, снабжавших продовольствием английские войска в Джорджии. «Сего месяца один корабль наш привел сюда Аглинского капера, с которым получили мы известие, что небольшой флот господина Гопкинса, из четырех фрегат только состоящий, взял десять Аглинских кораблей, кои в Новом-Йорке нагружены были съестными припасами для находящихся войск в Георгии... Потеряние сих кораблей тем чувствительнее должно быть для Англии, что войска ее в Георгии находящиеся превеликий терпят недостаток в съестных припасах»⁵⁰. Позднее, в номере от 10 августа (№ 64), то же самое было подтверждено Франклином из Парижа.

Следует отметить, что первые сообщения в новиковских «Московских Ведомостях» из Америки печатались как самые важные, на первой полосе, раньше всех иных иностранных известий. Несомненно, издатель придавал им исключительное значение, вынося нередко и в дальнейшем вести из Америки на первую полосу.

Из Англии поступали сведения, что в американском войске «по причине недостатка в деньгах и в съестных припасах происходит великое смятение». Лондон рисовал картину мятежной Аме-

⁴⁹ Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. I. С. 589.

⁵⁰ Московские Ведомости. 1779. 17 июля. № 57.

рики в самых мрачных тонах. «Описать не можно, – сообщалось из столицы Англии, – в каком жалком состоянии находится теперь провинция Пенсилвания; да и в прочих провинциях ничего, кроме стенания и жалоб против Конгресса, не слышно»⁵¹. Особенно муссировались в английских газетах слухи, что американский народ «желает возвратиться под покров Англии»⁵².

Среди героев американской войны за независимость наряду с Вашингтоном и Франклином большой популярностью пользовался в России американский флотоводец Поль Джонс, перешедший после окончания войны на русскую службу (1788–1789) и оставивший по себе память в истории не только русского флота, но и русской литературы. О нем в России вспомнили в начале 1830-х годов в связи с переводом романа Купера «Лоцман».

«Московские Ведомости» подробно информировали о выигранной Джонсом, или Павлом Ионесом (Паулем Жонсом), как его тогда называли, знаменитой морской баталии, происшедшей 23 сентября 1779 г. и считающейся датой рождения американского военного флота. «Малая Американская эскадра, состоящая из 7 кораблей и 1600 человек, на сих днях вышла отсюда в море, – писали из французского порта Лорьяна 19 августа, – под командою коммодора Ионеса и под прикрытием фрегата “Ле Боном Ришар” о двадцати двух пушках. Вскоре ожидают известия о предприятии сей эскадры, ибо капитан Ионес об Аглинских и Ирландских берегах весьма сведущ»⁵³.

Из Лондона встревоженно писали: «На сих днях получили мы еще неприятное известие, а именно: что известный капитан Американский Пауль Жонес в последних числах прошедшего августа месяца показался с эскадрою, из шести Американских кораблей состоящею, на Ирландских берегах»⁵⁴. И, как нередко случается, известию о поражении предшествовал слух о победе. 24 сентября из Лондона сообщали: «Вчера пронесся здесь слух... что вся эскадра Американского адмирала Павла Ионеса двумя нашими военными кораблями и двумя фрегатами истреблена... корабль, на котором сам Ионес находится, потоплен во время сражения»⁵⁵. Однако на следующий день из Гуллы пришло известие о том, что же произошло на самом деле: «Фрегат “Серапис” и воору-

⁵¹ Московские Ведомости. 1779. 31 июля. № 61.

⁵² Там же. 1779. 24 августа. № 68.

⁵³ Там же. 1779. 28 сентября. № 78.

⁵⁴ Там же. 1779. 5 октября. № 80.

⁵⁵ Там же. 1779. 19 октября. № 84.

женное судно “Контесса оф Скарборуг”, провожавшие купеческий наш флот из Балтийского моря, были встречены между Фламбург-Геадом <мыс Фламборо-Хед> и Скарборугом <Скарборо> эскадрой Павла Ионеса. По жестоком сражении оба судна наши должны были сдаться... Павел Ионес разбил еще 19 других судов, из коих часть взял, а другую потопил»⁵⁶. Неделию спустя из Лондона сообщалось, что жители северных районов Англии приведены в страх известным Павлом Ионесом, «который мог бы Лейт <Лит, порт Эдинбурга>, Гуль и другие места обратить в пепел, получил, сказывают, от Доктора Франклина повеление таковых опустошений не делать»⁵⁷.

Вскоре «Московские Ведомости» опубликовали сделанное Полем Джонсом обстоятельное описание сражения его корабля «Ле Бон Омм Ришард» (носившего название прославленной книги Франклина «Бедный Ричард») с английскими кораблями. Даже в русском переводе того времени этот очерк передает живой и напряженный стиль рассказа американского моряка⁵⁸.

С этих пор имя Павла Ионеса стало хорошо известно русским читателям. Оно постоянно мелькает в «Московских Ведомостях» в сообщениях из Парижа, Лондона, Амстердама, Америки⁵⁹.

Среди «знатнейших приключений» 1779 г. «Московские Ведомости» отмечали возвращение с победой Поля Джонса 5 октября к берегам Голландии⁶⁰. В хронике из Парижа от 1 мая 1780 г. извещалось, что «Павел Ионес в четверток был на Италианской комедии, где его, так же как и в Опере, приняли зрители с рукоплесканиями. Он живет у господина Адамса, министра Американских селений»⁶¹. В октябре 1781 г. Америка чествовала Поля Джонса. «Московские Ведомости» сообщали, что американский конгресс «издал два определения, из коих в первом отдает ему яко капитану флота Союзных Американских Областей должную справедливость, похваляя отличную его храбрость, особливо же при

⁵⁶ Московские Ведомости. 1779. 30 октября. № 87.

⁵⁷ Там же. 1779. 2 ноября. № 88.

⁵⁸ Там же. 1779. 27 ноября. № 95.

⁵⁹ Газета писала о Павле Ионесе столь часто, что трудно перечислить все упоминания. Отметим наиболее характерные: 1779. № 92, 93, 97, 102; 1780. № 11. С. 84; № 14. С. 107; № 15. С. 115; № 40. С. 316; № 45. С. 358; № 46. С. 364; № 48. С. 382; № 63. С. 511; № 71. С. 576; № 81. С. 654; № 85. С. 689; 1781. № 6. С. 43, 46; № 15. С. 114; 1782. № 3. С. 22; № 47. С. 375; № 53. С. 422; № 92. С. 731; 1784. № 9. С. 76; 1785. № 40. С. 505.

⁶⁰ Московские Ведомости. 1780. 22 января. № 7. С. 55.

⁶¹ Там же. 1780. 23 мая. № 42. С. 333.

славно одержанной им у Аглинских берегов победе над военным британским кораблем “Сераписом”»⁶².

Одно из последних сообщений о Джонсе в «Московских Ведомостях» касалось планов русской экспедиции, которую думал осуществить американский мореплаватель. «Говорят, что прославившийся во время войны между Англиею и Америкою Павел Ионес приготовляет в л’Ориенте <Лорьяне> собственным своим иждивением три корабля, с которыми думает отправиться к Камчатским берегам для заведения там новых мягкою рухлядью торгов»⁶³. Однако планам предприимчивого американца о заведении пушного промысла на камчатских берегах не было суждено осуществиться.

«Московские Ведомости» печатали официальные документы американского конгресса и сводки с театра военных действий в Америке. «Из Америки уведомляют, – писала газета осенью 1780 г., – что Конгресс ныне снова вознамерился не заключать мира с Англиею до тех пор, пока Америка не признана будет независимой»⁶⁴. Из Англии шли слухи самые противоречивые. «Некоторые утверждают, что все войска вызваны будут из Америки и что война с Американцами на несколько времени прекратится. Другие же говорят, что отсюда для усиления армии генерала Клинтона отправлено будет 16 тысяч человек войска»⁶⁵. Описывая военные действия осенью 1780 г., газета заключает: «Полученные здесь из Америки известия противоречат между собою... Восточные ветры суть без сомнения причиною тому, что мы не получили точнейших о сем известий»⁶⁶.

Публикуя из номера в номер сводки военных действий в Америке, сообщения из Филадельфии, Балтимора и других американских городов, «Московские Ведомости» особое внимание уделяли вопросу о замирении, надеждам и планам английского правительства. 12 декабря 1780 г. из Лондона писали: «Здесь говорят о новом плане примирения с Америкою, по которому селения сами на себя будут налагать подати»⁶⁷. Из Парижа вести были менее оптимистичны: «Ныне исчезли уже опять все слухи о мире, ибо Англия без того не хочет заключать мира, пока Американцы не

⁶² Московские Ведомости. 1782. 16 февраля. № 14. С. 110.

⁶³ Там же. 1785. 3 декабря. № 97. С. 1034.

⁶⁴ Там же. 1780. 3 октября. № 80. С. 643.

⁶⁵ Там же. 1780. 31 октября. № 88. С. 711.

⁶⁶ Там же. 1781. 2 января. № 1. С. 3.

⁶⁷ Там же. С. 5.

возвратятся под Великобританское подданство; и потому успех оружия в нынешнюю кампанию решит продолжение войны»⁶⁸.

Сведения из Америки звучали совсем иначе, чем из Англии. «Образ правления, который отложившиеся от Англии соединенные Американские провинции восприняли, день ото дня получает более твердости»⁶⁹, – писали из Бостона 4 ноября 1780 г. По мере успехов американской революции рубрика «Америка» встречается в газете все чаще. Иногда известия о войне даются только из Америки.

Немало сведений о войне печаталось со ссылкой на Париж. Газета поместила «Письмо генерала Грена» (Натаниела Грина) от 16 марта 1781 г., в котором, несмотря на признание успехов армии англичан, выражалась уверенность в победе американцев. Слова талантливого военачальника армии повстанцев, выходца из низов, бывшего кузнеца, звучали призывом ко всему американскому народу: «Твердость наших офицеров и солдат беспримерны. Невзирая ни на какие трудности, они оказали столько храбрости и мужества, сколько от лучших воинов ожидать можно»⁷⁰.

Напротив, известия из Лондона выдавали чаемое за действительное: «В письмах из Нового-Йорка от 28 мая пишут, что в Конгрессе владевает ныне величайшее смятение и уныние... Думают, что ежели обнародовано будет прощение предводителям мятежников, то Конгресс воспользуется оным. Американцы весьма скучают уже войною, и генерал Васгингтон хочет сложить с себя командование армиею»⁷¹. В английских газетах особенно подчеркивалась измена американского генерала Арнолда, перешедшего на сторону англичан⁷².

Вместе с тем в газете Новикова появлялись довольно интересные очерки военных действий в Америке – яркие образцы военной публицистики XVIII в. Таковы статьи «Из Шарлестовна» (т.е. Чарлстона)⁷³ и очерк о победе генерала Грина над англичанами, присланный из Филадельфии⁷⁴.

Как сообщалось из Филадельфии от 6 декабря 1780 г., американский конгресс получил известие о «вооруженном нейтралитете» России и изъявил «глубочайшее свое почтение» этим акциям, а также

⁶⁸ Московские Ведомости. 1781. 24 апреля. № 33. С. 262.

⁶⁹ Там же. 1781. 1 мая. № 35. С. 278.

⁷⁰ Там же. 1781. 12 июня. № 47. С. 375.

⁷¹ Там же. 1781. 24 июля. № 59. С. 469.

⁷² Там же. 1780. 12 декабря. № 100; 1781. 16 января. № 5; 10 февраля. № 12 и др.

⁷³ Там же. 1781. 20 февраля. № 15. С. 119–120.

⁷⁴ Там же. 1782. 1 января. № 1. С. 5.

«усердие свое споспешествовать оным»⁷⁵. В том же номере газеты были опубликованы краткие сведения о Вашингтоне и других американских военачальниках. Так был сделан первый шаг к знакомству двух государств, причем русская печать, как и в дальнейшем, выступила более активной стороной в этом двустороннем процессе.

Известия о войне в Америке, получаемые «Московскими Ведомостями» из Парижа, обычно исходили от Б. Франклина. Когда в начале 1781 г. в Пенсильвании произошло возмущение в войсках Вашингтона в связи с недостатком продовольствия и финансовыми трудностями, газета не скрыла от читателей этого факта, но дала ему свою интерпретацию, основываясь на информации, полученной от Франклина. Иногда газета Новикова прямо сообщала: «Доктор Франклин получил с прибывшим в л'Ориент из Филадельфии кораблем известие, что возмущившиеся войска из Васгингтоновой армии опять с нею соединились и что маркиз де ла Файетт немало способствовал к примирению их»⁷⁶. Или, напротив, объясняла отсутствие ожидаемых новостей тем, что «Доктор Франклин не получал еще никакого известия о сражении, происходившем между маркизом Ноальем и одним передовым корпусом Агличан при Новом-Йорке»⁷⁷.

Можно предположить, что газета Новикова черпала сведения со ссылкой на Франклина не только из французских газет, но и имела непосредственные контакты с ним самим через русских, живших в Париже и встречавшихся там, подобно Д.И. Фонвизину, с Франклином. «Уверяют, что Доктор Франклин получил известие, что американский генерал Грен 8 октября 1200 человек Агличан частью убил, частью же в полон взял»⁷⁸, – писали «Московские Ведомости». Даже когда вести от «славного Доктора Франклина» не содержали в себе конкретной информации, Новиков считал своим приятным долгом напомнить о нем русскому читателю: «Доктор Франклин на сих днях получил письма из Америки с прибывшим в л'Ориент 9 числа сего месяца <сентября> судном, которыми он, по-видимому, весьма доволен»⁷⁹.

Между тем в известиях из Америки военные успехи американцев представлялись все более и более внушительными. Из Хартфорда в Коннектикуте сообщалось о торжественной встрече там

⁷⁵ Московские Ведомости. 1781. 6 марта. № 19. С. 151.

⁷⁶ Там же. 1781. 31 марта. № 26. С. 206.

⁷⁷ Там же. 1781. 30 июня. № 52. С. 414.

⁷⁸ Там же. 1781. 22 декабря. № 102. С. 815.

⁷⁹ Там же. 1781. 9 октября. № 81. С. 643.

Вашингтона и командующего французской армией графа Рошамбо, о подготовке совместных действий американских и французских сил «противу общего их неприятеля»⁸⁰. Из Филадельфии 8 июня 1781 г. писали: «Теперь ясно видеть можно, что Англичане во всей округности 13 Американских областей ни чем больше не владеют, кроме тех мест, где армии их силою утвердятся»⁸¹.

Разгром английской армии под Йорктауном 19 октября 1781 г. означал окончательную победу американцев в войне за свою независимость. Уже 27 октября в «Московских Ведомостях» появилось название Йорктовна, где «занял пост» английский лорд Корнваллис со своей армией. 26 октября из Лондона распространились слухи (преждевременные, ибо никакой корабль не мог тогда за неделю пересечь Атлантику – путешествие через океан длилось около месяца), «будто бы лорд Корнваллис разбит и сам лишился жизни»⁸². И только 15 декабря Москва получила «радостное и важное известие» из «Версалии» от 19 ноября о том, что «Аглинский лорд Корнваллис с армиею своею в Виргинии сдался военнопленным французским и американским соединенным силам»⁸³. В том же номере газеты, где сообщалось о капитуляции Корнваллиса, означавшей конец военных действий в Америке, было напечатано решение английского военного совета от 18 ноября, которое могло восприниматься после сдачи Корнваллиса лишь иронически: «Идти на помощь к лорду Корнваллису во что бы то ни стало, и 19 числа весь флот наш вышел в море».

В Лондоне узнали о разгроме Корнваллиса только 27 ноября. «Беспокойство, которое мы давно имели о судьбе лорда Корнваллиса в Виргинии, ныне уже совершилось... Двор наш получил еще подтверждение сего неприятного известия через Францию»⁸⁴, – начиналась корреспонденция из Англии. Это означало потерю американских колоний, хотя Лондон долго еще не желал примириться с подобной мыслью. «При неудовольствиях и роптаниях, происходящих от последования нещастий при Американских островах наших, мы ласкаемся надеждою, – сообщалось из Лондона, – что многочисленные новые силы, кои отправляются туда с адмиралом Роднеем,

⁸⁰ Московские Ведомости. 1781. 14 августа. № 65. С. 518.

⁸¹ Там же. 1781. 18 августа. № 66. С. 526.

⁸² Там же. 1781. 27 ноября. № 95. С. 755.

⁸³ Там же. 1781. 15 декабря. № 100. С. 797.

⁸⁴ Там же. 1781. 22 декабря. № 102. С. 812–813.

дадут другой образ тамошнему дел наших положению»⁸⁵. Однако «ласкаться надеждою» было уже бесполезно.

Из Америки приходили иные известия:

«С того времени, как лорд Корнваллис принужден был сдать-ся в Йорктовне, царствует между всеми классами жителей спокойствие и ревность к общей пользе, что, конечно, будет иметь щастливейшие следствия»⁸⁶. Надежды Англии на заключение сепаратного мира с Америкой не оправдались. Как извещали «Московские Ведомости», Франклин и Дж. Адамс отвергли сделанные Англией предложения об «особенном мире» в обход Франции⁸⁷. Англия была поставлена перед необходимостью признать потерю Соединенных Штатов без всяких условий и ограничений.

Осенью 1782 г. Новиков публикует в своей газете аллегорическую басню «Синица на воле», «касающуюся до Англии и до прежде бывших ее Американских Селений». Издатель газеты пишет, что басня «показалась нам столь хорошею и столь замысловатого сравнения, что мы не могли лишиться себя удовольствия поместить ее здесь», ссылаясь на то, что она выписана из одного французского журнала.

Сюжет басни довольно прост. Прекрасная синица, вывезенная из Канады, попала в неволю к знатной госпоже. Однажды она улетела и села на дерево. Слуги безуспешно пытались поймать ее сетью, тогда как благоразумнейшие говорили: ««Напрасный труд! птица потеряна!» Тогда госпожа сказала своим людям: “Постарайтесь ее уговорить, а я даю ей мое слово, что я отпущу ее на волю”. — “Я имею уже то, — отвечала птица, — что госпожа ваша мне только еще обещает... Какая мне нужда в ее благодеяниях? Пользуйтесь вы ими, это ваша участь мучиться под ее властью, а я наслаждаюсь независимостию!” Виват, синицы! Они, один раз вырвавшись из своей клетки, никогда в оную не возвращаются»⁸⁸.

Смысл басни становится понятен в свете тех переговоров о мире, которые велись между Англией и США. Незадолго перед тем «Московские Ведомости» сообщали: «Доктор Франклин в Париже отвечивал, сказывают, когда ему объявлено было, что Великобритания намерена объявить Америку независимую так же,

⁸⁵ Московские Ведомости. 1782. 9 февраля. № 12. С. 94.

⁸⁶ Там же. 1782. 30 марта. № 26. С. 207.

⁸⁷ Там же. 1782. 8 июня. № 46. С. 366.

⁸⁸ Там же. 1782. 10 сентября. № 73. С. 578. Некоторые исследователи (М.Н. Шпрыгова, Н.Н. Болховитинов) ошибочно называют басню «Синица на поле», не принимая во внимание, что в газете часто применялся графический вариант буквы «в» — буква «п» (даже в заглавии газеты).

как и Ирландия объявлена теперь независимую от Аглинского парламента, и что она будет иметь своего Вице-роя: “Агличане не знают еще мыслей Американцев, ибо когда они отрелись от повиновения самому государю и свергнули с себя иго рабства, то как можно ожидать, что они будут повиноваться его депутату?”⁸⁹ Английский вице-король для Америки – это одна из уловок, чтобы заманить вырвавшуюся на свободу синицу снова в клетку.

Басня о вольнолюбивой птице не могла не вызывать у русского читателя различных ассоциаций с русской действительностью («замысловатого сравнения», как говорил Новиков). Издатель газеты, которого так невзлюбила Екатерина II, писал для мыслящего читателя. Рассуждения об американской революции, выдававшиеся за присланные из Англии, заставляли задумываться о судьбах России. «Пример Американцев начинает прельщать и наши селения, где уже с некоторого времени происходят смутения. Опасно, чтоб сие рано или поздно не принесло опасных следствий между такими людьми, кои от природы, под каким бы то ни было образом правления, жить могут»⁹⁰. Всем была еще памятна крестьянская война под предводительством Пугачёва, и реальных оснований для опасений было вполне достаточно.

1783 год был ознаменован победоносным завершением американской революции. Из Филадельфии писали 10 апреля: «Все здесь упоены еще радостью о мире, открывающем нам приятнейшую дальновидность... Корабли наши будут ходить во все, даже и самые отдаленнейшие от нас, гавани»⁹¹. Ссылаясь на известия, полученные с пришедшим из Нью-Йорка в Англию кораблем, газета Новикова сообщала, что «рассеянные здесь недоброжелателями Америке слухи, будто бы в Соединенных Областях везде примечаются замешательство и безвластие, суть совершенно неосновательны. Напротив того, они находятся теперь в таком цветущем состоянии, какого не можно было ожидать после толь продолжительной и кровопролитной войны. В Новом Йорке делаются великие приготовления к празднованию мира, которое генерал Васингтон намерен отправлять там торжественнейшим образом»⁹².

Газета Новикова нередко прибегала к своеобразной форме публикаций – «Перечня писем» из Америки или об Америке. Этот

⁸⁹ Московские Ведомости. 1782. 13 июля. № 56. С. 445.

⁹⁰ Там же. 1780. 16 мая. № 40. С. 316.

⁹¹ Там же. 1783. 24 июня. № 50. С. 395.

⁹² Там же. 1784. 27 генваря. № 8. С. 65.

эпистолярно-публицистический жанр, основанный на изложении действительных или составленных издателем писем, позволял дать оценку происходящим событиям. Важнейшей темой, к которой острожно, но настойчиво обращался Новиков, был вопрос о народной революции и ее вождях. И американская революция давала конкретно-исторический пример успешного решения этой проблемы.

В статье «Краткое описание жизни и характера Вашингтона» говорится об исторических заслугах главнокомандующего американской армией: «Он основал республику, которая, вероятно, будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом»⁹³. Наиболее развернутая характеристика роли Дж. Вашингтона, который «весьма нужен был для воследовавшей в Америке перемены», дана в «Московских Ведомостях» 2 сентября 1783 г. Историческая прозорливость суждений и глубина социально-политического анализа заставляют нас вновь привести это высказывание, на которое уже обращалось внимание литературоведов и историков (Г.П. Макогоненко, Н.Н. Болховитинов). «Когда народ возмущается и выбирает себе предводителей, которые не питают в себе того же духа вольности, коим он оживлен, то они пользуются сим случаем для угнетения его, и тогда он переменяет только цепи, нимало не облегчающие его неволю... Но когда народ и его предводители ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями, то первое волнение содействует совершенную перемену; в таком случае целая нация составляет одну глыбу, которая подавляет все своею тяжестью и величиною, которым ничто сопротиву стать не может»⁹⁴.

С восторгом писала газета о новом типе народной армии в США. «Число всех американских регулярных войск простираться будет не более 800 человек. Вот экономическое и благоразумное распоряжение! Содержать в такой земле, которая простирается на 1500 аглинских миль, регулярную армию, состоящую из 800 человек! – Между тем всякий гражданин там бывает в случае нужды солдатом, а чрез то самое сберегаются издержки, потребные на содержание большой регулярной армии»⁹⁵.

⁹³ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 47. С. 372. Высказанное Л.Б. Светловым предположение о принадлежности этой и некоторых других статей об Америке в «Прибавлениях» за 1784 г. Ф.В. Каржавину (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. № 6. С. 517–528) не подтверждается ни биографическими фактами, ни стилистическим анализом текстов, весьма далеких от повествовательной манеры Каржавина.

⁹⁴ Московские Ведомости. 1783. 2 сентября. № 70. С. 557.

⁹⁵ Там же. 1784. 31 января. № 9. С. 75.

На 1783–1784 гг. приходится большинство статей и заметок об Америке в «Московских Ведомостях» и в «Прибавлениях» к ним. Сначала в «Прибавлениях» печатались материалы о торговле европейцев с Америкой и об их владениях в Новом Свете⁹⁶. Позднее, в 1784 г., журнал дает уже целую серию статей об истории и политике, о нравах и обычаях американцев, известия о работорговле, сведения об отдельных штатах⁹⁷.

Особое внимание Новикова привлекали вопросы культуры молодого американского государства. «Спокойствие начинает восстанавливаться в новых Американских Областях... Город Филадельфия начинает приходить в цветущее состояние, и науки, художества и торговля процветают в оном день ото дня более»⁹⁸. Еще в ходе войны сообщалось об учреждении в Америке Академии наук и художеств. Известие об этом было опубликовано на первой полосе газеты Новикова: «Между тем, как в Европе во многих публичных Ведомостях распространилось, что мы здесь находимся в столь смутных обстоятельствах, что вознамерились уже отрешиться от нашей независимости, правительство и народ обеих знатнейших наших областей Массачузетт-Бая и Пенсильвании упражняется теперь в распространении мирных наук и полагает основание будущим успехам в науках и учености. Область Массачузеттс-Байская учредила Академию свободных Наук и художеств и избрала в члены оной многих ученых мужей, и в том числе господина Самуила и Иона Адамса. В Филадельфии несколько лет тому уже было подобное учреждение под именем “Философского Амери-

⁹⁶ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1783. № 68–69, 73, 75–79.

⁹⁷ В 1784 г. «Прибавление к “Московским Ведомостям”» напечатало: «Известия о Пенсильвании» (№ 18. С. 137–144), «О влиянии независимости Соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы», соч. Геберлина (№ 39–43. С. 306–344). «Краткое описание жизни и характера Вашингтона» (№ 46–47. С. 362–372). «Всеобщее описание американских нравов» (№ 65–68. С. 489–516), «Об образе правления у американцев и о гражданском их установлении» (№ 68. С. 516–520; не окончено), «Понятие о торге невольниками» (№ 72–74. С. 545–564), «Краткое известие о провинции Виргинской. (Из письма некоего путешественника)» (№ 76. С. 577–583; № 77. С. 585–591), «Влияние войны в расположение виргинского табаку» (№ 28. С. 223–224). Многие из перечисленных статей без особых на то оснований приписываются иногда Ф.В. Каржавину, русскому писателю-просветителю, жившему в Америке в годы американской революции. Однако едва ли справедливо чуть ли не всю «американистику» «Московских Ведомостей» возводить только к его имени. К тому же это не подтверждается и хронологией пребывания Каржавина в США, в Виргинии (1777 – начало 1780, осень 1784–1787).

⁹⁸ Московские Ведомости. 1784. 6 января. № 2. С. 12.

канского общества»⁹⁹. «Московские Ведомости» сообщали, что в члены «Философского общества» приняты Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон (Томас Иеферсон, губернатор Виргинии), Дж. Адамс и др.

Культурная жизнь Соединенных Штатов переживала свои первые трудности, о чем писала московская газета. В ноябре 1783 г. власти потребовали запрещения театральных спектаклей в Филадельфии. «Разные знатнейшие жители сего города подали Совету Пенсильванской области мемориал, в котором они просят его, чтобы он не позволял открывать в предместьи сего города театр, для представления спектаклей, ибо сие развратит нравы здешних жителей»¹⁰⁰. Вокруг театра развернулась борьба, за которой Новиков пристально следил в своей газете. Летом следующего года из Филадельфии сообщалось: «Здесь настояли многие, чтобы запрещение представлять спектакли было уничтожено: но покушение сие было тщетно»¹⁰¹.

Сообщая, что население Американских свободных областей умножается «наипаче в Западных их владениях», вверх по реке Огайо, «Московские Ведомости» знакомили своих читателей с археологическими находками тех мест: «Удивительно, что в сих краях, которые суть совсем необитаемы, находят множество остатков великих дел рук человеческих, о чем теперь в Америке много говорят и пишут. Между тем из сих находимых повсюду остатков можно справедливо заключить, что страны сии в старину обитаемы были сильною и благовоспитанною нациею»¹⁰². Старое и новое соседствовали в Америке бок о бок. Вслед за известием о находках памятников старины сообщалось об основании в тех же местах ветеранами американской революции города Мариетта, «который строится весьма регулярно».

Неизменный интерес Новикова вызывало распространение просвещения в Америке. Отмечались все сколько-нибудь значительные события в этой области, в частности деятельность просветительских обществ в стране. Обычно краткие известия из Филадельфии информировали: «Мы имеем здесь два ученые общества, одно Американское философическое, для споспешествования полезным знаниям, а другое так называемое Немецкое, для поправления и распространения немецкого языка. Оба имеют знатные собрания книг и получают в подарок из чужих краев еще

⁹⁹ Московские Ведомости. 1780. 16 сентября. № 75. С. 603.

¹⁰⁰ Там же. 1784. 21 февраля. № 15. С. 136.

¹⁰¹ Там же. 1784. 5 июня. № 45. С. 409.

¹⁰² Там же. 1788. 6 сентября. № 72. С. 651.

больше»¹⁰³. Все это было близко и понятно русским просветителям того времени и не могло не вызывать их сочувствия и интереса.

Среди многих общественно-политических вопросов, обсуждавшихся в первые послереволюционные годы в США, был вопрос о месте столицы молодого государства. «Американцы намерены новый город, который для пребывания Конгресса имеет быть построен на берегу реки Делавары, наименовать *Колумбом*, дабы через то хотя несколько поправить несправедливость, какая сему славному, Америку открывшему, путешествователю сделана через то, что она наречена не его именем»¹⁰⁴.

Результатом острых социальных противоречий послереволюционного развития страны явилось восстание фермеров и ремесленников Массачусетса во главе с Даниелом Шейсом (1786–1787). Первые вести о начавшемся народном восстании пришли в «Московские Ведомости» из Лондона. «В разных местах Соединенных Провинций господствует безвластие и замешательство, – писали английские газеты. – В Бостоне не соглашенось еще, брать ли под стражу и наказывать возмутителей общественной тишины, кои легко могут подать повод к междоусобной войне»¹⁰⁵. Это порождало в Англии «обнадеживающие» прогнозы, что «Американские селения в 2 года ежели не совсем покорятся Великобритании, то по крайней мере будут просить ее покровительства»¹⁰⁶.

Наконец, пришли известия и из самой Америки. 2 января 1787 г. из Нью-Йорка писали: «Беспокойствия в Массачусетской области с того времени, как началась у нас зима с морозами и нарочито великими снегами, несколько пресеклись: однако многие опасаются, чтобы негодующие наглостей своих к весне не усугубили, естли требования их удовлетворены не будут. Они выбрали себе предводителем некоторого полковника...»¹⁰⁷. Сообщая, что армия «генерала Шайра» (так в газете именовался Д. Шейс) достигла 10 тысяч человек, газета Новикова давала справку о самом руководителе восстания: «Шайр во время последней войны служил в американской армии и есть весьма отважный человек. Все те, кои недовольны бременем налогов, а таковых есть весьма много, соединятся уповательно с ним»¹⁰⁸.

¹⁰³ Московские Ведомости. 1784. 28 августа. № 69. С. 614. Ранее это сообщение появилось в «СПб. Ведомостях» (1784. 16 августа. № 66. С. 622).

¹⁰⁴ Московские Ведомости. 1785. 7 июня. № 46. С. 574.

¹⁰⁵ Там же. 1787. 3 февраля. № 10. С. 89–90.

¹⁰⁶ Там же. 1787. 23 января. № 7. С. 59.

¹⁰⁷ Там же. 1787. 24 марта. № 24. С. 229.

¹⁰⁸ Там же. 1787. 3 апреля. № 27. С. 261.

Известия о восстании Шейса подавались в газете как захватывающий рассказ о драме, разыгравшейся в Америке. Извещая читателей, что «междоусобная война между свободными Американцами восприняла уже ныне свое начало», Новиков добавлял в конце своего сообщения: «Мы вскоре услышим, что произошло далее»¹⁰⁹. И действительно, через несколько дней газета печатает уже не просто сообщение о действиях «шейитов», как называли повстанцев, а присланный из Америки очерк о безуспешной попытке отряда фермеров овладеть арсеналом в Спрингфилде¹¹⁰. Историческая достоверность описания сочетается в нем с публицистической взволнованностью безымянного американского автора.

Вскоре из Лондона пришло известие, что «возмущение в Массачусетской Провинции благополучно укрощено, и теперь стараются только поймать главного зачинщика оногo, Шайра»¹¹¹. Американский конгресс назначил вознаграждение за поимку «живого или мертвого начинщика возмущения Шайра». Однако большая часть руководителей восстания скрылась в Вермонте и Канаде и «угрожают, как скоро войска Конгресса разойдутся по домам и наступит лучшая погода, возвратиться к новым беспокойствиям... На бедность и недостаток любви к отечеству весьма жалуются в Америке»¹¹², – писали «Московские Ведомости».

Одно из последних упоминаний в газете руководителя восстания связано с полученным из Нью-Йорка известием от 6 июня 1787 г. «Славный бунтовщик Шаас», как называет его теперь газета, опять появился в Массачусетсе и собрал до 800 единомышленников. Взяв заложников из числа людей, «преданных законному правительству», Шейс намеревался держать их «за тех из своих сообщников, кои взяты уже под стражу и ожидают за свою измену приговора к смерти»¹¹³.

Выработка проекта американской конституции проходила весной 1787 г. в обстановке подавления восстания Шейса и несла на себе отпечаток усиления охранительных тенденций. Газета Новикова следила за дебатами вокруг принятия новой конституции США, призванной заменить прежние «Статьи конфедерации». Предстоящий в мае 1787 г. созыв в Филадельфии федерального

¹⁰⁹ Московские Ведомости. 1787. 3 апреля. № 27. С. 261.

¹¹⁰ Там же. 1787. 7 апреля. № 28. С. 269–270.

¹¹¹ Там же. 1787. 24 апреля. № 33. С. 309.

¹¹² Там же. 1787. 15 мая. № 39. С. 361–362.

¹¹³ Там же. 1787. 7 августа. № 63. С. 586.

конвента для выработки текста конституции комментировался с места события: «Из Филадельфии мая 2. Новая Республика наша еще томится разными беспокойствиями, до утверждения образа правления ее касающимися: ибо некоторые желают самодержавного, а другие республиканского; и иные советуют избрать правителя под названием протектора...»¹¹⁴.

Открытие конвента было назначено на 19 мая, и в газете Новикова освещался приезд 13 мая в Филадельфию в качестве депутата от Виргинии Дж. Вашингтона, незадолго перед тем пожалованного конгрессом званием генералиссимуса армии Соединенных областей. «Он встречен был еще за городом и принят с изъявлением знаков отличного к его особе уважения»¹¹⁵.

Общественно-политическая борьба в Соединенных Штатах в период принятия конституции была столь напряженной и взрывоопасной, что из Нью-Йорка писали: «Кажется, что в Республике нашей должно ожидать вскоре всенародного волнения. В Филадельфию посланы из всех Областей поверенные для рассмотрения всех сделанных доселе государственных постановлений и для уничтожения тех, которые по нынешним обстоятельствам казаться будут ненужными; но сие предприятие без сомнения великими замешательствами сопровождаться будет. В числе помянутых депутатов находятся также генерал Васгингтон и Доктор Франклин»¹¹⁶.

Обсуждавшаяся летом 1787 г. депутатами конвента конституция вступала в силу при условии ее ратификации девятью из тринадцати штатов. В январе следующего года из Филадельфии сообщалось: «Вероятно, что новый образ правления (слово “конституция” в русской подцензурной прессе обычно не применялось.— *А. Н.*) еще в сем же месяце девятью областями нашими принят будет»¹¹⁷.

И хотя не в январе, а в июне конституция США была принята необходимым числом штатов. Среди ликования, исходившего из американских источников, которыми пользовался Новиков, звучал спокойный и трезвый голос русского просветителя-демократа: «Американцы думают, что новый их образ правления будет наилучший; но мы представляем времени решить сие с толикими со-

¹¹⁴ Московские Ведомости. 1787. 31 июля. № 61. С. 567.

¹¹⁵ Там же. 1787. 4 августа. № 62. С. 576. Отрывок из речи Вашингтона в связи с присвоением ему звания генералиссимуса напечатан в «Московских Ведомостях» 12 мая 1787 г.

¹¹⁶ Московские Ведомости. 1787. 14 августа. № 65. С. 601–602.

¹¹⁷ Там же. 1788. 29 марта. № 26. С. 254.

мнениями соплетенное дело»¹¹⁸. Будущее показало, насколько прав был Новиков, избегавший комментировать публиковавшиеся в газете материалы, которые красноречиво говорили сами за себя.

Трудно не согласиться с замечанием советского историка Н.Н. Болховитинова по поводу откликов «Московских Ведомостей», когда их редактировал Новиков, на события американской революции: «Писать о революции (пусть даже происходящей где-то очень далеко за океаном) и ее предводителях в то время в России было не так-то просто. И можно только восхищаться, с каким умением Н.И. Новиков использовал для этого открывавшиеся перед ним, как перед издателем, легальные возможности. Умный и осторожный издатель, Н.И. Новиков избегал какого-либо открытого восхваления революции от своего имени. Но уже сам выбор темы, подбор публикуемой информации, а в некоторых случаях и характер собственно редакторских примечаний свидетельствовали о явных проамериканских симпатиях русского просветителя. Н.И. Новиков заставлял читателя мыслить, сравнивать прочитанное об иностранных событиях с русской действительностью и делать собственные выводы»¹¹⁹. Газета Новикова как бы предугадывала ход революционных событий не только в Америке, но и в Европе. За несколько лет до разрушения символа французского абсолютизма – Бастилии газета, опираясь на опыт революции в Америке, писала, что «Бастилия скрыта будет до основания»¹²⁰.

После того как с мая 1789 г. «Московские Ведомости» были отобраны у Новикова, известия об Американской республике почти полностью исчезли со страниц газеты. Политика и республиканское устройство заокеанского государства не интересовали новых хозяев газеты. Из США стали публиковаться сообщения, подобные следующим: «В соединенных Американских областях разводят хмель с таким успехом, что тамошнее пиво и теперь уже здешнему самому лучшему ни мало не уступает»¹²¹. «По содержанию новейших известий из Нового-Йорка и Филадельфии, жатва в Американских свободных областях была в нынешнем году чрезвычайно хороша...»¹²².

¹¹⁸ Московские Ведомости. 1788. 22 ноября. № 94. С. 851.

¹¹⁹ Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 113.

¹²⁰ Московские Ведомости. 1786. 11 ноября. № 90. С. 787.

¹²¹ Там же. 1789. 15 сентября. № 74. С. 899.

¹²² Там же. 1789. 10 октября. № 81. С. 1005.

Даже упоминания о Вашингтоне были выдержаны в том же «сельскохозяйственном» духе: «Генерал Вашингтон подает в поместьях своих в Виргинии наилучший пример доброго домостроительства... Скотоводство его находится в наилучшем состоянии, и каждый старается последовать хорошему примеру, преподаваемому президентом Конгресса... Теперь оказывается, что догадка тех политиков, кои утверждали при самом начале Американской революции, что соединенные Области достигнут со временем самого цветущего состояния, была справедлива»¹²³. Так новые редакторы «Московских Ведомостей», ссылаясь на деятельность Вашингтона как плантатора-рабовладельца и усматривая в этом залог будущего расцвета страны, по существу переиначили глубокое замечание Новикова, тревожно и прозорливо оценивавшего в своей газете характер и направление общественно-политического развития Соединенных Штатов, «с толикими сомнениями соплетенное дело».

Просветительская деятельность Н.И. Новикова способствовала широкому и систематическому освещению событий и идей американской революции в России. Благодаря Новикову русское общество впервые познакомилось с жизнью и борьбой американского народа в один из самых героических периодов его истории. Много лет спустя критик и журналист Ксенофонт Полевой в рецензии на «Обозрение русской словесности 1829 года» И. Киреевского писал о заслугах Н. Новикова перед потомством. «Подвиг его, ум и умение действовать незабвенны, и память достойного согражданина будет долго жить, хотя недоразумения, к коим поводом были посторонние происшествия, вскоре прекратили деятельность Новикова и достойных участников его подвига. Главную заслугу Новикова полагаем мы не в том, что он увеличил число читателей “Московских Ведомостей” и издал несколько полезных книг, но в удивительном влиянии, какое имел он на окружающих его: он первый создал, отдельный от светского, круг образованных молодых людей среднего состояния...»¹²⁴.

«Семена, посеянные Новиковым и его товарищами, принесли благодетельные плоды», – писал Кс. Полевой, ссылаясь на то, что выдающийся русский просветитель создал читающую публику, не придворную, как при Сумарокове, а русскую. Сама деятельность братьев Полевых, выпускавших почти через полвека после Новикова свой «Московский Телеграф», во многом обязана тому

¹²³ Московские Ведомости. 1789. 20 октября. № 84. С. 1053.

¹²⁴ Московский Телеграф. 1830. Ч. 31. № 2. С. 207.

направлению русской журналистики, которое придал ей Новиков, в том числе его постоянному интересу к американским делам.

В своих изданиях («Русская Вивлиофика») Н.А. Полевой как бы продолжил новиковские издания («Древняя российская вивлиофика»). Сатирический журнал Новикова «Живописец» дал Н. Полевому мысль назвать в 1829 г. свои приложения к «Московскому Телеграфу» «Новый Живописец Общества и Литературы». Во многом сходны и судьбы этих издателей: Екатерина II методично разгромила новиковский книгоиздательский центр в Москве, Николай I лично повелел прекратить издание журнала Полевого.

Анонсированная Н. Полевым в июле 1832 г.¹²⁵ «Русская Вивлиофика, или Собрание Материалов для Отечественной Истории, Географии, Статистики и Древней Русской Литературы» после запрещения «Московского Телеграфа» была задержана в цензуре. В начале 1834 г. Полевой известил подписчиков журнала, что книга будет разослана без всякой особенной платы как часть журнала и в то же время будет продаваться как отдельное сочинение. Поэтому Московский цензурный комитет не решился ни запретить, ни разрешить это издание, представив дело «на благоусмотрение Главного управления цензуры»¹²⁶. Книга увидела свет, когда Полевой уже не имел возможности подать ее как специальный выпуск своего журнала, ограничившись «Пояснительным замечанием редактора» (от 30 августа 1834 г.), где рассказал историю этого издания (не касаясь, естественно, вопросов, связанных с цензурным запрещением журнала).

* * *

В 80-е годы, героическое десятилетие русского Просвещения, американская тема приобрела революционное звучание в творчестве А.Н. Радищева. Особенность высказываний великого русского писателя-революционера об Америке заключалась в том, что он писал о «словутой стране», как называл ее в оде «Вольность», после окончательной победы американской революции.

¹²⁵ Московский Телеграф. 1832. Ч. 46. № 13. С. 109–117.

¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Ед. хр. 63. Л. 4 и 4 об. Главное управление цензуры в своем ответе от 25 мая 1834 г. за подписью министра народного просвещения С.С. Уварова предписывало соблюдать особую осмотрительность и строгость к этому изданию Полевого (ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. 1834. Ед. хр. 682. Л. 2).

Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем.

Эти строки об успешном завершении революционной войны в Америке и о чаяниях русских революционеров позволяют нам более точно определить, когда была написана ода Радищева. После исследования В.П. Семенникова¹²⁷, доказавшего, что в строфе о «словутой стране» речь идет о Соединенных Штатах, временем создания оды «Вольность» считаются 1781–1783 гг. Н.Н. Болховитинов полагает, что ода написана сразу вслед за известием о заключении мира.

Однако строки об Америке не могли быть написаны ранее лета 1784 г., ибо в США праздновали не заключение мирного договора с Англией 3 сентября 1783 г. (факт поражения Англии стал очевиден еще в 1781 г., после победы американской армии под Йорктауном), а вывод ненавистных английских войск из страны. Только с лета 1784 г. газеты, и в частности «Московские Ведомости», стали печатать известия о ликованиях в Америке по случаю победы и начавшегося вывода последних английских войск. Из Филадельфии 16 мая 1784 г. сообщалось: «В прошедший понедельник происходило здесь торжественное провозглашение заключенного между Америкою и Великобританиею окончательного мирного трактата. Вечеру зажжена была великолепная иллюминация»¹²⁸. Аналогичные сообщения появились и в «Санкт-Петербургских Ведомостях».

Эти известия в газетах могут служить реальным комментарием к стихотворной строке оды «Вольность», помогающим точнее датировать работу над одой и историческую обстановку, в которой создавалась знаменитая строфа об Америке.

В первом русском революционном стихотворении – оде Радищева – Америка, только что свергнувшая гнет монархии, выступала образцом революционной борьбы. Это «самоважнейшее приключение нашего века», как называл американскую революцию Н.И. Новиков, было исполнено для русских просветителей особой притягательности:

О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь – свобода, Вашингтон!

¹²⁷ Семенников В.П. Радищев. Очерки и исследования. М.: Госиздат, 1923. С. 1–24.

¹²⁸ Московские Ведомости. 1784. 31 июля. № 61. С. 545.

Поэт обращается мыслью к стране, чья революция воспринималась им как пример, достойный внимания и подражания, зримо показавший цель борьбы («Пример твой мету обнажил»). Вольность искони присуща народу, но она может быть попрана тираном-самодержцем. Так именно обстояло дело в Америке, так обстоит оно ныне в России, говорит Радищев.

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана.

Однако свобода, «дар бесценный», предупреждает Радищев, может исчезнуть и в Америке:

Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить¹²⁹.

В русских газетах и журналах речь о порабощении африканских негров, перевозимых в Америку, возникла в годы американской революции в связи с обсуждением вопроса о возможном освобождении рабов. Н.И. Новиков с особым вниманием следил за всеми известиями о предполагавшейся отмене рабства в Америке. «Из Бостона уведомляют, – сообщалось в его газете, – что на Провинциальном сейме в Филадельфии положено уничтожить совершенно рабство»¹³⁰.

С победоносным окончанием революции в Америке надежды на освобождение рабов, казалось, должны были осуществиться. «Масачусетская провинция обнародовала определение, которым она предлагает свою землю всем невольникам, кои уйдут от своих господ, где они могут найти всякое покровительство»¹³¹, – подобное объявление, напечатанное в русской газете, выглядело весьма соблазнительным и заставляло задуматься. Еще более конкретным было известие, полученное осенью 1783 г. из Америки: «В Филадельфии»

¹²⁹ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. I. С. 11, 14. Рукопись оды «Вольность» не сохранилась, однако следует отметить, что фамилию Вашингтон вплоть до конца XVIII в. писали «Васгингтон» (журнал «Муза»: 1796. Ч. 4. С. 29–31). Современное написание появилось в журнале Карамзина «Вестник Европы» (1802. Ч. 4. С. 309). Очевидно, Радищев писал «Васингтон».

¹³⁰ Московские Ведомости. 1779. 21 сентября. № 76.

¹³¹ Там же. 1783. 19 августа. № 66. С. 521–522.

дельфии издан закон, по которому все невольничьи дети на 29 году своего рождения должны получать свободу. Думают, что Виргинская область последует сему славному примеру»¹³². Однако надежды себя не оправдали, негры в Америке, как и русские крестьяне, еще долгие годы оставались рабами, а их восстания жестоко подавлялись. «Возмущение черных невольников на острове Доминике укрошено пожертвованием нескольких тысяч сил несчастных»¹³³, — подобные сообщения стали приходить из Америки все чаще.

С окончанием американской революции вопрос о рабстве приобрел остроту не только для американцев, но и для европейских просветителей, следивших за развитием событий в Новом Свете. Сохранение рабства в новой республике глубоко разочаровало передовых мыслителей. В статье «О влиянии независимости Соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы», появившейся в «Прибавлении к “Московским Ведомостям”», говорилось: «С того времени, как Северная Америка сделалась независимою и особливою свободою, да еще и демократическою областю, по мнению моему, невольничество столь же было бы противно Северо-Американскому образу правления, как и всякому европейскому»¹³⁴. И снова напрашивались параллели с невольничеством русского крестьянства. То, что не было осуществлено в Америке, должно было произойти в России. Так воспринимали плоды американской революции в кружке Новикова.

Даже такой законопослушный журнал, как «Зеркало Света», издававшийся писателем Ф.О. Туманским и печатавший официальные политические известия, на общей волне «вольнодумства» решил напечатать корреспонденцию из Америки: «В Пенсильвании уничтожена и запрещена продажа черных невольников, и между теми, кои уже свободу получили, примечается гораздо больше прилежания и трудолюбия, нежели между белыми простолудинами»¹³⁵. Очевидно, аболиционистские веяния имели особо притягательную силу в крепостнической России.

Не ограничиваясь фактами, печатавшимися в газете, Новиков в своих примечаниях к статье «Понятие о торге невольниками» обличает работорговлю «пред судилищем рассудка и человечества» и утверждает, что сторонники такого торга и их доводы

¹³² Московские Ведомости. 1783. 21 октября. № 84. С. 668.

¹³³ Там же. 1786. 25 апреля. № 33. С. 337.

¹³⁴ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 41. С. 324.

¹³⁵ Зеркало Света. 1786. 16 февраля. Ч. I. № 2. С. 32.

«не доказывают еще справедливости права, присвоенного белыми человеками над черными их собратьями»¹³⁶.

Однако только у Радищева тема рабства приобретает революционное звучание. После восстания Пугачёва у писателя зреет мысль о необходимости и неизбежности народной революции. Не случайно рассуждения об Америке в «Путешествии из Петербурга в Москву» находятся в той же главе «Хотиллов», где изложены революционные мысли об «уничтожении рабства в России».

Обличая «приобретение невольников куплею», Радищев имел в виду рабовладельческую систему как Америки, так и России. «Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произраращениями разнovidными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: “премени имя, повесть о тебе вещает”»¹³⁷. Эти известные строки «Путешествия» относятся в такой же мере к США, как и к екатерининской России.

Если в оде «Вольность», написанной вслед за победой американской революции, слышится голос восторженного преклонения («твоей я славе непричастен...») перед «счастливым народом», которому «случай вольность даровал», то в пору создания «Путешествия» революционная мысль Радищева шагнула значительно дальше. В главе «Хотиллов» о США высказаны столь глубокие и верные положения, что русской демократической мысли XIX в. потребовалось не одно десятилетие, чтобы по-настоящему их освоить.

Одним из первых отношения Радищева к Америке исследовал А.И. Старцев. Однако он отрицает эволюцию взглядов Радищева от восторженного приятия американской республики в оде «Вольность» к более глубокой и трезвой оценке американского буржуазно-рабовладельческого общества в «Путешествии». Доводом для этой малопривлекательной схемы послужило то обстоятельство, будто

¹³⁶ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 72. С. 545.

¹³⁷ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. I. С. 317.

взгляд Радищева на американскую революцию «развивался в основном в согласии (или в прямой связи)»¹³⁸ с литературой французского Просвещения, и прежде всего аббата Рейналя, книга которого «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» оказала известное влияние на Радищева. При этом не принимается во внимание, что французские просветители не поднялись до революционно-демократической оценки американской революции и ее плодов, к чему в конечном счете пришел Радищев и что составляет его принципиальное отличие от своих российских и французских современников.

Еще Н.Н. Болховитинов обратил внимание на односторонность подхода А.И. Старцева, утверждавшего, что «замечания Радищева об американском рабстве имеют отношение, преимущественно или целиком, к Америке, вне США»¹³⁹. Рассматривая взгляды Радищева на американское общество, Н.Н. Болховитинов замечает по поводу этих ошибочных суждений А.И. Старцева: «Если уж быть объективным, то почему мы должны относить все положительные замечания Радищева только к США, а отрицательные главным образом и даже исключительно к Латинской Америке? Разве не правильнее отнести все замечания об Америке прежде всего к США (хотя некоторые из них относились, разумеется, и к Латинской Америке), поскольку в конце XVIII в. основное внимание было приковано именно к новой республике в Северной Америке»¹⁴⁰.

К сказанному следует добавить, что в русских журналах и газетах 80-х годов XVIII в. существовала определенная закономерность: в демократической прессе, и прежде всего в новиковских «Московских Ведомостях», под известиями из Америки обычно имелись в виду известия из США. В официальной и консервативной прессе, например в «Санкт-Петербургских Ведомостях», нередко под Америкой подразумевалась и Южная Америка¹⁴¹. Это наблюдение вновь подтверждает, что Америкой Радищев называл Соединенные Штаты.

Выступление Радищева в главе «Торжок» против «мундирных цензоров» непосредственно связано с обращением писателя к опыту

¹³⁸ *Старцев А.* О западных связях Радищева // Интернациональная литература. 1940. № 7/8. С. 263.

¹³⁹ Там же. С. 262.

¹⁴⁰ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. С. 127.

¹⁴¹ См. сообщение «Америка» в «СПб. Ведомостях» (1780. 25 декабря. № 103. С. 899).

революционной борьбы американского народа. Как известно, глава начинается проповедью свободы книгопечатания без цензуры: «Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям... Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного». Чтобы пресечь «вольности книгопечатания», правительство Екатерины II поручило присмотр за изданиями управе благочиния, т.е. полиции. «Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума; запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя Автору, говоря о любви, назвал ее: лукавым богом. Мундирный ценсор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: “Неприлично божество называть лукавым”»¹⁴².

Радищев «зрит чрез целое столетие», предвидя приемы и методы русской цензуры XIX в. при цензуровании переводных сочинений. Ссылаясь на американского государственного деятеля и публициста Джона Дикинсона, который имел «участие в бывшей в Америке перемене», Радищев мужественно утверждает, как бы предвосхищая злобные заметки Екатерины II на его книгу: «Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатанное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано»¹⁴³.

Особое внимание в главе «Торжок» уделено законодательным актам о свободе печати, принятым штатами Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд и Виргиния. Обращаясь к конституции Пенсильвании, составленной Франклином и Томасом Пейном, Радищев цитирует ее, памятуя при этом о бесправии русского книгопечатания: «Народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема»¹⁴⁴. Так русское общество впервые знакомилось с основами буржуазно-демократических свобод, завоеванных в Америке, и сравнивало их с системой русского самодержавия, которое писатель-революционер называл «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием»¹⁴⁵.

¹⁴² Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. I. С. 330–331.

¹⁴³ Там же. С. 334.

¹⁴⁴ Там же. С. 346.

¹⁴⁵ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. С. 282.

Пенсильванская конституция была самой демократической среди конституций различных штатов Северной Америки, чем и объясняется повышенное внимание к ней французских просветителей (Мабли, Кондорсе) и Радищева, цитировавшего ее в главе «Торжок». Естественно, что Екатерина II не могла пройти мимо подобной пропаганды идей американской революции в своем государстве. В замечаниях на «Путешествие» Радищева она писала по поводу страниц книги, где речь шла об Америке: «...все сие... клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства, сочинитель не любит слова тишины и покоя»¹⁴⁶. Американская тема в книге Радищева была воспринята императрицей вполне определенно. Сказанное ею по поводу оды «Вольность»: «Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовский»¹⁴⁷, – имело отношение ко всей революционной проблематике книги, шла ли речь об английской, французской или американской революциях.

Радищев продолжал интересоваться Америкой и в сибирской ссылке. Сохранилось свидетельство его встречи в Иркутске зимой 1791 г. с главой русских поселений в Америке Г.И. Шелеховым¹⁴⁸.

Радищев открыл целую полосу выступлений русской печати по поводу положения американских негров. Едва успели отправить в Сибирь закованного в кандалы Радищева и арестовать тяжело больного Новикова, чтобы бросить его затем в Шлиссельбургскую крепость, как в журнале «Новые Ежемесячные Сочинения» появилась «Речь Негра к своим мучителям». Читатели, привычные к иносказаниям, знали, что рабы – не только американские негры, а их мучители живут не только в далекой Америке. Так уже к концу XVIII в. Америка стала в русской печати криптонимом России.

Анонимный автор «Речи Негра», скрывавшийся за подписью «Переведено с французского языка Феофаном Карякиным», гнев-

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 6. Л. 183. Опубликовано по писарской копии, хранящейся в следственном деле Тайной экспедиции (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2760. Ч. 1. Л. 20–26; см.: *Бабкин Д.С.* Процесс Радищева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 156–164). Подлинник замечаний Екатерины II обнаружен А.И. Старцевым и опубликован в извлечениях (см.: *Старцев А.* Радищев в годы «Путешествия». М.: Сов. писатель, 1960. С. 206–207; ранее подлинник хранился в деле 2043, ф. 7 РГАДА). Здесь и далее цитируется по архивному подлиннику, имеющему разночтения с напечатанным текстом.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 6. Л. 184.

¹⁴⁸ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч.: [в 3 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. III. С. 401. См. также: *Водовозов Н.В.* А.Н. Радищев и Америка // Уч. зап. Моск. гор. пединститута им. В.П. Потёмкина. 1954. Т. 43. Вып. 4. С. 69–82.

но вопрошает, и в его голосе слышится радищевская нотка (в годы Французской революции сам факт перевода с французского нередко рассматривался властями как деяние предосудительное, однако такой прием представлял для сочинителя меньшую опасность, чем открыто назвать себя автором статьи против рабства): «Раб имеет ли детей? Нежное имя отца может ли когда-либо лстить слуху его и раздаваться во внутренности его? Нет. Если он производит на свет подобных себе, то умножает только тем скот своих господ, но детей он не имеет. Должен ли он приносить вам жертвы?

Да погибнет паче в семени его весь род Негров! Да исчезнет он от земли; да исчезнет купно с ним и рабство! Но нет, и тогда не погибнет еще рабство. Лютость ваша не останется праздною; вы друг друга поработать будете. И так да возможет колено Негров размножиться и просветиться!... Да возможет оно когда-либо, не говорю я, привести к рабству, но принудить к человеколюбию сих белых оскорбляющих его!»¹⁴⁹ И хотя в ослабленной форме — здесь звучит та же мысль, что и в концовке радищевской главы «Медное», где говорится, что освобождение крестьян придет не от помещиков («отчинников»), «но от самой тяжести поработнения», что вызвало комментарий Екатерины II: «...то есть надежду полагает на бунт от мужиков»¹⁵⁰.

Сентиментальная традиция изображения американских негров возобладала в русских журналах конца 1790-х и начала 1800-х годов. «Приятное и Полезное Препровождение Времени» печатает «Надгробную песнь негритянки при погребении молодого негра в Вест-Индии»¹⁵¹, журнал «Иппокрена» публикует в переводе Павла Львова «Песнь негра»¹⁵². Много, хотя и противоречиво, писал об Америке «Вестник Европы», редактором которого первые два года был Н.М. Карамзин. В «Письме из Балтимора» сообщалось, что «негр Северной Америки есть счастливый работник, имеющий все нужное для себя, жены и детей своих и живущий без всяких забот»¹⁵³, однако позднее в обзоре «Общество в Америке» рабство представлено уже не в столь радужном свете. В этом «переводе с манускрипта», как названа в подзаголовке статья «Обще-

¹⁴⁹ Новые Ежемесячные Сочинения. 1792. Май. Ч. 71. С. 54–55.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 6. Л. 184.

¹⁵¹ Приятное и Полезное Препровождение Времени. 1798. Т. 17. С. 88–91.

¹⁵² Иппокрена. 1801. Ч. 9. С. 158–160.

¹⁵³ Вестник Европы. 1802. № 3. С. 89. В том же духе выдержаны фантастическая история «Король Цесарь, Негр в Америке» (№ 2. С. 35–37) и «Письмо из Соединенных Американских Областей» о Джефферсоне (№ 2. С. 75–77).

ство в Америке», жизнь в Новом Свете нарисована довольно беспристрастно: «*Дух торговли* есть главный характер Америки. Все стараются приобретать. Богатство с бедностью и рабством является в разительной противности (contrast). Собственно так называемый народ имеет весьма не много средств наслаждения... Некоторых известных писателей, например Бриссо, отменно ласкали в Америке для того, чтобы они до небес превознесли ее благоденствие»¹⁵⁴.

Традиции литературного сентиментализма и гражданской лирики ощущаются в условных изображениях негров в русской литературе начала XIX в. В 1803 г. Андрей Тургенев переводит пьесу А. Коцебу «Негры в неволе», в которой негры во время работы «поют по простой, трогательной мелодии»:

Мы в горестных слезах
Хлеб рабский омочаем!
К тебе мы, смерть! взываем,
Прийди избавить нас¹⁵⁵.

В.В. Попугаев, один из так называемых «поэтов-радищевцев», опубликовал в журнале Вольного общества любителей словесности, наук и художеств свой антикрепостнический эссе «Негр», выданный за перевод с испанского. Захваченный в Африке негр будет отвезен в Америку, и Попугаев в духе сентиментальной чувствительности передает его размышления о неволе: «Свирепейший тигр европеец запрет меня в мрачную темницу, из коей я не прежде выду, как пристав к месту моих страданий. Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием, сколь ужасное ты чудовище! Ты предпочитаешь себя неграм, чем ты их превосходишь?.. Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших?»¹⁵⁶

В том же году другой «поэт-радищевец» И.П. Пнин в «Опыте о просвещении относительно к России» сравнивал крепостное право с рабством американских негров. «Ужасное злоупотребление власти помещиков над их крестьянами, – писал он в этой публицистической работе, оставшейся тогда неопубликованной, – сия непомерная

¹⁵⁴ Вестник Европы. 1802. № 24. С. 315. Лидер французских жирондистов Ж.П. Бриссо основал в Париже Общество друзей черных, в качестве представителя которого посетил в 1788 г. США и в 1791 г. опубликовал «Новое путешествие в Соединенные Штаты Северной Америки».

¹⁵⁵ Рукопись перевода в Научной библиотеке МГУ (без пагинации).

¹⁵⁶ Периодическое Издание Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств. СПб.: Морская тип., 1804. Ч. I. С. 43–47.

над ними помещиков власть, сие рабство, в котором они их содержат, сей бесчеловечный торг, который они ими производят, столько унижают Россию пред всеми европейскими державами, что без душевного прискорбия нельзя произнести сей истины. Горестно, весьма горестно для россиянина, свое отечество любящего, видеть в нем дела, совершающиеся только в отечестве негров...»¹⁵⁷.

«Журнал Новостей» поместил пересказ описания ужасающих условий перевоза африканских невольников в Америку, заимствованный из книги английского лекаря Апдайка Андерхилла «Американец в неволе»¹⁵⁸.

Радищевская традиция гражданской литературы продолжала развиваться в русской литературе первого десятилетия нового века. Американское рабство оставалось, как и во времена Новикова и Радищева, определенной мерой отсчета при сравнении с положением русского крестьянства. В одном из стихотворений 1820 г. П.А. Вяземский писал: «Пусть белых негров прекратится / Продажа на святой Руси»¹⁵⁹.

Новый этап этого развития ознаменован приходом в литературу будущих декабристов и открывается одним из лучших изданий своего времени – реферативным журналом, выходившим в Петербурге с 1815 по 1820 г. под названием «Дух Журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других Журналах по части Истории, Политики, Государственного Хозяйства, Литературы, разных Искусств, Сельского Домоводства и проч...».

Одной из заслуг «Духа Журналов» было то, что он ввел в русскую литературно-общественную жизнь имя американского революционного писателя-публициста Томаса Пейна, демократические воззрения которого заинтересовали декабристов. В статье «Картина Америки» журнал писал: «В 1776 году вышло в свет сочинение Томаса Пена под заглавием Common Sens (Здравый смысл). С быстротою молнии осветило оно умы всех и потрясло все здание гражданского устройства. Спустя три месяца провозглашена независимость Америки»¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Пнин И. Сочинения. М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. С. 139.

¹⁵⁸ Журнал Новостей. 1805. Март. № 3. С. 45–53. Русский журнал дал свое название авантюрно-сатирическому роману американского комедиографа Ройела Тайлера «Алжирский пленник» (1797), изданному под псевдонимом Апдайка Андерхилла и переизданному в 1802 г. в Лондоне.

¹⁵⁹ Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 145.

¹⁶⁰ Дух Журналов. 1819. № 15. С. 20.

Американской теме уделялось на страницах «Духа Журналов» исключительное внимание. Журнал дал первое на русском языке изложение конституции США. Н.Н. Болховитинов, исследовавший этот вопрос столь детально, что это освобождает нас от необходимости останавливаться на нем, писал: «Никогда ранее ни в одном русском журнале не публиковались столь обширные и содержательные материалы о различных сторонах жизни в Соединенных Штатах, их государственном устройстве, экономическом развитии и т.д. Именно эти материалы, и в частности вступительные замечания к “Государственному календарю Американских Соединенных Штатов”, послужили основанием для закрытия “Духа журналов” царскими властями»¹⁶¹.

Прямые контакты с Америкой поддерживали некоторые из декабристов. Н.И. Греч в примечании к «Письму с острова Сен-Доминго», опубликованном в его журнале «Сын Отечества», сообщал, что лейтенант Н.А. Бестужев получил письмо от капитана Эриксона, с которым он познакомился в Петербурге. Направляя письмо в журнал для публикации, Н.А. Бестужев писал: «Посылаю к вам, по желанию вашему, перевод письма общего нашего друга Эриксона, писанного им с острова Св. Доминга из Порт-о-Пренса; оно, вероятно, доставит не одним нам удовольствие, ежели вы напечатаете оное в вашем журнале»¹⁶².

Взгляды декабристов формировались на основе широкого знакомства с социально-политической и художественной литературой того времени, в которой наряду с наследием французской революции видную роль играли идеи американской революции. Редактор «Сына Отечества», когда-то близко связанный с декабристами, отшатнувшись от них после 1825 г., писал в мемуарах, что Рылеев «набрался либеральных идей» из книги «Сокращенная библиотека», составленной для чтения воспитанников кадетского корпуса учителем П.С. Железниковым, «который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов»¹⁶³. Действительно, в четырех томах «Сокращенной библиотеки», изданной в 1800–1807 гг., перепечатывались биографии Франклина и Джефферсона (из «Вестника Европы»), публицистически взволнованная «Речь дикого в аглинских

¹⁶¹ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815–1832. М.: Наука, 1975. С. 491.

¹⁶² Сын Отечества. 1820. 29 мая. Ч. 62. № 22. С. 122.

¹⁶³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 444.

селениях в Америке» и другие произведения, дышащие ненавистью к рабству, тирании и деспотизму.

Воспитание декабристов, начатое до войны 1812 г., продолжалось во время похода в Западную Европу в 1813–1814 гг. С.Г. Волконский вспоминал: «Все, что мы хоть мельком видели в 13-м и 14-м годах в Европе, породило во всей молодежи чувство, что Россия в общественном, внутреннем и политическом быте весьма отстала, и во многих вселило мысль поближе познакомиться с Европой... Я... выехал из Петербурга с твердым намерением околесить всю Европу и даже с предположением посетить и прочие части света, особенно Американские Штаты, занимавшие тогда умы нашей русской молодежи по их самостоятельному быту и по демократическому политическому составу»¹⁶⁴.

В начале 20-х годов, когда внимание русской молодежи привлекали свободолюбивые идеи американской республики, контраст этих устремлений с реальностью крепостнической России был столь велик, что порождал романтические мечтания, над которыми горько иронизировали позднее те же самые мечтатели. Русский филолог и поэт В.С. Печерин в своих «Замогильных записках» вспоминает о том времени: «В Англии, в Америке – молодой человек 18 лет, преждевременно возмужалый под закалом свободы, уже занимает значительное место среди своих сограждан. Родился он хоть в какой-нибудь Калифорнии или Орегоне, – все ж у него под рукою все подспоря цивилизации... А я – в 18 лет едва-едва прозябал, как былинка, – кое-как пробивался из тьмы на божий свет, но и тут, едва я подымал голову, меня ошеломливали русскою дубиною»¹⁶⁵. Остается лишь напомнить, что 18 лет Печерину исполнилось в 1825 г.

Рабство американских негров постоянно привлекало внимание декабристской публицистики. Незадолго до восстания на Сенатской площади «Сын Отечества» писал: «Предрассудок, ставящий черное африканское поколение, которое так долго осуждено было на тягостное рабство, гораздо ниже белого, столь повсеместно царствует в Америке, что и просвещенные Соединенные Штаты не могли освободиться от оногo... Негр-отпущенник выходит из рабства, но не вступает в число граждан... Цвет его и воспоминание прежнего рабства неизгладимы». Преодоление этого предрас-

¹⁶⁴ Волконский С.Г. Записки. СПб.: изд. М.С. Волконского, 1901. С. 327.

¹⁶⁵ Печерин В.С. Замогильные записки. М.: Мир, 1932. С. 34–35.

судка, пишет журнал, «имели в виду некоторые из любимых новейших писателей американских, как, напр., Купер»¹⁶⁶.

С позиций просветительства говорил об общих истоках рабства американских негров и русских крестьян декабрист М.С. Лунин: «Рабство, несовместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий по мере того, как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, где рабство утверждено законом. Признав торжественно равенство людей перед законом как основное начало их конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество. Отличая даже могилу негра, эти поборники равенства уничтожают ближнего и за пределами земной жизни»¹⁶⁷. Угнетение негров в Америке как бы стало русской проблемой и обсуждалось повсеместно в самых различных слоях русского общества.

Материалы об Америке и положении там негров-рабов печатали до восстания декабристов журналы «Сын Отечества» и «Московский Телеграф». Поэт Н.Д. Иванчин-Писарев опубликовал перевод стихотворения французского предромантика Шарля Мильвуа «Бедный негр». Выдержанное в сентиментальных тонах, оно заканчивалось весьма решительно:

Два дня без пищи, изнуренный,
Под зноем пламенных небес
Томился бедный; раздраженный
Хозяин грозный бич занес:
«Вставай к работе!» – Небо знойно!..
«Вставай! – мученья ждут тебя!» –
– В последний раз усну спокойно;
Злодей, страшись: свободен я!..¹⁶⁸

Декабристы сравнивали судьбы русского народа с жизнью народа Америки. Эти мысли – о проблемах рабства или о духов-

¹⁶⁶ Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 20. С. 478–479.

¹⁶⁷ Лунин М.С. Сочинения и письма. Пг.: Пушкинский Дом, 1923. С. 49.

¹⁶⁸ Сын Отечества. 1820. 15 мая. Ч. 62. № 20. С. 35. Тремя неделями ранее это же стихотворение под названием «Негр в неволе» появилось в том же журнале в переводе Д.П. Глебова, у которого заключительная мысль выражена гораздо слабее. Последнее обстоятельство, возможно, и стало причиной публикации нового перевода.

ной свободе – не покидали их и в тяжелые годы ссылки. Н.В. Басаргин, сосланный в Сибирь, писал: «Чем далее мы продвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленнее, даже и образованнее наших русских крестьян и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. Впоследствии мне не раз случалось слышать от тех, которые посещали Соединенные Штаты и жили там, что сибиряки имеют много сходства с американцами в своих нравах, привычках и даже образе жизни»¹⁶⁹.

Декабристы обсуждали не только американскую независимость, федеральную конституцию США и конституции отдельных американских штатов, но и влияние американской революции на европейское общество и политическую жизнь¹⁷⁰, они первыми заговорили о том общем в жизни русского и американского народов, что сближало и что разъединяло наши страны.

Декабристы стояли у истоков общественных и литературных контактов России и США. К.Ф. Рылеев был правителем канцелярии Российско-американской компании и жил в доме у Синего моста, где находилось правление компании. Во время допроса декабристов Николай I спросил у О.М. Сомова, где он служит, и когда тот ответил, что в Российско-американской компании, царь заметил: «Хороша собралась у вас там компания»¹⁷¹.

Разгром декабристов прервал начавшие было складываться контакты. Развитие культурных связей с Америкой, как и вообще развитие России, пошло не тем путем, к которому стремились декабристы.

¹⁶⁹ Басаргин Н.В. Записки. Пг.: Огни, 1917. С. 94.

¹⁷⁰ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Т. 3. Н.И. Тургенев. Дневники и письма. Пг.: Акад. наук, 1921. С. 311; Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / под ред. А.К. Бороздина. СПб.: изд. Пирожкова, 1906. С. 12. См. также главу «Декабристы и Америка» в кн.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 492–521.

¹⁷¹ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820–1870. М.; Л.: Academia, 1930. С. 79.

ФРАНКЛИН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Он хуже Пугачева; он хвалит Франклина.

Екатерина II

(из статьи А.С. Пушкина «Александр Радищев»)

Во времена Радищева Франклин символизировал идеи американской революции, в XIX в. его имя связывалось в России с философско-этической системой самоусовершенствования, в XX в. его стали воспринимать прежде всего как ученого-энциклопедиста. Эти три стороны деятельности Франклина – посланца «американских селений», мыслителя и ученого – одна за другой открывались русскому обществу.

Бенджамин Франклин стал первым человеком, с которым Европа познакомилась как с представителем американской нации и государства. Исключительные заслуги Франклина – ученого, философа, общественного и политического деятеля, писателя – сделали его имя символом американской науки и культуры. Сами американцы считали Франклина послом Нового Света в Старом. В 1789 г. он был избран первым американским членом Петербургской академии наук.

Писательская известность его началась после того, как он опубликовал собранные воедино изречения и поговорки из «Альманаха простака Ричарда», который издавал с 1732 до 1758 г. В этих притчах и пословицах запечатлен моральный кодекс человека «третьего сословия», выходцем из которого был и сам Франклин. Сын бостонского ремесленника, он рано познал нужду, работал сначала в мастерской отца, а с двенадцати лет в типографии брата. Сохранив на всю жизнь привязанность к типографскому

делу, Франклин и в зрелые годы называл себя типографщиком. С детства он упорно и систематически занимался самообразованием и уже в шестнадцать лет опубликовал в издававшейся братом газете несколько статей антиклерикального характера.

Франклин организовал первое в Америке общество самообразования и просвещения («Хунта, или Клуб кожаных фартуков», 1727), ставшее предшественником Американского философского общества, основал Академию для обучения юношества, преобразованную затем в Пенсильванский университет. Развивая традиции нравоописательной и нравоучительной журналистики XVIII в., Франклин создал образ простака Ричарда, афоризмы которого повторялись его современниками как этические правила: «Если время самая драгоценная вещь, то растрата времени является самым большим мотовством», «Дураки устраивают пиры, а умные едят на них», «Спящая лиса не ловит кур», «Три переезда все равно что пожар».

Эта философия простака Ричарда была как нельзя кстати в период первоначального накопления американского капитала. И если в ней была определенная демократическая направленность, обращенная против праздности и расточительности феодально-аристократического мира, то XIX век увидел в простаке Ричарде идеолога поднимающегося молодого класса американской буржуазии.

Бессмертие Франклину принесло иное: его огромная просветительская, научная и публицистическая деятельность. Основанная им «Пенсильванская газета» (1729), как и первая в мире публичная библиотека, созданная им в Филадельфии (1732), положили начало научной и просветительской деятельности в стране. Как выразитель идей американской революции Франклин навсегда остался в истории американской демократической культуры. «Исторгнул молнию с небес и скипетр у тиранов» – значится на бюсте Франклина, изваянном Ж.А. Гудоном (1778). Слова эти приобрели широкую известность в годы американской революции благодаря книге Г.Т.Ф. Рейналя «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях». Они приводятся в третьем (10-томном) издании этой книги, в томе, посвященном американской революции¹.

Начатая в 1771 г. и оставшаяся незаконченной «Автобиография» Франклина представляет собой наиболее значительное

¹ Raynal G.-T. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. A Genève: Pellet, 1780. T. 9. P. 300. О значении этой книги для России см.: Моряков В.И. Русский перевод «Истории обеих Индий» Рейналя // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1972. № 1. С. 55–68.

литературное произведение выдающегося американского мыслителя и писателя. Изложенный в ней кодекс жизненного практицизма, здравого смысла и оптимистической уверенности, что все люди могут совершенствовать свои добродетели, делает «Автобиографию» выражением кредо американца, всем обязанного самому себе. Дальнейшее развитие этого этического принципа в XIX в. происходит у Эмерсона в его теории «доверия к себе».

Двойственность и противоречивость позиции Франклина определяется сочетанием в его сочинениях демократических идей американских ремесленников и фермеров с идеологией поднимающегося к власти класса буржуазии. Рисуя яркую картину старого аристократического общества, понимая его нравственную порочность и обреченность, Франклин не делал из этого столь революционных выводов, как Томас Пейн.

Черты просветительского рационализма переплетаются в книгах Франклина с идеями религиозной и гражданской свободы человека. Простота и ясность повествования сочетается у него со стерновским юмором, саркастическими «шендизмами». Отметая идеологию пуританства, Франклин утверждал идеи Просвещения, которое в США не предшествовало, как во Франции, революционным событиям, а по преимуществу сопутствовало американской революции.

В сатирических памфлетах Франклина проявились просветительские тенденции его творчества. Написанные в связи с войной за независимость, его сатиры отличаются острой публицистичностью и афористичностью. Их стиль своеобразен: автор мистифицирует читателя беспристрастным документализмом изложения, так что сатирическая или ироническая сущность повествования предстает как бы неожиданно. Эта черта стиля Франклина была в дальнейшем использована американскими романтиками.

В вопросах религии Франклин проявлял известную осторожность и не шел дальше деизма. В частном письме 1757 г. к некоему автору атеистического трактата Франклин не столько высказывается против атеизма (возможность которого он допускал), сколько предостерегает автора от последствий прямого выступления против церковников и их догм. «Если люди так слабы, имея религию, то что они будут делать, когда окажутся без нее?»² Таким образом, Франклин за двенадцать лет до Вольтера, настроенного резко анти-

² Американские просветители. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1968. Т. I. С. 99.

клерикально, но не атеистически, подошел к той же формуле, ставшей крылатой благодаря стихотворной строчке Вольтера: «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать».

Еще Пушкин отметил идейную связь между просветительством Вольтера и просветительством Франклина. Вспоминая слова Екатерины II о Радищеве («Он хуже Пугачева; он хвалит Франклина»), Пушкин объясняет столь враждебное отношение императрицы к Франклину его участием в американской революции и ролью глашатая революционных идей в Европе: «...монархия... не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии» (XII, 33).

Среди многих тем сатирической прозы Франклина две имели особое значение в истории литературы США. Это проблемы индейских аборигенов и рабства негров. В 1784 г. Франклин опубликовал в Англии свой памфлет «Заметки относительно дикарей Северной Америки». На русском языке он появился в «Собрании разных сочинений» Франклина (1803), однако отрывок из него под названием «Известие доктора Франклина о гостеприимстве северных американцев» был опубликован в 1788 г. в петербургском журнале «Новые Ежемесячные Сочинения». Выступая в защиту человеческого достоинства индейцев, Франклин описывает обычаи аборигенов, у которых не мешало бы поучиться и просвещенным европейцам: «Они <индейцы> имеют правила, как входить в чужую деревню. За неучтивство почитается, еслили прохожий взойдет в деревню нечаянно, не дав наперед известия о своем прибытии: чего для как скоро приблизится к деревне, так что голос его слышать можно, тогда останавливается и кричит, ожидая тут до тех пор, пока не попросят его взойти»³.

Как президент первого аболиционистского общества в Филадельфии Франклин обратился в конгресс США с требованием отмены работорговли (не рабства негров, а всего лишь торговли рабами). Сатирический памфлет «О работорговле» (1790), появившийся в печати незадолго до смерти писателя, стал его политическим завещанием. Антирабовладельческая направленность этой притчи, пародирующей речи рабовладельцев в американском конгрессе, вдохновляла аболиционистов вплоть до Гражданской войны.

Тема «Франклин и русская культура» привлекала внимание многих исследователей: Н.Н. Болховитинова, Е.М. Двойченко-Мар-

³ Новые Ежемесячные Сочинения. 1788. Август. Ч. 26. С. 89–90.

кову, М.И. Радовского, А.И. Старцева⁴. Мы попытаемся рассмотреть, как воспринимался Франклин в русской литературе от Ломоносова до Льва Толстого.

Первое известие о Франклине в русской прессе появилось в «Санкт-Петербургских Ведомостях». 12 июня 1752 г. единственная русская газета писала со ссылкой на Кёльн: «...никто бы не чаял, чтоб из Америки надлежало ожидать новых наставлений о электрической силе, а однако, учинены там наиважнейшие изобретения. В Филадельфии, в Северной Америке, господин Вениамин Франклин столь далеко отважился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который часто целые земли погубляет. А именно делал он опыты, для изведения, не одинакова ль материя молнии и электрической силы, и действие догадку его так подтвердило, что от громовых ударов следующим образом охранить себя можно...»⁵. Далее рассказывалось, как с помощью изобретенного Франклином громоотвода «у громовых туч огонь отнять можно».

Первый перевод Франклина на русский язык носил весьма ученое наименование – «Рассуждение о средствах к отвращению повреждения производимого громовым ударом и молниею домам и другим строениям», однако походил не столько на научный трактат, сколько на юмористический рассказ Марка Твена «Миссис Мак-Вильямс и молния». Очевидно, то, что столетие спустя давало пищу юмористике, воспринималось всерьез в пуританской Америке. Впрочем, Франклин всегда обладал не только научным, но и ироническим даром.

Как бы то ни было, первый русский сельскохозяйственный и экономический журнал, издававшийся Вольным экономическим обществом, напечатал перевод двух писем Франклина. Первое датировано 29 июня 1755 г. и посвящено устройству громоотвода. Второе, написанное одиннадцать лет спустя и адресованное неизвестному лицу, представляет собой парафразу научной статьи, допускающую более широкое и живое осмысление предмета.

⁴ Болховитинов Н.Н. Б. Франклин и М.В. Ломоносов. (Из истории первых научных связей между Россией и Америкой) // Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 77–81; Dvoichenko-Markov E. The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations // Proceedings of the American Philosophical Society. 1950. December 22. Vol. 94. N 6. P. 549–610; Радовский М.И. Вениамин Франклин и его связи с Россией. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958; Старцев А. Вениамин Франклин и русское общество XVIII века // Интернациональная литература. 1940. № 3/4. С. 208–221.

⁵ СПб. Ведомости. 1752. 12 июня. № 47. С. 371.

Опустив физические объяснения явления электропроводимости, которыми открывается статья «О молнии и применяемом в Америке способе для защиты зданий и людей от ее пагубного воздействия» (в книге «Опыты и наблюдения над электричеством», вышедшей в Лондоне в 1769 г.), переводчик предлагает лишь последний абзац из письма Франклина: «Кто грому боится, а во время грозы находится в таком доме, который отводом не приведен в безопасность, тому не должно быть в близости у камелька, у зеркала, картины с позолоченною рамою и тому подобного. Самое безопаснейшее место находится в середине покоя (однакож не под висящими на цепях лампадами), где сидеть можно на одном стуле, а ноги держать на другом. Еще безопаснее того, взяв два или три тюфяка или перины и согнув оные посреди покоя надвое, поставить на оные стул <далее в английском тексте следовало опущенное переводчиком объяснение, почему необходимо так поступить>. Но ежели обстоятельства допустят, то в койке или в висящей на шелковых веревках постеле в равном везде расстоянии как от боковых стен, так и от полу и потолка, человек так безопасен, как только в покое каком быть можно, да и в самом деле сказать можно, что таким способом совершенно предостерегать себя можно от громовых ударов и всякой от того происходимой опасности»⁶.

Первым русским писателем, установившим личные контакты с Франклином, был Д.И. Фонвизин. В его «Письмах из Франции» имя американского ученого и дипломата появляется довольно часто. 24 декабря 1777 г. он пишет своему другу П.И. Панину: «Вашему сиятельству, без сомнения, известны уже худые успехи англичан против американцев. Вчера пронесся слух, будто находящийся со стороны сих последних в Париже поверенный, Франклин, признан от здешнего двора послом от американской республики»⁷. Речь о Франклине идет и в следующих письмах. 20 марта 1778 г. Фонвизин сообщает: «Франклин, поверенный американский у здешнего двора, сказывают, на сих днях аккредитуется полномочным министром от Соединенных Американских Штатов»⁸.

Особый интерес представляет письмо Фонвизина к сестре из Парижа (август 1778 г.) о том, что общество французских писателей пригласило на прием Фонвизина вместе со «славным Франклином, который живет здесь министром от американских соединенных

⁶ Труды Вольного Экономического Общества. 1770. Ч. 16. С. 284–285.

⁷ Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т. II. С. 460.

⁸ Там же. С. 468.

провинций». Продолжая свой рассказ о знакомстве с американским просветителем, Фонвизин говорит: «Он, славный английский физик Магеллан и я были приняты отменно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали в газетах о нашем визите»⁹.

П.А. Вяземский, автор первой книги о жизни и творчестве Фонвизина, отмечает всю значительность этого знаменательного свидания, положившего начало знакомству русских и американских писателей. С тех пор прошло двести лет, но литераторы России и Америки никогда не забудут той первой встречи крупнейших писателей двух стран на французской земле. В Париже «сблизилось то, что разделено было природою, – писал П.А. Вяземский, – и представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки. В лице их два новые мира сошлись в виду старого, как высокие предвещения, что есть еще много грядущего в судьбе человеческого рода»¹⁰. И хотя позднее Франклин как дипломат не раз встречался с различными представителями России, в том числе с русским посланником во Франции И.С. Барятинским, с русским посланником в Англии С.Р. Воронцовым и его сестрой княгиней Екатериной Дашковой, с которой состоял в переписке, та памятная беседа осталась символом русско-американского литературного диалога, продолжающегося уже третье столетие.

С конца 1770-х годов Франклин стал одним из самых известных иностранных писателей и ученых в России. Ни о ком не писали новиковские «Московские Ведомости» столь часто, как о нем. Каждое его высказывание немедленно доводилось Новиковым до сведения русской публики.

О ходе американской войны за независимость и о деятельности Франклина немало писалось в «Санкт-Петербургских Ведомостях» и в «Московских Ведомостях» до того, как редактором последних стал Н.И. Новиков. Однако направленность этой информации, весь дух новостей из Америки был иным. Обращает на себя внимание такой факт. До Новикова американские борцы за национальную независимость именовались «мятежниками» в сообщениях как из Англии, так и из восставшей Америки. 26 мая 1777 г. из революционного Бостона писали, что четыре старых французских корабля «Доктором Франклином куплены для Американских мятежников»¹¹. Конечно,

⁹ Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2 т. Т. II. С. 451.

¹⁰ Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: [в 12 т.]. СПб.: тип. Стасюлевича, 1880. Т. 5. С. 91.

¹¹ Московские Ведомости. 1777. 4 августа. № 62 (без пагинации).

подобные известия шли не прямо из Бостона, а из Лондона в соответствующей английской обработке.

С переходом «Московских Ведомостей» в руки Новикова информация об Америке и докторе Франклине, как уже отмечалось, решительно меняется. Одним из первых сообщений о его деятельности стало на страницах новиковской газеты известие о том, что «Доктор Франклин с господином Тюрготом, Дидеротом и д'Аламбертом трудится над законами для новых Американских соединенных областей»¹². Еще до вступления Новикова в должность редактора газеты «Московские Ведомости» напечатали корреспонденцию из Парижа о прибытии из Америки участника войны за независимость маркиза де Лафайета. Франклин поднес ему от имени конгресса в знак благодарности золотую шпагу. С тем же американским фрегатом, на котором прибыл Лафайет, Франклин получил «письма, в которых сообщается ему, что Конгресс определяет его быть полномочным министром от Американских селений не только при одном Французском дворе, но и у прочих европейских держав»¹³.

Это важное известие было дано столь кратко, что Новиков, став редактором газеты, решил вернуться к нему вновь и через несколько месяцев напечатал описание поднесенной Лафайету шпаги и «перечень» (содержание) письма к нему Франклина. На шпаге были изображены «знатнейшие воинские подвиги» Лафайета, по поводу чего Франклин в своем письме говорит: «Я нашел теперь, что помощью превосходных французских художников все легко изобразить можно, кроме только тех чувствий признательности и почтения, коими мы в рассуждении оказанных Вами нам услуг к Вам преисполнены»¹⁴.

Имя Франклина не сходило со страниц газеты в течение всех десяти лет, пока ее редактором оставался Новиков. Наряду с официальными известиями, в которых фигурировал Франклин, сведениями о состоянии его здоровья и о планах его возвращения в Америку, «Московские Ведомости» печатали и разного рода слухи и анекдоты из жизни великого американца. То был своеобразный литературно-публицистический жанр, которым широко пользовался Новиков. Любопытствующий читатель мог, к примеру, узнать следующие новости: «Уверяют, что в скором времени поедет из

¹² Московские Ведомости. 1779. 24 августа. № 68.

¹³ Там же. 1779. 13 марта. № 21.

¹⁴ Там же. 1779. 21 сентября. № 76.

Парижа в Америку Доктор Франклин, на особливо приготовленном для него корабле о 16 пушках; провожаем с величайшим почтением от Французского двора, хотя многие здесь и об заклад бились, что он скоро, как колодочник, посажен будет в Бастилию»¹⁵.

В связи с первым полетом воздушного шара братьев Монгольфье доктор Франклин, писала газета, вопрошен будучи недавно, что думает он о новоизобретенной воздушной машине, отвечал: «Она подобна новорожденному младенцу, о котором в начале бытия его ничего другого достоверно сказать не можно, кроме сего, что он требует попечения и порядочного воспитания»¹⁶. Такие изречения, печатавшиеся газетой, как бы продолжали этическую систему Франклина, уже известную читателю по первым русским переводам.

В 1785 г. на смену престарелому Франклину в Париж прибыл новый американский посланник – творец «Декларации независимости» Томас Джефферсон. «Московские Ведомости» немедленно комментировали это известие: «Находящийся при Французском дворе полномочным министром Соединенных Американских Областей, известный Доктор Франклин, по прошению его, возвратится вскоре в свое отечество: ибо от Конгресса отзыв к нему уже послан. На место его назначен в Париж Американским посланником господин Ефферзон»¹⁷.

Вскоре газета печатает новую «притчу» о прославленном американце: «Некто спросил Доктора Франклина, для чего он хочет оставить Париж и французский климат, к которому он толь хорошо привык. Доктор отвечал ему следующее: “Ежели бы я не имел отечества, то остался бы в Париже; но теперь я хочу хотя на некоторое время пользоваться удовольствием, видеть вольных моих сограждан, которые скоро будут столь счастливы, сколько я желаю”»¹⁸.

Газета пользовалась любым поводом, чтобы сообщить о жизни Франклина, вернувшегося на родину. «Пишут из Филадельфии,

¹⁵ Московские Ведомости. 1780. 11 марта. № 21. С. 166.

¹⁶ Там же. 1783. 11 ноября. № 90. С. 715–716.

¹⁷ Там же. 1785. 4 июня. № 45. С. 563.

¹⁸ Там же. 1785. 18 июня. № 49. С. 604–605. П.А. Вяземский в своих «Записных книжках» приводит другую версию ответа Франклина, лишенную социально-политического оттенка: «Перед отъездом, когда уговаривали его остаться в Париже, он отвечал друзьям своим: “Я очень приятно провел мой вечер; когда настает час ложиться спать, надобно каждому возвратиться домой. Мне очень тяжело уезжать; часто даже колеблюсь; но надеюсь, что исполню то, что прилично» (Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / изд. подгот. В.С. Нечаева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 333).

что тамошние типографщики дали недавно Доктору Франклину, в день его рождения, великолепное празднество, поелику он в своей молодости был также типографщиком. В тогдашнее время жил он весьма умеренно. Целые 6 недель делал он опыт, питаться хлебом и водою, и не чувствовал от того ни малого уменьшения своих сил»¹⁹. Следует при этом иметь в виду, что первая краткая биография Франклина, написанная Андреем Тургеневым, появилась на русском языке только через 13 лет. Новиков по мере возможности знакомил русского читателя с жизнью знаменитого американца.

Новиков напечатал первый на русском языке литературный портрет Франклина. В «Примечаниях о некоторых славных людях нынешнего столетия», появившихся в «Московских Ведомостях», в разделе о Франклине говорится: «Франклин в некоторых веках почитаем будет божеством. Электричество преобразует всю физику; селения Аглийские преобразуют всю политику. Франклин был главою при обеих сих важных переменах и тем самым заслужил себе у потомства два лучшие места»²⁰.

Много лет спустя И.В. Киреевский писал в «Обозрении русской словесности за 1829 год»: «Так действовал типографщик Новиков. Замечательно, что почти в то же время другой типографщик, более славный, более счастливый, типографщик Франклин, действовал почти таким же образом на противоположном конце земного шара; но последствия их деятельности были столь же различны, сколько Россия отлична от Соединенных Штатов»²¹. Общее и особенное у русского и американского просветителя впервые отмечено со всей определенностью в этом высказывании выдающегося русского критика.

Приведенные многочисленные факты, свидетельствующие о популяризации и высокой оценке Новиковым деятельности Франклина, опровергают утверждение Г.П. Макогоненко о том, будто Новиков «в некоторых своих изданиях, в своих философско-педагогических работах, а также во всей своей практической деятельности просветителя открыто противопоставлял принципы русского просвещения принципам буржуазно-собственнического просветительства Франк-

¹⁹ Московские Ведомости. 1786. 16 мая. № 39. С. 391.

²⁰ Там же. 1783. 2 сентября. № 70. С. 557. В газете напечатаны также биографии других «славных людей»: Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя, Вашингтона, Адамса, Лафайета и др.

²¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика / сост. Ю.В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 57.

лина»²². Г.П. Макогоненко не приводит ни одного факта полемики Новикова с Франклином, ибо таковых не существует. Напротив, в изданном Новиковым «Христианском календаре на лето от рождества Христова 1784, а от сотворения мира 7292» (1784) архимандрита Аполлоса (А.Д. Байбакова), на который ссылается Г.П. Макогоненко, по-своему использованы некоторые идеи Франклина, в частности введены «Листки для записывания худых и добрых дел наших» – своеобразная вариация известного «журнала» Франклина.

Новиков и Радищев выступали не противниками, а единомышленниками Франклина, используя его наследие в борьбе с российским самодержавием. Попытка противопоставить Новикова Франклину с позиций нашего современного понимания различий в отношении просветителей России и Америки к проблеме «добродетельного гражданина» лишена исторической основы. Истинная сущность философско-этического учения Франклина и его антиабсолютистская направленность были совершенно очевидны его русским современникам. Когда Екатерине II не удалось сделать Франклина таким же поклонником русской императрицы, какими были французские просветители, создававшие ей все новые и новые «алтари», она сбросила маску и объявила его «начинщиком» всяких бед. «Я не люблю его»²³, – заявила она в 1782 г., указывая на портрет Франклина, а через восемь лет в заметках на «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева дала свою известную оценку Франклина как «начинщика» всяких революционных идей. Именно эта сторона многогранной деятельности американского просветителя и привлекала в первую очередь Новикова и Радищева.

Характерна история о том, как была воспринята официальной Россией смерть Франклина. В начале 1788 г. на страницы газет проникли слухи о его кончине. «Московские Ведомости» разъясняли 22 марта 1788 г.: «Ныне уверяют, что не Доктор Франклин умер в Филадельфии, но г. Франклин, другой американец». Впрочем, подобного рода «поправки» не были редкостью в журналистике XVIII в.

Поскольку сведения о смерти тех или иных знаменитостей, публиковавшиеся в газетах, нередко бывали преждевременными или, пользуясь выражением Марка Твена, «сильно преувеличены», то сообщение о смерти Вольтера, полученное из Парижа, было в свое время изложено следующим образом: «Сей остроумный муж,

²² Макогоненко Г. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.: Л.: Худож. лит., 1952. С. 397.

²³ Храповицкий А.В. Дневник. М.: Унив. тип., 1901. С. 1.

которого смерть в “Ведомостях” прежних годов преждевременно объявлена была многократно, наконец в прошлую субботу, по полудни в 12 часу, умер здесь в самом деле»²⁴.

Когда Франклин действительно умер, «Санкт-Петербургские Ведомости» через два месяца очень сухо и кратко сообщили, что «известный Доктор Франклин, бывший несколько времени при Французском дворе министром отложившихся от Англии Американских Селений, апреля 17-го умер в Филадельфии»²⁵. Через неделю газета дала откровенно недоброжелательные комментарии в связи с его кончиною: «Умерший в Филадельфии Доктор Франклин оставил дочери своей, выданной в Новом Йорке за некоторого купца, не философское, но превеликое мирское богатство. Он филозофствовал до тех только пор, пока Американское возмущение не послужило ему поводом к обогащению»²⁶.

Сообщение «Московских Ведомостей» отличалось большей объективностью, несмотря на неточность в дате смерти писателя: «Славный Вениамин Франклин скончался 19 апреля в Филадельфии на 85 году от рождения своего. Хотя он и не был женат, однакож оставил после себя сына и дочь, и первому, который живет здесь в Лондоне и привержен к королевской стороне, не отказал ничего, а отдал все свое имение, простирающееся на весьма знатную сумму, дочери своей, находящейся в замужестве за одним купцом в Новом Йорке»²⁷. Таким образом, смысл завещания Франклина, посвятившего всю жизнь борьбе за независимость своей страны, предстает в ином свете.

По прошествии еще одной недели в информации о речи графа Мирабо по поводу смерти Франклина «Санкт-Петербургские Ведомости» уже открыто связывали имя американского просветителя с «дерзостью» французской революции: «Граф Мирабо, возвещая Национальному собранию 11-го числа сего месяца о кончине освободителя Америки, известного Доктора Франклина, говорил речь, в которую вместя все то, чем дерзость по разорении Бастилии заниматься может, советовал положить в Национальном Собрании по кончине оного Философа траур. – Все новые наши Франклины согласились на предложение графа Мирабо беспрекословно и, назнача для траура три дня, препоручили Председа-

²⁴ Московские Ведомости. 1778. 23 июня. № 50 (без пагинации).

²⁵ СПб. Ведомости. 1790. 21 июня. № 50. С. 817.

²⁶ Там же. 1790. 28 июня. № 52. С. 850.

²⁷ Московские Ведомости. 1790. 26 июня. № 51. С. 710.

телю своему уведомить о сем Американский Конгресс немедленно; речь же графа Мирабо напечатать»²⁸.

Если Радищев незадолго перед тем писал (в конце «Путешествия из Петербурга в Москву»), что Франклин удостоился «наилестнейшей надписи»: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей», то «Санкт-Петербургские Ведомости» дали свою интерпретацию этого известного стиха французского просветителя Тюрго: «...исторг... у небес молнию и у тиранов скиптр (т.е. у Англичан Верховную власть над Америкою)». Продолжая чернить Франклина как «злодея рода человеческого», правительственная газета переходила на язык Екатерины II, клеймившей Радищева за хвалу Мирабо, «который не единой, но многие висельницы достоин»²⁹. «При том говорил граф Мирабо, – писала газета в той же корреспонденции, – что мы довольно уже переносили трауров по знаменитым особам; а теперь время налагать оные по кончине Героев Человечества. Под сими последними граф Мирабо без сомнения разумеет тех злодеев рода Человеческого, которые, разрушая должное к Верховным властям повиновение, имеют целью не благоденствие народов, но свое собственное обогащение и возвышение, или прехождение от Философических умствований к набиванию карманов деньгами. Таков был Франклин; таков, без сомнения, и граф Мирабо со всем своим причетом, в Национальном собрании заседающим. Они оставят отечество в бедствии, а наследников своих богатств, изменою приобретенных, в благоденствии»³⁰.

К 1790-м годам известность Франклина в России стала повсеместной. В далеком Tobольске первый сибирский журнал «Иртыш, Превращающийся в Ипокрену» напечатал речь, произнесенную французским философом-просветителем Кондорсе в заседании Парижской Академии наук и развивающую ту же мысль Тюрго о Франклине, которая впервые появилась на русском языке в новиковских «Московских Ведомостях», была пересказана в «Иртыше», а затем прозвучала в «Путешествии» Радищева. «Один Философ, рожденный на тех берегах, где Англичане в прошедшем столетии обрели только диких варваров, умел угадать причину грома и покорить его своим законам тою же самою рукою, которая долженствовала разорвать оковы Америки»³¹.

²⁸ СПб. Ведомости. 1790. 5 июля. № 54. С. 882 (сообщение из Парижа от 14 июня).

²⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 6. Л. 185 об.

³⁰ СПб. Ведомости. 1790. 5 июля. № 54. С. 882.

³¹ Иртыш, Превращающийся в Ипокрену. 1790. Февраль. С. 56.

Однако вернемся на несколько лет назад. В 1784 г. произошло знаменательное событие, не отмеченное современниками. В этом году в Петербурге вышел первый перевод книги американского писателя на русский язык. То было «Учение добродушного Рихарда» В. Франклина – тоненькая книжечка в 32 страницы, положившая начало изданию американской литературы в России. И примечательно, что у истоков все ширящегося на протяжении двух столетий потока американских книг в нашей стране стоит великий просветитель и писатель Америки Бенджамин Франклин³².

В сокращенном переводе с французского это известнейшее сочинение Франклина появилось еще в 1778 г. под названием «Нравоучительные домоводственные рассуждения»³³. Имя автора не было указано, да и отдельное издание 1784 г. подписано псевдонимом Франклина – Рихард Зондерс, о котором в примечании сказано, что он «сочинитель календарей, в другой части света человек весьма известный».

Ни одно произведение Франклина не переводилось и не переиздавалось в России столь часто, как это. В 1791 г. в Москве вышло отдельное издание в новом переводе с французского. Часть тиража была отпечатана с обозначением на титульном листе инициалов переводчика: М. В., которые принадлежали писателю и переводчику Михаилу Ивановичу Веревкину (1732–1795), выпустившему незадолго перед тем в типографии Новикова перевод «Истории о странствиях вообще по всем краям земного круга» аббата Прево. В «Авторском предуведомлении» к изданию 1791 г. говорилось о трудящемся классе простых людей, под которым сметливый русский читатель мог понимать не только купечество и ремесленников, но и крестьянство: «Предмет издания в свет сея книжки есть тот, чтоб распространить верные начала для мудрого поведения себя во время течения жизни и внушить вкус к граж-

³² «СПб. Ведомости» и «Московские Ведомости», печатавшие списки новых русских и переводных книг, ни словом не обмолвились о книге Франклина. Отсутствует она и в книгопродавческих росписях крупнейших книжных лавок того времени – Академии наук в Петербурге и у Новикова в Москве. Очевидно, были причины, оставшиеся нам неизвестными, почему не рекламировалось это издание, сохранившееся лишь в считаном числе экземпляров, меньшем, чем количество дошедших до нас экземпляров «Путешествия» Радищева. Упоминание о ней имеется только в «Росписи Российским Санктпетербургским книгам...» (1788. С. 22), выпущенной И.К. Шнором, в типографии которого было отпечатано «Учение добродушного Рихарда».

³³ СПб. Еженедельное Сочинение. 1778. 14 июня. Лист 7. С. 108–112.

данским и нравственным добродетелям тому драгоценному классу людей, без которых бы мы почти во всем имели недостатки»³⁴.

В 1798 г. появился журнальный перевод с немецкого языка под названием «Убогий Яков, у которого всего довольно. Из светского философа Энгеля» (русский переводчик Гр. Глинка приписал сочинение Франклина немецкому переводчику Иоганну Якову Энгелю). П.П. Бекетов, известный московский издатель и продолжатель просветительской деятельности Новикова, включил «Дорогу к щастию, или Науку добродушного Рихарда» в изданное им «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина» (1803, перевод с французского), а в следующем году выпустил отдельное издание этого произведения. Этическое учение Франклина, сформулированное в книге о простаке Ричарде, вызывало горячий интерес русских читателей, хотя переводчики, переводившие «Путь к изобилию» (как именуется это сочинение в современных изданиях) под столь разными названиями и с разных языков, едва ли знали переводы друг друга. Не уменьшился интерес к этой книге и в XIX в., когда ее название стали переводить ближе к подлиннику: «Путь к обогащению» и даже «Средство разбогатеть скоро и верно». Однако и в начале XIX в. Франклина переводили преимущественно с французского. Новое отдельное издание «Учения Ришарда добродушного, или Способ платить налоги» вышло в 1830 г. в переводе с французского, сделанном К. Львовым³⁵.

В том же 1830 г. «Наука доброго Рихарда, или Путь к счастью» увидела свет в переводе такого писателя весьма консервативного склада, как С.Н. Глинка, который в своем «Предуведомлении» называет книгу «драгоценнейшим сочинением Вениамина Франклина» и продолжает: «Этот отрывок можно назвать катехизисом народной нравственности. Тут каждое слово урок для жизни. Пишут, что в теперешней Франции все юные граждане знают его наизусть. Желаем, чтобы и наши юные граждане в этом подражали им»³⁶. Этическая многогранность Франклина давала возможность различным слоям русского общества читать и понимать его по-своему.

³⁴ Как благополучно век прожить? Наука доброго человека Рихарда / пер. с франц. М. В. М.: тип. Гиппиуса, 1791. С. 4–5 (экземпляр РНБ).

³⁵ Имя переводчика значится в архиве Московского цензурного комитета (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 12. № 585).

³⁶ Московский альманах для юных русских граждан, или Новая ручная энциклопедия. М.: Унив. тип., 1830. С. VI.

Первыми художественными произведениями Франклина, появившимися на русском языке, стали его маленькие памфлеты «О цветах платья» и «Надгробная надпись Бенямина Франклина, кою он сам себе сочинил будучи типографом в Бостоне». Оба они напечатаны в «Санкт-Петербургском Вестнике» (февраль 1778 и июль 1780 г.). Эпитафия Франклина, написанная в молодости (1723), переводилась в XVIII в. неоднократно. В 1794 г. «Надгробие Доктора Франклина, им самим для себя задолго до кончины его начертанное» опубликовал Ф.В. Каржавин в своей книге «Вожак показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских», где дан французский перевод, принадлежащий Каржавину, и параллельно русский – Е.В. Рознотовского, переводчика «Персидских писем» Монтескье, вышедших в 1792 г. в Петербурге. Наконец, Андрей Тургенев, один из наиболее талантливых русских поэтов рубежа XVIII–XIX вв., пишет первую на русском языке биографию Франклина, которую заключает текстом «Эпитафии» на английском и русском языках. Таким образом, перевод Андрея Тургенева можно считать первым переводом Франклина с языка оригинала.

«За несколько лет до своей смерти, – делал догадку Андрей Тургенев (на самом деле в том же возрасте, в котором был тогда сам юный поэт), – Франклин сочинил для себя следующую Эпитафию:

Подобно переплету старой
книги, которой содержание
выдрано;
и которая лишена своего заглавия и позолоты, лежит
здесь на пищу червям
Тело
Типографщика Вениамина Франклина.
Но самое сочинение не пропадет. А (как он верил)
явится некогда
В новом
И прекраснейшем издании, рассмотренное и исправленное
Автором»³⁷.

Перевод Андрея Тургенева отличается прозрачной реалистичностью, свойственной его «Элегии» («Угрюмой Осени мертвящая

³⁷ Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением Краткого описания его жизни и некоторых его сочинений / [пер. Ан. Тургенев]. М.: Унив. тип., 1799. С. 15.

рука...»). Своеобразие стихотворного стиля Тургенева сказалось и в переводе эпитафии Франклина. Сравним тургеневский перевод с тем, что появился в книге Каржавина. Между ними разница всего в пять лет, но как будто два разных века столкнулись в переводческой сшибке:

Здесь лежит
ТЕЛО
книгопечатника
ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА,
яко переплет древней книги
коя
содержание истнилось,
надпись и позлащения стерты:
Тело, снедь червям;
но творение еже не погибнет:
зане (веровал Он тако)
явится еще оно
в новом и велелепнейшем
самим творцом
пересмотренном и исправленном
издании³⁸.

Еще один перевод, на этот раз прозаический, появился в 1830 г. В «Предуведомлении» переводчика С.Н. Глинки к новому изданию «Науки доброго Рихарда, или Пути к счастью» приведена надгробная надпись Франклина, о которой говорится (очевидно, на основе ошибочных сведений из перевода Ан. Тургенева), что Франклин сочинил ее «за несколько лет до кончины своей»³⁹.

До 1790-х годов один только Н.И. Новиков пытался в своей газете дать читателям представление о Франклине как ученом и общественно-политическом деятеле. Имя Франклина связывалось в русской литературе преимущественно с его научными открытиями, прежде всего, конечно, с громоотводом. Поэт-сатирик Д.П. Горчаков в стихотворении «Теперешняя моя жизнь» (1788) шутовливо писал:

³⁸ Каржавин Ф.В. Вожак показывающий путь... Во граде св. Петра: печ. у Шнора, 1794. С. 199.

³⁹ Московский альманах для юных русских граждан, или Новая ручная энциклопедия. С. V.

Франклин, сей физик дерзновенный,
Невежества презревший крик!
Перуну древнему подобный,
Держа в своей деснице гром,
Назначил путь, ему удобный,
И от него хранит мой дом⁴⁰.

Нарушив этот узкопрактический взгляд на заслуги Франклина, Радищев провозгласил высокую миссию Франклина как революционера, что не замедлила отметить Екатерина II. В своих замечаниях на «Путешествие» Радищева она повторила приведенные в книге слова о Франклине, приложив их к самому Радищеву: «...он себя определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнут скиптра из рук царей»⁴¹.

Теперь становится понятно, почему Радищев ставил Франклина выше Ломоносова. Ясно, что Радищев хотел не унижить великого русского ученого и писателя, «Слово» о котором венчает все «Путешествие», а подчеркнуть главную мысль – необходимость революционной борьбы («исторгнуть скиптр из рук царей»).

Сопоставив заслуги Ломоносова и Франклина, Радищев первый заговорил о русско-американских культурных связях, положил начало изучению в нашей стране жизни и деятельности этих двух ученых и писателей.

В 1947 г. Е.М. Двойченко-Маркова выдвинула гипотезу о возможности прямого обращения Б. Франклина к М.В. Ломоносову⁴². Не вдаваясь в подробности этого вопроса, достаточно обстоятельно освещенного в последующих исследованиях (в частности, в уже упомянутой статье Н.Н. Болховитинова «Б. Франклин и М.В. Ломоносов»), отметим со своей стороны научную значимость темы «Ломоносов в Америке», ибо великому русскому ученому, как мы полагаем, принадлежит первая на русском языке статья об «аглинских селениях» в Америке – будущих Соединенных Штатах.

В 1790-е годы популяризатором Франклина в России выступал Н.М. Карамзин, для которого американский просветитель был

⁴⁰ Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л.: Сов. писатель, 1954. С. 103.

⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 6. Л. 185 об.

⁴² *Dvoichenko-Markoff E.* Benjamin Franklin, the American Philosophical Society and the Russian Academy of Science // *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1947. August. Vol. 91. N 3. P. 251.

любимым героем (портрет Франклина висел в его кабинете)⁴³. В стихотворении «К нынешнему столетию» (1791) Карамзин называет имя Франклина в ряду с Вольтером и Вашингтоном, а в рецензии на французский перевод франклиновой «Автобиографии» повторил утвердившуюся в России мысль Новикова – Радищева о двух главных заслугах («двух лучших местах») великого американца: «Франклин, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме английского языка и бедного типографского ремесла, – сей Франклин через несколько лет сделался известен и почтен в двух частях света, смирил гордость Британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науки!»⁴⁴ Подобная оценка Франклина стала к тому времени общепринятой. Еще в 1786 г. в заметке о немецком издании его политических и философских сочинений Ф.О. Туманский в журнале «Зеркало Света» писал: «Франклин прославился в нынешнем веке не менее личными своими заслугами, как и дарованиями разума. Будучи сначала простым токмо книгопечатником в Бостоне, соделался, наконец, важным человеком, орудием происшедшей в северной Америке великой перемены»⁴⁵.

В «Письмах русского путешественника», печатание которых началось в том же «Московском Журнале», где Карамзин уже писал о Франклине, он прямо развивает столь острый тогда тезис Радищева о том, что для «нынешнего века» Франклин-политик важнее Франклина-ученого: «Я вам поставлю в пример Франклина, не как ученого, но как политика. Видя оскорбляемые права человечества, с каким жаром берется он быть его ходатаем! С сей минуты перестает жить для себя и в общем благе забывает свое частное. С каким рвением видим его, текущего к своей великой цели, которая есть благо человечества!»⁴⁶

Одним из русских просветителей рубежа XVIII–XIX вв. был Андрей Тургенев. «В талантливой семье Тургеневых, – пишет его биограф А. Фомин, – которая, как это теперь все более и более выясняется, была наиболее ярким центром русской интеллигенции

⁴³ Второв Н. Гаврила Петрович Каменев // Вчера и сегодня. Литературный сб., составленный В.А. Соллогубом. СПб.: Смирдин, 1845. Кн. 1. С. 52.

⁴⁴ Московской Журнал. 1791. Декабрь. Ч. 4. Кн. 3. С. 355. То же в кн.: Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. II. С. 116–117.

⁴⁵ Зеркало Света. 1786. 23 февраля. Ч. I. № 3. С. 62–63.

⁴⁶ Карамзин Н.М. Избр. соч. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. I. С. 161.

с конца XVIII по вторую четверть XIX века, каким-то метеором промелькнул Андрей Иванович Тургенев. Блеснул яркими искрами недюжинного поэтического дарования, озарил мягким ласкающим светом своих товарищей-друзей и скрылся в могильной тени двадцатилетним юношей»⁴⁷.

Обращение Андрея Тургенева к наследию Б. Франклина не привлекало до сих пор внимания исследователей, в работах которых редко даже упоминается выпущенная восемнадцатилетним Ан. Тургеневым книга «Отрывок из записок Франклиновых». Только академик А.Н. Веселовский в своем исследовании о Жуковском приводит письмо (не датированное) Жуковскому, в котором Ан. Тургенев рассказывал о работе над переводом: «Франклинову жизнь кончил, только все совсем не так, как должно быть... Если бы не батюшка и не Иван Володимирович <Лопухин> хотели этого, то, право бы, все бросил... Ой, Франклин, заел ты меня!»⁴⁸ Отец Андрея Тургенева был другом Новикова, и в его семье сохранялись традиции философского свободомыслия и почитания великих просветителей прошлого, в том числе и Франклина.

Однако Ан. Тургенев заинтересовался Франклином не только по настоянию отца. Во Франклине он почувствовал первого писателя молодой американской нации, у которой еще не было своей литературы. И не случайно в своем эстетическом кредо – речи «О русской литературе», написанной вскоре после перевода записок Франклина, он выступил с призывом к созданию национальной литературы. Как будто пушкинский голос звучит со страниц удивительной по своей прозорливости тургеневской речи: «Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы; в сих то драгоценных остатках, а особливо в песнях находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них особливо в печальных встречается такая пленяющая унылость, такие красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы»⁴⁹. И уж если непременно должны мы подражать,

⁴⁷ *Фомин А.А.* Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров // Русский Библиофил. 1912. № 1. С. 7–8.

⁴⁸ *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Акад. наук, 1904. С. 60 (автограф в: ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 4759. Л. 52).

⁴⁹ Русский Библиофил. 1912. № 1. С. 28–29.

заклучает Ан. Тургенев, то «гораздо сроднее бы с духом нашего народа» было бы подражать «писателям аглинским» (к которым в то время относили и Франклина), а не французским. Через два десятилетия ту же мысль выразил Пушкин: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (XIII, 40).

Гражданственность поэзии и публицистики Ан. Тургенева сыграла известную роль в подготовке гражданской поэзии декабристов⁵⁰. Глубокой симпатией к «рано отцветшему» Андрею Тургеневу звучат слова В.К. Кюхельбекера: «Несчастлива Россия насчет людей с талантом; этот юноша, который в Благородном пансионе был счастливый соперник Жуковского и, вероятно, превзошел бы его, умер, не достигнув и двадцати лет»⁵¹.

История появления книги переводов Тургенева из Франклина не совсем обычна. Рукопись дважды поступала в цензуру. Сначала 22 сентября 1798 г. был представлен только «Отрывок из записок Франклиновых»⁵², и лишь через полгода в Московскую цензуру поступила от Андрея Тургенева полная рукопись перевода «с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений»⁵³. 5 марта 1799 г. сборник произведений Франклина получил цензурное разрешение и вскоре вышел в свет.

Центральное место в книге переводов Тургенева занимает отрывок из «Автобиографии» Франклина. Главная мысль всего «Отрывка» выражена Тургеневым в его очерке «Жизнь Франклина», которым открывается книга: «Неутомимое трудолюбие, пламенная любовь к наукам, соединенная с прямотою и честностию, были главные черты в франклиновом характере»⁵⁴. Идея самовоспитания привлекала во Франклине всех русских писателей, обращавшихся к его наследию, — от Андрея Тургенева до Льва Толстого.

⁵⁰ См.: Лотман Ю.М. Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. С. 323–338.

⁵¹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 155.

⁵² ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 14. № 221.

⁵³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15 об. № 59.

⁵⁴ Отрывок из записок Франклиновых... С. 9. Андрей Тургенев переводил и другие произведения американского писателя. В архиве Жуковского сохранилось начало перевода памфлета Франклина «Здоровая и кривая нога» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 320).

В начале XIX в. в русском обществе наблюдается дальнейший рост интереса к сочинениям американского просветителя. В том самом 1803 г., когда П. Бекетов выпустил «Собрание разных сочинений» В. Франклина, брат Андрея Тургенева – Александр в письме к родителям из Геттингена и в своем дневнике выписывает афоризмы Франклина и высоко оценивает «прекрасную Франклинову пьеску»⁵⁵, как он называет изречения добродушного Ричарда «Путь к изобилию». Поэт и публицист В.В. Попугаев в стихотворении «Письмо к Борну» (1803) говорит о Франклине как о философе, хорошо известном в кругах русских просветителей. Вместе с тем поэт создает сатирический образ «философа»-краснобая, готового поговорить о Франклине:

Он любит истину, науки на словах
И пользы обществу, как патриот, желает!
Франклин, мудрец Сократ велик в его очах,
С Катонем Утики он твердо умирает⁵⁶.

Наступление нового столетия порождает стихи, в которых поэт окидывает взглядом век минувший и устремляется мыслью в неведомый еще век девятнадцатый. Среди того, чем мог гордиться прошедший век, Франклин занимает почетное место:

Древность, мавзолеей своей украшая,
Лишь над нами упражняет гнев
И, осьмнадцатый век удушая,
Высечет лишь новый барельеф.
Франклин, преломивши скиптр британской,
Рейналь с хартией в руке гражданской...⁵⁷

Таковы герои XVIII в., изображенные в стихотворении «Древность», приписывавшемся последовательно Державину, Радищеву и П.А. Словцову.

⁵⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. Письма и дневник А.И. Тургенева геттингенского периода (1802–1804) и письма его к А.С. Кайсарову и братьям в Геттинген (1805–1811 гг.). СПб.: Акад. наук, 1911. С. 97, 195.

⁵⁶ Поэты-радищевцы. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 171. См.: Орлов В. Русские просветители 1790–1800-х годов. Изд. 2-е. М.: Гослитиздат, 1953. С. 452.

⁵⁷ Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 216–217.

Перун, что был непостижим,
Теперь довольно изъясним⁵⁸,

– писал С.С. Бобров об открытии Франклина в «Запросе новому веку». С годами имя Франклина приобретало характер нарицательный. А.Ф. Воейков в отрывке из поэмы «Искусства и науки» (1817) прославлял Ломоносова как ученого и поэта:

Хвала! Ты был для нас Франклином и Ньютоном,
И совместил в себе Пиндара с Цицероном⁵⁹.

Поэт и филолог начала XIX в. Н.Ф. Грамматин в «Надписи» к портрету Ломоносова повторяет ту же мысль («Он сам себе тропу на Пинде проложил; / Франклином, Пиндаром страны российской был») и дает примечание: «Франклин в Филадельфии и Ломоносов в Петербурге в одно время исследовали причину электрической силы в воздухе и попали на одну и ту же»⁶⁰.

Александр Тургенев в своей речи в литературном кружке «Арзамас» 22 апреля 1817 г. говорил о Франклине⁶¹. Имя Франклина нередко встречается в переписке журналистов пушкинской поры Н.А. Полевого и С.Д. Полторацкого. «Назначьте, ради бога, мне свидание, чтобы поговорить о том почтенном деле, каким занимался наш предок Франклин»⁶², – писал Н. Полевой, имея в виду свои издательские начинания. В шутовском письме заболевшему Полторацкому он восклицает: «Да поможет Вам тень Великого Франклина: он умел отнять молнию у неба, а скипетр у тиранов»⁶³. Это определение Франклина, утвердившееся в русской литературе со времен Новикова и Радищева, стало крылатым.

Неизменный интерес вызывала американская революция и ее вожди – Вашингтон, Франклин, Джефферсон – у декабристов и у их окружения. Друг Кюхельбекера по Лицею В.Д. Вольхов-

⁵⁸ Поэты 1790–1810-х годов. С. 102.

⁵⁹ Вестник Европы. 1819. Апрель. Ч. 104. № 8. С. 249. См.: Алексеев М.П. Пушкин и наука его времени // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 34.

⁶⁰ Поэты 1790–1810-х годов. С. 329.

⁶¹ Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей, 1933. С. 221.

⁶² Письма Н.А. Полевого к С.Д. Полторацкому / публикация В. Салинки (по фондам РНБ) // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Т. 9. Литература. Вильнюс: Минтис, 1966. С. 318.

⁶³ Там же. С. 309.

ский писал ему 7 марта 1823 г.: «Любимый мой герой Франклин, сын типографщика, сам был простым работником, и потому будь уверен в искренности моей насчет мнения, что никакое занятие не унижает человека»⁶⁴. По свидетельству декабриста Н.И. Лорера, петербургская военная молодежь по возвращении из походов 1813–1815 гг. много читала, в полках стали заводить библиотеки, в которых были и сочинения Франклина⁶⁵. Декабрист А.М. Муравьев в показаниях следственному комитету писал, что в юности «был прельщен» чтением французских просветителей и Франклина⁶⁶. Вспоминая о разговорах с П.И. Пестелем, когда тот работал над проектом социально-политических преобразований в России («Русская правда»), Лорер писал: «Не раз беседуя с Пестелем с глаз на глаз, в длинные зимние вечера, я часто спрашивал его:

– Как это вы, Павел Иванович, гениальный человек, а не шутя полагаете возможным водворить в России республику?

– А Соединенные штаты чем же лучше нас? – отвечал он мне.

– Но там другие элементы, – возражал я, – помилюйте, Соединенные штаты долго были колониєю Англии, платили ей дань и только, когда почувствовали свою мощь и у них явился Вашингтон, решились отделиться. Положим, и у нас найдутся Вашингтоны, Франклины, но общество наше еще к этому повороту не готово, и, признаюсь вам, что я, по крайней мере, не вижу хорошего исхода»⁶⁷.

Имя Франклина прочно входило в сознание русской передовой интеллигенции. Декабрист Пётр М. Бестужев 21 февраля 1829 г. писал брату А.А. Бестужеву из крепости Ахалцих на Кавказе: «Франклин, призывая с неба молнию, не был так обрадован, когда она упала к ногам его, как я, получа письмо твое»⁶⁸. Читая в ссылке Франклина, А.А. Бестужев писал 25 марта 1829 г. братьям: «Последнее время утешал меня Франклин. Какая теплая любовь к человечеству! Какая убедительная ясность изложения! Вот был человек!»⁶⁹ В 1837 г. Н.А. Бестужев в письме с каторги к брату Павлу размышляет о национальном достоинстве русского народа, проблеме, живо волновавшей декабристов: «Говоря о ходе просвеще-

⁶⁴ Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 483.

⁶⁵ Лорер Н.И. Записки декабриста. М.: Комакадемия, 1931. С. 57.

⁶⁶ Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. XIV. С. 395.

⁶⁷ Там же. С. 74.

⁶⁸ Воспоминания Бестужевых / ред. статья и коммент. М.К. Азадовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 483.

⁶⁹ Русский Вестник. 1870. Т. 87. № 5. С. 254.

ния, нельзя также не упомянуть с некоторою гордостью, что по части физических применений мы, русские, во многих случаях опережали других европейцев: чугунные дороги – не новы; они существуют на многих железных заводах для перевозки руды бог знает с которой поры... Англия, Франция и Америка захлопотали недавно о подводных лодках: у нас при Петре уже деланы были опыты⁷⁰. В Америке только Франклин открыл аналогию грома с электричеством: у нас Рихман убит при опытах с электрическим змеем, который он спускал с Ломоносовым»⁷¹.

В конце 1820-х годов в Читинском остроге декабристы И.И. Пущин и В.И. Штейнгель перевели «Записки Франклина». К переводу Пущин написал предисловие с посвящением Е.А. Энгельгардту, директору Лицея, который еще в лицейские годы познакомил Пущина с этой «дельной книгой». При пересылке рукопись затерялась. «Черновую рукопись я истребил по случаю бывшего тогда тюремного осмотра, – пишет Пущин. – Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены»⁷². Рукопись перевода, сделанного Пущиным и Штейнгелем, еще может обнаружиться среди анонимных переводов «Автобиографии» Франклина, хранящихся в различных архивах⁷³.

Некоторые переводы из Франклина проходили цензуру, но по тем или иным обстоятельствам не выходили в свет. В «Журнале заседаний Московского цензурного комитета» за 1835 г. можно прочесть о представлении и разрешении рукописи «Труд, уме-

⁷⁰ Н. Бестужев имеет в виду изобретение крестьянина Ефима Никонова, сообщение о котором появилось в «Московском Телеграфе» в декабре 1825 г. (Т. 6. № 23. С. 223–226) под названием «Об изобретении подводных судов в России в 1719 году».

⁷¹ Воспоминания Бестужевых. С. 676. Пушкин еще в 1825 г. писал, что Ломоносов «с несчастным Рихманом предугадывает открытие Франклина» (XI, 32). О Пушкине и Франклине см. в главе «Пушкин и американская литература».

⁷² Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худож. лит., 1956. С. 202.

⁷³ В РГАЛИ имеется анонимная рукопись из коллекции Н.И. Второва «О исправлении нравственных недостатков. (Отрывок из записок Франклина)» (Ф. 1345. Оп. 2. Ед. хр. 174). Водяные знаки позволяют отнести бумагу, на которой сделан этот перевод, к 1826–1828 гг. (Клепиков С.А. Филигранный текст на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М.: Наука, 1978. С. 73. № 1273). Есть основание предположить, что перед нами часть перевода Пущина и Штейнгеля. Сличение почерков Пущина и Штейнгеля с анонимным переводом РГАЛИ не дает убедительного подтверждения того, что мы имеем дело с автографом, а не с копией. Очевидно, потребуется дальнейшее изучение этой рукописи.

ренность, промышленность, нравоучения для детей» из сочинений Франклина⁷⁴, дальнейшая судьба которой неизвестна.

В 30-е годы широко читался роман Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (1832). В четвертом томе этого шеститомного издания целая глава (XII) посвящена изложению и утверждению благотворного влияния «Франклиновых правил» на русскую молодежь. Внешний облик великого американца пользовался такой известностью в русском обществе, что В.Ф. Одоевский, желая дать представление о герое своего рассказа «Черная перчатка» (1838), говорит, что он был «немножко похожим на Франклина»⁷⁵. Наконец, во втором томе «Мертвых душ» полковник Кошкарев мечтает, чтобы каждый крестьянин, идя за плугом, мог читать в то же время Франклинову книгу «о громовых отводах». Здесь книга Франклина играет уже роль семантического знака, обозначающего условно-ироническую ситуацию, которая развивалась в русской литературе вплоть до Маяковского («Землю попашет, попишет стихи»).

Интерес декабристов к американской революции и Франклину как ее идеологу обстоятельно проанализирован в книге С.С. Волка «Исторические взгляды декабристов»⁷⁶. Ф.Н. Глинка называл американскую войну за независимость «священной народной войной», Н.А. Бестужев величал революционную Америку «матерью свободы», Н.И. Тургенев еще в годы учения в Геттингене восхищался борьбой американцев против английского ига, братья Беляевы перевели, но перед арестом сожгли «Путешествие в Америку» участника американской и французской революций Лафайета. Когда декабриста А.М. Муравьева на допросе спросили: «Откуда заимствовали вы свободный образ мыслей?» – он отвечал, что читал Руссо, Вольтера, Монтескье, Мирабо, Франклина и других мыслителей⁷⁷. Героем наиболее решительно настроенных декабристов был, однако, не ученый-гуманист Франклин, а боевой генерал Вашингтон. А.В. Поджио, требовавший установления республики и истребления царской семьи, говорил своему ближайшему сподвижнику П.И. Пестелю: «Вам предстоит слава Вашингтона»⁷⁸.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 104. Л. 105 и 131 об.

⁷⁵ *Одоевский В.Ф.* Сочинения: [в 3 ч.]. СПб.: изд. Иванова, 1844. Ч. 2. С. 18.

⁷⁶ *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 248–250.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 3 второй пагинации.

⁷⁸ Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1954. Т. XI. С. 76.

Белинский, воспринимавший Франклина в контексте общественно-политической борьбы его времени, неодобрительно отозвался о статье О.И. Сенковского «Франклин», появившейся в 1841 г. в «Библиотеке для Чтения», где великий просветитель был представлен «идеалом лукавства и эгоизма»⁷⁹. Вплоть до 60-х годов имя Франклина сохраняло радикально-демократическое звучание.

В 1839 г., находясь во Владимире, А.И. Герцен пишет драму «Вильям Пенн», заключительная сцена которой оканчивается знаменательным финалом: на могиле Пенна, основателя колонии в Америке (известной в дальнейшем под именем Пенсильвания), «стоят три путника, пришедших поклониться его праху. Один из них Вашингтон, другой Франклин, третий Лафайет – граждане Северо-Американской республики»⁸⁰. Однако идеализация Америки и ее социальных установлений, свойственная декабристам и раннему Герцену, вскоре превращается у последнего в противопоставление Франклина современной буржуазной Америке⁸¹. Через десятилетие Герцен писал в книге «С того берега»: «Куда бежать? Где эта новая Пенсильвания, готовая?.. Вильям Пенн вез с собою старый мир на новую почву; Северная Америка – исправленное издание прежнего текста, не более»⁸².

Этический кодекс Франклина был близок Льву Толстому особенно в начале и в конце его творческого пути⁸³. По его собственному признанию в дневнике (11 июня 1855 г.), он вел «франклиновский журнал» с 15 лет, ежедневно отмечая в нем, какую из добродетелей он нарушил за истекший день. Отголоски этого «журнала» мы встречаем в черновиках повести «Юность»⁸⁴. Имя Франклина дважды возникает в «Анне Карениной». Размышляя о

⁷⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. V. С. 575, 842. Декабрист М.А. Фонвизин писал И.И. Пущину 31 марта 1842 г.: «Статью Сенковского о Франклине я прочел, и меня несколько не удивила его бессовестность» (Фонвизин М.А. Сочинения и письма: [в 2 т.]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. Т. I. С. 239).

⁸⁰ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 342.

⁸¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XII. С. 473.

⁸² Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VI. С. 28.

⁸³ Dvoichenko-Markova E. Benjamin Franklin and Leo Tolstoy // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952. April 21. Vol. 96. N 2. P. 119–128; Фридлендер Г.М. «Воскресение» Льва Толстого и «Речь Полли Бекер» Б. Франклина // Сравнительное изучение литератур. Сб. ст. к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1976. С. 304–308.

⁸⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 2. С. 394.

народе и России и о цели, которую он ставит себе в жизни, Лёвин думает: «Я уверен, что Франклин чувствовал себя так же ничтожным и так же не доверял себе, вспоминая себя всего» (ч. 3, гл. 30). В одном из писем 1887 г. Л.Н. Толстой предлагал «Записки» Франклина для издания для народа⁸⁵. Воспринимаемый по-разному в различных слоях русского общества, Франклин прокладывал свой путь к сердцам нового поколения читателей.

⁸⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1937. Т. 86. С. 11.

Часть вторая

АМЕРИКАНСКИЙ РОМАНТИЗМ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Осматривал их Российскими, то есть
острыми и примечающими глазами.

Ф.В. Каржавин

Начало Русской Америки восходит к 40-м годам XVII в., когда русские промысловые суда подходили к берегам Аляски. В XVIII в. Америку стали посещать, теперь уже с востока, через Атлантику, русские путешественники, «вдохновенные бродяги», как назвал их Н.С. Лесков, посвятивший их удалецким «скаскам» одну из своих повестей. «Скасками» назывались в России сообщения, которые «бывалые» люди по возвращении из своих путешествий подавали своим милостивцам или правителям, а иногда и самому государю. Главное содержание этих «скасок» составляет сочетание былей с небылицами, в которых прославляется отвага, терпение и верность бродяжных героев. «Скаскам», которые сочиняли о себе «вдохновенные бродяги», легко верили, их читали как документальную прозу того далекого времени – люди всегда хотели знать достоверные факты о других народах и государствах.

1 октября 1787 г. в Петербурге появилась анонимная книга под названием «Нещастныя приключения Василья Баранщикова мещанина Нижняго Новогорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год». Уже в ноябре вышло второе издание книги «с дополнением и фигурами», на следующий год еще одно, а через пять лет новое. Книгочей той поры, как и теперь, любили описания странствий бывалых людей.

В этой книжке екатерининского века повествуется о том, как нижегородский мещанин, он же купец, оставив на людское попече-

ние свою жену и детей, отправился попытать счастья в Петербург, нанялся там матросом на корабль, идущий с грузом мачтового леса из Кронштадта в Бордо. Однако на этом корабле Баранщиков дошел только до Копенгагена, где сделался жертвою злоумышленников. Вместе с другими матросами он был отпущен с корабля в город «для покупки себе надобного» и, возвращаясь из города один на свой корабль, «зашел в питейный дом под вечер, как свойственно русскому человеку, выпить пива».

Предоставим далее слово Н.С. Лескову, который в своей повести «Вдохновенные бродяги» обыгрывает наиболее колоритные моменты злосудных незадачливых Баранщикова в Америке и других частях света. Первое из «несчастных приключений» произошло с героем в копенгагенском питейном доме, где он встретил датчан, которые показались ему очень приветливыми и чрезвычайно ему понравились. А датчане «сейчас же догадались, что он русский, и указали ему на водку и пиво». Баранщиков, «как свойственно русскому человеку», не устоял против водки и пива и обязанности свои отложил, воспользовался приглашением и начал с датчанами пить. «Через полчаса их приятная компания увеличилась и к ним присоединился какой-то “нарядный плут”. Этот внес оживление в беседу тем, что стал объясняться по-русски в таком роде: “здравствуй, брат! здорово ли ты живешь? откуда и куда плывете?”»

Датчане пригласили Баранщикова ночевать к себе на корабль, придя на который, он попал в трюм, где его приковали за ногу к стене. Тут Баранщиков смекнул, что он обманут, и стал просить датчан «угрозами и ласкою» отпустить его на русский корабль. Но датчане не обращали уже никакого внимания на его просьбы, а только прислали к нему того «нарядного плута», который в кабаке выдавал себя за русского, а теперь «успокаивал» и «улещал» Баранщикова обещанием, что его скоро раскуют и свезут в Америку, где «житье доброе и много алмазов и яхонтов». Он, «как свойственно русскому человеку», глупости поверил...»¹.

Красочная история Баранщикова характерна для жизнеописаний русских бывалых людей XVIII столетия. Очевидно, это и породило предположение, будто «Несчастные приключения Василия Баранщикова» принадлежат перу известного русского просветителя и писателя Фёдора Васильевича Каржавина (1745–1812). Версия эта не имеет под собой сколько-либо серьезного основания. В частности, рецензент журнала «Зеркало Света» справедливо отмечал, что автор

¹ Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: в 36 т. СПб.: А.Ф. Маркс, 1903. Т. XXI. С. 120.

«Нешастных приключений», записавший рассказ В.Я. Баранщикова, реально существовавшего лица, «употребил смешанный и неприятный слог, доказывающий нерадение»². Это никак нельзя отнести к Ф.В. Каржавину, мастерски владевшему пером. К тому же он находился в те годы во Франции. Тем не менее книга о странствиях Баранщикова представляет собой значительный историко-литературный интерес и является, по словам В.В. Сиповского, «эмбрионом русского авантюрного романа»³.

Как известно, личные контакты русских с американцами были начаты еще Петром I. В начале 1698 г. в Лондоне он встретился с Уильямом Пенном, основателем колонии Пенсильвания в Северной Америке, который еще в XVII в. вынашивал планы объединения всех американских колоний⁴. Однако более или менее постоянные контакты русских и американцев восходят к эпохе американской революции. И пионером этих встреч был Ф.В. Каржавин.

Литературная судьба Каржавина не была легкой и не сложилась удачно. Академик М.П. Алексеев писал, что как филолог Каржавин напрасно забыт историей нашей науки. «Выученик Парижского университета, “всемирный странствователь”, служивший “своими переводами народам французскому, гишпанскому и американскому”, Каржавин немало потрудился и для своей родины в качестве “университетом московским апробированного и привилегированного учителя”, переводчика и сочинителя»⁵. Действительно, к тому времени, когда вышло исследование М.П. Алексеева, заставившее по-новому взглянуть на вклад Каржавина в русскую филологическую науку, помимо скудных биографических материалов, опубликованных еще в XIX в., существовали только две статьи

² Зеркало Света. 1787. 5 ноября. Ч. 6. № 97. С. 729. В журнале Нижегородского наместнического правления за март 1786 г. имеется запись допроса, снятого с нижегородского купца Василия Яковлевича Баранщикова, «явившегося добровольно из-за границы», которая в основных чертах совпадает с фабулой книги «Нешастные приключения» (Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.-Новгород, 1900. Т. 4. Отд. 2. С. 108–110).

³ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб.: Труд, 1909. Т. I. Вып. 1. С. 699.

⁴ Dvoichenko-Markov E. William Penn and Peter the Great // Proceedings of the American Philosophical Society. 1953. February 14. Vol. 97. N 1. P. 12–25.

⁵ Алексеев М.П. Филологические наблюдения Ф.В. Каржавина. (Из истории русской филологии в XVIII веке) // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1961. № 299. Серия филологич. наук. Вып. 59. С. 36. Энциклопедические справочники долгое время обходили имя Каржавина молчанием (см.: БСЭ, КЛЭ).

о Каржавине, написанные Е.М. Двойченко-Марковой и А.И. Старцевым⁶. За прошедшие два десятилетия появилось несколько общих и частных работ о выдающемся русском писателе-просветителе. К деятельности Каржавина обращено внимание исследователей различного профиля – историков, филологов, этнографов, книговедов, библиотечных и архивных работников, популяризаторов⁷.

Ф.В. Каржавин стоит у истоков литературных связей России и Америки. Он первый из русских писателей побывал в крупнейших городах атлантического побережья Северной Америки и на Кубе, первым из русских жил среди американских индейцев в Западной Виргинии. И не только побывал во всех этих местах, но и оставил нам свои рассказы о жизни Америки тех лет, о событиях американской революции, к которым он так или иначе был причастен.

В многосторонней работе Каржавина как общественного деятеля и путешественника, художника и филолога, издателя и переводчика, сочинителя и составителя «Невинных упражнений во время скуки», как означено на титульном листе одной из его книг, нас интересует лишь один аспект неумной натуры и беспокойной жизни писателя – его литературный талант, позволивший запечатлеть некоторые яркие моменты пребывания в Америке с 1776 по 1787 г. Подобно Василию Бараншикову, он – человек бывалый, немало повидавший на своем веку. «Я объехал 3/4 света, – писал он отцу, – знаю где 5-я часть света, вам еще неизвестная; я прошел сквозь огонь, воду и землю»⁸.

Детство Каржавина сложилось необычно. Отец, богатый купец, занимавшийся иностранной торговлей, отвез мальчика в 1752 г. в Лондон, а затем переслал в Париж, где тот вскоре поступил в Па-

⁶ *Dvoichenko-Markov E. A Russian Traveler to Eighteenth-Century America // Proceedings of the American Philosophical Society. 1953. September. Vol. 94. N 4. P. 350–355; Старцев А.И. Ф.В. Каржавин и его американское путешествие // История СССР. 1960. № 3. С. 132–139.*

⁷ *Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 130–145; Рабинович В.И. Революционный просветитель Ф.В. Каржавин. М.: Просвещение, 1966; Рабинович В.И. С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану. М.: Мысль, 1967; Полонская И.М. Издательская деятельность Ф.В. Каржавина // Проблемы рукописной и печатной книги. М.: Наука, 1976. С. 160–184; Долгова С.Р. Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф.В. Каржавина. (По материалам РГАДА) // Книга в России до середины XIX века. Л.: Наука, 1978. С. 274–285.*

⁸ *Дуров Н.П. Федор Васильевич Каржавин // Русская Старина. 1875. Февраль. Т. 12. № 2. С. 272.*

рижский университет. Вернувшись двадцатилетним юношей в Россию, Каржавин в течение двух лет преподавал французский язык, который он знал в совершенстве, семинаристам Троице-Сергиевой лавры и в то же время пополнял свои научные познания.

В Государственной публичной исторической библиотеке в Москве сохранилось приобретенное Каржавиным в 1767 г. (как свидетельствует его собственноручная надпись на переплете) второе московское издание книги «География, или Краткое земного круга описание», напечатанное повелением Петра I в мае 1716 г. На титульном листе имеется надпись, что книга сия «была Каржавина». В разделе об Америке Каржавин отчеркнул описание производства сахара, написав на полях: «о сахаре». Пометки на книге говорят о том, что юный Каржавин старательно изучал ее, что Америка волновала его воображение и что попал он в заокеанскую страну не случайно. Производство сахара интересовало Каржавина и позднее. Он писал о необходимости перенести способ домашней выварки сахара из Северной Америки в Россию⁹.

В 1773 г. Каржавин уезжает во Францию, откуда в сентябре 1776 г. отправляется на остров Мартинику, где живет до апреля 1777 г., а в мае того же года прибывает в Виргинию. Начинается американская эпопея в жизни Каржавина. Сохранился дневник (на французском языке) путешествия Каржавина по Виргинии в 1777–1778 гг., в котором даны живые зарисовки американской жизни¹⁰.

Еще накануне поездки в Америку, в Париже, Каржавин внимательно изучал развитие событий начавшейся войны за независимость английских колоний в Америке. Сохранился принадлежавший ему комплект журнала «Journal encyclopédique» за 1775 г., пометки на котором свидетельствуют, что, готовясь к заатлантическому путешествию, он старался разобраться в том, что происходит в Северной Америке¹¹. События начавшейся американской революции не пугали, а влекли к себе Каржавина.

⁹ Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор / пер. архитектуры-помощника Федора Каржавина. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1789. С. 88. См. также: *Старцев А.И.* Ф.В. Каржавин и его американское путешествие // История СССР. 1960. № 3. С. 137.

¹⁰ РНБ. Ф. 1000. Архив Ф.В. Каржавина. Л. 76–101 об. См. приложение к настоящей книге.

¹¹ *Полонская И.М.* Книги из библиотеки и с автографами Ф.В. Каржавина в собрании отдела редких книг // Труды ГБЛ. М.: Книга, 1978. Т. 14. С. 142.

В начале 1779 г. англичане захватили у берегов Виргинии корабль, на котором плыл Каржавин «с богатым грузом», команду высадили на лед недалеко от берега, а судно увели в Нью-Йорк. В автобиографии, составленной в 1788 г. для коллегии иностранных дел, Каржавин в одной пространной фразе красочно описывает свои злоключения после этого: «Думая сыскать помощь в Бостоне, исполнен русским не унывающим духом, к удивлению всех знакомых, пустился я пеший в путь с сумою на плечах, питаюсь солдатским казенным хлебом по билету, яко военнопленник пострадавший от Англичан, и дошел в 23 дни с паспортами министра и консулей французских до Бостона, где пробыл только двое суток, и, не застав того мартиниканца, от коего я надеялся получить помощь, возвратился я в 19 дней в Филадельфию, претерпев величайшую нужду, быв два дни слеп от преломления солнечных лучей на снегом покрытые поля и в опасности как от Англичан, так и от самих Американцев, которые меня почли шпионом на заставах, потому что я весьма малое время пробыл в Бостоне, имел на себе пакеты письменные как из Филадельфии в Бостон, так и из Бостона в Филадельфию, и шел я не по большой фурманной дороге, но по линии, разделяющей их от неприятеля, и сквозь Вашингтонову армию»¹².

К этому времени относится событие, о котором Каржавин рассказал в письме к отцу от 1 сентября 1785 г.: «Лет б тому 6 или 7 будет, как я жил на коште виргинского правительства месяцев 6 в Вилиямсбурге, где намеревался быть посланным к российской государыне от американского конгреса с публичным характером в то время, как они отправили доктора Франклина к королю францускому полномочным министром. Но обстоятельства военные, некоторые перевороты в американских делах, памятованье, что я был у вас не в милости и страх от российского министра Панина, ежели бы я, русский человек, послан был ко своей государыне в публичном звании от иностранной короны и прочее, причинили мне предпочесть возвратиться в Мартинику на 74-пушечном француском корабле Фандане»¹³.

Действительно, в январе 1780 г. Каржавин снова оказывается на Мартинике. Предпринятая через два года попытка вернуться в Виргинию окончилась неудачей, и, пробыв месяц в Нью-Йорке, он вынужден был уехать на Антильские острова и поселился до

¹² ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 8. Публикация автобиографии Каржавина в «Русской Старине» (1875. Февраль. Т. 12. № 2. С. 275) содержит ошибки.

¹³ СПбИИ. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 146/3. Л. 16 об.

конца войны в Гаване. В сентябре 1784 г. Каржавин вновь появляется в Нью-Йорке, откуда через Филадельфию возвращается в Виргинию. Послереволюционная Америка разочаровала Каржавина, хотя он прожил в Виргинии еще почти три года. «Американцы, потеряв свою честь и совесть при бумажной монете, – писал он, сравнивая утрату героических идеалов революции с обесцениванием бумажных, так называемых “континентальных денег”, – оных не нашли при серебряных деньгах»¹⁴.

Двенадцать лет провел в Америке Ф.В. Каржавин, «российскими, т.е. острыми и примечающими глазами»¹⁵ следил он за событиями американской революции. «Двененадцать лет я выжил в разных областях как холодной, так и теплой Америки; был всего 28 лет вне отечества: следовательно, довольно поездил, правда не по белому свету, хотя его так и называют, однако и не по черному, но по простому каков он есть»¹⁶, – писал Каржавин в одной из своих книг. Весной 1787 г. он покинул США и, побывав снова на Мартинике и в Париже, 25 июля 1788 г. прибыл на корабле в Кронштадт. Кончилось время странствий, началась издательская и переводческая деятельность в России.

Каржавин был писателем, склонным записывать свои мысли или рассуждения по поводу прочитанного как бы на полях книг, заинтересовавших его как переводчика и комментатора. Многое написано им в виде примечаний, неожиданных вкраплений в переводимый текст, примеров из собственной жизни. Подобный жанр просветительской прозы уже существовал в русской литературе, в частности в журналистике Новикова. Каржавин развил его, использовал как способ полемики и беседы с читателем, став своеобразным писателем-маргиналистом. На последнем листе одной из книг, приобретенной им в Америке, он написал: «Федор Каржавин: американский житель; парижский воспитанник; петербургский уроженец; в родине не свой; в сем мире чужой...»¹⁷.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 9 об.

¹⁵ Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии / пер. с английского яз. и примеч. Ф.В. Каржавина. СПб.: у Шнора, 1790. С. 194.

¹⁶ Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилия, трижды умершего; и проч... / пер. Ф.....а К.....а [Федора Каржавина], с примечаниями о неправильном выговоре и писании многих иностранных слов. М.: Унив. тип., 1791. С. 26.

¹⁷ Полонская И.М. Книги из библиотеки и с автографами Ф.В. Каржавина... С. 148.

Начав печататься у Н.И. Новикова в 1789 г.¹⁸, Каржавин продолжил общественно-политическую тенденцию публицистики выдающегося русского просветителя, в частности в вопросе о рабстве негров. Ему были близки и понятны выступления против рабства в новиковских изданиях: «Вся система торго невольниками есть непростительная система. Только подлое корыстолюбие может согласиться на сие бесчеловечие; право же народное оному противится. Закон природы не может оправдать сего унижения человечества»¹⁹. Сам Каржавин осуждает рабство негров в примечаниях к «Описанию хода купеческих и других караванов в степной Аравии». В книге «Новоявленный ведун», предисловие к которой подписано псевдонимом Каржавина «Русский американец», он с возмущением пишет, что «все берега Африканские и Американские стонут от бесчеловечия, с каким сахарные промышленники поступают с черноцветными народами»²⁰.

Литературное наследие Ф.В. Каржавина остается до сих пор не собранным. Когда-нибудь попечительные потомки издадут сборник сочинений этого человека острого ума и искусного пера. Пока же исследователи и читатели вынуждены ограничиваться старыми изданиями книг Каржавина да несколькими составленными им сборниками (точнее, конволютами) с собственными рукописными заметками – альбомом рисунков и гравюр в Отделе редких книг РГБ, сборником различных русских изданий 1770–1790-х годов в коллекции РГАДА, сборниками документов в Отделе рукописей ИРЛИ, архивами Каржавина в РНБ и в СПбИИ.

В сборнике, хранящемся в библиотеке РГАДА, представляють интерес «Стихи Федору Васильевичу господину Каржавину», написанные Андреем Ивановичем Бухарским (1767–1833) по поводу

¹⁸ Нам не представляется убедительной гипотеза В.И. Рабиновича об авторстве Каржавина в отношении статей об Америке, печатавшихся в новиковских «Московских Ведомостях» и в «Прибавлениях» к ним. Найти автора статьи об Америке в «Прибавлении к “Московским Ведомостям”» (1784. № 75. С. 578–585) оказалось несложно. В библиографии европейских путешественников в Америку в XVIII в. упоминается книга Джона Фердинанда Далзиела Смита «Tour in the United States of America» (London: Robinson, 1784). Книга эта оказалась в фондах РНБ. В седьмой главе я обнаружил текст, переведенный в статье «Краткие известия о провинции Виргинской. (Из письма некоего путешественника)» в упомянутом «Прибавлении к “Московским Ведомостям”».

¹⁹ Прибавление к «Московским Ведомостям». 1784. № 72. С. 546–547.

²⁰ [Каржавин Ф.В.]. Новоявленный ведун поведающий гадания духов. Невинное упражнение во время скуки, для людей не хотящих лучшим заниматься. Подражание другим сего рода иностранным сочинениям. СПб.: у Шнора, 1795. С. 71.

перевода Каржавиным на французский язык его стихотворения «Письмо к жене, от мужа идущего на приступ к городу Очакову; в декабре месяце 1788 года». В полушутливых стихах А.И. Бухарский формулирует переводческий принцип Каржавина:

Искусное перо повсюду жнет цветы;
Каржавин! преложив мое творенье, Ты
Наполнил оное пленяющей красою:
Все слабое мое потеряно Тобою²¹.

Другой русский писатель, посетивший английские селения в Америке в эпоху американской революции, – лицо полулегендарное. В 1782 г. в Лондоне были изданы «Письма американского фермера...» Жана де Кревкёра. Одиннадцатое письмо в этой книге называется «От мистера Ивана Алексеевича, русского дворянина, описывающее его посещение по моей просьбе мистера Джона Бертрама, знаменитого пенсильванского ботаника». Русский «автор» этого письма, скрывающийся под именем Ивана Алексеевича, сравнивает Россию и Америку. Перед нами одно из самых ранних сопоставлений подобного рода, принадлежащее перу американского писателя: «Я смотрю на нынешних американцев как на семя будущих народов, которые заполнят собою сей бескрайний континент; русских можно в некоторых отношениях сравнить с вами; мы тоже молодой народ, т.е. я хочу сказать, молодой в науках, искусствах и усовершенствованиях. Кто знает, какие революции могут в один прекрасный день породить Россия и Америка; мы, быть может, более близкие соседи, чем сами думаем. Я с особенным вниманием рассматриваю все ваши города... Хотя день их основания не так далек от сегодняшнего и еще совершенно свеж в памяти, их происхождение поставит пред потомством загадки, подобные тем, какие приходится ныне разгадывать нам, чтобы определить, когда были заложены древние города, которые время уже отчасти разрушило»²².

Русский корреспондент сравнивает систему сельского труда в Америке и крестьянский труд в России: «...если бы можно было возделывать поля всей Российской империи так же, как поля Пенсильвании, наш народ стал бы слишком многочисленным, слиш-

²¹ РГАДА. Библиотека. Сб. Ф.В. Каржавина. Л. 10. Напечатано в кн.: *Лихачев Н.* Каталог летучих изданий и их перепечаток. СПб.: тип. Балашева, 1895. С. 322.

²² *Брэдфорд Уильям.* История поселения в Плимуте; *Франклин Бенджамин.* Автобиография. Памфлеты; *Кревекер Сент Джон де.* Письма американского фермера: пер. с англ. М.: Худож. лит., 1987. С. 672–673.

ком счастливым и слишком сильным. Наши земли распределены столь неравномерно и у нас так мало фермеров, владеющих той землею, которую они возделывают, что они не могут заниматься хозяйством с таким же рвением, как вы, ибо вы получили землю, так сказать, от Хозяина Природы, свободно и беспрепятственно»²³.

В конце беседы с американским ботаником русский путешественник соглашается с ним, что крепостное рабство оскорбительно для человека и что Россия не сможет процветать до тех пор, пока не избавится от такого «жестокосердного правительства», пока не произойдет «необходимого освобождения крестьян». Имя русского литератора, посетившего Дж. Бертрама в его «ботанической тиши», осталось неизвестным. Да это и не удивительно, судя по характеру беседы, которую они вели. Будь на месте того русского осторожный Фёдор Каржавин, живший тогда в Америке, едва ли он захотел бы раскрыть свое имя, собираясь в будущем вернуться на родину.

* * *

Установление дипломатических отношений между Россией и США в 1808–1809 гг. явилось новым стимулом для развития культурных и литературных связей двух стран. И действительно, в составе первой же дипломатической миссии в США в начале 1809 г. в Бостон отправился русский консул Алексей Григорьевич Евстафьев (1783–1857)²⁴. Родом донской казак, Евстафьев за долгие годы жизни в Америке (с 1809 г. с небольшими перерывами он служил русским консулом до 1852 г.) стал известен как писатель, печатавшийся на английском языке. Академик М.П. Алексеев отмечал: «Это был скромный, но заслуженный деятель американо-русского культурного и литературного сближения, и о нем было бы любопытно получить более подробные сведения из американских изданий начала XIX в., которыми мы не располагаем. Во всяком случае это был русский деятель, несколько десятилетий бескорыстно работавший на поприще еще молодой американской словесности и не без оснований причисляемый поэтому к “американским писателям”»²⁵.

²³ *Брэдфорд Уильям*. История поселения в Плимуте; *Франклин Бенджамин*. Автобиография. Памфлеты; *Кревекер Сент Джон де*. Письма американского фермера. С. 676.

²⁴ В своих донесениях из Бостона в Коммерц-коллегию он писал свою фамилию – Евстафиев (РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 25–27).

²⁵ *Алексеев М.П.* Американо-русские литературные заметки // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 8. С. 27.

Литературная деятельность Евстафьева началась в первые годы XIX в., когда он был певчим церкви русского посольства в Лондоне и анонимно издал несколько своих книг на английском языке (в том числе в 1806 г. перевод трагедии А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец»)²⁶. В центре его писательской деятельности в Америке стали гражданские проблемы, порожденные войной с Наполеоном и победой русского народа в Отечественной войне. Этому посвящены почти все его книги, созданные в Америке.

Тема освободительной борьбы против наполеоновских полчищ волновала в те годы и американских поэтов. Джоэл Барло (1754–1812), славивший в своих стихах американскую и французскую революции, отправился в 1812 г. с личной миссией президента США к Наполеону в Москву. Добравшись до России, когда французская армия уже бежала из страны, Барло был потрясен открывшейся ему картиной. В своих эпических поэмах он, подобно другим просветителям, воспевал царство разума и свободы, всеобщий мир и прогресс. Здесь же, в России, он ехал по дорогам, усеянным трупами отступающего воинства Наполеона. Его стихотворение «Совет ворону в России» (последнее произведение поэта, заболевшего и скончавшегося в одной из польских деревень, через которую отступала «великая армия») полно горьких раздумий о судьбах Французской революции, обернувшейся трупами тысяч и тысяч. Вслед за французскими просветителями Барло прославлял величие человеческого разума – Наполеон сделал из людей солдат; Барло считал, что человек может стать совершенным, – Наполеон превратил людей в трупы; Барло мечтал, что во всем мире расцветут цветы мира, – Наполеон усеял поля Европы мертвецами. И питающийся падалью ворон теперь найдет себе пищу повсюду – от России до Испании:

Чем голодать, туда бы ты летел.
От Минска до Москвы там вдоволь тел.
Завалена телами вся дорога.
Под этим страшным небом пищи много.
Ты все еще не сыт? Лети назад!
В Испании свой утолишь ты глад²⁷.

²⁶ Кросс А.Г. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Сб. ст. к 80-летию академика М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1976. С. 101.

²⁷ Duyckinck E.A. and G.L. Cyclopaedia of American Literature. N.Y.: Scribner, 1856. Vol. I. P. 398 (пер. В.Б. Микушевича). М.П. Алексеев высказал предположение, что Евстафьев должен был знать Барло.

Интерес Барло к России, очевидно, не был случайным. Еще в 1787 г. поэт-демократ в поэме «Видение Колумба» заговорил о предстоящих в будущем отношениях США и России в области искусства и торговли. Он передал экземпляр поэмы с дарственной надписью русскому послу в Англии С.Р. Воронцову, с которым, по видимому, встречался в Лондоне. Эта книга из библиотеки Воронцова имеется в книгохранилище ИНИОН²⁸.

Американская общественность внимательно следила за развитием событий в Европе, за состоянием дел в России. В коллекции книг Евстафьева в РГБ сохранилась брошюра Массачусетского пожарного общества, изданная в Бостоне в 1811 г. За год до наполеоновского нашествия на Россию американское пожарное общество в своем ежегодном докладе с тревогой сообщало, что соотношение каменных домов и деревянных составляет в Москве один к восьми. Это обстоятельство наводило автора доклада на «печальные размышления» о возможности больших пожаров²⁹.

В январе 1813 г. русский посланник в США А.Я. Дашков доносил из Вашингтона о том, как были восприняты в Америке первые известия о победе русских в войне с Наполеоном: «Действие, какое произвели у американцев сии новости, почти невероятно. Они как будто от сна пробудились и не могут довольно надивиться твердости и могуществу Российской империи. Все внушения французских проныр и сочинения разного рода, которых издатели подражены были клеветать Россию, исчезли так очевидно, как туманы при солнечном восходе»³⁰. 19 апреля (1 мая) 1813 г. генеральный русский консул в Филадельфии Н.Я. Козлов, в подчинении которого находился Евстафьев, сообщал министру иностранных дел Н.П. Румянцеву, что консул Евстафьев писал в местной прессе «весьма удачные опровержения французских бюллетенов... которые нередко наполнены клеветами насчет России и ее правительства... Хотя г-н Евстафьев, сколько мне известно, никогда не вмешивался в дела здешние, – продолжал Козлов, – но как печатаемые им статьи все без подписи, то многие другие без малейшего основания ему же были приписаны»³¹.

²⁸ Barlow J. The Vision of Columbus. A Poem in Nine Books. Hartford: Hudson and Goodwin, 1787. 258 p.

²⁹ Pollard B. An Address to the Massachusetts Charitable Fire Society, Delivered before the Members at their Seventeenth Anniversary Meeting, May 31st, 1811. Boston: Russell and Cutler, 1811. P. 11.

³⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М.: Политиздат, 1970. Т. 7. С. 28.

³¹ Там же. С. 187.

Более развернутую картину общественно-публицистической деятельности Евстафьева нарисовал посланник в Вашингтоне А.Я. Дашков в письме к Н.П. Румянцеву от того же числа, что и письмо Козлова. Говоря о праздновании в Америке победы русского народа над Наполеоном, он писал (перевод с французского): «С наибольшим блеском победы русских армий были отмечены в Бостоне. Наш консул был в числе приглашенных. Естественно, что он с особым волнением председательствовал на торжествах, ибо праздновалось избавление его отечества. Ему ли было допытываться об истинных причинах ликования, которое носило совершенно искренний характер... Мог ли он дать заметить, даже если и подумал так, что бостонцы выражали симпатию к русскому народу из духа противоречия по отношению к правительству, которое, как полагают, в отчаянии от поражения Франции, ибо его проекты, внушенные и поддерживавшиеся этой державой, должны рухнуть. Г-н Евстафьев в этих обстоятельствах вел себя скромно и с достоинством; составленная им речь и тост, правда, несколько напыщенный из-за волнения, за которое его трудно упрекнуть, не содержали ничего такого, что могло бы возбудить неудовольствие исполнительных властей. Однако за невозможностью отомстить федералистам, по-видимому, хотят выместить зло на нашем консуле...»³². Государственный секретарь Монро сделал А.Я. Дашкову представление по поводу поведения Евстафьева на праздновании 25 марта 1813 г. русской победы и его тоста с пожеланием успеха партии федералистов. Однако, получив соответствующие разъяснения, подтверждающие, что выступление Евстафьева не было направлено против правительства США, государственный секретарь не дал хода этому делу³³.

В начале 1812 г. в Бостоне вышла без имени автора маленькая брошюра в 52 страницы, называвшаяся «Ресурсы России в случае войны с Францией». Появившись в самый канун вторжения Наполеона в Россию, эта небольшая книга, автором которой был А.Г. Евстафьев, рассказывала американцам об истории и современном положении России, разрушая мифы и домыслы, сложившиеся о России в Западной Европе и перекочевавшие вместе с иммигрантами в Америку. В этом, безусловно, заключено обще-

³² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7. С. 278.

³³ Подробнее об этом эпизоде см.: *Болховитинов Н.Н.* Отклики в США на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 6. С. 93–97.

культурное и познавательное значение книги Евстафьева, сыгравшей положительную роль в ознакомлении жителей Соединенных Штатов с Россией.

Книга Евстафьева направлена против распространенных в Западной Европе и Америке представлений о «политической неустойчивости России, в которой преобладает продажность и иностранное влияние, а военная система отличается полной несостоятельностью»³⁴. Американцы могли узнать из этой книги о русском национальном характере в прошлом и настоящем, о Минине и Пожарском как выразителях скрытых в народе сил и стремлений к свободе, о крупнейших городах России, ее народонаселении, экономических ресурсах и военной силе. Книгу завершал очерк о казаках и их истории, описывалось донское, уральское, украинское, запорожское и черноморское казачество.

В предисловии ко второму изданию, появившемуся в марте 1813 г., Евстафьев писал, что в своей книге обращается к тем американцам, которые разделяют его надежды и опасения в войне России с Наполеоном, к американцам, которые в состоянии понять ежедневные жертвы, приносимые Россией в борьбе с захватчиком. «Автор также надеется, – продолжал Евстафьев, – что этот очерк нынешней военной кампании и причин, ее породивших, не оставит равнодушным американского читателя»³⁵.

В 1812 и 1813 гг. в Лондоне дважды перепечатывали книгу Евстафьева с указанием фамилии автора и его должности («русский консул в Бостоне»). И тотчас же известное своими антирусскими настроениями «Эдинбургское обозрение» откликнулось пространной рецензией, которая примечательна не только своим враждебным тоном, но и тем, что здесь журнал стяжал себе пальму первенства, впрочем не столь уж почетного, впервые выдвинув версию о том, что Наполеона победил не русский народ, а русский мороз. «На основа-

³⁴ The Resources of Russia in the Event of a War with France; with a Short Description of the Cozaks. 2 edition, corrected and improved. With an Appendix, Containing a Sketch of the Campaign in Russia. Boston: Munroe and Francis, 1813. P. 6. В отделе редких книг РГБ имеется также экземпляр первого издания этой книги с авторской правкой и более пространном заглавии на титульном листе: The Resources of Russia in the Event of a War with France; and an Examination of the Prevailing Opinion Relative to the Political and Military Conduct of the Court of St. Petersburg, with a Short Description of the Cozaks. Boston: Munroe and Francis, 1812.

³⁵ Там же. С. VI. А.Я. Дашков в своей рецензии на брошюру Евстафьева отмечал, что это первая книга на английском языке о современном состоянии России (РНБ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1).

нии статистических данных наш ученый автор приходит к выводу, – писал журнал, – что Россию нельзя победить на ее собственной территории, – выводу столь удобному во всех отношениях, что мы не расположены его оспаривать. Однако более придирчивые критики могли бы заметить, что прошлой осенью Бонапарт дошел до Москвы вопреки всякой статистике и что его продвижение было остановлено не столько регулярными или партизанскими войсками его императорского величества, сколько наступившими морозами и пожаром восточной столицы»³⁶.

Весной 1813 г. в Соединенных Штатах был переиздан номер «Эдинбургского обозрения», содержащий резкие нападки на Евстафьева и его книгу «Ресурсы России». Русский дипломат не собирался отвечать на выпады известного своей желчью английского журнала. Видя, однако, что его молчание расценивается как признание правоты английских критиков, а радетели «Эдинбургского обозрения» в Америке начали кампанию клеветы против него, Евстафьев пренебрег мелочной полемикой с местными журналистами и написал «Ответ эдинбургским обозревателям», отпечатанный вскоре бостонскими издателями отдельной брошюрой. «Когда я удостоился чести вызвать неудовольствие... этих зловещих писак Северной королевы, чей скипетр – гусиное перо – простирается уже через Атлантику и чьи суждения, как известно, непререкаемы, то ощутил некое неприятное и неясное чувство, подобное тому, какое испытала несчастная Анна Болейн, когда она предстала перед судом тирана-короля, который женился на ней лишь ради ее гибели; или подобное тому, что ощущали безвинные жертвы инквизиции... когда невинность – плохая защита, будучи главным и единственным преступлением»³⁷.

Видя открытую неприязнь английского журнала к России и русским, разгромившим полчища Наполеона, Евстафьев считал своим долгом дать отповедь злопыхательствам «Эдинбургского обозрения». Со свойственным ему сарказмом он писал: «Будучи “русским варваром” я осмелился, не спросив у его величества “Эдинбургского обозрения”, писать на английском языке, на том самом языке, на котором его величество “Обозрение” изрекает свои прокля-

³⁶ The Edinburgh Review. 1813. February. Vol. 21. N 41. P. 220. Экземпляр лондонской перепечатки книги Евстафьева 1812 г. имеется в ИНИОН, а 1813 г. – в ГПИБ.

³⁷ Reply to the Edinburgh Reviewers by the Author of «The Resources of Russia». Boston: Munroe and Francis, 1813. P. 3. Экземпляр этой брошюры в отделе редких книг РГБ, которым мы пользовались, имеет автограф – дарственную надпись Евстафьева графу Румянцеву.

тия, и посему, пользуясь его оружием на освященной им территории, осквернил его храм и запятнал край его одежды своим нечестивым прикосновением; за что меня следует приковать к Кавказской скале, подобно Прометею, похитившему огонь у Юпитера»³⁸.

В своем «Ответе эдинбургским обозревателям» Евстафьев выступил в защиту чести и достоинства русского народа и его подвига в Отечественной войне, который эдинбургские журналисты пытались не только принизить, но и всячески ошельмовать. В своей отповеди одному из наиболее консервативных журналов Англии Евстафьев взял себе в союзники Байрона и Джона Телуола – двух писателей-демократов, подвергавшихся ожесточенным нападкам на страницах журнала и открыто выступивших против литературно-политических интриг эдинбургских обозревателей.

Евстафьев ссылается на сатиру Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели» и на английского демократического поэта и публициста Джона Телуола, «успешно продемонстрировавшего нам невежество эдинбургских обозревателей в области английской стилистики и художественного вкуса... Я не знаю, – продолжает Евстафьев, – хватило ли у кого-нибудь из американских книготорговцев храбрости перепечатать знаменитое “Письмо” Телуола к Фрэнсису Джеффри, главной голове эдинбургской гидры, но у меня оно имеется...»³⁹. Эти слова свидетельствуют, что интерес Евстафьева к демократической литературе пробудился еще в бытность его в Англии, где он приобрел изданное в 1804 г. «Письмо к Фрэнсису Джеффри по поводу клеветы и искажений в “Эдинбургском обозрении”», с которым не расставался и в Америке.

Евстафьеву пришлось выступать против злобных нападок на Россию, появлявшихся и в американской прессе. Журналист Роберт Уолш выпустил в Филадельфии книгу «Переписка о России» (1813), направленную против страны, разгромившей Наполеона. В своей статье по поводу нападок Уолша Евстафьев отмечает, что «Эдинбургское обозрение» явилось источником и вдохновителем для клеветнической книжки Уолша о «русской опасности»⁴⁰.

³⁸ Reply to the Edinburgh Reviewers by the Author of «The Resources of Russia». P. 4.

³⁹ Там же. С. 16–17. О Телуоле и его полемике с «Эдинбургским обозрением» см. в кн.: *Николюкин А.Н.* Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 92–93.

⁴⁰ *Eustaphie. Strictures on the «Correspondence Respecting Russia» // Tchuykevitch P. Reflections on the War of 1812 / translated from the Russian by Mr. Eustaphie. Boston: Munroe & Francis, 1813. P. 77.*

30 июня 1814 г. бостонские издатели Манро и Фрэнсис обратились с письмом к А.Г. Евстафьеву, предлагая переиздать отрывки из его сочинений, которые публиковались в их издательстве до нашествия Наполеона на Россию, поскольку, как писали Манро и Фрэнсис, «ваши политические и литературные очерки предвосхитили последующие славные события, что было столь убедительно подтверждено историей»⁴¹. Давая согласие на такое издание, Евстафьев в ответном письме отмечал: «Огромная масса беспринципных людей в США и Англии постоянно занимается тем, что унижает и чернит русскую натуру и ее возможности. Я осмелился выступить в одиночку против этих голиафов не потому, что переоценил свои слабые силы, но потому, что знал: они говорят так не по незнанию, а из-за своей склонности полагаться на иностранных писателей, самые благорасположенные среди которых относились к русскому характеру с предвзятой несправедливостью... Если противники или, вернее сказать, враги моей родины всецело полагались на иностранные источники, к тому же подтасованные ими, то я обращался к архивам российской державы»⁴².

Евстафьев приводит слова, написанные им в канун наполеоновского нашествия: «Врагу, надеющемуся победить Россию на ее собственной территории, придется платить в десятикратном размере за каждую каплю крови, за каждое стенание, исторгнутое из ее груди. Чтобы покорить Россию, пришлось бы уничтожить каждого из ее 700 000 защитников, число которых, если понадобится, может и увеличиться»⁴³. С поразительным историческим провидением Евстафьев писал, что если наполеоновская армия вторгнется в пределы России, то неизбежна народная, партизанская война: «Если французы начнут наступление, их встретит стена оштынившихся штыков, которая если и станет отступать, то лишь для того, чтобы вернее нанести поражение врагу. Захватчики обнаружат на своих флангах подвижную конницу казаков, своими набегами дено и ношно не дающую покоя неприятелю, а позади и вокруг себя – опустошенную землю, голод и разорение»⁴⁴. В 1814 г. Евстафьев перепечатал эти слова как напоминание о том, что он пророчески писал раньше.

⁴¹ *Eustaphie A. Memorable Predictions of the Late Events in Europe*. Boston: Munroe and Francis, 1814. P. 3.

⁴² Там же. С. 5.

⁴³ Там же. С. 5. В издании 1812 г. соответствует с. 22–23.

⁴⁴ Там же. С. 6. В издании 1812 г. – с. 47–48.

Книгу «Ресурсы России» при ее появлении в свет восприняли довольно скептически. Автор, однако, был настолько убежден в правоте своего анализа сложившейся международной ситуации, что 22 июня 1812 г. выступил в «Бостонской газете» («*Boston Gazette*») со статьей, в которой отстаивал свою позицию. Дальнейшие события подтвердили справедливость прогнозов Евстафьева. Началась война, русская армия отступала. 19 ноября 1812 г. в «Бостонской газете» появилась статья Евстафьева, в которой рассказывалось о ходе войны в России и делался вывод: захват Москвы еще не решит всей кампании, захват древней столицы не поколеблет решимости русских изгнать захватчика из своей страны. «Русские скорее сдадут свою столицу, чем станут рисковать своими вооруженными силами в новой битве»⁴⁵, – писал Евстафьев после получения известий о Бородинском сражении.

Когда до Бостона дошли сообщения о вступлении Наполеона в Москву, Евстафьев 10 декабря 1812 г. обратился к жителям города со статьей в местной газете: «Не пройдет много времени, как мы убедимся, что даже Бонапарт не способен противостоять голоду, разорению и сплоченному энтузиазму народа, решившего защищать себя до последнего»⁴⁶. 15 декабря Евстафьев пишет в другой газете о заслугах Кутузова в этой войне и непреклонной решимости народа изгнать Наполеона, который «теперь испытает на себе всю силу неодолимого духа народного, готового скорее предать огню древнюю столицу свою, нежели покориться захватчику и такую ценою сохранить Москву»⁴⁷.

«Судьбы цивилизации ныне неразрывно связаны с судьбой России, – писал Евстафьев 28 декабря в “Бостонской газете”, – а грандиозное сражение, от исхода которого зависит всеобщая свобода или всеобщее рабство, вызывает глубокое волнение в сердцах людей самых разных национальностей»⁴⁸. 1 января 1813 г., за десять дней до получения известия об отступлении французов из Москвы, Евстафьев в очередной статье обстоятельно анализирует тактику Кутузова, которая, по мнению автора, неизбежно приведет к поражению французской армии.

⁴⁵ *Eustaphie A. Memorable Predictions of the Late Events in Europe*. P. 13.

⁴⁶ Там же. С. 21.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ Там же.

Наконец, 12 января в газете «Repertory and General Advertiser» Евстафьев с радостью сообщает американским читателям об освобождении Москвы и о закате славы Наполеона, саркастически замечая: «Нам хотелось взглянуть на великого человека, которого еще недавно можно было лицезреть повсюду и который ныне превратился в карлика и разыскать его можно только при помощи телескопа»⁴⁹ (в то время отсутствовали сведения о местопребывании Наполеона, бежавшего из России). Описывая в «Бостонской газете» (21 января) разгром и отступление «великой армии», Евстафьев заявляет: «Французские военные сводки убеждают нас в том, что победа русских гораздо больше и значительнее, чем им самим поначалу представлялось»⁵⁰. И через пять дней снова: «Сколь бы ни было безнадежно положение Наполеона, он может попытаться ускользнуть от своих врагов и вернуться в Париж, хотя бы ценою гибели всей армии»⁵¹.

В бостонских газетах в январе и феврале 1813 г. Евстафьев описывал потери французов в России и разоблачал «демагогов», которые пытались по-своему истолковать ход русской кампании. В марте 1813 г. появилось второе издание книги «Ресурсы России», где автор добавил «Очерк нынешней кампании», знакомивший американцев с ходом войны и разгромом армии Наполеона. Особенно примечательно обстоятельное изображение Бородинского сражения. «Очерк» завершается описанием изгнания Наполеона из России и его последним 29-м бюллетенем, который, по словам Евстафьева, означал «политическую смерть героя, покинувшего театральные подмостки и предоставившего остальным актерам этого действа самим позаботиться о себе»⁵².

Весной 1813 г. в Бостоне состоялось празднество в честь победы России, и был отпечатан отчет об этих торжествах. В брошюре включены ода и гимн, написанные Евстафьевым по случаю победы над Наполеоном. О честолюбивых замыслах «французского тирана» повествуется в стихах, во многом напоминающих политическую поэзию в английских демократических журналах конца XVIII в., поэзию Корреспондентских обществ, с которой Евстафьев имел возможность познакомиться, находясь с 1798 г. в Англии. Мотивы тираноборчества, просветительские аллегории

⁴⁹ *Eustaphie A. Memorable Predictions of the Late Events in Europe.* P. 31.

⁵⁰ Там же. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Там же. С. 52. В издании 1813 г. – с. 151.

борьбы света и тьмы, добра и зла, гражданский пафос стихов Евстафьева свидетельствуют о его знакомстве с английской демократической поэзией 1790-х годов, а возможно, и с некоторыми стихотворными произведениями эпохи американской революции. Приведем одну из строф оды Евстафьева, написанной рационалистическим языком высокой классицистической поэзии:

When Gallia's Chief his myriad-host survey'd,
And Kings, in arms, at his command array'd;
On Sclavia's soil his banners he unfurl'd,
And on her sons his mighty thunders hurl'd.
He rashly thought, her legions overthrown,
And speedly fall, would make the world his own⁵³.

На торжествах в Бостоне Евстафьев произнес речь, в которой сказал: «Чем шире влияние России на международные дела, тем надежнее безопасность и счастье народов. Только совершенно безосновательные опасения великого сына лорда Чатама <Питта-младшего> заставили его попытаться ограничить авторитет России в Европе, что дало возможность Франции достичь ее страшного величия»⁵⁴. Говоря о последствиях наполеоновских войн для Европы, Евстафьев сравнивает Францию с горной вершиной, покрытой снегом, который при таянии обрушивается на окрестности всеуничтожающею лавиною и оставляет после себя неизгладимые следы опустошения. «Россия, напротив, похожа на обширную и солнечную равнину, где воды природных источников вбирают в себя многочисленные притоки, превращаясь в величественную реку, опасную во время бури, но обычно мирную и спокойную, несущую в себе труды и надежды человечества»⁵⁵. В качестве официального представителя России в США Евстафьев не мог, да, очевидно, и не желал касаться острейших социальных вопросов внутреннего развития своей родины, хотя, как видно из его писем и оброненных вскользь замечаний в статьях, он был противником крепостного права в России и рабства в Америке.

⁵³ Sketch of the Church Solemnities at the Stone Chapel and Festival at the Exchange, Thursday, March 25, 1813, in Honour of the Russian Achievements over their French Invaders. Boston: Munroe and Francis, 1813. P. 27.

⁵⁴ Там же. С. 36–37.

⁵⁵ Там же. С. 37–38.

В приглашении принять участие в торжествах по поводу победы русского народа над Наполеоном, присланном Евстафьеву от жителей Бостона, говорилось о том уважении, которым пользовался в городе русский консул. «Мы не забудем, что вы познакомили американский народ с “Ресурсами России”»; то, что ныне известно нам как исторический факт, было впервые пророчески провозглашено вами: французский деспот напрасно думал, что ваши соотечественники пополнят собой число его вассалов»⁵⁶.

Весной 1814 г. Евстафьев пишет и ставит на бостонской сцене трехактную драму «Казачи на пути в Париж» (*The Cozaks on the Road to Paris*). Идея пьесы выражена в словах одного из ее героев – атамана казаков, обращающегося к жителям Фонтенбло: «Не бойтесь нас! Мы ваши друзья. Мы сражаемся не с Францией, а с ее тиранами и угнетателями. Французы! Иные из вас причинили значительный ущерб нашей стране, но мы не помним зла. Возмездие в нашей власти, но мы пришли сюда не затем, чтобы мстить. Более высокие цели привели нас сюда»⁵⁷. Официальное положение русского консула в Америке не могло, конечно, не проявиться в высказываниях Евстафьева. Так, его драма завершается обращением казака к французам: «Мы пришли, чтобы разбить сковывающие вас цепи и восстановить свободу, которой вы пытались лишить нас».

Евстафьев продолжал печатать свои художественные произведения и позднее. 12 мая 1814 г. в «Бостонской газете» появились его новые политические стихи, развивающие те же идеи, что его статьи и драма.

Интерес к истории России в творчестве Евстафьева сыграл определенную роль в знакомстве американских читателей с русским народом и его историей. Еще в начале 1812 г. Евстафьев выпустил в Бостоне книгу о Петре I и трагедию в пяти действиях «Царевич Алексей». В центре пьесы, поставленной на сцене Бостона, – утверждение дела Петра и его роли в развитии российской государственности. Стихотворный Пролог от автора, обращенный к американским зрителям, открывался сравнением национального героя Америки Вашингтона с Петром. Подобно тому как русские «восхищаются величием Вашингтона», так американцы видят в Петре «создателя северной державы»:

⁵⁶ Sketch of the Church Solemnities at the Stone Chapel and Festival at the Exchange, Thursday, March 25, 1813, in Honour of the Russian Achievements over their French Invaders. P. 44.

⁵⁷ *Eustaphie A. Memorable Prediction of the Late Events in Europe*. P. 95.

'Tis thus, that Russia's ev'ry living son
Admires Columbia's boast, great Washington:
Thus you in Peter see the matchless czar,
From whose bright source arose the northern star⁵⁸.

В предуведомлении ко второму изданию, вышедшему через два года, Евстафьев выражает гражданам Бостона благодарность за «благосклонный прием, оказанный ими постановке этой трагедии», и пишет, что успех спектакля явился причиной переиздания книги. Предлагая американским читателям новое издание, писатель исходил из возросшего после победы над Наполеоном интереса в Америке к России и ее истории: «В настоящий знаменательный период, когда столько глаз и с такою нескрываемою надеждою взирают на Россию, интерес читателей вызывает всякое известие, проливающее свет на образ великого человека, чей гений и труд содействовали созданию могучей державы...»⁵⁹. Победа в Отечественной войне осмысливается как торжество дела Петра, того пути, по которому направил он Россию.

Сравнивая Петра с Колумбом («величие которого не умалется тем, что кто-либо другой все равно рано или поздно открыл бы Америку») и с Вашингтоном («хотя американцы, в отличие от русских, уже созрели для борьбы и могли бы завоевать свою независимость и без его содействия»), Евстафьев полагает, что задача его книги – не столько представить историю или биографию Петра, которые «известны всем образованным людям», сколько защитить имя России и дело Петра от «немногих беспринципных демагогов, играющих на руку другим странам и занятых темными кознями, оскорбительными для чувства справедливости и противными здравому смыслу»⁶⁰.

В 1818 г. в Бостоне вышла отдельным изданием эпическая поэма Евстафьева «Дмитрий Донской», написанная на английском языке. В предисловии автор сообщал, что предлагает читателям первую часть поэмы и со временем надеется написать ее продолже-

⁵⁸ *Eustaphie A. Reflections, Notes, and Original Anecdotes, Illustrating the Character of Peter the Great. To which is added a Tragedy in Five Acts Entitled, «Alexis the Czarewitz».* 2 edition, corr. & enlarged. Boston: Munroe and Francis, 1814. P. 145. В отделе редких книг РГБ имеется первое издание этой книги с автографом – дарственной надписью Евстафьева участнику Отечественной войны адмиралу П.В. Чичагову.

⁵⁹ Там же. С. 5.

⁶⁰ Там же. С. 7.

ние. И хотя этот замысел не был осуществлен, изданная поэма в семи песнях представляет интересное литературное явление, принадлежавшее как русской словесности, так и американской. Поэма исполнена гражданских мотивов, в ней прославляется борьба за освобождение родины от иноземного ига. Характерен классицистический зачин первой песни на тему «Пою славу Дмитрия Донского, освободителя от татарской неволи», торжественный стиль поэмы:

The far-famed Prince I sing: the royal youth,
Endow'd with virtue's noblest gifts, who liv'd
To bless his country, and be blest himself;
Whose voice, inspir'd, bade prostrate Slavia rise,
And, by the sound of his triumphant steps,
Seek Freedom's way through victory and peace;
Whose arm, resistless, dire oppression crush'd;
Broke slavery's galling chain; remov'd the scourge
Of foreign Tyranny, and where the Don
Majestic rolls his tributary flood
To dark Maeotis, quell'd the raging host
Of Tartars...⁶¹

Евстафьев заявляет, что его не интересуют волшебные сказки и легенды, что он будет писать об исторических событиях, о борьбе за правое дело.

Поэма о Дмитрии Донском написана в традициях просветительской историко-повествовательной поэзии, популярной в Америке того времени. Ощущается близкое знакомство автора не только с английской поэзией XVIII в., но и с эпическими поэмами «хартфордских остроумцев» (Дж. Трамбал, Т. Дуайт, Дж. Барло и др.). Поэма Евстафьева отразила увлечение творчеством Байрона, весьма популярного в Америке 1810-х годов.

Гражданские мотивы поэмы Евстафьева предвосхищают исторические поэмы и думы Рылеева. Не достигая гражданско-политического накала поэзии декабристов, Евстафьев, как и декабристы, сочетает обращение к русской истории с патриотическими идеями. Если в поэзии декабристов абстрактные понятия

⁶¹ *Eustaphie A. Demetrius, The Hero of the Don. An Epick Poem. Boston: Munroe & Francis, 1818. P. 5.* Экземпляр книги в ГПИБ, которым мы пользовались, имеет дарственную надпись президенту Академии художеств и директору имп. Публичной библиотеки А.Н. Оленину.

«свобода», «тиран», «возмездие» звучали вполне конкретно и злободневно, то у Евстафьева слова «рабство», «иностранный тирания» несут несомненный отголосок недавней Отечественной войны. Обращенность к современности сближает поэму Евстафьева с написанными несколько лет спустя рылеевскими «Думами».

Евстафьев щедро дарил в России свою поэму о Дмитрии Донском, вышедшую в Бостоне. Многие экземпляры, сохранившиеся в библиотеках Москвы (РГБ, ГПИБ), Петербурга (РНБ)⁶², Одессы (Воронцовская коллекция), имеют дарственные надписи автора. М.П. Алексеев вполне правомерно ставит вопрос, «не была ли поэма Евстафьева известна Рылееву, который, – правда, в более поздние годы – не мог не знать об Евстафьеве по службе своей в Российско-американской компании. Что русским литераторам того же круга Евстафьев был несколько известен как поэт, видно из краткой заметки о нем близкого друга Рылеева и позднее сослуживца по Российско-американской компании О.М. Сомова»⁶³.

В журнальной статье «Об успехах просвещения, изобретениях по части художеств, нравах и обычаях жителей Северо-Американских Соединенных Областей», появившейся в «Сыне Отечества», среди американских «отличнейших писателей» был упомянут Евстафьев и его книга «Мазепа и Петр Великий», отсутствующая в наших и крупнейших американских книгохранилищах. Переводчик этой статьи (из *Revue encyclopédique*, 1821, т. 12) О. Сомов не преминул сделать пространное примечание, назвав в нем «почтенного нашего соотечественника (Алексея Григорьевича Евстафьева), который, находясь уже с давних лет генер. консулом в Бостоне, сделался известен в Северной Америке, как один из лучших тамошних поэтов. Многие из наших соотечественников, может быть, еще не знают, – писал Сомов, – что г. Евстафьев написал на английском языке поэму об освобождении России в 1812 году, которая знатоками весьма уважается. Любовь к своему отечеству и ревность о славе его занимали искусное перо г. Евстафьева сочинением многих других книг, напечатанных на английском языке»⁶⁴.

⁶² Из десяти книг Евстафьева в коллекции *Rossica* в РНБ четыре имеют дарственные надписи «Императорской публичной библиотеке от сочинителя», датированные 13 сентября 1817 г.

⁶³ Алексеев М.П. Американско-русские литературные заметки. С. 25.

⁶⁴ *Сын Отечества*. 1822. Ч. 78. № 26. С. 251. Поэмой об освобождении России в 1812 г. Сомов, очевидно, назвал оду Евстафьева, зачитанную на торжествах в Бостоне по поводу победы России над Наполеоном.

Еще в 1802 г. «отец американской драмы» Уильям Данлеп создал пьесу «Петр Великий», пользовавшуюся успехом на американской сцене в начале XIX в. Пьеса Данлепа повторяла традиционную для западноевропейской литературы трактовку образа русского императора. Евстафьев своими книгами о России способствовал дальнейшему развитию интереса американских читателей и зрителей к русской теме, став первым пропагандистом русской культуры и истории в Соединенных Штатах.

* * *

В начале XIX в. в России на смену «удалецким скаскам» об Америке приходят книги русских путешественников, побывавших в Соединенных Штатах. В 1810–1812 гг. появилось «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним», а через несколько лет «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» Павла Свинына, выдержавший два издания. Жанр романтического, живописного путешествия, сложившийся на рубеже XVIII–XIX вв., отражал формирование новых романтических тенденций в искусстве.

Н.А. Хвостов (1776–1809) и Г.И. Давыдов (1784–1809) совершили свое двукратное путешествие в Америку в 1802–1804 и 1804–1808 гг. Книга Гавриила Ивановича Давыдова о странствиях двух офицеров начинается по-военному лихо. Только что была создана Российско-американская компания, ведавшая русскими делами в Америке еще до установления дипломатических отношений с США. «В 11-ть часов ночи выехали мы из Петербурга, – рассказывает Давыдов, – в провожании всех своих приятелей. За рогаткою простились с ними, сели на перекладную телегу, ударили по лошадям и поскакали... в Америку».

Объясняя стремительность принятого ими решения, Давыдов пишет: «Читателю может быть покажется странным таковое вступление к путешествию, но я надеюсь получить извинение, когда скажу, что мне было 18 лет, что я начинал только жить в свете». К тому же, добавляет Давыдов, «желание видеть толь отдаленные края, побывать на морях и в странах мало известных и редко посещаемых, не позволило нам много размышлять о собственных своих выгодах»⁶⁵.

⁶⁵ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб.: Морская тип., 1810. Т. I. С. 3.

Давыдов и Хвостов были первыми морскими офицерами, вступившими в Российско-американскую компанию и побывавшими в Русской Америке. Открытие Америки с запада, через Тихий океан, было более трудным, чем открытие Америки через Атлантику. При приближении к американскому берегу, пишет Давыдов, «стали находить сильные шквалы с градом и снегом»⁶⁶, грозившие кораблю гибелью. Вместо роскошной южной природы, открывшейся глазам Колумба и его спутников, русских первооткрывателей встречали пустынные берега, сплошь покрытые снегом.

Ступив на американскую землю, Давыдов воскликнул: «Итак, мы в Америке! итак я ступил уже на сей дикий и почти неизвестный берег, коего толико желал достигнуть! Я видел уже толпы новых для меня племен народов, называемых дикими, по всему отличных от нас»⁶⁷. Проживший к тому времени там двенадцать лет, первый правитель русских поселений в Америке А.А. Баранов познакомил Давыдова и Хвостова с нравами и обычаями туземцев.

Последнее русское судно побывало на Аляске за пять лет до того. «На Кадыке, – рассказывает Давыдов, – дикие, не видя пять лет ни одного судна, приходящего из Охотска, начинали думать, что уже все русские к ним приехали, и что стоит только истребить сих последних, дабы освободиться навсегда от их власти. Шелихов, для обучения разным мастерствам, вывез отселе в Иркутск несколько мальчиков, которые потом возвратились назад. Сии рассказывали землякам своим, что русских очень много; но дикие никак не хотели тому верить, говоря в ответ: вы нас обманываете, или вас обворожили и показали вам то, чего в самом деле нет и быть не может... Только приход двух наших судов мог их в том переуверить. По всем сим причинам прибытие наше в Америку было великой важности для дела компании»⁶⁸.

Годы, проведенные в странствиях, исследование северо-западного побережья Америки, Алеутских островов, жители которых «называют себя конягами»⁶⁹, не охладили юношеского пыла двух друзей. Отважные путешественники погибли оба вдруг столь же неожиданно, как и все, что случалось в их короткой жизни.

⁶⁶ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку... Т. I. С. 186.

⁶⁷ Там же. С. 192.

⁶⁸ Там же. С. 196–197.

⁶⁹ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку... СПб.: Морская тип., 1812. Т. II. С. 3.

Вернувшись из второй поездки в Америку, описать которую Давыдов не успел (сохранились лишь черновые записки), в один из осенних вечеров 1809 г. они встретились на Васильевском острове со своим старым американским приятелем-корабельщиком, находившимся тогда в Петербурге. Засидевшись в гостях, в два часа ночи подъехали к Исаакиевскому мосту, который в это время уже был разведен. «Тогда, – рассказывает А.С. Шишков, подготовивший посмертное издание записок Г.И. Давыдова, – проходила сквозь мост барка. Им показалось, что они успеют соскочить с одного края моста на барку и потом с барки выскочить опять на другой край моста. Но в сем покушении их неизвестно каким образом оборвались, оба вдруг упали в воду, и оба потонули. Темнота ночи, быстрое под мостом течение и крепкий ветер способствовали Неве погребсти их в недрах своих... Тела их не отысканы»⁷⁰.

Державин посвятил русским открывателям Америки стихотворение «В память Давыдова и Хвостова»:

Колумбу подражая,
Два раз Титана вслед
Прошли к противуножным...⁷¹

Сто шестьдесят лет спустя похождения «доблестных офицеров флота» Давыдова и Хвостова ожили в феерической поэме А. Вознесенского «Авось!» (так называлось судно под командованием Давыдова). Поэма обращена к личности и другого яркого деятеля Российско-американской компании Н.П. Резанова (1764–1807), обручившегося с дочерью коменданта испанской крепости в Сан-Франциско. Ранее эта тема привлекла внимание Ф. Брет Гарта (стихотворение «Консепсьон де Аргель», 1875) и американской писательницы Гертруды Эзертон (роман «Резанов», 1906).

Писатель и художник Павел Петрович Свинын (1787–1839) не был фигурой столь героической. Среди современников он славился страстью к небылицам и стал мишенью пародии Пушкина «Маленький лжец». Будучи на службе в Министерстве иностранных дел, он в сентябре 1811 г. отправился в Америку, где пробыл 20 месяцев, по июнь 1813 г., в качестве секретаря первого гене-

⁷⁰ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку... Т. I. С. XXXV–XXXVI.

⁷¹ Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. / с примеч. Я. Грота. СПб.: тип. Акад. наук, 1866. Т. III. С. 32.

рального русского консула в США Андрея Яковлевича Дашкова (в августе 1811 г. Дашков был определен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Американских Соединенных Штатах – первым послом России в США, а генеральным русским консулом был назначен Н.Я. Козлов).

Свиньин поселился в Филадельфии, где находилось русское генеральное консульство. Во время путешествий по стране – на север до штата Мэн и на юг до Виргинии – он делал многочисленные зарисовки, лишь незначительная часть которых воспроизведена в его книге об Америке. В более полном виде его рисунки, и в частности филадельфийские акварели, являющиеся, по свидетельству американских искусствоведов, самыми ранними зарисовками общественной жизни города, опубликованы в альбоме, изданном А. Ярмолинским в 1930 г.⁷²

С марта 1812 г. Свиньин начал печататься в филадельфийском ежемесячнике «Портфолио», одном из известнейших литературных журналов тогдашней Америки, издававшемся сторонником партии федералистов Джозефом Денни. В апреле журнал поместил рисунок Свиньиного «Донской казак в военной форме» и очерк истории казачества, подписанный инициалами автора и вошедший затем в изданный Свиньиным в Филадельфии сборник на английском языке «Очерки Москвы и Петербурга», в предисловии к которому он писал: «Нет двух стран более сходных между собою, как Россия и Соединенные области... Еще прошло почти не более ста лет, как в глуши непроницаемых лесов, обитаемых медведями и волками, возникли великолепные города: Санкт-Петербург, Филадельфия, Новый Йорк. Можно надеяться, что существующие ныне частые сношения между обеими странами будут содействовать распространению об них известий и соединять их еще теснейшим союзом»⁷³.

⁷² Picturesque United States of America 1811, 1812, 1813 Being A Memoir on Paul Svinin, Russian Diplomatic Officer, Artist, and Author Containing Copious Exerpts from His Account of His Travels in America with 52 Reproductions of Water Colors in His Sketch-Book by A. Yarmolinsky / introduction by R.T.H. Halsey. N.Y.: Rudge, 1930. Два американских альбома акварелей П.П. Свиньиного хранятся в Гос. Русском музее в С.-Петербурге.

⁷³ *Svenin P. Sketches of Moscow and St. Petersburg Ornamented with Nine Coloured Engravings, Taken from Nature. Philadelphia: Dobson, 1813. P. 2.* Главы этой книги использованы в издании Свиньиного «Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (1816–1828).

Свиньин первым стал развивать идею о сходстве России и Соединенных Штатов, продолжив начатое А.Г. Евстафьевым знакомство американских читателей с нашей страной, а своих соотечественников – с достопримечательностями США. В 1812 г. он перевел для Американского философского общества очерк Н.М. Карамзина о Ломоносове⁷⁴.

М.Т. Каченовский, рецензируя американскую книгу Свиньина о двух русских столицах, писал: «Находящийся в свите Российского посланника в Филадельфии соотечественник наш г. Свиньин, желая познакомить Американцев с нашим отечеством, издал на английском языке “Изображение Москвы и С. Петербурга”»⁷⁵. Критик приводит слова автора о невежестве многих чужеземных путешественников, которые, поездивши по России месяца три, издают описания, не зная ни слова по-русски, пишут критические заметки свои о русском языке и почитают себя вправе клеветать на русский народ и обманывать своих читателей⁷⁶.

6 мая 1813 г. русский генеральный консул в Филадельфии Н.Я. Козлов пишет в Петербург в Министерство иностранных дел письмо, в котором сообщалось, что американцы «с большим удовольствием» приняли книжку Свиньина. «Сочинение сие отправлено в южные края Америки и подаст о России вернейшие понятия, нежели какие внушить стараются французы»⁷⁷. Книгу Свиньина о России читали от Нового Орлеана до Бостона.

⁷⁴ Двойченко-Маркова Е.М. К истории русско-американских научных связей второй половины XVIII в. // Советское славяноведение. 1966. № 2. С. 47. В связи с войной России против Наполеона Свиньин также подготовил несколько публикаций в американской прессе по русской истории, в частности написанную на английском языке статью «Любовь к родине и национальная гордость» (РГБ. Ф. 138. Карг. 306. Ед. хр. 9).

⁷⁵ Известие о новой американской книжке // Вестник Европы. 1813. Июль. № 14. С. 150.

⁷⁶ В 1810 г. в Лондоне вышел первый том «Путешествий» английского минералога и собирателя древностей Эдварда Дэниела Кларка (1769–1822), в котором описана его поездка от Петербурга до Крыма в апреле – июле 1800 г. В предисловии Кларк рассуждает о русском языке и написании русских географических названий (*Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. London: Cambridge University Press, 1810. Vol. I. P. VII–X*).

⁷⁷ Записи П.П. Свиньина, сделанные в Америке, хранятся в Гос. архиве Костромской области и в РГБ (Ф. 138. Карг. 306. Ед. хр. 1–32). Цитирую по собственноручной копии Свиньина письма Н.Я. Козлова к Н.П. Румянцеву (Гос. архив Костромской области. Ф. 558. Оп. 2. Ед. хр. 185. Л. 109 об. – 110).

Книга Свинына неоднократно переиздавалась, менялось ее название («Очерки о России»), но всегда памятными оставались для американцев слова о Москве, сказанные в начале 1813 г., когда Москва представляла собой огромное пепелище. «Вестник Европы» приводит это место из предисловия Свинына в переводе с английского: «Москва пребудет для потомства всегдашним памятником народной гордости и жертвы, за честь Отечества принесенной, – жертвы, коей другого примера не находим в истории. Она, как феникс из пепла своего, возродится с новым блеском и с новою славою. Воспоминание об ее развалинах навсегда будет занимательным для каждого человека, а для Россиянина любезным и священным»⁷⁸.

23 января 1813 г. Свинын писал из Филадельфии в Вашингтон Евгении Осиповне Дашковой, жене русского посла, делясь радостью при известии о победе над Наполеоном: «Прежде всего разрешите поздравить вас со славною вестью, недавно полученною из Англии. По последним сообщениям, Бонапарте попал в ловушку и чуть ли не взят в плен. После большого сражения под Малоярославцем, где ему было нанесено тяжелое поражение, он передал командование Мюрату, а сам с шестью тысячами отправился домой через Смоленск. Однако русские войска заставили его вернуться, он пытался пойти дорогой, ведущей от Смоленска к морю, но и здесь его разбили и вынудили отступить к своей армии. Как видно, до него скорее доходят мольбы генерала Кутузова, чем жителей Москвы, “умолявших” его остаться в России. Сегодня утром более 10 человек посетило меня, чтобы поздравить с этими новостями»⁷⁹.

В то же время в донесении генерального консула в Филадельфии Н.Я. Козлова министру иностранных дел Н.П. Румянцеву сообщалось: «...получено здесь известие о важных успехах, одержанных нами над французскими армиями, и об изгнании Бонапарте из Москвы. Известие сие произвело в здешних умах величайшее впечатление... Нелепые басни, печатаемые здесь французами для потрясения кредиту нашего, заставили меня поощрить г-на переводчика Свинына писать на оные опровержения. Средство сие много способствовало вывести из заблуждения здешнюю публику, с жадностью газеты читающую. Г-н Свинын продолжает поныне выполнять сие поручение мое с таким искусством и прилежанием,

⁷⁸ Вестник Европы. 1813. № 14. С. 151.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1. Пер. с англ.

что как в пользу сих трудов его, так и протчих по службе упражнений я долгом почитаю засвидетельствовать пред в. с-вом»⁸⁰.

В Америке Свињин писал и печатал статьи и книги о России. Вернувшись домой, он принялся за издание своих сочинений об Америке, завершить которые он так и не успел. В его некрологе сообщалось, что он собирался опубликовать свои старые воспоминания о заграниче, но смерть помешала ему осуществить этот замысел⁸¹.

Проведя после Америки около полугода в Англии (осенью 1813 и весной 1814 г.), Свињин вернулся в Россию и летом 1814 г. писал издателю «Сына Отечества»: «Имею случай два года провести в Соединенных Американских Штатах, я обращал особенное внимание на изучение отличнейших достопамятностей страны той»⁸². Намереваясь вскоре издать описание своих американских впечатлений «с присовокуплением рисунков и чертежей», чтобы «познакомить соотечественников моих, как с предметами, к изданию мною подготовленными, так и с образом моих об них суждений», Свињин предлагал издателю «Сына Отечества» свой первый очерк об Америке под названием «Описание стимбота». Осенью 1814 г. в журнале появилась публикация «Наблюдения русского в Америке», а вскоре за ней и вторая – «Взгляд на республику Соединенных Американских областей», выпущенная в конце года отдельным изданием с того же набора, но с отдельной пагинацией. Когда в следующем году вышла книга Свињина «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», обе статьи в сокращенном виде вошли в нее. То ли в первые месяцы по возвращении из Америки у автора еще сохранялись некоторые черты приобретенного за океаном свободомыслия, которым Павел Свињин вообще-то не отличался, то ли просто американские впечатления живее и непосредственнее сказались в журнальных, более пространных вариантах двух глав книги, – как бы то ни было, публикации в «Сыне Отечества» представляют, несомненно, больший интерес, чем их сокращенные варианты, вошедшие в книгу.

Что же исключил Свињин при переработке двух своих статей в главы книги? Говоря о небывалом дотоле характере, который

⁸⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7. С. 11–12.

⁸¹ Сын Отечества. 1839. Т. 9. Отд. IV. С. 80. В частности, осталась не опубликована рукопись Свињина «Путешествие по Пенсильвании», где наряду с описанием природы и населения этого края содержатся заметки о Франклине и американской революции (РГБ. Ф. 138. Карт. 306. Ед. хр. 6. Л. 2 об., 3).

⁸² Сын Отечества. 1814. Ч. 16. № 36. С. 171.

имела американская революция («Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой»), Свиный выбросил в отдельном издании рассуждение об актуальности обращения к американской теме в то время, «когда Европа вложила окровавленный меч в ножны и бранный шлем свой повесила в храме Януса, буря войны перенеслась за пределы океана, и Америка представила театр ужаснейшей брани, повторение адской Бонапартовой тактики. Внимание невольно обращается на землю сию»⁸³.

Свиный возмущается разрушениями памятников культуры, которые совершили англичане в ходе войны с США в 1812–1814 гг., особенно при сожжении ими американской столицы Вашингтона в августе 1814 г. В журнальном варианте, более приближенном к животрепещущим политическим вопросам дня, Свиный вопрошает: «Что, однако, может также извинить гг. Англичан в тех правилах, по коим они ведут войну в Америке? Можно ли было ожидать от тех, кои с таким гневом восставали против зажигателя Москвы, что они станут жечь и истреблять полезные здания и монументы художеств в земле неприятельской?»⁸⁴ Очевидно, в памяти художника еще были живы воспоминания о местах, которые он недавно посещал в Америке и о разрушении которых англичанами сообщали газеты.

Любопытно исключенное из окончательного текста книги резкое осуждение Свиным двух русских, обозначенных инициалами К.Г. и Д., которые оставили свою родину и поселились в Америке. «Сердца их никогда не принадлежали России, – пишет Свиный. – Первый родился и воспитан в чужой земле, в чужой религии, в чужеземных правилах; другой хотя родился в России, но получил правила и веру от чужеземца, так что сделался ревностным их поборником и воспользовался приездом своим в Америку, чтобы проповедовать католическую религию диким индейцам»⁸⁵. Первый – это князь Дмитрий Голицын, отец которого долгие годы находился русским посланником в Гааге. Второй – один из потомков опальных князей Долгоруковых.

В первоначальном варианте Свиный гораздо подробнее описывал нравы и культуру древних аборигенов Америки. «Какое по-

⁸³ Свиный П.П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб.: тип. Дрехслера, 1814. С. 2 (Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 254). В черновиках сохранилось иное начало этой книги, где Свиный выступал с осуждением политики эмбарго, введенной в 1807 г. Джефферсоном (РГБ. Ф. 138. Карт. 306. Ед. хр. 3. Л. 1 об.).

⁸⁴ Там же. С. 46 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 47. С. 54).

⁸⁵ Там же. С. 16 (Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 268).

прище для изысканий и исследований представляет Северная Америка и природные ее обитатели! – восклицает автор. – Беспреданно открывают во внутренности лесов ее доказательства, что земля сия была населена просвещенными жителями, коим известны были искусства. В недавнем времени найден близ реки Огайо военный лагерь или, может быть, крепость. Выбор местоположения и насыпи показывают, что соорудителям известно было военное искусство, а найденные вазы и другие вещи в их катакомбах удостоверяют, что они знакомы были с художествами»⁸⁶.

Большое внимание уделялось в первоначальном варианте и вопросам образования в Америке. «В училищах вообще держатся здесь классического учения, – писал Свиньин. – Латинские издания Цицерона, Вергилия и Ю. Кесаря перепечатаны в Нью-Йорке с большою исправностию»⁸⁷. Свиньин, одним из первых введший в русскую литературу современное написание Нью-Йорк (вместо принятого в XVIII в. – Новый Йорк), дал краткие зарисовки городской жизни в Америке. В Бостоне он познакомился с созданным незадолго до того обществом «отечественных древностей», в Филадельфии – с Философским обществом, президентом которого был Джефферсон и которое, как отмечает Свиньин, «уже несколько лет известно свету по ученым изданиям трудов своих и по тому, что славный Франклин был его основателем и ревностным сотрудником»⁸⁸. О столице Соединенных Штатов он писал: «Город сей еще только существует на плане, ибо до сей поры одна Пенсильванская улица и некоторая часть к Джоржтауну были совершенно отстроены. Прочие дома так редко отстоят один от другого, что надобно проехать с версту к первому соседнему дому»⁸⁹.

Характерно также замечание русского писателя о том, как американцы осваивают культурное наследие Европы (тоже исключенное из книжного текста): «Американцы, рассыпавшись по всей Европе, имели случай видеть лучшие произведения изящных художеств и получить в них вкус, а многие в смутные времена Италии и Испании накупили и вывезли оттуда оригинальные картины»⁹⁰. Так в период наполеоновских войн началась утечка памятников искусства из Европы в Америку, и русский художник не мог не сказать об этом.

⁸⁶ Свиньин П.П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. С. 30–31 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 46. С. 14–15).

⁸⁷ Там же. С. 36 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 47. С. 44).

⁸⁸ Там же. С. 38 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 47. С. 46).

⁸⁹ Там же. С. 51 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 48. С. 82–83).

⁹⁰ Там же. С. 39 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 47. С. 47).

В журнальном варианте Свињин ярко живописует картину американских выборов и беззастенчивой борьбы партий федералистов и демократов. «Агенты партий публично предлагают поить и угощать тех, кои захотят дать им голоса свои; ораторы в шинках и на площадях показывают свое красноречие, убеждают, покупают голоса, а нередко доходят до насильства и драк! Вот выборы вольного народа! Не похожи ли они на те времена варварства, когда шайка разбойников сажала на троны самодержцев в Европе?»⁹¹ Конечно, Свињин критиковал американскую демократию с позиций, весьма далеких от подлинно демократических идей его времени, но то, что он увидел и запечатлел (хотя потом и выбросил из текста книги) «вольные американские выборы» раньше, чем кто-либо из американских или европейских писателей, весьма показательно. Напомним, что Свињин писал за двадцать лет до выступления Купера с критикой американской демократии и за тридцать лет до Диккенса, оставившего критические зарисовки американской действительности.

«Опыт живописного путешествия» Свињина – самая ранняя книга об Америке, принадлежащая перу русского писателя. Уже на обратном пути из Америки в Россию, остановившись в Англии, Свињин получил соблазнительное предложение английских книгоиздателей выпустить его книгу с иллюстрациями. «Мысль, что я должен буду писать не на природном языке и часто противу сердца, понятий моих и справедливости, не так, как чувствую, но как будет требовать политика Англии, – писал он в предисловии к книге, – наконец, мысль, что труды мои достанутся в руки чужеземцев и первый плод оных пожнет не мое Отечество; что оно тогда иностранцам, а не иностранцы ему будут одолжены подробными об Америке сведениями, – сии чувства справедливости, честолюбия и любви к моему Отечеству заставили меня отвергнуть все предложенные мне выгоды»⁹². И действительно, иностранцам пришлось переводить книгу Свињина с русского: в 1816 г. появился немецкий перевод, в предисловии к которому отмечены новизна и важность сведений о Соединенных Штатах, сообщаемых автором;

⁹¹ Свињин П.П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. С. 45 (Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 47. С. 53).

⁹² Свињин П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. Изд. 2-е. СПб.: тип. Крайя, 1818. С. 2–3. Находясь в Англии, Свињин успел подготовить и издать анонимно свои «Очерки о России» (Sketches of Russia. London: Diggins, 1814).

в 1818 г. вышел голландский перевод⁹³, а в Петербурге появилось новое издание «Опыта живописного путешествия». Книгу читали, о ней спорили. А.И. Тургенев в письме к Вяземскому сообщал 20 ноября 1818 г. из Петербурга, что самые любимые публикой авторы – Загоскин и Свиньин, чье «Живописное путешествие» вышло вторым изданием⁹⁴. А. Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» (1823) отмечал, что Свиньин, «сочинитель живописного Путешествия по Америке и многих журнальных статей, пишет обо всем русском, достойном внимания патриотов. Его слог небрежен, но выразителен»⁹⁵.

Поставив эпитафией к своей книге строки из «Элегии» Андрея Тургенева, первого русского писателя, обратившегося к литературе Америки, Свиньин продолжил начатую Тургеневым традицию русской литературной «американы». Тема книги – прошлое и настоящее Америки и России. Описывая страну, в которой он провёл почти два года, Свиньин сравнивает ее с Россией: «Соединенные Американские Области, подобно России, заключают в себе почти все климаты, от самого холодного до жаркого, и потому мудрено сделать определение оногo»⁹⁶. В самом деле, Свиньину было мудрено сделать определение климата Соединенных Штатов, тем более климата духовного, идеологического. Однако некоторые важные стороны американизма он все же уловил. И среди них технический прогресс Америки, начинавшийся уже в те годы.

Сразу же по возвращении из Штатов Свиньин напечатал статью об изобретении Фултоном стимбота, или парохода⁹⁷. Свиньин был самовидцем пробного рейса парохода «Парагон» по Гудзону между Олбэни и Нью-Йорком, состоявшегося 26 ноября 1811 г. На одном из рисунков он запечатлел пароход с пассажирами, среди которых был и он сам. Акварель сопровождалась словесным описанием: «На верхней палубе обыкновенно раскидывается шатер и по всем местам поставлены покойные скамейки, что

⁹³ *Swinin P. Malerische Reise durch Nordamerika. Aus dem russischen übersetzt [A. von Löwis]. Riga: Hartmann, 1816; Swinin P. Tafereelen uit eene Reis naar Noord-Amerika. Te Haarlem: Loosjes, 1818.*

⁹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. СПб.: изд. Шереметева, 1899. С. 151.

⁹⁵ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 27–28.

⁹⁶ *Свиньин П. Опыт живописного путешествия... С. 11.*

⁹⁷ *Свиньин П. Наблюдения русского в Америке // Сын Отечества. 1814. Ч. 16. № 36. С. 135–144; № 37. С. 175–182.*

вызывает наверх всех путешественников. Рассматривая смешение одежд, различность физиогномий, странность вкусов, я часто жалел, что не обладаю кистью Гогарта или пером Стерна! Какая наука для Лафатера! Это совершенный маскарад, где всякий сам у себя, где всякий господин за свои деньги. Здесь видите вы щастливую чету любовников; подле них политика, углубившегося в газеты; там играющих в шахматы; в другом месте Федералиста с Демократом в жарких спорах, под звук флейты или гитары их соседа; в стороне жадного корыстолюбца, которого дети бесят своим шумом, мешая ему рассматривать щеты; наконец, собаки, кошки усугубляют очарование, так что не знаешь, где находишься. Это не дом, а целый плавающий городок!»⁹⁸

Свиньин выступил энтузиастом пароходостроения в России. Он писал о пользе, которую принесет введение пароходов в нашей стране: «Сколько тысяч сильных рук возвратятся на поля, обещающие щедрое воздаяние... И крестьянин, вместо изнурения под бичевою, таща барку и часто погибая, найдет за плугом истинное богатство и здоровье»⁹⁹. Попытка Свиньиного получить через министра иностранных дел Н.П. Румянцева право на строительство первых пароходов в России успеха не имела. Инициатива была перехвачена американским послом Дж.К. Адамсом, который добился для Р. Фултона монополии на строительство пароходов в России в течение пятнадцати лет. Однако ни проект Фултона, ни предложение Свиньиного не были воплощены в жизнь.

Статья Свиньиного о пароходах, появившаяся в 1814 г. и вошедшая затем в «Опыт живописного путешествия», заканчивалась выражением надежды, что весной 1815 г. между Петербургом и Кронштадтом будет установлено пароходное движение. Действительно, летом 1815 г. предпринимались подобные попытки, однако пароходы начали курсировать между столицей и Кронштадтом только в 1817 г.

Одна из интереснейших глав книги Свиньиного – описание Ниагарского водопада, сделанное непосредственно под живым впечатлением от увиденного чуда природы. Это романтическое отступление среди статистических выкладок и расчетов, перечня статей русского экспорта в Америку: парусины, холста, пеньки, свечей, щетины, пуха, сала, кожи и проч. Пройдя под аркой, образуемой падением воды Ниагары, писатель записывает: «Я сей час возвратился из-под чудесного свода сего, усталый, измученный,

⁹⁸ Свиньин П. Опыт живописного путешествия... С. 78–79.

⁹⁹ Там же. С. 80–81.

почти удушенный! Кое-как взобравшись на дикий утес, лежащий противу самого водопада, спешу привести в порядок мысли мои, волнующиеся подобно бездне сей, спешу облегчить грудь мою, сильно поднимающуюся, спешу выйти из очарования!»¹⁰⁰

Посещая Ниагару в разное время года и в разное время суток, Свиньин оставил зарисовки водопада «при закате солнца, когда он кажется объят пламенем, а брызги его являются огненными искрами», и «при восходе солнца, когда украшается он тремя разноцветными радугами», и «в лунную светлую ночь, из затени гранитных скал». В яркий зимний полдень водопад открывает глазам и воображению величественную картину. «Угрюмые, дикие утесы, черные сосны и кустарники, все, что видно летом, – все исчезло, все представляется в другом виде и образе, все есть новое творение. Водяные частицы, отлетающие от падения реки и несомые далеко ветром в разные стороны, одевают все окружные предметы самым белым покрывалом и блестящими кристаллами, которые дают им самые странные и удивительные формы. Здесь представляются вам огромные готические здания, там колоссальные пирамиды, великолепные колонны, развалины и пр.»¹⁰¹

В Америке Свиньина поражало многое – и «истинная польза» стимбота, и Ниагарский водопад, воспоминание о котором «походит на те волшебные сны, которые остаются твердо в памяти, но коих никому пересказать не можно», и пляски диких индейцев, которые ему удалось видеть в Филадельфии, когда в августе 1812 г. туда прибыло, проездом в Вашингтон, посольство индейских племен, готовых помогать американскому правительству в войне с Англией. Свиньин обратил внимание на сходство индейцев с горными жителями Кавказа. «Известно, что у черкесов гостеприимство почитается священной добродетелью; индеец говорит, что продавать гостеприимство есть тягчайший грех. У первых посетитель, умевший понравиться женщине, прикрыт щитом всеобщей любви, и жизнь его делается священной для целой нации, у индейцев черта сия еще сильнее»¹⁰².

Описания индейцев и их танцев, сопровождаемые зарисовками Свиньина, весьма колоритны. Дирекция Филадельфийского Олимпийского театра, воспользовавшись проездом индейцев через город, уговорила их за 100 долларов представить на сцене национальные их

¹⁰⁰ Свиньин П. Опыт живописного путешествия... С. 121.

¹⁰¹ Там же. С. 129–130.

¹⁰² Там же. С. 136.

пляски. Когда поднялся занавес, Свињин и все зрители увидели страшные лица, раскрашенные красками, пестрящие черными и синими узорами: «...иные из них одетые в буйволы кожи с их рогами на голове; другие испещрены разными перьями, пестрыми змеиными кожами и побрякушками, и большая часть совершенно нагих: все сие представило зрелище вместе ужасное, новое и живописное»¹⁰³. Красочно описывает Свињин военный танец индейцев и при этом не только объясняет новое для русского читателя слово «скальп», но и в деталях излагает технику скальпирования.

Свињина поразила мужественность и выносливость свободолюбивых индейцев, на протяжении веков истреблявшихся белыми завоевателями. Он приводит легенду об индейском вожде, который, «истлевая на раскаленных углях, спросил у палачей своих, обещавших ему рай на том свете, естли примет христианскую веру: не встречу ли я там испанцев? Конечно, отвечали монахи, “так подложите под меня больше угляев”, – было последнее его слово»¹⁰⁴. Свињин записывал фольклор индейцев, их предания, «кои составляют единственные их скрижали». Он переводит с английского предсмертную песню ирокезского воина и включает ее в свою книгу об Америке. Приведем первую и последнюю строфы этого перевода, очень близкого, по заверению Свињина, к подлиннику:

Шумит свирепый огонь, костер уже пылает!
И кровь в груди моей клокочет и кипит,
Меня и черный дым и пламень окружает,
И предо мной смерть бледная стоит!

.
Любуйтесь, варвары, мученьями моими!
Уж братья за меня готовят страшну месть!
Отплатите вы им страданиями своими,
Но вам мучений сих, как я, не перенести!»¹⁰⁵

Возможно, не без влияния «Шерокезской песни» Свињина создана «Песнь пленного ирокезца» А.И. Полежаева.

Свињин осветил различные стороны американской жизни с точки зрения русского наблюдателя. Еще в журнальном варианте первой главы он отмечал, что «торговые сношения Америки с Рос-

¹⁰³ Свињин П. Опыт живописного путешествия... С. 140.

¹⁰⁴ Там же. С. 146.

¹⁰⁵ Там же. С. 147–148.

сиею начались в 1783 году и возрастали с того времени ежегодно»¹⁰⁶. Мысль эта постоянно владела им и получила дальнейшее развитие в статье «Торговые сношения России с Соединенными Американскими Областями и взгляд на генеральную торговлю последних», начинающейся словами: «Уже 30 лет, как существуют торговые отношения между Россией и Соединенными Штатами...»¹⁰⁷.

Выступления в печати Свинына отразили общий интерес русского общества конца 10-х – начала 20-х годов к молодому американскому государству. Путешествие Свинына в Америку стало, как он сообщал в «Известии о издании нового периодического журнала под названием “Отечественные Записки”»¹⁰⁸, своего рода стимулом для основания этого журнала. Общественно-политические сведения об Америке печатал в те годы также «Исторический, Статистический и Географический Журнал». Однако одной темы и Свинын, и «Исторический Журнал», переводивший с немецкого материалы гамбургского «Политического журнала», старательно избегали. Это негритянская проблема. Свинын ограничился в своей книге выражением надежды на то, что в скором времени все негры будут освобождены, «ибо уже шесть Северных Штатов уничтожили рабство и всем неграм своим дали свободу»¹⁰⁹. Очевидно, вся сложность негритянского вопроса оставалась ему непонятной.

Свинын закрывал глаза на истинное положение американских негров, хотя даже русский посланник А.Я. Дашков в «Записке о существующем Обществе в Филадельфии для колонизации воль-

¹⁰⁶ Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 46. С. 6.

¹⁰⁷ Отечественные Записки. 1820. Ноябрь. Ч. 4. № 7. С. 89. Сведения о торговле американцев с Россией с 1783 г., как и многие другие известия о США, Свинын получал от своего близкого друга в Америке консула А.Г. Евстафьева, а также благодаря проведенной среди «русских торговых агентов в американских городах» специальной анкеты, материалы которой вошли в «Опыт живописного путешествия». Евстафьев сообщил Свиныну немало сведений историко-культурного характера. Отвечая на вопрос Свинына о слове «янки», он писал: «В рассуждении происхождения слова *янки* нельзя сказать ничего решительного. Некоторые думают, что индейское поколение, населявшее страну сию до прибытия европейцев, называлось сим именем и сообщило оное первым поселенцам; но такового поколения не показано в истории, и вернее, кажется, можно заключить, что во время войны агличане из единой насмешки и презрения дали случайно здешним жителям, яко первым заводчикам мятежа, упомянутое прозвание, испорченное, может быть, и по ошибке принятое от другого индейского поколения *ягу* (Yahoos), которое и поныне еще существует в Америке» (РГБ. Ф. 138. Карт. 306. Ед. хр. 23. Л. 5, 5 об.).

¹⁰⁸ Сын Отечества. 1820. Ч. 61. № 17. С. 230.

¹⁰⁹ Свинын П. Опыт живописного путешествия... С. 17.

ных негров» писал о распространенности в Америке аболиционистских настроений: «Уважение к правам человечества и признание, что негры не должны оных лишиться потому только, что родились они в других с нами климатах и что цвет кожи их темнее нашей, обнаруживались в Северной Америке еще в то время, когда колонии подчинены были английскому правительству. В 1758-м году общество квакеров даровало свободу всем невольникам, им принадлежавшим. Потом народное собрание в Пенсильвании обязало всех владельцев сделать перепись своих негров и объявило детей их свободными, как скоро наступит им 28 лет от роду. Это был первый опыт законной власти к общему освобождению. Вскоре и в других провинциях, к Северу лежащих, невольничество законом уничтожено. В 1774-м году составилось общество по сему предмету Abolition Society, которое вперёд утверждено было правительством Пенсильвании; и в числе президентов оного видим мы Франклина...»¹¹⁰.

Литература, наука, художества и книгопечатание в США вызвали особенно заинтересованное внимание Свинына. Он писал, что словесность в Соединенных Штатах пользуется «великим уважением», а книгопечатание ведется «с величайшим успехом». В Америке перепечатывались новинки английской литературы, а в крупнейших городах, таких как Филадельфия, Нью-Йорк и Бостон, выходило по нескольку газет и журналов, «расходящихся в большом количестве». В одном Нью-Йорке, как свидетельствовал русский писатель, издавалось 19 газет, «в Филадельфии и Бостоне не менее того»¹¹¹. С уважением писал Свинын, что в главных городах находится по нескольку публичных библиотек и что в одной Филадельфийской библиотеке содержится 100 000 томов. Среди американских писателей Свинын больше других ценил Франклина, которого упоминал в своих статьях и в книге об Америке.

«Живописное путешествие» П. Свинына по Северной Америке, начатое печатанием в 1814 г. и продолженное в отдельных изданиях 1815 и 1818 гг., так и не было до смерти автора окончено и сведено воедино. Публикуя в 1829 г. новый отрывок из «Живописного путешествия», которое, как пояснялось в примечании, еще находилось в рукописи, Свинын, видимо, надеялся со временем издать полный текст своих американских записок. Смерть оборвала эту работу.

Во время пребывания в Соединенных Штатах Свинын живо интересовался американской живописью, архитектурой и скульпту-

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1.

¹¹¹ Свинын П. Опыт живописного путешествия... С. 27.

рой. Этим трем искусствам и посвятил он свои новые «Наблюдения русского в Америке», утверждая, что «американцы имеют от природы большой дар к художествам»¹¹². О своей встрече с художником Гилбертом Стюартом, основоположником американской портретной школы, Свиньин рассказывает: «В Бостоне я познакомился с Стюартом. Я нашел старца, сгорбившегося, в подагре, но с такими пламенными и проницательными глазами, каких я ни у кого не видал!»¹¹³

Говоря об американском искусстве, русский писатель обращает внимание на то, что деньги и искусство неразрывно связаны между собой в Америке. Портрет Вашингтона «есть лучшее, а иногда и единственное украшение домов американских. Граждане первых двух классов стараются иметь у себя портрет его, писанный Стюартом, и платят 100 долларов, каково бы он ни был им писан; оттого и вошло здесь в пословицу портреты сии называть “Стуартовыми сто долларов ассигнациями”. И в самом деле, когда он имеет нужду в деньгах, берет палитру, и в два дни портрет готов, и, наверное, выработано 100 дол. (около 500 руб.)»¹¹⁴.

Американская архитектура впечатлила Свиньина своими масштабами, прообразами будущих небоскребов. «Кофе-отель» в Бостоне, в восемь этажей вышины, он называет «самым огромнейшим зданием в Америке». Это сооружение, поразившее воображение русского литератора, «представляет одну громаду кирпичей, складенных кубическим квадратом» (?)¹¹⁵. Парадоксальное выражение «кубический квадрат» должно было, очевидно, передать всю необычность того, что открылось глазам писателя, переживавшего свое «открытие Америки». Однако вывод Свиньина об американском изобразительном искусстве был довольно сдержан: «Сколь Америка бедна художественными памятниками, столь богата чудесами природы. Один Ниагарский водопад, или естественный мост, превосходит все изящные творения рук человеческих»¹¹⁶.

На следующий год после появления последней публикации Свиньина об Америке, посвященной американскому искусству, «Литературная Газета» Дельвига напечатала статью П.И. Полети-

¹¹² Отечественные Записки. 1829. Май. Т. 38. № 109. С. 146.

¹¹³ Там же. С. 151.

¹¹⁴ Там же. С. 150–151.

¹¹⁵ Там же. 1829. Июнь. Т. 38. № 110. С. 310. Описание американских городов дано в письмах Свиньина к И.Я. Козлову (1812), опубликованных в «Невском альманахе на 1828 год» (СПб., 1827. С. 24–52) и в «Санкт-Петербургском Зрителе» (1828. № 1. С. 95–112).

¹¹⁶ Отечественные Записки. 1829. Август. Т. 39. № 112. С. 187.

ки «Состояние общества в Соединенных Американских Облациях», написанную в 1822 г. в бытность автора на дипломатическом посту в Вашингтоне. Это часть его книги об Америке, изданной в 1826 г. на французском языке в Лондоне и в том же году переизданной в Балтиморе по-английски (подробнее в следующей главе).

Отношение Полетики к Соединенным Штатам было довольно критическим. Как известно, «Литературной Газете» запрещалось касаться политических и социальных вопросов, тем не менее автор сумел выразить свое отношение к заокеанской республике весьма недвусмысленно. «Некоторые иностранцы, прожив многие годы в Соединенных Облациях, — пишет он, — заметили, что посещающие оные европейцы из любопытства, либо по долгу дипломатического служения, редко привязываются к сему краю и по большей части с нетерпеливостью ожидают часа, определенного для отъезда. Кого обвинять в том должно: американцев или сих иностранцев? По всей вероятности, вина обоих»¹¹⁷.

Труд П.И. Полетики касался различных сторон общественной жизни Америки. Вслед за декабристами Полетика обратил внимание на книги тогда еще малоизвестного в России Томаса Пейна, как бы рекомендуя русским читателям этого американского просветителя и атеиста. Думается, что современники Пушкина могли вычитать из статьи Полетики гораздо больше, чем он имел возможность открыто сказать о Соединенных Штатах.

В примечании А.А. Дельвига справедливо отмечается, что изображение Америки у Полетики более зрелое в социально-политическом отношении, чем живописная картина, нарисованная Свиным. «Вообще в Европе мало знают политическое и нравственное состояние сего замечательного края, из наших же русских путешественников только П.П. Свиный издал “Опыт” своего “живописного путешествия по Северной Америке”. Но г. Свиный, можно сказать, только проехался по некоторой части Северо-Американских Соединенных Штатов, не имев времени вникнуть ни в дух постановлений, ни в политическое положение сей страны, ни в нравы и обычаи жителей оной. В сем отношении сочинение П.И. Полетики, при всей краткости своей, может сообщить читателям сведения весьма удовлетворительные»¹¹⁸. Однако целиком книгу русский читатель не увидел. И в этом тоже косвенно отразилось различие позиций Свинына и Полетики в отноше-

¹¹⁷ Литературная Газета. 1830. 14 августа. Т. 2. № 46. С. 77.

¹¹⁸ Там же.

нии к Соединенным Штатам. Книга Полетики оказалась слишком радикальной и не была напечатана.

Один из последних эпизодов, связанных с «Живописным путешествием» и образом Америки, созданным у русского читателя П. Свиньиным, разыгрался осенью 1829 г., когда в редакцию «Северной Пчелы» пришло письмо из Вязьмы. Оно так встревожило Фаддея Булгарина, что он тут же снес его в III отделение. Письмом заинтересовался сам шеф жандармов Бенкендорф и повелел выбрать расторопного жандармского офицера и послать в Вязьму «для узнания». Дело было секретное, государственное. Высочайшим повелением в Смоленскую губернию был послан, совсем как у Гоголя, чиновник особых поручений с секретным предписанием Бенкендорфа и бумагой, в которой местному начальству предлагалось оказывать отправленному по именному повелению г-ну Кобервейну всяческое содействие.

Что же так встревожило шефа жандармов и царя? Письмо, полученное Булгариным, начиналось решительно: «Несколько молодых людей, испытавших превратности щастия, желали бы поселиться в Америке... Мысль конечно очень дерзкая, но при всем том она хорошо обдумана; и мы, имея довольно способов к отправлению в те страны, с помощью духа предприимчивости и трудолюбия почти не сомневаемся, что время – увенчает наш проект»¹¹⁹. Далее в письме шла речь о книгах об Америке, которые любили читать декабристы, и поминалась Российско-американская компания, о которой Николай I незадолго перед тем отзывался весьма скептически в связи с делом Рылеева.

Новое тайное общество в провинции уже мерещилось Бенкендорфу... «Тщетно расспрашивали мы просвещенных, по-видимому, людей, – писали “заговорщики”, – тщетно разыскивали в книгах, тщетно просили совета Аббата Рейнала в его “Истории Колоний и Коммерции в обеих Индиях”, – нигде не могли найти полного удовлетворения своим вопросам: каким образом выходцы из разных государств находят в сих колониях себе работу? Чрез какое право получают они в Вест-Индии землю? Всякому ли дозволено там селиться? Нет ли различия в нациях? Достаточно ли к сему предприятию знания одного только английского языка?»¹²⁰ Письмо заканчивалось просьбой напечатать в «Северной Пчеле» «хотя небольшую статейку

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. I экспедиция III отделения С.Е.И.В. Канцелярии. 1829. Ед. хр. 435. Дело об установлении автора письма об условиях жизни переселенцев в Америку. Л. 17.

¹²⁰ Там же. Л. 17–17 об.

о способах поселения в колониях Нового Света» и упреками в адрес переводчиков Вальтера Скотта, которые не обращают внимания на сочинения об Америке, ее торговле и промышленности. Эти переводы ждут «не одни вельможи, не одни дворяне, – но многие, многие – из низшего класса грамотеев в провинциях!...»¹²¹.

Опытный агент III отделения без особого труда отыскал автора письма и его «сотоварищей». Ими оказались Константин Гречников, семнадцатилетний мальчик-конторщик у купца-сахароторговца Савинова в г. Осташкове Тверской губернии и его приятель восемнадцатилетний Николай Пыпкин. Начитавшись книг об Америке, в том числе и П.П. Свинына, которому они тоже писали, юноши решили бежать в Америку. В отличие от Булгарина, к которому Гречников испытывал недоверие и дал ложный обратный адрес, в письме к Свиныну он указал верный свой адрес, и между ними завязалась переписка.

Сын бухгалтера К.Н. Гречников воспитывался в Петербурге у почтамтского чиновника, «но его ум превосходит полученное воспитание», «он приятного лица и бодро разговорчивый», как свидетельствовал агент III отделения. «Чей это почерк? – спросил его Кобервейн, показывая в конторе письмо. – Младец, увидев письмо, так смутился, что мне даже жалко его стало, и трепещущий отвечал: “Моя рука!” – но собравшись с духом, продолжал те слова: “Сделайте милость, не говорите более о том здесь, я, если позволите то, приду к вам на квартиру!” – Хорошо, любезный, только скоро, ибо я уезжаю... Пришедши ко мне, первый вопрос Гречникова был: позвольте спросить об здравии П.П. г-на Свинына! Я ему писал и просил его не справляться по моим вопросам у Минист-ва внутр. дел, ибо не стоит того, я уже решился весной отправиться в Крым!» и «предаться усовершенствованию виноделия», развести плантацию виноградника и производить виноградные вина¹²².

Так окончилась эта история о таинственном письме из Вязьмы, всполошившем III отделение собственной его императорского величества канцелярии. Источником «американских проектов» двух юнцов, как оказалось, была книга Свинына об Америке. Остается добавить, что чеховские мальчики, бежавшие в Америку, – внуки Кости Гречникова и Коли Пыпкина!

¹²¹ ГАРФ. Ф. 109. Ед. хр. 435. Л. 18 об.

¹²² Там же. Л. 13 об.

В этой истории как бы в миниатюре отразилось то, как воспринимал книгу Свинына простонародный читатель и как читали ее в верхах, с опаской относившихся к самому слову Америка.

Думается, настало время, когда своеобразное «Живописное путешествие» Павла Свинына, памятник русско-американских культурных связей начала XIX столетия, давно уже ставший библиографической редкостью, должен быть переиздан и сделаться вновь известен русскому читателю.

Среди причин, которые побудили русских писателей конца XVIII – начала XIX в. обратиться к Америке и даже побывать там, были не только общественно-политические, такие как возникновение в результате войны за независимость нового государства и установление дипломатических отношений между Россией и США. Русских писателей, безусловно, интересовали и привлекали черты сходства и различий двух государств. Такие же бескрайние просторы, но иной уклад жизни – «народ, не имеющий дворянства», как говорил Пушкин. Все это не только разительно отличалось от европейских условий, но и давало почву для размышлений. Выступив инициаторами установления культурных и литературных контактов России и Соединенных Штатов, русские писатели изначально утвердили активную роль русской литературы в развитии этих связей.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ: ЖУРНАЛ «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

Россия, по пространству своих земель, многочисленности
населения и по своему могуществу занимающая
высокую степень между народами, всегда была в дружбе
с Соединенными Штатами.

*Послание Президента Соединенных Штатов Северной
Америки при Открытии заседания конгресса в декабре
1829 года (Московский Телеграф. 1830. № 2)*

Первая статья о литературе США появилась в журнале «Московский Телеграф» в 1825 г. и называлась «Об успехах просвещения и литературы в Соединенных Штатах» (в те времена слово «литература» писалось на французский манер с двумя «т»). Это известие об американской словесности заимствовано из гамбургского «Политического журнала» и передает изумление автора перед картиной нарождающейся литературы Нового Света. «Североамериканцы, утвердив политическую свою независимость и заслужив удивление всего света быстрыми шагами в приобретении благосостояния и богатства, – писал безымянный критик, – стремятся стать на одну чреду с образованнейшими народами Старого Света»¹.

Сообщая, что американцы охотно знакомятся с литературой других народов и что «романов автора Ваверлея <Вальтера Скотта> напечатано 500 000 томов (в разных изданиях)», автор считает, что «собственные литературные подвиги североамериканцев также немаловажны». Успехи американцев в науке и технике вызывали изумление в Европе начиная с XVIII в. («Удивительные, изумитель-

¹ Московский Телеграф. 1825. Ч. 5. № 19. Октябрь. С. 252.

ные шаги в науке!» – восклицает критик). Теперь «феноменом беспримерным» предстает и «заатлантическая литература».

Сожалея по поводу того, что в США еще мало поэтов «лирических и описательных», автор с нескрываемым энтузиазмом рассказывает о писателях-прозаиках: «Романисты их, Ирвин Вашингтон и Купер, с честью состязаются на одном поприще с Вальтером Скоттом. Первый не так давно издал *Tales of a traveller*, другой – *The pioneers of the sources of Susquehanna*. Каждое из сих произведений можно смело поставить наряду с сочинениями Вальтера Скотта и Гёте, первых писателей нашего времени в сем роде. У североамериканцев есть и драматические достойные произведения, хотя квакеры, методисты и пресвитериане не охотно терпят драматические увеселения»².

Статья в гамбургском «Политическом журнале» о «необыкновенном возвышении литературы в Соединенных Штатах» написана на основании обзора американской литературы, появившегося в 1825 г. в «*North American Review*». Издатель «Московского Телеграфа» Н.А. Полевой, однако, остался явно неудовлетворен своей перепечаткой статьи из гамбургского журнала. «Сочинитель слишком пристрастен к американцам», – отмечает он, обращая к тому же внимание на неточности некоторых положений автора.

«К сожалению, – продолжает Полевой, – не близкие отношения России с Америкой лишают нас удобств получать более верные сведения». И сам берется написать первую в истории отечественной критики статью об американской словесности.

Знаменателен уже самый факт появления первого очерка американской литературы в передовом русском журнале, который В.Г. Белинский по справедливости назвал в 1846 г. «решительно лучшим журналом в России от начала журналистики»³. Действи-

² Московский Телеграф. 1825. Ч. 5. № 19. Октябрь. С. 257–258.

³ «Московский Телеграф» выходил с января 1825 г. и был запрещен в апреле 1834 г. Ежегодно издавалось 24 книжки, составлявшие шесть томов (по четыре номера в томе или части). Нумерация частей переходила из года в год. Всего вышло 55 частей; отпечатанное начало 56-й части (№ 5) было конфисковано (*Полевой Кс.А. Записки*. СПб.: А.С. Суворин, 1888. С. 345), сохранилось всего несколько экземпляров пятого номера.

Однако этим дело не кончилось. После того как 3 апреля 1834 г. Николай I повелел «дальнейшее издание журнала под названием “Московский Телеграф” прекратить», Московский цензурный комитет во исполнение высочайшего повеления 13 апреля принял решение о запрещении выпуска недоданных подписчикам последних номеров за 1833 г. (Ч. 54. № 21–24), приобщив к числу запрещенных и отпечатанный к тому времени № 20 за 1833 г. (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Ед. хр. 63. Л. 1 об.).

тельно, «Московский Телеграф» был явлением необыкновенным во всех отношениях, и Белинский отметил это. «Журнал с первой же книжки изумляет всех живостию, свежестию, новостью, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению. Такой журнал не мог бы не быть замеченным и в толпе хороших журналов, но среди мертвой, вялой, бесцветной, жалкой журналистики того времени он был изумительным явлением»⁴.

Белинский увидел в «Московском Телеграфе» главное – демократическую линию, определившую лицо журнала и снискавшую ему известность не только в Москве и Петербурге, но и в губерниях. Историческую заслугу журнала Полевого определил А.И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1850). «Мы тем более должны признать его заслугу, – говорил он о “Московском Телеграфе”, – что печатался он в самые мрачные времена. Что можно было писать на завтра после восстания, накануне казней?»⁵

Называя Полевого публицистом, «мужественно возвысившим свой голос, чтобы объединить боязливых» в последекабристский период, Герцен придает исключительное значение его заслугам в распространении демократических идей на протяжении десятилетия: «В эту эпоху писали мало: половина литераторов была в ссылке, другая – хранила молчание... Полевой сумел удержаться, наперекор всякой реакции, до 1834 года, не изменив своему делу; нам не должно этого забывать...»⁶.

Таким образом, журнал Полевого был запрещен дважды: в Петербурге предписали прекратить его дальнейшее издание, а Московский цензурный комитет запретил выдачу и печатание последних номеров журнала за предшествующий 1833 г.

Цензурная история «Московского Телеграфа», в котором печатался Пушкин, позволяет уточнить датировку некоторых его эпиграмм. Так, эпиграмма «Журналами обиженный жестоко...» датируется в академическом издании 13–28 марта 1829 г. (III, 1179). Согласно же «Книге рукописей, поступивших в Московский цензурный комитет от авторов или переводчиков (1828–1830)», седьмой номер «Московского Телеграфа», где была опубликована эта эпиграмма, поступил в цензуру 26 марта 1829 г. (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 52). Таким образом, эпиграмма написана не позднее 26 марта. Как известно, к журналу Полевого цензура была особенно строга (все журналы шли в цензурный комитет в корректурных листах и только «Московский Телеграф» – в рукописи), поэтому добавление материалов после цензурного разрешения было исключено.

⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. IX. С. 687.

⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VII. С. 215.

⁶ Там же.

Демократическая направленность журнала Полевого и его приверженность романтизму объясняют, почему именно он впервые заговорил в России об американских писателях-романтиках. В июне 1828 г. в разделе «Журналистика» «Московский Телеграф» печатает статью «Североамериканская литература» (название по колонти-тулу)⁷, которая по праву может быть названа первой оригинальной русской работой о литературе и журналистике Соединенных Штатов (оба эти понятия рассматриваются Полевым в неразрывной связи).

В то время все было «впервые» в литературных связях России и Америки. Даже термин «журналистика» был впервые употреблен (и применен к литературе США) Н. Полевым в «Московском Телеграфе», где начиная с 1827 г. он вводит такую рубрику. В первой же публикации раздела «Журналистика», о злоупотреблениях буквой *i* в древнегреческих именах, Полевой обращается к образам из истории Америки: «Колумбом буквы *i* по всей справедливости должно почитать Тредиаковского, а нынешний восстановитель сей буквы разве только ее Америк-Веспущий»⁸. Журналистику Полевой понимал довольно широко, включая в это понятие публицистику, критику, общественные и культурные новости, историю и современность.

В своем журнале Полевой впервые опубликовал отрывки из древнерусских хронографов и космографий, в которых сообщалось об открытии «в море Окияне, в долгой пучине» новой части света, нареченной Америка⁹.

Статья Полевого о литературе США начинается с утверждения исторической связи американской и английской литератур. В соответствии с теми сведениями об американской словесности, которые достигали Западной Европы и России («Франция и Германия знакомее нас с Америкой», – замечал Полевой), русский критик приходит к выводу,

⁷ На авторство Н.А. Полевого в отношении этой анонимной статьи впервые обратила внимание В.Г. Березина в работе по атрибуции статей «Московского Телеграфа» (Уч. зап. ЛГУ. 1954. № 173. Серия филологич. наук. Вып. 20. Русская литература. С. 86–142).

⁸ Московский Телеграф. 1827. Ч. 13. № 1. Отд. II. С. 33. Статья подписана псевдонимом «Журнальный сыщик», которым в 1827 г. пользовались как П.А. Вяземский, так и Н.А. Полевой. В архиве Вяземского на рукописи статьи имеется его пометка: «Не мое», что подтверждает авторство Полевого (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1185-а. Л. 1).

⁹ Полевой Н. О географических сведениях древних Россиян // Московский Телеграф. 1831. Ч. 42. № 24. С. 456–485. См. также публикацию Полевого «Об островах диких людей, коих немецкие люди называют: Новый Свет, или четвертая часть Вселенной» (Московский Телеграф. 1832. Ч. 43. № 4. С. 594–599).

что до образования Соединенных Штатов в Северной Америке «не существовала туземная литература. Но все, что было произведено до того времени в Англии, принадлежало и американским ее владениям». Этим обстоятельством объясняется, почему не более как через полвека американская литература предстает уже «богатою, отчего по всем частям ее находим достойных уважения писателей, хотя до сих пор Америка еще не ознаменовалась в литературе столь великими именами, каковы имена Вашингтонов и Джефферсонов в политике»¹⁰.

В статье Полевого находим также весьма распространенное в то время утверждение, что американцы были слишком заняты практической деятельностью, «устройством гражданского быта, укреплением вещественного могущества своей отчизны» и «не нашли досужего времени, которое могли бы посвятить изящным искусствам». В высказываниях почти всех крупных писателей США конца XVIII – начала XIX в. – Франклина, Брайента, Ирвинга, Купера – проходит та же мысль. Первый национальный поэт Америки Филип Френо в своем «Совете сочинителям» (1788) писал о том, что повседневные заботы и нужды мешают американцам создавать свою литературу: «Поистине удивительно, что в стране, два столетия тому назад заселенной одними дикарями и с самого начала установившей у себя республиканские порядки, вообще могли появиться на свет сочинители оригинального таланта, вопреки общему закону мироздания, согласно которому ревнители изящных искусств перестают составлять бремя нации только тогда, когда та достигнет зенита богатства и духовной утонченности»¹¹.

Как бы отвечая на замечание из переведенной в «Московском Телеграфе» статьи гамбургского журнала об отсутствии в Америке лирической поэзии, Полевой рассматривает наследие английской литературы как принадлежащее и американской литературе. «Если не образовалась еще Америка для века поэзии, то надобно сказать однакож, что силы ее находятся в непрерывном и преуспевающем движении. Будучи обязана происхождением английской, американская литература не только донныне сохранила на себе признаки своего происхождения, но нашла выгоду не отдаляться от своей родоначальницы и присваивать себе все сокровища, какие непрерывно вновь представляет Англия»¹².

¹⁰ Московский Телеграф. 1828. Ч. 21. № 11. Июнь. С. 395.

¹¹ Эстетика американского романтизма / сост. и вступ. статья А.Н. Николюкина. М.: Искусство, 1977. С. 25.

¹² Московский Телеграф. 1828. Ч. 21. № 11. С. 396.

В том же 1828 г., когда Полевой писал о «выгодах не отдаляться» от английской литературы, Купер выпустил свою полемическую книгу «Взгляды американцев», в которой обсуждается тот же вопрос о перепечатке и распространении в Соединенных Штатах книг английских авторов. В следующем году «Московский Телеграф» напечатал перевод одной из глав этой книги, дав ей свое заглавие: «Взгляд на состояние литературы и просвещения в Американских Соединенных Штатах». Нам еще предстоит говорить об этом пространном обзоре просвещения и словесности в Америке, написанном крупнейшим писателем США того времени. Сейчас отметим только, что Купер смотрел на эти «выгоды не отдаляться» от литературы Англии с более практической, коммерческой стороны. Как американский писатель, страдающий от отсутствия в Америке авторского права, которое могло бы защитить литераторов от неограниченного наплыва английских книг и их американских переизданий, он писал: «Так как книгопродавец в Америке может печатать английское сочинение, не платя за него ничего, то это и будет в продолжение еще нескольких лет препятствовать словесности отечественной, пока покровительство законов не распространится на наших писателей. Ни один издатель не купит эпической поэмы, трагедии, сонета, романа, пока он такие же может иметь даром»¹³.

Н.А. Полевой первым в русской критике стал пользоваться термином «американская литература». Если в статье 1825 г. из гамбургского журнала американская словесность именуется еще описательно – «литература так называемая за-Атлантическая», то в своей статье 1828 г. Полевой не только пользуется термином «американская литература» ранее американского критика Сэмюэла Нэппа, попытавшегося в «Лекциях об американской литературе» (1829) ввести в оборот это понятие¹⁴, но и сопоставляет американскую литературу с английской, полагая, что различие между ними соответствует разнице между англо-американским и собственно английским языком.

Споры о роли английского языка в Америке – содействует или мешает он формированию национальной литературы – получили отражение в лекциях, прочитанных поэтом и публицистом Вильямом Калленом Брайентом в 1825–1826 гг. в нью-йоркском

¹³ Московский Телеграф. 1829. Ч. 23. № 16. С. 406–407.

¹⁴ См.: Алексеев М.П. К истории понятия «английская литература» // Алексеев М.П. Из истории английской литературы. М.; Л.: Худож. лит., 1960. С. 460.

обществе «Атенеум». Противники создания американской литературы утверждали, что препятствием для развития изящной словесности в США является заимствованный язык: «Он сложился в другой стране с иной, чем у нас, общественной организацией и поэтому едва ли может быть точным и исполнительным орудием, каким он стал бы, сопутствуя развитию нашей нации и получая формы и пополнения для надобностей нашей жизни»¹⁵. На взгляд Брайента, такое утверждение было одним из самых «призрачных пугал», которым европейцы, и прежде всего английские критики, страшили американцев.

Основатель «Эдинбургского обозрения» Сидни Смит, задавая в 1820 г. свой знаменитый иронический вопрос «Кто читает ныне американские книги?», избегал понятия «американская литература» и говорил лишь о книгах, изданных в Америке. Тем знаменательнее употребление Полевым термина «американская литература».

Подводя в декабре 1828 г. итоги четырех лет издания «Московского Телеграфа», в течение которых вышло 96 книжек журнала, Полевой своей заслугой почитает то обстоятельство, что он первым из русских журналистов обратил особенное внимание на английскую литературу и просвещение, а также на переводы американских писателей. Перечисляя «отборные статьи из лучших иностранных авторов», составившие гордость отдела «Изящная литература» в его журнале, Полевой, наряду с переводами исторических сочинений Вальтера Скотта и Сутея (Саути), называет повести Ирвинга.

К 20-м годам, когда русское общество стало знакомиться с литературой Соединенных Штатов, относится и начало переосмысления самого слова «американцы», под которым до тех пор подразумевались краснокожие аборигены Америки. Термин «американская литература», введенный в русскую журналистику Полевым, отражает уже определенные семантические сдвиги в этом понятии. В XVIII в. или в начале XIX в. этот термин был бы немыслим не только потому, что западноевропейский и русский читатель еще не был знаком с литературой США, но главным образом из-за того, что понятие «американская литература» означало бы литературу индейцев Америки.

Полевой явился в известной мере не только первым русским критиком-американистом, но и, как тогда говорили, «начальником» (зачинателем) русско-американских литературных связей. В первом же номере «Московского Телеграфа», хотя и в несколько парадокс-

¹⁵ Эстетика американского романтизма. С. 58.

сальной форме, Полевой ставит вопрос о необходимости установления реальных контактов с Америкой. Сообщая, что американцы успели наконец похитить у китайцев один важнейший предмет торговли, за который ежегодно «ужасные кучи золота и серебра переходят в Китай без замены: мы говорим о чае», Полевой вспоминает, что в 1815 г. он сам видел в Иркутске печи и машины местного умельца, который выведал у китайцев тайну приготовления чая и начал его производство. Свою заметку Полевой заключает знаменательным вопросом к современникам: «Если бы ученые сношения были деятельнее, почему Америке не спросить у Сибири?»¹⁶

Полевой выступил пропагандистом американского романтизма, произведений Ирвинга и Купера. Белинский справедливо писал о нем: «Романтизм – вот слово, которое было написано на знамени этого смелого, неутомимого и даровитого бойца, – слово, которое отстаивал он даже и тогда, когда потеряло оно свое прежнее значение и когда уже не было против кого отстаивать его!..»¹⁷

«Московский Телеграф», открывший американскую литературу для России, делал ставку на демократического читателя. Принцип демократизации литературы, как отечественной, так и переводной, открыто провозглашался журналом Н. Полевого. Если некоторые журналы и альманахи того времени, по объявлению самих редакторов, издавались для немногих «любителей изящного», то «Московский Телеграф» громогласно заявил, что он печатается для *многих* читателей.

Как главный печатный орган русского романтизма, «Московский Телеграф» постоянно обращался к творчеству современных зарубежных писателей, публиковал обзоры то сербской, то индийской поэзии и, конечно же, внимательно следил за развитием романтизма в русской словесности.

Именно в эти годы возникла та новая русская критика, к числу заслуг которой Белинский относил то, что «она провозгласила великими гениями Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта, Виктора Гюго, заговорила с уважением о Гофмане, Жан Поле, Вашингтоне Ирвинге, Тике, Цшокке»¹⁸. Законодатели классицизма, определявшие литературные вкусы

¹⁶ Московский Телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. С. 100. Интерес Полевого к Америке не случаен. Его отец А.Е. Полевой был сподвижником Г.И. Шелехова в освоении Русской Америки.

¹⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IX. С. 684.

¹⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VIII. С. 434.

предшествующей эпохи, были уничтожены сначала литературными обзорами русской словесности за 1823–1825 гг., печатавшимися А. Бестужевым, первым представителем русской романтической критики, в альманахе «Полярная Звезда», а затем статьями Н. Полевого в «Московском Телеграфе».

Преимущественное внимание к литературе французского романтизма, ощущающееся на страницах журнала, означало глубокий социально-исторический интерес к Франции и ее демократическим традициям. Известно, что после восстания декабристов интерес к романтизму обычно подразумевал симпатии к идеям французской революции и потому воспринимался властями как крамола. Романтизм в поэзии нередко отождествлялся с либерализмом в политике. Н. Полевой прямо уподоблял развитие романтических идей принципам французской революции.

Журнал Полевого стремился не просто познакомить читателя с новинками французской, немецкой, английской или американской литературы, а отбирал произведения таким образом, чтобы посредством переводов и рецензий с обширными цитатами, превосходившими иногда по размеру саму рецензию (как было принято в критике того времени), представить собственное отношение к литературе и действительности. Редактор подчеркивал, что его журнал – целенаправленное издание, а не «сбор занимательных статей». Это единство замысла и принципов определяло лицо «Московского Телеграфа», столь восхищавшее Белинского.

Говоря о задачах русской журналистики, Полевой как бы предвосхитил Белинского: «Идти вперед, к лучшему, возбуждать деятельность в умах и будить их от этой пошлой, растительной бездеятельности... – вот условия, налагаемые современностию на русского журналиста!»¹⁹ А в предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» (1832), подводя итоги издания «Московского Телеграфа», писал: «Семь лет журнала – семь подвигов не легких! Я передавал соотчикам то, что замечал в Европе достойное внимания, что почитал полезным моей отчизне»²⁰.

Перед русским и американским романтизмом стояло немало общих проблем. Двадцать лет спустя после изгнания Наполеона в «Разговоре между Сочинителем “Русских былей и небылиц” и Читателем», предваряющем роман Н. Полевого, писатель заявляет:

¹⁹ Московский Телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. С. 82.

²⁰ Полевой Н.А. Клятва при гробе господнем. Русская быль XV-го века. М.: Унив. тип., 1832. Ч. 1. С. XXIX–XXX.

«Мы победили Европу мечом, мы победим ее и умом: создадим свою философию, свою литературу...»²¹. В те же годы призывы к созданию национальной литературы раздавались и в Америке, которая была буквально наводнена заклинаниями, призванными породить новую и великую литературу. В знаменитой речи «Американский ученый», произнесенной Эмерсоном в Гарвардском университете 31 августа 1837 г., американский философ и писатель призывал американцев к созданию собственной литературы. Призыв к пробуждению «дремлющего разума Америки» стал манифестом романтического искусства США: «Время нашей зависимости, время нашего длительного литературного ученичества у иных народов близится к концу. Миллионы людей, стремительно пробуждающихся к жизни повсюду вокруг нас, нельзя вечно кормить черствыми крохами чужих урожаев»²².

Русская критика, не приемлющая романтизм как новый художественный метод познания жизни, сомневалась в уместности его в Америке. Рецензируя книгу Н.И. Надеждина «О происхождении, свойствах и судьбе поэзии, называемой романтической», написанную на латыни, И.Н. Камашев-Средний полагал в 1830 г., что в Америке «нет и не может быть романтизма в том смысле, в котором принимает его г. Надеждин. Новая земля, новые народы, собранные со всех концов вселенной, – вот элементы физические этого будущего мира; новая жизнь, оторванная огромными безднами вод даже от воспоминаний о прошедшем, – вот духовный элемент его. Но и Америка не вступила еще до сих пор в права свои»²³. Видя в романтизме лишь поэтизацию «рыцарства Средних веков», журнал М.П. Погодина, где появилась эта статья, не мог принять активного романтизма, обращенного к животрепещущим проблемам современности.

Истоки современного романтизма Полевой возводит к Шекспиру²⁴. «Роман только в наши дни получил свое высшее достоинство гением В. Скотта», – утверждает он, однако «без Шекспира не существовал бы В. Скотт. Он понял тайну, как изображал Шекспир историю в драме... роман как изображение того, что допускает возможным история; верное изображение народности; местная де-

²¹ Полевой Н.А. Клятва при гробе господнем. Русская быль XV-го века. Ч. 1. С. XXVI.

²² Эстетика американского романтизма. С. 224.

²³ Московский Вестник. 1830. № 9. С. 53–54.

²⁴ Об отношении Н.А. Полевого и журнала «Московский Телеграф» к Шекспиру см. исследование Ю.Д. Левина в кн.: Шекспир и русская культура / под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1965. С. 204–215.

корація нравов и обычаев – вот основание романов В. Скотта»²⁵. Этот взгляд на историчность романтизма сопутствовал Полевому в течение всех лет, когда он издавал «Московский Телеграф».

Для Полевого как романтика проблема русской литературы неразрывно связана со всей мировой литературой. Если понятие «мировая литература» является детищем романтизма, то на русской почве Полевой стал одним из первых критиков, поставивших русскую словесность в контекст всемирной.

После нового цензурного устава 1826 г. Полевой нередко прикрывался формой разговора об иностранной литературе, чтобы высказаться о состоянии дел в России. Любопытен в этом отношении появившийся в первой книжке «Московского Телеграфа» на 1827 г. «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 годов (Письмо в Нью-Йорк к С.Д.П.)». Под инициалами адресата скрывается библиограф и библиофил, владелец замечательной библиотеки, член редакционного кружка «Московского Телеграфа», а позднее пропагандист русской литературы во Франции Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803–1884).

Как отмечает С.Д. Полторацкий в своем рукописном словаре «Анонимы и псевдонимы в “Московском телеграфе”», составленном в 1849 г. и тогда же просмотренном и дополненным Ксенофонтом Полевым, братом Н.А. Полевого и его соратником по «Московскому Телеграфу», Нью-Йорк – это «псевдоним Москвы»²⁶.

В России после казней и ссылок, последовавших за восстанием декабристов, «одних уже нет, другие странствуют далече». «Смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый, и с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади)», – писал «Московский Телеграф» в обзоре русской литературы 1825–1826 гг.²⁷

Мысль Полевого влечет его к другу, путешествующему по Америке. Мрачной действительности России после расправы над

²⁵ Московский Телеграф. 1832. Ч. 43. № 2. С. 231, 233.

²⁶ РГБ. Ф. 233. Карт. 80. Ед. хр. 12. Л. 36.

²⁷ Обзор «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 годов» написан Полевым и Вяземским. Упоминание Вяземским пушкинских слов из эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» вызвало недовольство Бенкендорфа и царя, понявших, как и все читатели, намек на декабристов (см.: Гиллельсон М.И. Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому о «Московском Телеграфе» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 420–421). В монографии «П.А. Вяземский. Жизнь и творчество» (Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 159) Гиллельсон уточняет, что письмо написано не Бенкендорфом, а Д.Н. Блудовым.

декабристами противопоставляются «прекрасные берега Америки»: «Воображаем тебя в Монт-Верноне, пред гробницею великого Вашингтона, или на Бюнкер-Гильском поле, где впервые прочно расцвела слава американцев...»²⁸. В рукописной газете, выпускавшейся в 1828 г. Н.А. Полевым в кругу близких друзей, С.Д. Полторацкий изображался гражданином Нового Света (под именем 1^{1/2} гуд-Вашингтон).

Вся эта «американская» фразеология, проникшая и в обзор русской литературы 1825–1826 гг., появившийся в «Телеграфе», выражала, по наблюдению В.Н. Орлова, «идейные взгляды, настроения и интересы, господствовавшие в редакционном кружке “Московского телеграфа”, более непосредственно и прямо, нежели подцензурные страницы самого журнала»²⁹.

В 1826 г. в Лондоне на французском языке под псевдонимом «Русский» вышла книжка об Америке³⁰ русского посланника в Вашингтоне Петра Ивановича Полетики (1778–1849), знакомого Пушкина по литературному кружку «Арзамас» (1815–1817), где Полетика носил прозвище «Очарованный Челнок» (образ из баллады Жуковского «Адельстан»). Позднее Пушкин тепло отзывался о нем в дневнике: «Я очень люблю Полетику» (ХІІ, 330).

Давая в своей книге панораму американской жизни, Полетика высказывает некоторые суждения и об американской словесности. Он разделяет традиционно-консервативный взгляд, будто общий с Англией язык мешает развитию самобытной литературы в США. «В то время, когда утвердили они <американцы> свою независимость, английская словесность обиливала уже образцами всякого рода, как в стихах, так и в прозе, — читаем мы в появившемся тогда же переводе отрывков из книги Полетики. — Трудно б было американцам проложить для себя новую стезю на поле словесности. Сие самое единство языка не оставляет им возможности создать, как говорится, нацио-

²⁸ Московский Телеграф. 1827. Ч. 13. № 1. С. 5–6. Продолжение этого обзора напечатано в № 3 за тот же год, где обещано и окончание, которое, однако, не появилось по цензурным причинам.

²⁹ Орлов Вл. Пути и судьбы. Литературные очерки. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 239.

³⁰ Aperçu de la situation intérieure des États-Unis d’Amérique et de leurs rapports politiques avec l’Europe. Par un russe. Londres, 1826. Отрывки из нее появились в Journal de St.-Petersbourg (1825. № 81, 88–90). В 1826 г. в Балтиморе вышел английский перевод этой книги: A Sketch of the Internal Conditions of the United States and their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826. Книга была написана в США в 1821–1822 гг.

нальную словесность; и таким образом все усилия врожденного таланта ограничены, так сказать, принужденным подражанием»³¹.

Литературные взгляды Полетики не отличались самостоятельностью, и не это главное в его книге. Важно и существенно в ней было совсем иное, что и привлекло прежде всего внимание русского общества, – симпатии к республиканскому строю США, осуждение рабства негров, утверждение, что индейские аборигены Америки являются «законными владельцами всей земли»³².

Заслуги П.И. Полетики, сменившего в 1819 г. первого русского посла в США А.Я. Дашкова, в установлении культурных связей между двумя странами были отмечены избранием его в 1822 г. членом Американского философского общества.

В декабре 1827 г. «Московский Телеграф» поместил рецензию на книгу Полетики и пересказ отрывков из нее со ссылкой на немецкий журнал. «Умолчание источника и неверность перевода, сделанная немецким переводчиком, побудила меня высказать и то и другое в кратком объяснении, напечатанном в “Московском Телеграфе”, № 4, февраль 1828»³³, – сообщает С.Д. Полторацкий. Через два года «Литературная Газета» Дельвига опубликовала новый перевод отрывков из книги Полетики, сделанный (по свидетельству Полторацкого) самим автором и на этот раз с указанием его имени (в предыдущих публикациях фамилия Полетики не называлась)³⁴.

В газете была объявлена подписка на перевод книги Полетики. «К сожалению, с этого времени прошло почти 3 года, – продолжает в своих библиографических заметках Полторацкий, – и не слышать ничего об издании сей занимательной книги». Русский перевод в свет не появился. Причиной была цензура³⁵.

³¹ Литературная Газета. 1830. 14 августа. Т. 2. № 46. С. 75. О Полетике см. также в предыдущей главе.

³² Подробнее о книге П.И. Полетики: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М.: Наука, 1975. С. 534–536.

³³ Библиографические заметки С.Д. Полторацкого (от 1815 до 1850 г.) о Петре Ивановиче Полетике // РГБ. Ф. 233. Карт. 41. Ед. хр. 11. Л. 13.

³⁴ В ГПИБ хранится экземпляр *Journal de St.-Petersbourg* с пометкой С.Д. Полторацкого на французском языке о том, что опубликованный в этом журнале (1825. № 88–90. С. 383–394) отрывок из книги Полетики переведен самим автором в «Литературной Газете» (1830. № 45–46. 9 и 14 августа).

³⁵ Как писал Б.Л. Модзалевский, Полетика перевел свое сочинение на русский язык, но «по неимению издателя» оно так и не увидело света (Русский биографический словарь / издан под наблюдением А.А. Половцова. СПб.: тип. Скороходова, 1905. [Т. 14]. С. 329).

Цензор Сергей Аксаков не позволил напечатать по-русски высказывания против рабства, именуемого «бичом общества». 18 января 1833 г. Полторацкий записывает по поводу русского перевода книги Полетики: «Как просвещенный друг и поборник поправленных прав человечества автор с негодованием порицает рабство и называет его бичом общества, fléau social. Таможенник мысли с ножницами в руках, с улыбкой невежественного самодовольства избавляет рабство от заслуженной им укоризны...»³⁶. «О переводы, переводы!» – горестно восклицает Полторацкий в конце своей оставшейся ненапечатанной библиографической заметки.

В начале 1831 г. Полевой предпринял попытку поместить в своем журнале статью «О государственном устройстве Северо-Американских соединенных штатов» (очевидно, отрывок из книги Полетики), однако она была запрещена Московским цензурным комитетом.

Цензор Л.А. Цветаев полагал, что статья эта «хотя не содержит ничего противного Уставу о цензуре, но по нынешнему брожению умов, мечтающих о свободных Конституциях, может иметь вредное влияние»³⁷.

«Московский Телеграф», а за ним и другие русские журналы давали все более обширную информацию о зарубежной литературе и культуре, в том числе и американской, однако взаимные литературные и журналистские контакты с Америкой развивались довольно медленно.

Русские писатели и критики, журналисты и издатели открыли для себя американский романтизм намного раньше, чем американская литература обратилась к русскому романтизму и реализму. В процессе активного отбора из иностранной литературы того, что необходимо литературе отечественной, Россия опережала страны Европы и Америки. На первом этапе исторического процесса становления литературных связей России и США активной стороной выступала русская словесность, и только после Гражданской войны в Америке, когда американские писатели и критики открыли для себя сокровищницу русской литературы, они также обратились к активному отбору наиболее важного и ценного для них в наследии русских реалистов и романтиков. И тогда односторонние контакты превратились в творческий диалог. Познанию своего, национального споспешествовало восприятие сходств и различий в судьбах других народов

³⁶ РГБ. Ф. 233. Карт. 41. Ед. хр. 11. Л. 15.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 2165. Л. 15. То же представление цензора Цветаева от 13 февраля 1831 г. (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 70. Л. 16).

и культур. Без такого активного отбора из чужой литературной традиции особо значимых художественных явлений всякие литературно-эстетические контакты и влияния остаются мертворожденными.

Даже Франция, традиционные культурные связи с которой развивались в начале XIX в. наиболее успешно и имели уже длительную историю, находилась в отношении своих познаний о России и ее литературе на весьма низком уровне. В России 20-х годов читали французский «Всеобщий журнал иностранной литературы» («Journal générale de la littérature étrangère»), в котором печатались самые немыслимые и презабавные сведения о русских и их культуре³⁸. Русский народ и его словесность были, по меткому выражению Пушкина, «вечным предметом невежественной клеветы писателей иностранных» (XI, 27).

Иную картину являл парижский журнал «Энциклопедическое обозрение» («Revue encyclopédique»), одно из популярнейших изданий того времени, хорошо известное и в России. Исследователь литературных связей России и Западной Европы В.И. Кулешов пишет, что «Энциклопедическое обозрение», издававшееся в 1819–1831 гг. М.-А. Жюльеном де Пари, отлично информировало о России, имело постоянный штат обозревателей, знавших русский язык и посещавших Россию (Э.-И. Эро, Ж.-М. Шопен, Ж.-А. Шнитцлер); главное же заключается в том, что в «Энциклопедическом обозрении» сотрудничали С.Д. Полторацкий, П.А. Вяземский, Я.Н. Толстой. Для необходимой текущей информации и библиографии журнал часто ссылался на русские журналы и журналы-посредники, издававшиеся в России на иностранных языках. «Контакт был на редкость тесным», – заключает исследователь³⁹.

Добросовестность информации этого французского журнала привлекала не только Полевого, во многом повторившего в своем журнале структуру «Энциклопедического обозрения». А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» выделил «Энциклопедическое обозрение» как лучший французский журнал.

³⁸ См. обзор С.Д. Полторацкого «О неверности статей о России, помещаемых в иностранных журналах» (Московский Телеграф. 1827. Ч. 18. № 22. Отд. II. С. 61–76). Еще в августе 1825 г. «Телеграф» с известной долей иронии сообщал о «беспрестанно являющихся за рубежом книгах и журнальных статьях, в которых говорят и толкуют о России. «Благодарим за внимание... Жаль только, что известия о нас большою частию неверны и ошибочны...» (Ч. 4. № 16. С. 358).

³⁹ Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд. 2-е. М.: МГУ, 1977. С. 212.

В октябре 1826 г. «Энциклопедическое обозрение», переводы статей из которого нередко печатались в журнале Полевого, обратилось в редакцию «Телеграфа» с предложением установить обмен двух журналов. «Это дало бы нам возможность, – писал Э. Эро, – со своей стороны, делать у них выгодные займы для пополнения наших картин сравнительного просвещения»⁴⁰. Контакты с европейскими журналами стали завязываться. В отношении же Америки это было еще впереди.

И все же русская критика намного раньше французской признала существование национальной американской литературы. В 30-е годы многие французские критики полагали, что американской литературы как таковой не существует. Передовые русские литераторы, и прежде всего Н. Полевой, уже в 20-е годы придерживались иной точки зрения, знакомя русского читателя с образцами литературы американского народа и печатая первые критические обзоры словесности США.

Выходивший в Петербурге французский журнал «Иностранное обозрение» («Revue étrangère», 1832–1863) устами известного французского критика Филарета Шаля (1798–1873) уверял в 1835 г., что Соединенные Штаты не имеют своей собственной литературы. «Этот великий народ, эта республика, подразделяющаяся на двадцать республик, которые со временем породят еще тысячи, это возрождение судеб всего мира, ставшее образцом великого эксперимента, – лишено своей литературы! Это общество, столь неслыханно девственное и невероятное в глазах тех, кто приказал долго жить, не смогло обрести своего собственного национального голоса! Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг совершенные англичане, один – копия Аддисона, другой – подобие Вальтера Скотта»⁴¹. Столь категорично расправился французский критик с американским романтизмом в то время, когда Ирвинг уже выпустил все основные сборники своих рассказов, а Купер – половину романов.

В Америке, считает Шаль, не существует общества в общепринятом смысле этого слова. А там, где нет общества, «великого и таинственного единства, в котором индивидуальность естественно вливается в целое», там нет национальной поэзии, а где нет поэзии, не может быть и национальной литературы.

⁴⁰ Московский Телеграф. 1827. Ч. 13. № 4. Отд. II. С. 158.

⁴¹ *Charles Ph. De la littérature dans l'Amerique du Nord // Revue étrangère. St.-Petersbourg. 1835. T. 15. P. 394.*

Статьи из «Иностранного обозрения» проникали на страницы русских журналов. Так, «Библиотека для Чтения» в отзыве, который сопровождал публикацию отрывков из книги Ирвинга «Поездка в луговые степи», дала обзор литературы США, составленный по материалам анонимной статьи «Англо-американские поэты», появившейся в 14-м томе «Иностранного обозрения» за 1835 г. Здесь впервые русскому читателю были представлены многие писатели тех лет.

Среди лучших американских поэтов названы Ричард Дана, Джеймс Персиваль, Вильям Каллен Брайент, а также Халлек (Физ-Грен-Галлен, как пишет «Библиотека для Чтения»), доктор Джозеф Родмен Дрейк и «единственная в Америке женщина, принявшаяся за трудное ремесло поэта», – миссис Лидия Сигурни. Упоминаются поэты Джон Пирпонт («искусный прозаик, который в своих стихотворениях придерживается школы Попа и Роджерса») и Чарльз Спраг, который характеризуется довольно странным образом: «...по мнению своих одноземцев, одарен гением более возвышенным: он служит кассиром в одном банкирском доме в Бостоне»⁴². Как видно, деловой успех всегда ценился в Америке выше успеха литературного.

В обзоре упомянуто имя Лонгфелло, «автора прекрасного произведения “Дух поэзии”» (раннего стихотворения, написанного в 1825 г.), говорится о Н.П. Виллисе, выпустившем «в прошлом месяце» в Лондоне новый том своих стихотворений «Мелания и другие поэмы», Эдварде Пинкни и Джоне Ниле.

Однако общий вывод критика о состоянии американской художественной литературы довольно скептичен: «В Америке не может быть Байрона в поэзии, – еще менее Бальзака, Виктора Гюго или Жоржа Занда в прозе. Преимущества, которые мы отличили здесь у разных поэтов, совокупляются все в прозе г. Вашингтона Ирвинга и придают ей особенную прелесть в нашу эпоху судорожной мысли и разбитого, искривленного параличом слога»⁴³.

«Научность» обзора американской поэзии определяется таким, например, утверждением, заимствованным из анонимной статьи «Иностранного обозрения»: «В Америке мало у кого есть дед; вообще американец знает только отца своего: генеалогия их выходит, как вы видите, не длинна»⁴⁴. Читая столь странное заяв-

⁴² Библиотека для Чтения. 1835. Т. 10. Отд. II. С. 60.

⁴³ Там же. С. 61.

⁴⁴ Там же. С. 58.

ление, можно подумать, что французская критика, следуя по стопам Филарета Шаля, хотела приравнять американцев к аборигенам Америки, лишенным как своей письменности, так и достоверных исторических сведений о своем прошлом.

Слова, прозвучавшие со страниц «Библиотеки для Чтения», что в Америке не может быть подлинного искусства, не замедлили вызвать реакцию Белинского, который в обзоре русских журналов за 1835 г. сделал гораздо более глубокий вывод о состоянии Соединенных Штатов, чем французские критики и их русские перелagateли в «Библиотеке для Чтения»:

«Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздны: но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю этим благоденствием, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна»⁴⁵. Сравнивая это высказывание не только с обзором в «Библиотеке», но и со статьями А.В. Дружинина конца 40-х – начала 50-х годов об Ирвинге и американской литературе, о которых у нас еще будет повод сказать особо, обращаешь внимание, насколько Белинский уже в 1836 г. стоял на голову выше, был проницательнее, видел дальше, чем известный англофил Дружинин, восторженно воскликнувший по прочтении описания жизни в Америке: «Да здравствует эта жизнь!»

В 1837 г. «Журнал Министерства Народного Просвещения» публикует статью, направленную против принижения американской литературы. В Европе, говорит безымянный автор обзора «Словесность в Северо-Американских штатах», известны имена только двух американских литераторов, Купера и Вашингтона Ирвинга, и принято почти за аксиому, что в промышленной Америке нет и быть не может изящной словесности, в особенности поэзии, и что «два известные нам ее романиста суть только исключение из правила».

Возражая западноевропейским критикам, автор обзора указывает, что по количеству публикаций поэзия занимает первое место в североамериканской литературе; второе место принадлежит повестям и романам. Одним из «плодотворнейших и любимых

⁴⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 47.

романистов Америки» называется Джеймс Полдинг, а между лирическими поэтами первое место отдается Джеймсу Персивалю, «хотя Брайэнт и Дана имеют более вкуса и легкости. Персиваль – поэт с сильным воображением, мужественным стихом и с патриотизмом, который находим только в некоторых романах Фенимора Купера»⁴⁶. Стремление не ограничиваться известными именами Ирвинга и Купера характерно для русской критики первой половины XIX в., обращавшейся к литературе заокеанской республики.

С некоторыми именами, упомянутыми в обзорах «Библиотеки для Чтения» и «Журнала Министерства Народного Просвещения», русский читатель уже встречался в «Московском Телеграфе», где в 1829 г. появился перевод статьи Купера, написанной в форме письма к некоему итальянскому аббату и опубликованной в книге Купера «Взгляды американцев, собранные путешествующим холостяком» (1828). Н. Полевой дал свое заглавие этому письму: «Взгляд на состояние литературы и просвещения в Американских Соединенных Штатах». Посвященное широкому кругу проблем культуры, литературы и искусства США, письмо Купера продолжало знакомить русского читателя с американской словесностью, что было начато за год до того обзором самого Полевого.

Существенное препятствие развитию американской литературы Купер находил в скудости материалов, находящихся в ее распоряжении. Русский переводчик так передал меланхолическую иеремиаду американского романиста: «Здесь нет летописей для историка, странностей для поэта-сатирика; нет оригинальных характеров для драматического писателя, таинственных вымыслов для романиста, важных и дерзких происков против добродетели для автора нравственных сочинений, наконец, нет ни одного из тех блистательных вымыслов, которыми питается поэзия»⁴⁷. Далее переводчик пропустил содержащееся в оригинале сравнение Европы и Америки с кремнем и сыпучим песком: из первого даже слабым усилием можно высечь искру поэзии, но добыть огонь из второго не по силам даже великану.

Тем не менее Купер называет несколько талантливых поэтов Америки – Брайента, Персиваля, Спрага. «Посреди молодых людей, счастливо одаренных талантами, особенно замечателен теперь один (Галлек) по своей тонкости, полной иронии и соединенной с поэтическим, часто возвышенным слогом»⁴⁸. Популярность Хал-

⁴⁶ ЖМНП. 1837. Ноябрь. Ч. 16. № 11. С. 481–482.

⁴⁷ Московский Телеграф. 1829. Ч. 28. № 16. С. 408.

⁴⁸ Там же. С. 410.

лека Купер объясняет мелодичностью его стиха, неожиданностью и силой сравнений и неотразимым юмором.

Романы и повести Купер относит к низшему разряду словесности по сравнению с поэзией. Они в изобилии явились после революции. Особой художественной силой и «светлостью мыслей» отличается Чарльз Брокден Браун. Купер вспоминает, что еще мальчиком читал одну его книгу («Виланд»), и неоспоримое доказательство гениальности автора видит в том, что «среди множества сходных между собою картин, одна за другою следовавших, образы, которые он <Брокден Браун> пробудил в душе моей, навсегда остались в ней ясными и господствующими»⁴⁹. Что же касается Ирвинга, то слава его, говорит Купер, известна всем. «Писатель сей в высочайшей степени обладает тем, что англичане называют *юмор*, род умственной веселости, в которой было отказано его соотечественникам»⁵⁰. Наконец, не называя себя, Купер упоминает и свои романы, переведенные во Франции и переизданные в Англии, а также полемические и политические сочинения, проповеди и торжественные речи в годовщину четвертого июля, к которым американцы всегда имели склонность. Обзор американской литературы получился хотя и краткий, но довольно полный.

Книга Купера «Взгляды американцев», отрывок из которой появился в «Московском Телеграфе», живо заинтересовала русских читателей и переводчиков. 10 апреля 1831 г. в Московский цензурный комитет был представлен «купеческим братом Кирьяковым» перевод всей книги Купера под названием «Письма о Северо-Американских соединенных штатах». Переводчик Кирьяков предполагал выпустить книгу в четырех частях. Рукопись была разрешена цензурой, однако в свет не вышла⁵¹. Об интересе русских литераторов к «Взглядам американцев» свидетельствует и письмо Огарёва к Герцену от 4 сентября 1832 г., в котором дается высокая оценка этой книги Купера, излагающей основы американской гражданственности⁵².

Журналу «Московский Телеграф» принадлежит особая роль в истории русско-американских литературных связей. Он не просто познакомил русского читателя с литературой Нового Света – этим

⁴⁹ Московский Телеграф. 1829. Ч. 28. № 16. С. 411–412.

⁵⁰ Там же. С. 412.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 37 об. № 244.

⁵² Литературное наследство. Т. 61. Герцен и Огарев. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 708.

занимались многие журналы того времени, – но впервые попытался взглянуть на словесность США, исходя из демократических представлений, существовавших в русском обществе того времени. То была линия демократической критики, приведшая в дальнейшем к революционно-демократической концепции литературы у Белинского. И конечно же, не случайно литературные противники уже в 40-е годы связывали имена Полевого и Белинского, а Вяземский даже назвал их «литературными наездниками, какими-то кондотьерами, ниспровергателями законных литературных властей», завершив сравнение деятельности Белинского в «Отечественных Записках» и Полевого в «Московском Телеграфе» известной злобной формулой: «Белинский – Полевой, обьевший белены»⁵³.

Ознакомлению с новинками американской литературы посвящали свои страницы все крупнейшие журналы России начиная с 1825 г., когда вышел первый перевод романа Купера, а «Московский Телеграф» напечатал первый перевод рассказа Ирвинга. «Библиотека для Чтения» и другие журналы печатали обзоры американской литературы, переводившиеся из выходившего в Германии с 1832 г. «Журнала иностранной литературы» («Magazin für die Literatur des Auslands»), из французских журналов («Revue des deux mondes»), однако демократическую *точку зрения* на литературу США сумел выдвинуть только «Московский Телеграф», отличавшийся цельностью своей идейно-эстетической позиции. В этом принципиальная заслуга его издателя и редактора Н. Полевого, оказавшего известное воздействие на формирование взглядов Белинского, в том числе его интереса к американской литературе, и прежде всего к Куперу.

⁵³ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / изд. подгот. В.С. Нечаева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 287. Характерно, что Белинский, выступавший против охранительных позиций, занятых Полевым в 40-е годы, сумел в статье-некрологе «Николай Алексеевич Полевой» (1846) дать объективную оценку этого «замечательного деятеля на поприще русской литературы», а Вяземский в день похорон Полевого занес в свою записную книжку: «Вообще Полевой имел вредное влияние на литературу» (Там же. С. 286).

ВАШИНГТОН ИРВИНГ И РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Переводчики – почтовые лошади просвещения.

А. С. Пушкин

А.И. Герцен отмечал, что русские журналы, господству которых в русской литературе проложил путь «Московский Телеграф», вбирали в себя все умственное движение страны. «Они давали возможность жителям Омской и Тобольской губернии читать романы Диккенса или Жорж Санд спустя два месяца после появления их в Лондоне или Париже»¹. Что же касается книг американских, то бывали случаи, когда перевод из Ирвинга, первого американского писателя-романтика, с которым познакомился русский читатель, появлялся почти одновременно с выходом книги в США. Расторопный русский переводчик успевал сделать перевод с лондонского издания, вышедшего месяцем раньше нью-йоркского. Подобная оперативность – лучшее свидетельство того, с каким нетерпением ждали каждое новое сочинение Ирвинга.

Такой случай произошел с рассказом «Губернатор Манко» из книги Ирвинга «Альгамбра. Очерки и рассказы о маврах и испанцах», изданной в Англии в мае, а в Америке в июне 1832 г. Через два месяца московским подписчикам выдавался журнал «Телескоп» с этой новеллой. В предуведомлении издателя Н. Надеждина говорилось, что новое сочинение Ирвинга «Альгамбра» представляет собой собрание повестей, очерков и картин нравов и природы Испании. «Автор как будто ведет в них поэтический журнал своего путешествия по сей фантастической стране, столь благоприятной вдохновению»².

¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VII. С. 218.

² Телескоп. 1832. Т. 9. № 12. С. 438.

Ирвинг был уже хорошо известен в России того времени, и, предлагая русскому читателю «народную испанскую сказку, обработанную В. Ирвингом», издатель «Телескопа» отмечает, что сказка «носит на себе яркую печать его таланта, отличающегося остроумною веселостью и изящною легкостью»³.

Русскому читателю открыл Вашингтона Ирвинга, автора «Книги эскизов» (1819–1820), Н.А. Полевой. Четвертый номер его «Московского Телеграфа» вышел в феврале 1825 г. и начинался переводом очерка «Искусство делать книги» из первого сборника рассказов и очерков Ирвинга, о котором с восхищением отзывался Байрон⁴.

Первый переводчик Ирвинга в России известный украинский филолог, историк и поэт М.А. Максимович подписал этот перевод буквами W.W. (перевернутые инициалы М.М.) и снабдил его примечанием, в котором об Ирвинге говорится как о писателе «у нас почти неизвестном». Настолько неизвестном, что переводчик не смог отличить имя писателя от его фамилии (которую ошибочно написал Ирвин)⁵. И все же переводчик Максимович и издатель журнала Полевой, начавший с тех пор постоянно печатать в «Московском Телеграфе» рассказы Ирвинга и отрывки из книг Купера, подметили главное в творчестве этих американских литераторов раньше, чем кто-либо в России: «Ирв. Вашингтон и Купер, более всех своих соотечественников, заставили Европу обратить внимание на словесность Северных Американцев»⁶. Так начиналась жизнь книг Ирвинга и Купера на русской земле, где ими зачитывались целые поколения, а затем эти книги вошли в сокровищницу детской литературы.

³ Телескоп. 1832. Т. 9. № 12. С. 439.

⁴ Byron G. G. Letters and Journals. Vol. 8. 1821. «Born for Opposition» / ed. by L.A. Marchand. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1978. P. 146.

⁵ Следует отметить, что написание Ирвин Вашингтон, Ирв. Вашингтон, И. Вашингтон и просто Вашингтон долго сохранялось в русской журналистике и встречается вплоть до первого отдельного издания новелл Ирвинга, вышедшего в 1830 г. под заглавием «Итальянские разбойники. Истинные и странные приключения на дороге в Италию». Особенно упорно именовал писателя «Ирвином Вашингтоном» «Московский Телеграф», опубликовавший переводы рассказов «Гостиница в Террачине» (1825. № 19–20. Прибавления), «Вольфер Веббер» (1826. № 2–4), «Безголовый мертвец» (так назывался первый русский перевод знаменитой «Легенды о Сонной Лощине»: 1826. № 11–12), «Аннета Деларбр» (1828. № 5–6).

⁶ Московский Телеграф. 1825. Ч. 1. № 4. Февраль. С. 297.

Выбор очерка, переведенного Максимовичем из «Книги эскизов», был, очевидно, случаен, но не случайным оказался устойчивый интерес к Ирвингу в русских журналах. Полевой как бы подал сигнал, и все начали переводить американского новеллиста, чья романтическая фантазия придавала вымыслу притягательную силу, поэтизировала мир прошлого и окутывала таинственной дымкой повседневную жизнь, правда, в отличие от Гофмана никогда не оставляя читателя в плену загадочного, ирреального. Светлый романтизм Ирвинга не уводил в мир сверхчувственного, но давал разрешение таинственного, метафизического в причудливых арабесках, мистификации, острой шутке.

Раньше других заметить новые тенденции в литературе – в этом, может быть, состоит дар истинного критика-журналиста. И Полевой в совершенстве владел таким даром. Вслед за «Московским Телеграфом» переводы из Ирвинга в апреле 1825 г. появились в «Дамском Журнале» князя Шаликова, в июне – в «Новостях Литературы» А.Ф. Воейкова, в июле – в «Сыне Отечества»; затем многочисленные переводы рассказов, повестей и отрывков из книг Ирвинга мы встречаем в «Атенее», «Вестнике Европы», «Литературной Газете» Дельвига, «Московском Вестнике», «Русском Инвалиде», «Северной Пчеле», «Телескопе», позднее в «Библиотеке для Чтения», «Современнике», «Отечественных Записках» – все крупнейшие русские журналы XIX в. обращались к Ирвингу и Куперу.

Воспринимали Ирвинга в России того времени по-разному. «Дамский Журнал», заполнявший свои страницы переводами сентиментальных повестей французских писательниц, поспешил и Ирвинга подать в том же свете. Рассказам американского писателя, печатавшимся в журнале с апреля по сентябрь 1825 г. в переводе с французского перевода госпожи Борегар, было предпослано разъяснение: «Между английскими писателями, пользующимися ныне блестящею славою, Вашингтон-Ирвинг заслуживает особого уважения». И далее издатель поясняет, в чем он видит достоинства писателя (хотя, казалось, к Ирвингу это относится менее всего): «...он посвятил себя наставлениям и исправлению ближних». Единственное, что усмотрел князь Шаликов в Ирвинге, – это нравоучение, которое «тем необоримее, что представляется без всякого искусства и без всякой требовательности»⁷. Трудно сказать что-либо более несуразное по поводу исполненных живости и искрящихся юмором рассказов американского новеллиста.

⁷ Дамский Журнал. 1825. Апрель. Ч. 10. № 8. С. 41–42.

Совершенно иначе читали Ирвинга в кругах декабристов в канун восстания, в журнале «Сын Отечества». Писатель и переводчик Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830), опубликовавший свой перевод из Ирвинга в «Новостях Литературы», сообщал о готовящемся русском издании ирвинговской «Книги эскизов»⁸. Издание это в свет не вышло, хотя отдельные части «Книги эскизов» стали появляться в журналах.

Возможно, именно в переводе В.В. Измайлова впервые представил своим читателям Ирвинга «Сын Отечества», рекомендовавший новое литературное имя: «Известный американский писатель, столь же любимый ныне в Англии, как и Вальтер Скотт»⁹. Романтический характер творчества Ирвинга («необузданные страсти и суеверие») выставлялся главной притягательной силой писателя-американца (здесь уже не путают национальную принадлежность Ирвинга и не числят его среди английских писателей).

Популярность Ирвинга в России достигла вскоре такого размаха, что в мае 1828 г. «Московский Вестник» во вступительной заметке к переводу отрывков из изданной за два месяца до того «Жизни и странствий Христофора Колумба» говорил о мастерстве, с каким написана эта книга: «Чистота и изящество слога энергического, счастливое выражение чувствований души свободной и мыслящей, вероятно, не удивят никого, кто знаком с прежними сочинениями Ирвинга»¹⁰.

В «Истории жизни и путешествий Христофора Колумба» писатель создал романтическую биографию, продолжающую поэтизацию американского прошлого, начатую в «Истории Нью-Йорка». Его книга о Колумбе – один из первых образцов романтической робинзонады в литературе США, жанра, приобретшего особую популярность среди американских романтиков в 40-е годы.

Ирвинг воспеваает романтическое путешествие знаменитого мореплавателя. Зависть и недоверие окружают героя и при дворе короля, и на палубе корабля в просторах океана. Романтика путе-

⁸ Новости Литературы. 1825. Июнь. Кн. 12. С. 145.

⁹ Сын Отечества. 1825. № 14. С. 107. Переводчик «Отрывков из рассказов одного путешественника», опубликованных в №№ 14–15 «Сына Отечества», обозначен буквами: С. В-нъ. Известно, что В.В. Измайлов пользовался псевдонимами: Ветеранъ словесности, В., -ъ, это позволяет предположить, что псевдоним С. В-нъ принадлежит В.В. Измайлову, сотрудничавшему в те годы в «Сыне Отечества».

¹⁰ Московский Вестник. 1828. № 10. С. 190. Известие о выходе французского перевода этой книги помещено в мартовском номере журнала (1828. № 5. С. 128).

шествий и открытый привлекала Ирвинга так же, как она привлекала в те годы и русских романтиков.

Трагические картины разграбления испанцами открытых Колумбом земель поданы с романтическим пафосом, обличающим жестокосердие завоевателей. Индейская линия «Истории Нью-Йорка», рассказов из «Книги эскизов» находит здесь дальнейшее развитие и становится затем постоянной темой американского романтизма в творчестве Купера, Мелвилла, Торо.

Все эти темы были столь близки и понятны Н. Полевою в условиях крепостнической России, что он не мог пройти мимо них. Предчувствуя сложности издания русского перевода ирвинговской книги о Колумбе, он с известной долей скептицизма писал, что, «вероятно, мы не скоро дождемся русского перевода оной»¹¹. Прочитав первый том книги во французском переводе, Полевой должен был признаться: «Мы отменили свое сомнение о том: мог ли остроумный В. Ирвинг составить хорошее историческое сочинение. История Колумба – творение превосходное и столь же хорошо написано, сколько отличается обширностью сведений, разысканий автора, новостью материалов, из коих многие в первый раз извлечены им из пыли испанских архивов»¹². Вскоре Полевой сам обратился к созданию (оставшегося, правда, неоконченным) исторического рассказа «Христофор Колумб», в предисловии к отдельному изданию которого, говоря об «Истории Колумба» Ирвинга, использованной им в своей работе, замечает: «Вашингтон-Ирвинг писал как *американец*. Почему *русскому* не иметь своего взгляда, своего воззрения, употребив творения чужеземцев, как материалы, но мысля и созидавая самобытно?»¹³

Много позднее, после закрытия «Московского Телеграфа», Полевой в «Сыне Отечества» заявлял, что Ирвинг «историк плохой». Однако этот пересмотр прежних позиций вызвал справедливое возражение Белинского. «Что касается до Вашингтона Ирвинга, – писал он в 1839 г., – то мы не согласны, будто он уж решительно плохой историк и что его “История Колумба” потому только никуда не годится, что г. Полевой сочинил отрывок из своей

¹¹ Московский Телеграф. 1828. Ч. 22. № 15. С. 411.

¹² Там же.

¹³ Полевой Н. Христофор Колумб. Исторический рассказ. М.: тип. Семена, 1835. Ч. 1. С. VII. Великий мореплаватель давно интересовал Полевого. Еще в 1825 г. он поместил в своем журнале статью «Отчизна и происхождение Кристофера Колумба» (Московский Телеграф. 1825. Ч. 3. № 12. С. 185–190).

истории Колумба, которая, без сомнения, была бы лучше Вашингтоновой, если б *была* написана...»¹⁴. Так чуть ли не каждое произведение американских романиков, Ирвинга в частности, вызывало отклик русской словесности.

Столь же одобрительно, как и «История Колумба», было встречено в «Московском Вестнике» вышедшее через год новое историческое сочинение Ирвинга «Хроника о покорении Гренады», как названа эта книга в журнальной рецензии. Критик, подписавшийся буквой Р. (обычно под таким инициалом в журнале печатались писатели и переводчики братья В.М. и Н.М. Рожалины), называет Ирвинга одним из отличнейших писателей в Американских Соединенных Штатах, который «не столько замечателен по глубокости и оригинальности взглядов, как по богатству воображения и по слогу, всегда чистому и цветущему. Сделавшись историком, он умел избрать предметы, которые требуют ясного, изящного изложения, но не глубокого умствования и философических взглядов»¹⁵. От безоговорочного принятия Ирвинга критика переходила к более пронизательной характеристике достоинств и слабостей пера популярного американского писателя.

Так, отзыв «Московского Телеграфа» о французском переводе «Хроники завоевания Гренады», о выходе которого сообщалось в журнале еще в январе 1830 г., носит довольно критический характер. Помещая в конце того же года пространные отрывки из этой книги, журнал Полевого замечает, что «автор рассказывает с равною подробностью важные события и мелкие подробности, а это необходимо увлекает его в однообразие и, что еще досаднее, в многословие»¹⁶. В 30-е годы Ирвинга переводят не меньше, чем во второй половине 20-х годов, но уже приглядываются к нему попристальнее, оценивают строже.

Интерес к истории мавров в Испании, разбуженный книгой Ирвинга, не остался без последствий в русской литературе. Откликнулся на эту тему и Пушкин. 10 июня 1831 г. в «Литературной Газете» появилась анонимная статья «Мавры», переведенная с французского. Это переложение главы из ирвинговской «Хроники завоевания Гренады» представляет собой описание конца владычества мавров в Испании. После того как в 1832 г. Ирвинг выпустил свои «очерки

¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. С. 157.

¹⁵ Московский Вестник. 1830. № 3. С. 301.

¹⁶ Московский Телеграф. 1830. Ч. 36. № 23. Декабрь. С. 338.

и рассказы о маврах и испанцах» – «Альгамбру» – «Московский Телеграф», «Телескоп» и «Литературные Прибавления к “Русскому Инвалиду”» в течение 1832–1834 гг. напечатали восемь отрывков из этой книги. В 1835 г. в «Сыне Отечества» (№ 40) без указания имени Ирвинга появился еще один рассказ этого цикла – «Альгамбрская роза» в переводе И.В. Киреевского, вынужденного после запрещения его журнала «Европеец» печататься под псевдонимом (9...11....).

Видимо, под влиянием общего интереса к мавританской теме («Завоевание Гранады» переводил в те годы в Сибири ссыльный декабрист А.П. Беляев) Пушкин, работая в 1834 г. над наброском своей ранней статьи «О поэзии классической и романтической», вводит в новый расширенный вариант ее («О ничтожестве литературы русской») замечание о маврах, которые подарили Европе алгебру. Обращение Пушкина осенью 1834 г. во время работы над «Сказкой о Золотом Петушке» к «Легенде об Арабском астрологе» из «Альгамбры» подтверждает интерес Пушкина к мавританской теме у Ирвинга. Но об этом особо.

Часто и охотно обращался к Ирвингу «Московский Телеграф». Как свидетельствует архив С.Д. Полторацкого, «Легенду о Сонной Лощине» (под названием «Безголовый мертвец») перевел Н.А. Полевой, а новеллу «Вольферт Веббер, или Золотые сны» – «большую частью Н., частично Кс. Полевой»¹⁷.

Н. Полевой составил из публикаций «Московского Телеграфа» сборник «Повести и литературные отрывки» (6 частей), куда включил свои переводы из Ирвинга, а во вступительной заметке от составителя среди «лучших повестей из сочинений современных литераторов» на первое место ставит Вашингтона Ирвинга: «Думаю, что сочинения Вашингтона, Цшокке, Гофмана и других, названных мною, никогда не состареются для читателя»¹⁸. Примеру Полевого вскоре последовал Н. Греч, отобравший лучшие переводные повести, печатавшиеся в «Сыне Отечества» 1825–1830 гг.,

¹⁷ Первая появилась в «Московском Телеграфе» в №№ 11–12 за 1826, вторая – в №№ 2–4 того же года. В архиве Полторацкого указан также переводчик повести Ирвинга «Баккалавр Саламанкский» (Московский Телеграф. 1826. № 21–22) – Авенир Иванович Красовский, «очень ученый молодой (тогда) человек, лекарь, сын князя Мещерского, известного садолюбца. В жену его Капитолину был смертельно влюблен Мицкевич» (РГБ. Ф. 233. Карт. 80. Ед. хр. 10. Л. 31). Записи о принадлежности переводов из Ирвинга сделаны рукою Кс. Полевого, который в декабре 1849 г. просматривал словарь «Анонимы и псевдонимы в “Московском Телеграфе”», составленный С.Д. Полторацким.

¹⁸ Повести и литературные отрывки. М.: Унив. тип., 1829. Ч. 1. С. IV.

и выпустивший пять томов сборника «Разскащик, или Избранные повести иностранных авторов» (1832)¹⁹. А еще через несколько лет популярность сборников прозы из «Московского Телеграфа» и «Сына Отечества» побудила редактора «Телескопа» Н. Надеждина издать свою антологию «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей в 12 частях» (1836), где перепечатан был рассказ Ирвинга «Губернатор Манко», появившийся впервые в журнале «Телескоп». Белинский назвал это издание «хорошим подарком для любителей чтения»²⁰.

В том же духе отзывался об этих повестях и Гоголь в пушкинском «Современнике»: «Их развезут по первой зимней дороге русские разносчики во все отдаленные города и деревни...»²¹.

Жизнь журнальных переводов быстротечна. Едва просуществовав до следующего года, они уступают место новым публикациям в свежих номерах журнала. Через два-три года затерявшийся в журнале перевод рассказа уже приходится разыскивать, а затем он и вовсе перестает существовать в сознании читателя, оставаясь достоянием библиографов и историков литературы.

Иное дело книга. Три многотомных сборника романтических повестей, изданных Полевым, Гречем и Надеждиным, надолго сохранили для русского читателя новеллистику Ирвинга, Гофмана, Мериме и других писателей-романтиков. Эти сборники читали вплоть до конца XIX в. Только вышедший в Москве в 1879 г. том «Путевые очерки и картины» Ирвинга в переводах А. Глазунова дал читателю новые переводы. Однако к тому времени интерес к американскому новеллисту уже спадал. Журналы и газеты печатали рассказы Брет Гарта и Марка Твена, а также новеллистику Эдгара По. Новая литературная эпоха требовала новых переводов.

Первая книга Ирвинга на русском языке («Итальянские разбойники», 1830) прошла незамеченной. Гораздо больший резонанс вызвали переводы трех книг: «Поездки в луговые степи» (1837), биографии Колумба (1836–1837) и истории путешествий

¹⁹ При сличении переводов из Ирвинга в этом сборнике удалось установить, что не все они печатались прежде в «Сыне Отечества». Так, во второй том «Разскащика» включена новелла Ирвинга «Толстый господин» (из книги «Брейсбриджхолл») в переводе О.М. Сомова, появившемся впервые в «Северной Пчеле» (август – сентябрь 1827 г., №№ 101, 102, 104 и 105).

²⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 121–122.

²¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. VIII. С. 197.

его спутников (1839), ознаменовавшие расцвет популярности Ирвинга в России в конце 30-х годов.

Еще в 1827 г. в «Московском Телеграфе» в заметке переводчика ирвинговского «Заколдованного дома» говорилось об «остроумном изображении прежнего и нынешнего состояния Соединенных Штатов» в «Рип Ван Винкле», незадолго до того переведенном на русский язык декабристом Н.А. Бестужевым. В будущем русскому читателю обещался перевод «Истории Нью-Йорка», где «талант автора развивается в полном блеске»²². Однако это намерение переводчика не было осуществлено, и прошло почти полтора века, прежде чем русский читатель получил «Историю Нью-Йорка».

Трудно сказать, что оказалось причиной того, что эта «невероятно дерзкая и бесстыдная вещь», как называл ее сам автор в старости, не была издана тогда в России. То было время, когда Комитет цензуры иностранной в свои ежемесячные «Списки книг, запрещенным для публики» включал «Каина» и «Дон Жуана» Байрона, повести Бальзака, «Путевые картины» Гейне, собрание сочинений Гюго, песни Беранже, новые стихи Ленау, «Конрада Валленрода» Мицкевича, «Исповедь сына века» Мюссе, романы Жорж Санд, «Красное и черное» Стендаля²³. Даже письма Гёте в лейпцигском издании 1837 г. вызвали запрещение Комитета цензуры иностранной. Могла ли в таких условиях «История Нью-Йорка» рассчитывать на издание в России?

Тем не менее в следующем 1828 г. «Московский Телеграф» вновь возвращается к идее перевода «Истории Нью-Йорка». Рецензируя парижское издание полного собрания сочинений Ирвинга на английском языке, вышедшее в 1827–1828 гг., и отмечая, что многие сочинения американского писателя известны у нас по переводам в журналах, анонимный критик высказывает пожелание, «чтобы кто-нибудь познакомил русскую публику и с “Историю Нью-Йорка”, где гуморизм автора является в полном блеске»²⁴.

²² Московский Телеграф. 1827. Ч. 17. № 17. Отд. II. С. 14.

²³ РГБ. Ф. 233. Карт. 154. Ед. хр. 3–33 (Материалы Комитета цензуры иностранной за 1828–1845 гг.). Цензор А.В. Никитенко писал летом 1847 г.: «Распоряжение министра: хотя французские романы и повести, печатаемые в иных журналах, до такой степени переделываются в русских переводах, что в них не остается ничего вредного, однако лучше не допускать их вовсе – за чем предписывается цензорам строго смотреть» (Никитенко А.В. Дневник. М.: Гослитиздат, 1955. Т. I. С. 307).

²⁴ Московский Телеграф. 1828. Ч. 22. № 15. С. 411.

Русские критики того времени были знакомы с первыми изданиями «Истории Нью-Йорка» (1809, второе – 1812, третье – 1819), в которой сатирическая направленность и буйная чувственность особенно ощутимы. Книгу Ирвинга переиздали в Лондоне (1820) и Париже (1824), а вскоре перевели на немецкий (1825), французский (1827) и шведский (1827) языки.

В течение полувека Ирвинг переиздавал свою лучшую книгу, написанную в юности, каждый раз частично ее перерабатывая, приглушая антиклерикальное звучание, сокращая места, исполненные раблезианской жизнерадостности, приводя ее в тот вид, который соответствовал вкусам добропорядочного буржуазного читателя. Эта печальная история постепенного смягчения наиболее острых и «дерзких» мест отражает превращение бунтарски настроенного юноши в благонамеренного литератора, «образец умеренности», как именует его в заглавии своей книги один из современных американских литературоведов.

С каждым новым авторским переизданием из «Истории Нью-Йорка» уходило что-то живое, юношески обаятельное. Целую жизнь, пятьдесят лет прожил с этой книгой Ирвинг, и она была для него как тот изменяющийся портрет, что хранил у себя дома Дориан Грей в знаменитом романе Оскара Уайльда. Разница заключалась в том, что Дориан Грей ревниво оберегал свой портрет от взоров людей, а Вашингтон Ирвинг каждое новое десятилетие выставлял его на всеобщее обозрение.

В редакции 1848 г. текст «Истории Нью-Йорка» был наконец доведен автором до благочинного уровня и, возможно, мог бы увидеть свет в России, но времена были уже не те, и блестящая романтическая буффонада американского писателя оказалась надолго забытой.

В 30-е же годы популярность Ирвинга была столь велика, что этнографическое описание одного из индейских племен Южной Америки начиналось цитатой из ирвинговского очерка «Черты индейского характера» (в «Книге эскизов»): «В нравах и привычках северо-американского индейца, – говорит Вашингтон Ирвинг, – взятых в совокупности с привычными ему картинами, с его безбрежными озерами, необозримыми лесами, величественными реками и непроходимыми степями, есть нечто такое, что представляется мне изумительным и высоким»²⁵. Ирвинг, наряду с Купером, считался главным знатоком американских индейцев.

²⁵ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 8. Январь. Отд. II. С. 1.

В 1831 г. в Москве шла опера Обера «Фра-Дьяволо, или Разбойники в Терачине» на сюжет рассказов Ирвинга об итальянских разбойниках. В театральном отчете «Молвы» за 1831 г. С.Т. Аксаков довольно скептически отзываясь о постановке, содержание которой «заимствовано у Вашингтона Ирвинга, а обработано плоховато». Попытка воплотить Ирвинга на оперной сцене оказалась неудачной: «Музыка оперы “Фра-Диаволо” замечательна по именной цене, а не по вещественной: ее украшает имя Обера, а не гений этого музыканта. Оттого-то и опера своим *целым* не производит никакого впечатления ни на душу знатока, ни на чувство простого любителя»²⁶. Аксаков ощутил несовместность ирвинговской новеллы и музыки Обера.

Заметным событием 1832 г. стало появление ирвинговской «Альгамбры», вызвавшее рецензии и переводы отрывков в русских журналах. Отношение к ним было двоякое. В «Московском Телеграфе» полагали, что напрасно «американцу, республиканцу и протестанту» вздумалось обратиться к жизни и легендам «земли рыцарства и монахов, горящего солнца и кипящей крови, любви и кинжала, серенад и католических процессий, инквизиции и бичеванья»²⁷. Называя среди лучших сказок «Альгамбры» «Арабского звездочета», на которого обратил внимание и Пушкин, а также «Принца Ахмед-аль-Камеля, или Пилигрима любви», перевод которого вскоре появился в журнале, критик справедливо заключает, что Ирвинг влюбился в Испанию и стал историком и сказочником этой поэтической страны. И в то же время он ощущает какую-то искусственность в обращении Ирвинга к испанскому фольклору, как «если бы наши русские сказки начал рассказывать француз».

Таким же было отношение к Ирвингу и Белинского, называвшего американского писателя «талантливым рассказчиком», но иного масштаба, чем «гениальный Гофман». Через три года, когда «Московский Телеграф» был уже запрещен, Белинский в газете «Молва» почти буквально повторил оценку сказки «Принц Ахмед», данную в журнале Полевого (сославшись на номер «Московского Телеграфа», где в свое время был помещен ее перевод), заявив, что «век сказок прошел»²⁸.

История появления перевода сказки Ирвинга в «Московском Телеграфе» весьма характерна для популярности американского

²⁶ Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 3. С. 545.

²⁷ Московский Телеграф. 1832. Ч. 46. № 14. Июль. С. 250.

²⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 340.

писателя среди его русских читателей. В ответ на статью «Московского Телеграфа» о «Сказках Алгамбрских» в редакцию журнала пришло письмо, подписанное инициалами N.N. «В 14-м № “Московского телеграфа”, – писал анонимный корреспондент, – упоминаете вы, что намерены перевести для читателей своих одну из “Алгамбрских повестей”. Не угодно ли будет вам поместить в “Телеграфе” посылаемую мною повесть из сей книги, которую перевел я уже всю» (рукопись не сохранилась). Печатаая присланный перевод, издатель «Московского Телеграфа», всегда обращавший внимание на качество и источники перевода, снабдил его редакционной сноской, в которой высказал сожаление, что неизвестный корреспондент не счел нужным упомянуть, с подлинника ли переведены им «Алгамбрские повести». «Это обстоятельство важное»²⁹, – добавляет Полевой.

В 30-е годы неоднократно предпринимались попытки перевода как отдельных новелл из «Альгамбры», так и всей книги. Только в «Литературных Прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» в 1832–1834 гг. было переведено семь рассказов из «Альгамбры»³⁰, а в 1838 г. книгопродавец Н. Глазунов подал в Московский цензурный комитет рукопись «Повести Алгамбры» в двух частях³¹. И хотя Московский цензурный комитет одобрил обе части рукописи, книга не увидела свет. Сличение сохранившихся в архиве комитета анонимных переводов «Повестей Алгамбры»³² убеждает, что они были выполнены заново по сравнению с уже публиковавшимися в журналах того времени («Телескоп», «Московский Телеграф», «Литературные Прибавления к “Русскому Инвалиду”»).

Трудно с определенностью сказать, почему книга романтических новелл Ирвинга не была издана в России до конца 70-х годов, когда вышли «Путевые очерки и картины», куда вошла и «Альгамбра». Косвенный ответ можно найти в деле Московского цензурного комитета о запрещении в 1868 г. ирвинговской «Альгамбры». 4 декабря 1868 г. комитет запретил к печати рукопись перевода, называвшуюся «“Народные сказки”, собранные в Аль-

²⁹ Московский Телеграф. 1832. Ч. 48. № 21. Ноябрь. С. 34, 35.

³⁰ См.: Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776–1975. М.: Наука, 1977. С. 122. В «Литературных Прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» 15 февраля 1833 г. (№ 13. С. 99–100) напечатан также перевод Ин. Глебова «Приключения каменщика из “Альгамбры”» (авторство Ирвинга не было указано, и перевод не привлек к себе внимания библиографов).

³¹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 13-б. Л. 12 об. № 103.

³² Там же. Оп. 4. Ед. хр. 228.

гамбре Вашингтоном Ирвингом», которую представила в комитет жена титулярного советника Юлия Соколова, возможно, переводчица этих рассказов³³.

Причины запрещения были весьма характерны и во многих отношениях напоминали те, по которым запрещались переводы и оригинальные сочинения при Николае I во времена его «железного» цензурного устава. «В состав этой рукописи, – отмечал цензор Рахманинов, – входят, кроме предисловия, четыре сказки. В первой из них “Две алебастровые статуи” в числе главных действующих лиц является монах францисканского ордена, выставленный в смешном свете. Во второй сказке “Наследство Мавра” выставляется неправоудие и жадность испанской полиции. Действующим лицом в третьей сказке “Каменщик” является корыстолюбивый священник. Наконец, основная мысль последней сказки (“Принц Ахмед”) – доказать, что любовь, несмотря на все старания скрыть это чувство от юноши, невольно, сама собою в нем зарождается»³⁴. Ретивый цензор, усмотревший крамолу в сказке о любви принца Ахмеда, едва ли знал, что даже николаевская цензура позволяла печатать перечисленные им сказки. Новые времена приносили с собой новые сложности в развитии русско-американских литературных связей.

В апреле 1835 г. Ирвинг выпустил первый том «Сборника Крэйона», содержащий его очерки «Поездка в прерии». Первое известие о новой книге американского писателя появилось в «Библиотеке для Чтения», начавшей выходить с 1834 г. В апрельской книжке журнала за 1835 г. сообщалось, что английские журналы недавно «с прискорбием извещали о кончине Вашингтона Ирвинга, а теперь, не говоря ничего о том, жив ли он или действительно умер, восхищаются новым его сочинением, которое вышло в одно время в Нью-Йорке и в Лондоне под заглавием “Поездка в низменные степи”»³⁵. Журнал обещал познакомить своих читателей с этим произведением «знаменитого американца» в ближайшей книжке «Библиотеки».

Действительно, в следующем номере журнала появились отрывки из книги Ирвинга, сопровождаемые предисловием переводчика и обзором современной американской литературы. «Поездка в луговые степи», как назывался журнальный перевод (и вышедшее

³³ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Ед. хр. 679. Л. 1–49.

³⁴ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 528. Л. 51 об.

³⁵ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Апрель. Отд. VII. С. 129.

через два года отдельное издание книги в переводе А. Клементьева), послужила поводом для характеристики оригинального таланта Ирвинга и «поэтической литературы его отечества». Если обзор американской литературы, как уже говорилось, написан на основании анонимной статьи выходившего в Петербурге на французском языке «Иностранного обозрения», то характеристика самого Ирвинга принадлежит «Библиотеке для Чтения». Отмечая, что «предшественники его не многочисленны, а соперники бессильны», журнал не скупится на пышные похвалы в адрес книги, которая «усеяна пленительными видами девственной и сильной природы Нового Света, живыми рассказами о приключениях, искусными очерками характеров, оригинальными замечаниями, и в особенности отличается тем блеском и той красотой слога, которые составляют главную прелесть творений этого писателя»³⁶.

Читая витиеватую и безвкусную прозу, обрамляющую переводы отрывков из новой книги Ирвинга в «Библиотеке для Чтения», невольно вспоминаешь замечание Кюхельбекера, что редактор журнала О.И. Сенковский не знает русского языка и в «библиотечных» рецензиях «говорит языком самым странным: тут при каждом слове так и видится жеманная улыбка; он до того привык кривляться и скалить зубы, что истинно не знаешь, говорит ли когда-нибудь дело»³⁷.

«Библиотеке для Чтения», наиболее читаемому журналу после закрытия «Московского Телеграфа» (поэтому Белинский и называл «Библиотеку» «важнейшим в России журналом»), было, конечно, далеко до издания Полевого. Лицо «Библиотеки» определял уже не демократизм, присущий некогда «Телеграфу», а беспринципная всеядность и коммерческий подход к делу ее редактора Сенковского.

Среди прочих иностранных литератур «Библиотека для Чтения» интересовалась и американской, хотя характер этого интереса был иной, чем у «Московского Телеграфа». Прежде всего бросается в глаза, что сведения о новинках литературы США печатались в разделе «Словесность в Англии». Особенно охотно «Библиотека» печатала различного рода путешествия по Северной Америке, которые, по признанию журнала, «плодятся, как в Москве невесты, год от году», а также «скиццы американских нравов», очерки об индейцах и белых жителях Америки, стремясь привлечь читателей

³⁶ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 10. Май. Отд. II. С. 44.

³⁷ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 341.

экзотикой заокеанской республики. Даже отрывки из книги известного американского натуралиста Жан-Жака Одюбона печатались под интригующим заглавием «Жизнь и деяния северо-американского окуня» и начинались весьма завлекательно: «Как видите, это республиканский однофамилец невских окуней, с которыми так варварски обходятся рыбаки и кухарки»³⁸.

Примерно в том же роде информировала «Библиотека для Чтения» и о выходе новой книги Ирвинга «Астория». Предприятие пушного торгова на американском Западе, носящее это имя, было известно в России давно. Любопытное известие об основании центра пушной торговли в Астории, поступившее из Симбирска (!), напечатал в 1814 г. «Вестник Европы»: «Торговая компания, учрежденная в Новом Йорке для мягкой рухляди <пушнины>, расположилась основать Американскую колонию на берегах реки Колумбии. Уже крепостца Астория может противиться диким и служить местом складки для товаров, привозимых судами сей компании»³⁹. Это известие является, очевидно, следствием контактов американских путешественников и купцов из американской пушной фактории, основанной в 1811 г. Дж. Астором на тихоокеанском побережье, с селениями в Русской Америке, результатом связей между Асторией и Новоархангельском, о чем позднее писал Ирвинг в своей книге «Астория» (гл. 53 и след.).

Теперь, в 1836 г., «Библиотека для Чтения» сообщала, что Ирвинг «жестоким образом обманул ожидания лондонской публики, возбужденные заглавием его последнего творения. Все бросились на “Асторию”, думая, что это роман: по справке оказалось, что это история начала, успеха и неудачного конца коммерческой спекуляции одного из нью-йоркских торговых домов, который хотел завести поселения на самой западной границе Соединенных Штатов»⁴⁰. Вместе с тем журнал не преминул сказать, что книга «читается приятно, благодаря прелести слога и блестящим картинам природы». Ирвинг по-прежнему оставался одним из популярнейших зарубежных писателей, а при сравнении его с Купером предпочтение отдавалось стилистическому мастерству первого: «Слог Вашингтон-Ирвинга выше Куперова относительно красоты и отделки; но его картины более миниатюрные, и ему более всего удаются очерки»⁴¹. К тому времени ирвинговские образы, и прежде

³⁸ Библиотека для Чтения. 1836. Т. 16. Отд. VII. С. 10.

³⁹ Вестник Европы. 1814. № 2. С. 145.

⁴⁰ Библиотека для Чтения. 1836. Т. 19. Отд. VII. С. 99.

⁴¹ ЖМНП. 1837. Ноябрь. Ч. 16. № 11. С. 481.

всего славный Рип Ван Винкль, проспавший двадцать лет, пока свершилась американская революция и страна решительно переменялась, были органично усвоены русскими литераторами.

Рассказ о Рип Ван Винкле положил начало американской новеллистике с ее острой сюжетностью, сочетанием комического и серьезного, романтической иронией. Ирвинг продолжил никербокеровскую традицию романтизации истории в незатейливом анекдоте о простом и добродушном человеке. Писатель руководствовался принципами романтического историзма. Во введении к рассказу он говорит, что почерпнул исторические сведения не столько из древних книг, сколько из бесед с людьми и наблюдения нравов, которые одни составляют подлинную историю общества.

Художник как бы хочет показать, что за видимыми фактами (уход Рипа в горы, его возвращение спустя двадцать лет) скрывается, возможно, совсем иной, романтический мир со своим особым взглядом на вещи. Так, вместо общепризнанного превосходства новой Америки над старой мы, по прочтении рассказа о Рипе Ван Винкле, неожиданно для себя убеждаемся, что Америка после революции стала не лучше, а лишь менее поэтична.

Романтическое раздвоение действительного и воображаемого, реального и кажущегося – одна из существенных черт художественного мышления романтиков. Ирвинг был первым среди американских романтиков, у кого эта особенность проявилась со всей определенностью. В дальнейшем тем же путем шли Готорн, По, Мелвилл, воплотившие в своих книгах иллюзии и реальность Америки.

Бестужевский перевод «Рип Ван Винкля» (названный на немецкий лад «Рип фан-Винкль») появился в том же номере «Сына Отечества», где была опубликована статья Рылеева о романтизме и классицизме. Размышления Рылеева об общественной роли литературы, выраженные романтическим языком высокой публицистики, следовали в журнале непосредственно за рассказом Ирвинга, как бы теоретически утверждая то, что провозглашалось в художественной практике Ирвинга, – примат поэтической фантазии над действительностью и в то же время требование «истинной, самобытной поэзии, которой правила всегда были и будут одни и те же»⁴².

То были последние выступления будущих декабристов в печати. Подобно ирвинговскому герою, они на несколько десятиле-

⁴² Сын Отечества. 1825. Ноябрь. № 22. С. 146. То же в кн.: Рылеев К. Избранное. М.: Сов. Россия, 1977. С. 245.

тий ушли с горизонта общественной жизни, чтобы вновь воскреснуть в обстановке пореформенной России. Нередко они сами обращались к новелле Ирвинга. «Когда-то и я жил в печатном свете, – писал А. Бестужев с Кавказа Н. Полевому, – теперь вовсе чужд ему. Я, как проснувшийся Рип-Ван-Винкль Ирвинга, вижу ту же вывеску на трактире, но уже новых гостей за кружкой»⁴³.

Александр Бестужев просит братьев Николая и Михаила прислать ему из Петровской тюрьмы их портреты, на что Николай Бестужев 5 февраля 1837 г. отвечает: «Ты побраниваешь меня за то, что я до сих пор не выполняю своего обещания и не высылаю тебе наших портретов, – я действительно виноват в этом, но знаешь ли, что это делается по старой моей привычке, за которую ты называл меня Ирвинговым Рип-Ван-Винклем»⁴⁴.

В связи с мыслью о возвращении из ссылки М.А. Бестужев писал в 1861 г. из Селенгинска: «После 35-летнего томительного страдания в душных тюрьмах и безысходных тайгах Сибири отрадно было бы выглянуть из-за гробовых досок на свет божий, пережить, перечувствовать те ощущения Куперова Рип-фан-Винкеля, который возвратился в свою деревню из лесу, где он 50 лет проспал непробудным сном»⁴⁵. И хотя рассказ о Рипе приписан Куперу, а срок сна героя увеличен более чем вдвое, характерно постоянное обращение сыльных декабристов к вошедшему в русскую жизнь ирвинговскому образу.

О популярности Ирвинга в России свидетельствует романтическая пародия А.К. Толстого «О том, как юный президент Вашингтон в скором времени сделался человеком», написанная в конце 30-х годов и снабженная рисунками начинающего писателя. В этом шутовском повествовании обыгрывается имя Вашингтона Ирвинга и фамилия президента – Джордж (Георгий) Вашингтон, в честь которого был назван Ирвинг. Развязкой истории становится рассказ о том, как Вашингтон обрил американских индейцев и благодаря этому сделался президентом Соединенных Штатов, «поехал в Альгамбру и получил имя: Вашингтон Ирвинг. А *Ирвинг* – это сокра-

⁴³ Русский Вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 291. В письме к Б.Г. Глинке из Свеаборга 21 декабря 1833 г. Кюхельбекер просил прислать ему, среди прочих книг, Вашингтона Ирвинга, которым он давно уже интересовался (Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 418).

⁴⁴ Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 2. С. 273.

⁴⁵ Воспоминания Бестужевых / ред. статья и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 436–437.

щенные слова: *Инке Резал Волосы Иностраннный Негоциант Георгий*»⁴⁶. Думается, что в пародии А.К. Толстого нашла отражение путаница, существовавшая в русских журналах с именем и фамилией В. Ирвинга.

Как всегда, русская словесность органически перерабатывала, делала своим национальным достоянием лучшее, истинно художественное в мировой литературе. Активный и чуткий отбор из молодой литературы США, начавшийся в 20-е годы с Ирвинга и Купера, продолжался и ширился в последующие десятилетия. 40-е и 50-е годы завершают начальный период литературных связей России и Америки, период романтизма, затянувшегося в США до Гражданской войны 1861–1865 гг.

Если в 30-е годы критика сопоставляла расцвет творчества Ирвинга и Купера с предшествовавшей им скудостью литературы в Америке, то в 40–50-е годы произведения первых классиков американской литературы уже входят в контекст европейской литературы, становятся достоянием всемирной литературы, рассматриваются как вклад в нее Америки. В статье, переведенной в «Библиотеке для Чтения» из «Ревю британик», среди предшественников Ирвинга называется Брокден Браун, создатель предромантического романа в США, изобразивший в романах «Виланд», «Эдгар Хантли» трагические коллизии человеческого бытия. Однако, замечает обозреватель, Брокден Браун «стяжал славу лишь за гробом», а первым, кого провозгласили оригинальным писателем Северной Америки, стал Вашингтон Ирвинг.

Сообщая распространившийся в 1834 г. слух о смерти Ирвинга, «Библиотека для Чтения» считает, что в американской литературе вновь наступило бесплодие, которое можно приписать «всепожирющей алчности североамериканцев – страсти, которая иссушает в них источники вдохновения, расплавляя в своем алхимическом тигле мир, и вещественный и нравственный, для превращения всего в звонкий металл»⁴⁷. Губительность власти денег для художественного творчества постоянно отмечалась романтической критикой.

⁴⁶ Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. III. С. 558.

⁴⁷ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Отд. II. С. 108. Факт дословного перевода этой статьи из «Revue britannique» (не оговоренный в русском тексте), где она была в свою очередь заимствована из «American Monthly Magazine», отмечен в статье М.П. Алексеева «К «Истории села Горюхина»» (Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. II. С. 86). Тем не менее переводные обзоры имели для русских читателей не меньшее значение, чем оригинальная критика, так как способствовали знакомству с американской литературой.

Обрисовав творческий путь Ирвинга, его сотрудничество с Джеймсом Полдингом в создании серии сатирических очерков «Салмаганди», успех «Истории Нью-Йорка» и «Книги эскизов» («это собрание очерков, портретов и лиц так известно, что нет нужды об нем распространяться»), метко охарактеризовав жанр книги «Брейсбридж-холл» как «эпизодический роман», критик подмечает и причину упадка таланта Ирвинга в середине 30-х годов. Писатель вернулся в 1832 г. в Америку, и «арифметическая, антилитературная атмосфера ее, кажется, решительно подавила его гений»⁴⁸. Может быть, в связи с этим и родился слух, что «Ирвинг умер».

В 40–50-е годы русская критика пытается оценивать Ирвинга на фоне современной европейской литературы. А.В. Дружинин в «Современнике» и «Отечественных Записках» предпринял попытку определить национальную специфику творчества американского писателя, которого он называет «первым нувеллистом нашего времени»⁴⁹. Сравнивая Ирвинга с модными французскими писателями – Дюма, Эженом Сю, в романах которых часто являются пальмы, лианы, девственные леса и бамбуковые деревья, возможно, ими никогда не виданные, Дружинин замечает: «Французские романисты путешествовали чрезвычайно мало и, несмотря на то, очень любят переносить своего читателя под тропики и на Антильские острова; Вашингтон Ирвинг, объездивший полсвета, чаще всего описывает одни и те же места: северные провинции Соединенных Штатов. Но как он их описывает и как согласуется его сильный талант с живописною, колоссальною североамериканскою природою!»⁵⁰

Однако Дружинин не разглядел национальной сущности юмора и сатиры Ирвинга и оценил его прежде всего как блестящего пейзажиста. Другое достоинство рассказов Ирвинга Дружинин усматривает в том, что лица, им описываемые, сохраняют в себе «исторические признаки американского общества». Сопоставляя новеллистику Ирвинга с псевдоисторическим романом Кукольника «Эвелина де Вальероль» (1841), который «Библиотека для Чтения», где он печатался, назвала «восхитительною, очаровательною Эвелиною» и который, как считает Дружинин, «ни один русский читатель не дочитал до конца», ибо все творение Кукольника оказалось «мертво, как мумия, сухо, как полицейские ведомости», критик противопоставляет эпигонской и безвкусной прозе Ку-

⁴⁸ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Отд. II. С. 119.

⁴⁹ Отечественные Записки. 1854. Т. 96. Отд. II. С. 34.

⁵⁰ Современник. 1849. Октябрь. Т. 17. № 10. Отд. V. С. 303–304.

кольника легенды и очерки Ирвинга, в которых отразилась история Америки и ее современность, «видно глубокое понимание прошлой и настоящей жизни того общества, которое он описывает». Умеренный либерализм Дружинина делал ему особенно близким позднее творчество Ирвинга, которое он пытался канонизировать в духе своей «эстетической критики».

С жаром и пафосом прозелита объясняется Дружинин в любви к американской литературе, понимаемой им с позиций «чистого искусства». «Я мало знаком с американскою литературою, — объявляет он, — за исключением сочинений Купера, Ирвинга, Эмерсона и (боже мой, я забыл, как называется автор превосходного романа “Натан”); но все, что читал я из этих писателей, производило на меня неизъяснимо отрадное впечатление... Что-то свежее, обильное надеждами, мощное и вместе с тем успокоительное находил я в этих творениях»⁵¹. Хотя в книгах американских писателей немало нелепого, а «слог дремуч, как леса их родины», Дружинин признается в непреодолимой склонности к американским романистам: «...я не могу не любить их от всей души».

Словесность Соединенных Штатов, при всей своей юности, считает Дружинин, имеет особенное лицо, которое обозначается с каждым годом все резче и резче. Вы не встретите в романах Купера сплина, апатии или героя с охладевшей душою и мизантропическими афоризмами, которыми «наши европейские собратия угощали нас до-зла-горя». Не найдете вы и любовных сцен вроде ламартиновских или прихотливых и ни к чему не нужных арабесок. «Все эти утончения чужды американской словесности. В то время как европейские рудокопы с усилием разрабатывают жидкие и истощившиеся минеральные жилы, калифорнийский искатель золота роется в золотом песке и по временам находит в нем слитки золота»⁵². В книгах Ирвинга и Купера все дышит свежестью и энергией.

⁵¹ Современник. 1849. Октябрь. Т. 17. № 10. Отд. V. С. 309. Дружинин имеет в виду роман Чарлза Силсфилда (1793–1864) «Натан, или Первый американец в Техасе» (1837; русский анонимный перевод – 1851). В 1845 г. в «Отечественных Записках» (т. 43) появился без указания имени автора перевод с немецкого романа Ч. Силсфилда «Американцы» («Der Legitime und die Republikaner», 1833; впервые в сокращенном виде издан на английском языке в Филадельфии в 1829 г. под названием «Токеа, или Белая Роза»). В.Г. Белинский, сочувственно отзывавшийся о переводе романа «Американцы», ошибочно приписал его немецкоязычному американскому писателю Р. Вессельгефту (Полн. собр. соч. Т. IX. С. 398).

⁵² Современник. 1849. № 10. Отд. V. С. 310.

Дружинин идеализирует картину американского процветания, которую он усматривает в книгах Ирвинга и Купера: «Так и чувствуешь, читая подобные книги, что наконец добрался до жизни; так и хочется сказать: да здравствует эта жизнь»⁵³. Энергичный, неунывающий герой представляется критику в образе бойкого американца, обманутого своей возлюбленной. Что ж, тем хуже для нее или для соперника... Оставленный любовник отправляется в Калифорнию, где непременно разбогатеет, а на обратном пути и женится. Так, идеализация действительности США в произведениях американских романтиков оборачивается в статье критиканглофила тем, чем нередко оборачивался социальный протест в книгах иных бытописателей американской жизни, – прославлением делового успеха, страсти к наживе и богатству. В 60-е годы XIX в. эти стандарты жизненного успеха, которого герой добивается с упорством и настойчивостью, завещанной когда-то Б. Франклином всем молодым людям Америки, были воспеты Хорейшо Олджером, одним из зачинателей «массовой литературы» в США, романы которого о молодом человеке, прокладывающем себе путь к богатству, издавались миллионными тиражами и проникали в Россию.

Примечательная особенность восприятия Ирвинга в России состоит в том, что первое и лучшее его творение «История Нью-Йорка» было оценено по достоинству, пожалуй, позже всех других. Хотя на книгу обратил внимание Пушкин, чья «История села Горюхина» написана, как полагает академик М.П. Алексеев, не без знакомства с «Историей Нью-Йорка»⁵⁴, современники так и не удосужились перевести ее на русский язык. Последнее обстоятельство, видимо, было забыто Дружининым, ибо в статье «Вальтер Скотт и его современники» (1854) он утверждает, будто «Никербокеровская история Нью-Йорка» издана отдельной книгой на русском языке. Яркое произведение Ирвинга глубоко запало в сознание русского критика, и он не мог себе представить, что на самом деле оно оставалось непереуевенным.

⁵³ Современник. 1849. № 10. Отд. V. С. 311.

⁵⁴ Алексеев М.П. К «Истории села Горюхина» // Пушкин. Статьи и материалы / под ред. М.П. Алексеева. Одесса: Одесполиграф, 1926. Вып. II. С. 84. Французский перевод ирвинговской «Истории Нью-Йорка» значится в описи библиотеки Пушкина, составленной Б.Л. Модзалевским (Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX–X. № 1047), хотя ее автором назван пресловутый Дидрих Никербокер, сумевший мистифицировать даже пушкиниста XX в. Пушкин читал «Историю Нью-Йорка», о чем свидетельствует то, что все страницы книги разрезаны.

В некрологе Ирвинга, появившемся в журнале «Русское Слово», Ф.Н. Ненарокомов, отмечая столь существенную для русского читателя общественную позицию писателя, который «горячо сочувствовал делу освобождения негров-невольников», особо выделяет «Историю Нью-Йорка» как произведение «едва ли не беспримерное во всех существующих литературах, в котором Ирвинг, под видом рассказа о первых временах существования колонии, с неподражаемым юмором очерчивает слабости и смешные стороны своих сограждан так, что современные ему нью-йоркские ольдермены вынуждены были узнать свои портреты в виде бургомистров и шеппенов XVII в. Тон всего сочинения представляет смешение серьезности с иронией...»⁵⁵. Оставаясь непереуверенной, книга вызвала интерес русских читателей – случай в России не единственный.

К концу XIX в. переводы из Ирвинга, печатавшиеся в 20–30-е годы, были основательно забыты. Издавая в 1879 г. «Путевые очерки и картины» Ирвинга, куда вошли отрывки из трех сборников новелл писателя, А. Глазунов в предисловии смог припомнить только два отдельных издания книг Ирвинга по-русски («Жизнь Магомета» и «Жизнь Колумба»), да тот факт, что в «Библиотеке для Чтения» 30-х годов был напечатан перевод «Поездки в луговые степи». Весьма характерно объяснение, выдвигаемое переводчиком, почему «Книга эскизов» переведена им не полностью: «мы... опустили рассказы, уже утратившие для нас тот интерес, который они возбуждали в читателе двадцатых годов»⁵⁶.

Ирвинг и его время ушли в прошлое. И хотя признается, что Ирвинг как художник, одаренный неподдельным юмором, тонкий наблюдатель нравов, писатель гуманистического направления «имеет полное право на наше внимание», это уже интерес историко-литературный, интерес потомка к жизни и творчеству большого писателя. Да и рецензент переводов А. Глазунова, снисходительно заметивший, что имя Ирвинга «не безызвестно русской публике», с нескрываемым удивлением пишет, что Ирвинг «никогда и не мечтал о том, что для них <очерков> и через 50 лет найдутся переводчики»⁵⁷. Ведь в России тогда уже печатался последний роман Достоевского, а в Америке – книги Марка Твена и Генри Джеймса.

⁵⁵ Русское Слово. 1860. № 2. Отд. III. С. 60.

⁵⁶ Ирвинг В. Путевые очерки и картины / пер. А. Глазунова. М.: тип. Родзевича, 1879. С. VIII–IX.

⁵⁷ Отечественные Записки. 1879. № 4. Отд. II. С. 193.

Особый интерес представляет история дружеских отношений Ирвинга и князя Дмитрия Ивановича Долгорукова (1799–1867), сына поэта И.М. Долгорукова. С 1826 по 1830 г. Д.И. Долгоруков служил в русском посольстве в Мадриде, сначала в должности атташе, затем секретаря посольства. Как отмечает академик М.П. Алексеев, «живя в Испании, он приобрел репутацию прекрасного знатока этой страны, ее прошлого и настоящего, ее литературы и искусства»⁵⁸.

Свою книгу романтических новелл «Альгамбра» Ирвинг открывает посвящением Д.И. Долгорукову: «Весной 1829 года автор этого сочинения, привлеченный в Испанию любопытством, проехался из Севильи в Гранаду в обществе приятеля, сановника русского посольства в Мадриде. Нас, уроженцев разных концов земли, свел случай, а сходство вкусов сделало нас спутниками в странствии по романтическим нагорьям Андалузии»⁵⁹. Ирвинг продолжает, что ни годы, ни расстояния не изгладят из его памяти воспоминаний о русском друге, с которым он совершил это романтическое путешествие.

В архиве Д.И. Долгорукова сохранилась автобиографическая записка, написанная им в конце жизни, в 1857 г.: «В Испании путешествовал я три месяца со знаменитым американским писателем Вашингтоном Ирвингом. Его образ мыслей, советы, сочинения много содействовали к развитию моих наклонностей к изящному. Он ознакомил меня с красотами Шекспира и был потом долгое время со мною в переписке»⁶⁰. Известно, что в течение 1828 и первой половины 1829 г. Ирвинг написал Долгорукову десять писем. В 1860 г. по просьбе племянника американского писателя, готовившего издание биографии и писем своего дяди, Долгоруков выслал ему копии этих писем – они опубликованы в четырехтомной биографии Ирвинга. При этом Долгоруков просил не печатать его писем к Ирвингу, что и было выполнено Пьером Ирвингом, который в письме из Нью-Йорка от 21 июля 1860 г. благодарил Долгорукова за быструю присылку писем, проливающих свет на дружеские связи его с Вашингтоном Ирвингом⁶¹.

⁵⁸ Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: ЛГУ, 1964. С. 118.

⁵⁹ Ирвинг В. Альгамбра / пер. В.С. Муравьева. М.: Наука, 1979. С. 24.

⁶⁰ РГБ. Ф. 203. Карт. 202. Ед. хр. 16. Л. 14 об., 15.

⁶¹ Автограф письма Пьера Ирвинга хранится в РГАЛИ: Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 70.

Переписка Ирвинга и Долгорукова – ценный документ из истории литературных контактов России и Соединенных Штатов, заслуживающий специального рассмотрения. Приехав в Испанию в феврале 1826 г. в качестве атташе американского посольства, Ирвинг вскоре познакомился и установил дружеские связи с домом русского посла в Мадриде Петра Яковлевича Убри (1774–1847), находившегося на этом посту с 1824 по 1835 г. В доме Убри, где проживал приехавший в Испанию в том же 1826 г. Д.И. Долгоруков, и произошло знакомство двух литераторов. Участник петербургского литературного кружка «Зеленая лампа», приятель Пушкина, вел душевные беседы с американским писателем-романтиком, слава которого в России тогда только начиналась.

Когда в начале 1828 г. Долгоруков отправился по делам службы в Барселону, Ирвинг пишет ему 22 января пространное письмо, рассказывая о радушии, с которым всегда встречают его в доме русского посла в Мадриде. После скучных светских раутов вечера в домашнем кругу русского посольства, семейные обеды, на которые его приглашают, Ирвинг называет «самыми счастливыми часами» своей жизни в Мадриде. Единственное затруднение, испытываемое им в доме русских, – это несовершенное владение французским языком, на котором велась беседа. «Я постоянно ощущаю на себе самые добрые чувства этого славного семейства, как бы не замечающего моих недостатков в знании языка и столь внимательного к тому, кто так мало может содействовать общему веселию. Я не променял бы этих мирных часов домашних бесед на все великолепие блестящих светских приемов. Мне доводилось видеть в свете такое бессердечие и такое равнодушие, что я не могу не оценить истинную душевность. В связи с предстоящим отъездом я чувствую величайшее сожаление, что должен расстаться с такой семьей и, очевидно, навсегда»⁶².

В письме к Долгорукову 19 февраля 1828 г. Ирвинг сообщает о только что полученном известии – его книга о Колумбе должна была появиться в свет 11 февраля: «Одна из лондонских газет»⁶³

⁶² *Irving P.M. The Life and Letters of Washington Irving. London: Bohn, 1862. Vol. 2. P. 425–426.*

⁶³ 2 февраля лондонская «Literary Gazette» (Vol. XII. P. 65) восторженно писала о предстоящем выходе «Жизни Колумба» Ирвинга, предсказывая автору «огромную славу» (a prodigious increase of fame) (*Cairns W.B. British Criticisms of American Writings, 1815–1833. A Contribution to the Study of Anglo-American Literary Relationships. Madison: University of Wisconsin Studies in Language and Literature, 1922. P. 95*).

заранее готовит рецензию на книгу, которая, по ее словам, принесет мне “огромную славу”. Я буду рад, если это сбудется хотя бы наполовину, но трепещу в предчувствии худшего»⁶⁴.

1 марта 1828 г. Ирвинг в сопровождении русского генерального консула Гесслера и секретаря русского посольства Штоффрегена выехал в дилижансе из Мадрида в Кордову. В письме другу юности Генри Бревурту, написанном за несколько дней до того, Ирвинг сообщает: «Через несколько дней я отправляюсь из Мадрида в поездку по южным областям Испании – путешествие, о котором я давно мечтал, но предпринять которое до сих пор мешали мои литературные занятия... У меня будут приятные спутники – секретарь русского посольства и русский генеральный консул, два моих близких друга»⁶⁵.

В письме от 15 апреля к племяннице жены русского посла Антуанетте Ирвинг описывает путешествие от Кордовы до Гранады, Альгамбру и ее легенды. Говоря о своих русских спутниках, писатель создает маленькую новеллу в духе «Книги эскизов». Приведем отрывок из этой эпистолярной новеллы, исполненной ирвинговского юмора и живой наблюдательности. «Мои спутники доставляют мне массу удовольствий. Штоффреген, никогда ранее не бывавший так далеко на юге, находится в непрерывном восторге перед роскошью южной природы; как опьяненный бродит он в зарослях алоэ, мирта и инжира, среди апельсиновых рощ, где с деревьев свисают золотые плоды. Правда, его счастье омрачается столкновениями со всей этой пестрой массой погонщиков мулов, официантов, хозяев придорожных гостиниц. Он нелегко переносит тяготы путешествия по Испании, которые могли бы стать еще одним испытанием для Иова. Радость и раздражение постоянно чередуются у него при виде, с одной стороны, великолепной страны и природы, а с другой, мерзких гостиниц и их обитателей. Что же касается Гесслера, то он не перестает удивлять меня и даже заставил уверовать в правдивость волшебных сказок. Он обладает чудодейственным бурдюком, к которому постоянно прикладывается и содержимое которого тем не менее никогда не убывает. А еще у него есть мешок, по своей вместимости сравнимый разве что с карманом таинственного знакомого Петра Шлемиля. Из этого мешка, когда в пути приходит время трапезы, он извлекает окорока, колбасы, дичь, варенье и даже пирог с запеченной в нем огром-

⁶⁴ *Irving P.M.* The Life and Letters of Washington Irving. Vol. 2. P. 428.

⁶⁵ Там же. С. 430.

ной рыбой, подобной той, что проглотила Иону. У меня зародилось подозрение, каким образом приобрел Гесслер эти свои сокровища и уж не продал ли он, как Петер Шлемиль, свою тень. Но я с радостью убедился, что тени у него хватает на двоих. Однако я ни разу не прикладывался к содержимому волшебного бурдюка и мешка, прежде не перекрестив их, и тем лишь избегал до сих пор всякой порчи»⁶⁶.

Из Малаги 29 марта 1828 г. Ирвинг пишет Долгорукову, вновь вспоминая своих русских друзей в Мадриде, «этот милый домашний круг, который в течение двух лет был величайшей моей отрадой». Описывая путешествие через горы из Гранады в Малагу, Ирвинг как бы делает первые наброски своих книг об Испании. «Большая часть нашего пути проходила через дикие места, лишённые уюта человеческого жилья. Но нас утешала величественная красота этого сурового горного края, которая временами напоминала мне мрачное великолепие некоторых страниц поэмы Данте. Это суровое величие иногда сменяется, как и у Данте, трогательной и неожиданно открывающейся перед взором красотой мирных цветущих долин, как бы покоящихся в каменных объятиях гор Альпухаррас»⁶⁷.

Картины природы Андалузии в письмах Ирвинга к Долгорукову живо напоминают испанские мотивы у Пушкина, в частности в «Каменном госте». «Перед нами вся сладость весны роскошного юга – апельсины и лимоны, фиговые и пальмовые деревья, виноград, оливы, алоэ, инжир и другие столь же поэтические растения. Окружающая природа наполняет чувства северянина каким-то небывалым упоением. Воздух дышит бальзамом и напоен ароматом. Даже в суровых горах каждая былинка, на которую наступашь, источает свой особый запах»⁶⁸. Возникает вопрос, не читал ли Долгоруков, вернувшись в Россию, письма Ирвинга своим знакомым, в том числе и Пушкину⁶⁹. Во всяком случае известно, что князь Долгоруков до старости бережно хранил эти письма.

⁶⁶ *Irving P.M. The Life and Letters of Washington Irving. Vol. 2. P. 432.*

⁶⁷ Там же. С. 437.

⁶⁸ Там же. С. 437–438.

⁶⁹ Незадолго до возвращения в Россию в письме к сестре (А.И. Новиковой) Долгоруков писал 12/24 августа 1830 г.: «Я столько видел и узнал нового, что могу болтать целый день без умолку и иногда не без любопытства и даже не без пользы заставлять себя слушать. Я мечтал на развалинах Колизея, жил в Аламбре, славном замке арабов, видел Константинополь, видел Неаполь...» (ГЛМ. Ф. 79. Ед. хр. 2704. Л. 16).

Эпистолярное наследие Ирвинга, еще недостаточно изученное, проливает свет на его творчество. Среди его писем немало и таких, которые рассчитаны на более широкий круг читателей, чем их непосредственные адресаты. Таковы, в частности, письма к Антуанетте. 2 апреля он пишет ей из Малаги строки, в дальнейшем почти без изменений вошедшие в «Альгамбру»: «Я бросил последний взгляд на Гранаду с вершины, по которой шла дорога и где несчастный король Боабдил проливал слезы, в последний раз глядя на свою бывшую столицу. Поныне место это носит поэтическое название *el suspiro del Moro*⁷⁰, а в скале показывают отпечаток подков коня Боабдила, стоявшего на этом месте, пока всадник глазами полными слез взирал на Гранаду»⁷¹.

Получив известие о предстоящем приезде Долгорукова, Ирвинг пишет ему 18 мая из Севильи: «Ничто не было бы для меня большим удовольствием, чем бродить по Севилье и ее окрестностям вместе с тобой. Места эти интересны не только произведениями искусства, в них находящимися, но и сами по себе, народом, их населяющим»⁷². Ирвинг просит Долгорукова продолжить изучение английского языка, чтобы им было легче беседовать (сам он никак не мог вполне освоить французский).

Сообщив 2 октября, что он отослал в Лондон свою рукопись «Завоевание Гранады», Ирвинг в следующем письме Долгорукову (13 декабря) делится мыслями по поводу этой книги: «Произведение, недавно отосланное мною для издания в Англию, посвящено завоеванию Гранады Фердинандом и Изабеллой. Это нечто вроде хроники, составленной из всех старых хроник и историй, как напечатанных, так и рукописных, какие только я смог разыскать. Все, о чем я пишу, основано на исторических документах, хотя я свободно пользовался красками, композицией и проч., представляя образы и события более выпукло и колоритно, чем о них говорится в старых хрониках. Несмотря на эти вольности (призванные придать описанию романтическое очарование), я глубоко убежден, что в моей книге будет больше достоверных сведений об этой удивительной войне, чем где бы то ни было»⁷³.

⁷⁰ Вздых мавра (*исп.*).

⁷¹ *Irving P.M. The Life and Letters of Washington Irving. Vol. 2. P. 439–440.*

⁷² Там же. С. 451.

⁷³ Там же. С. 469. Д.И. Долгоруков снабжал Ирвинга книгами по истории. В одном из писем (21 июля 1828 г.) Ирвинг просит выслать ему для работы книгу об американских индейцах, которую показывал ему Долгоруков (*Gregorio Garcia. El origen de los Indios de el Nuevo Mundo... Valencia, 1607; 2 ed. Madrid, 1729*).

Ирвинг стремился передать дух описываемой эпохи, суровую правду того времени, отбрасывая ложноромантические аксессуары. Именно это обстоятельство, как видно из его письма Долгорукову от 10 января 1829 г., было главным для писателя. «Я отважился предпринять литературный эксперимент, успех которого будет зависеть от случая. История завоевания Гранады и прежде давала богатый материал для романтических и рыцарских историй; в моем повествовании нет любовной интриги, а рыцарство – это рыцарство, каким оно действительно было в то время, со всей своей грубостью и отвагой, суровой и трудной борьбой. Я изобразил войну такой, какой показана она в старых хрониках, – жестокое и беспощадное столкновение, определяемое не правилами учтивости, а религиозным фанатизмом, не красивые турниры галантных всадников, а дикий разгул солдатни. Скоро книга выйдет в свет, и ты сможешь сам судить о ее достоинствах. Однако не лести себя надеждой найти в ней выражение возвышенного романтизма»⁷⁴.

1 мая 1829 г. Ирвинг вместе с Долгоруковым выехал из Севильи и после пятидневного пути, описанного в «Альгамбре», прибыл в Гранаду. В письме к брату 13 мая Ирвинг описывает свое житье в старом дворце мавританских властителей Испании: «Вчера, получив разрешение коменданта Альгамбры, князь и я перебрались в одно из свободных помещений дворца. Ты представить себе не можешь, как чудесно мы устроились – все огромное здание в нашем распоряжении, и мы можем беспрепятственно бродить по его залам и дворам все дни и ночи...»⁷⁵.

Когда-то Альгамбру посетил Шатобриан и оставил свое имя на стене (обычай, восходящий к сентименталистам и ранним романтикам). Сообщая это своему русскому другу после его отъезда из Альгамбры в письме от 15 июня 1829 г., Ирвинг дает, по существу, первоначальный набросок из «Альгамбры», опубликованной им три года спустя: «Несказанную красоту Альгамбры можно понять лишь в знойную летнюю пору; прелесть окружающего пейзажа открывается во время уединенных прогулок по окрестностям. Какие чудесные места! Какие очаровательные дали! Превосходящие все, что мы видели с тобой вдвоем. И у меня такая великолепная комната. Ты, конечно, помнишь небольшие покои, где за закрытыми дверями работали итальянские художники-реставраторы. Это помещение построено при Карле V или Филиппе и выхо-

⁷⁴ *Irving P.M. The Life and Letters of Washington Irving. Vol. 2. P. 479.*

⁷⁵ Там же. С. 489.

дит в открытую галерею, где Шатобриан оставил на стене свое имя. Я завладел этими покоями, одна из комнат которых стала для меня удобной спальней и кабинетом. Никогда еще не жил я столь прекрасно. Одно из окон выходит в небольшой садик Линдарахи, где цветут лимонные деревья, наполняя воздух своим ароматом, и восхитительно искрятся струи фонтана; из окна на противоположной стороне сада видится Чертог Двух сестер с его фонтаном львов, а за ним в отдалении мрачные залы Абенсеррагов. Из другого окна комнаты видна глубокая долина Дарро и открывается восхитительный вид на Хенералифе. Я столь очарован своей комнатой, что с трудом покидаю ее, выходя на прогулку. До поздней ночи сижу у окна, любуюсь лунным светом, слушая шум фонтанов и пенье соловьев. До полуночи гуляю по галерее Шатобриана. В душу нисходит чувство полного одиночества и покоя, когда оказываешься в глубине этого огромного заброшенного дворца»⁷⁶.

Через год Ирвинг вновь встретился с Долгоруковым в Лондоне, куда русский князь перевелся по службе. В письме к брату Ирвинг сообщает (19 октября 1830 г.): «Я окончил три повести об Альгамбре и пишу еще три. Долгоруков, прочитавший законченные, отзывается о них весьма похвально. Он хорошо знает страну, ее народ и те места и может судить о верности местного колорита»⁷⁷. Так русский литератор и дипломат, став ближайшим другом Ирвинга, присутствовал при создании рассказов о маврах и испанцах — «Альгамбры».

В.П. Боткин, побывавший в Альгамбре через полтора десятилетия после Ирвинга, описывая дворец, не преминул заметить, что легенда о несметных сокровищах мавританских царей, схороненных под стенами крепости, дала сюжет одной из сказок ирвинговской «Альгамбры»⁷⁸.

* * *

Творчество Ирвинга и Купера приобрело в России 20–30-х годов широкую популярность. Их повести и романы, очерки и статьи читали и обсуждали в литературных салонах и кружках, перелистывали в книжной лавке Смирдина, о них говорили на пятницах Жуковского, где бывали Пушкин, Вяземский, Гоголь,

⁷⁶ *Irving P.M. The Life and Letters of Washington Irving. Vol. 2. P. 496.*

⁷⁷ Там же. С. 522.

⁷⁸ *Боткин В.П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. С. 179.*

Крылов, и на четвергах Греча, где собиралась совсем иная публика. Н. Греч называл Ирвинга своим любимым писателем, а в «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839) включил перевод ирвинговского очерка «Вестминстерское аббатство» (из «Книги эскизов»).

Писатели-романтики обратились к проблеме художественного перевода. Журнал «Московский Телеграф» с самого начала своего существования уделял систематическое внимание переводу как важному фактору литературного процесса. «Ныне большая склонность наша <в переводах>, кажется, к агличанам: В. Скотт, Ирв. Вашингтон – главные наши действователи»⁷⁹, – писал журнал в рецензии на переводы Жуковского.

Через двадцать лет Белинский вспоминал о том времени, когда «перевод всякого иностранного романа на русский язык составлял важную новость в литературе и давал пищу критике и полемике, а переводчику всеобщую известность. Время это давно прошло – и безвозвратно»⁸⁰. Пушкинская пора, золотой век русской поэзии, была одновременно и эпохой становления художественного перевода.

Язык русского литературного перевода формировался одновременно со становлением после войны 1812 г. русского литературного языка. В переводах XVIII и первого десятилетия XIX в. нередко господствовал тяжеловесный стиль. Изданные в 1803 г. «Воззрения на открытие Америки» начинались велеречиво и неуклюже: «Меж тем как Португальцы делали Полуденную Азию данницею своею через оружие, а Европу через куплеводство, две горсти Ишпанцев покорили Государю своему две обширные Империи в Новом мире. Руководившая их алчность к золоту уже сделала злосчастными острова Сен-Доминго и Кубо»⁸¹.

В переводах 20-х годов стиль заметно меняется, формируется вместе со стилистическими нормами литературного языка, сложившегося в пушкинскую эпоху. В 1835 г. Белинский справедливо считал, что «переводы необходимы и для образования нашего еще неустановившегося языка; только посредством их можно образо-

⁷⁹ Московский Телеграф. 1827. Ч. 18. № 21. С. 73.

⁸⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 120.

⁸¹ Воззрения на открытие Америки и особенно государств Мексики и Перу. Переведено из сокращения всеобщей истории г. Рустана, министра Гельветической церкви в Лондоне. В+++ П+++++. М.: тип. Селивановского, 1803. С. 1.

вать из него такой орган, на коем бы можно было разыгрывать все неисчислимые и разнообразные вариации человеческой мысли»⁸². Переводы были зеркалом развития литературного языка.

«Московский Телеграф» считал своим долгом, наряду с русскими, постоянно печатать и переводные повести. Один из самых известных рассказов Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» перевел Н. Полевой. Это образец интерпретации американской новеллы в духе русского романтизма. В переводе, появившемся первоначально в «Московском Телеграфе», а позднее перепечатанном в книге Н. Полевого «Повести и литературные отрывки», со всей очевидностью проступают принципы романтического стиля – красочного и цветистого, с характерной попыткой переосмыслить инонациональный материал и интонационный строй прозы американского новеллиста в русле русской романтической традиции.

Во вкусах читающей публики того времени «Легенда» Ирвинга была названа «Безголовый мертвец», а о самой лощине, где происходит действие новеллы, говорится: «За тишину вечно там царствующую и за особенный характер жителей, которые происходят от первых голландских переселенцев, долина эта с давнего времени известна под именем Усыпительной долины, и ее добрые обитатели во всей окружной стороне называются детьми Усыпительной долины. Точно как будто усыпительные пары рассеяны по долине и смешались там с воздухом!»⁸³ Выражение «американская революция», встречающееся в новелле Ирвинга, передано в переводе Полевого, появившемся накануне казни декабристов, весьма длинно и осторожно: «когда немцы помогали англичанам драться с американцами». Цензура не пропускала слова «революция», к какой бы стране оно ни относилось.

Перевод «Легенды о Сонной Лощине» дан в «Московском Телеграфе» с послесловием «покойного Дидриха Никербокера» (правда, не названного в тексте), от имени которого написан рассказ. Обычно в русских переводах это морально-философское послесловие опускается (даже в последних изданиях Ирвинга на русском языке). Полевой стремился к полному переводу, хотя некоторые исторические реалии, видимо, не понятые им, оказались пропущенными.

Литераторы Петербурга и Москвы впервые познакомились с Ирвингом по французскому переводу его «Книги эскизов», вышед-

⁸² *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. Т. I. С. 130.

⁸³ *Московский Телеграф.* 1826. Ч. 9. № 11. Отд. II. С. 117.

шему в 1822 г.⁸⁴, а уже в следующем году, т.е. за два года до появления русского перевода «Легенды о Сонной Лощине» в «Московском Телеграфе», читали эту повесть в издававшемся в Москве параллельно на английском и французском языках «Журнале английской литературы» («The English Literary Journal of Moscow»).

В апреле 1823 г. этот журнал опубликовал статью «Литература Северной Америки», в которой дан пространный пересказ и отрывки из «Легенды о Сонной Лощине». Статья открывается обзорением состояния американской словесности в недавнем прошлом, когда «собственная литературная продукция была скудна и американцы свободно черпали из сокровищницы литературы английской». Политическая дискуссия, предшествовавшая войне за независимость США, породила таланты, создавшие после окончания войны «литературные произведения, которых Америка могла уже не стыдиться». «Правильность языка редко встретишь в Северной Америке, – пишет критик. – Большинство ее писателей придерживается мнения, что подобно тому как Америка успешно освободилась от политической зависимости от метрополии, так она должна сбросить и литературное иго Великобритании»⁸⁵.

Представляя московским читателям «недавно появившееся американское произведение под названием “Книга эскизов Джеффри Крэйона”», журнал называет имя автора – Джорджа (!) Вашингтона Ирвинга, «американца по рождению и образованию и безусловно одного из лучших писателей на английском языке, проявивших себя в последнее время». Пообещав вернуться к сборнику новелл Ирвинга в дальнейшем, журнал избрал для знакомства читателей с этой книгой «наиболее понравившийся» рассказ «Легенда о Сонной Лощине», который и приводится в отрывках и пересказе.

При изучении судьбы Ирвинга и Купера в России приходится постоянно иметь в виду два рода переводов – русские и французские, знакомившие читателей с писателями США. Нередко эти переводы распространялись независимо друг от друга, предназначаясь для различных социальных групп читателей.

В России еще не было профессиональных переводчиков. Переводы делали лица случайные, не находившие нужным или не смевшие поставить свое имя под переводом. Среди немногих та-

⁸⁴ *Irving W. Esquisses, morales et littéraires / trad. par MM Delpeux et Villetard.* Paris: Tellier, 1822. 2 vols. Это издание имелось в библиотеке Пушкина с пометой, что оно принадлежало ранее А. Тургеневу (*Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. Библиогр. описание // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX–X. № 1018).

⁸⁵ *The English Literary Journal of Moscow.* 1823. Vol. I. N 4. P. 216.

лантливых переводчиков с английского были Орест Сомов и Пётр Киреевский. О первом «Московский Телеграф», столь чуткий к качеству перевода, писал: «Искренно желаем, чтобы все хорошие книги находили на Руси переводчиков, подобных О.М. Сомову»⁸⁶.

Средний уровень переводческой культуры в середине XIX в. показал Достоевский. В «Преступлении и наказании» студент Разумихин занимается переводами по шести рублей с листа. Он переводит все, что ни предложит книгопродавец с Толкучего рынка: шарлатанскую статью «Человек ли женщина?», исследование о китах, отрывок из второй части «Исповеди» Руссо. А поскольку в языке он слаб, да и в орфографии плох, то признается Раскольникову, что «все больше от себя сочиняю и только тем и утешаюсь, что от этого еще лучше выходит»⁸⁷.

Подобный метод был особенно распространен в так называемых вольных переводах в стихах и прозе, позволявших их авторам «все больше от себя сочинять». Н. Полевой в рецензии на байроновского «Корсара» в переделке В.Н. Олина писал: «Критики не сличают дурного перевода с подлинником, когда переводчик догадается огладить себя в заглавии словами “вольный перевод”. По пословице: вольному воля, переводчик пишет после этого, как ему вздумается, а заметьте, что то или другое не так и нелепо, переводчик возглашает с уверенностью: “Да ведь я сказал, М.Г., что мой перевод вольный!”»⁸⁸

Много позже А.В. Дружинин в «Письмах иногороднего подписчика», говоря о плохих, беспомощных переводах Ирвинга, сделанных на ремесленном уровне книготорговца с Толкучего рынка, с горечью подводил итоги состояния переводческого дела в России: «К несчастью, с некоторых пор почти все наши переводчики будто выговорили себе особым договором право на небрежность и непротистительное невнимание к смыслу подлинника»⁸⁹. Нередко переводили не с оригинала. Ирвинга и Купера переводили не только и не столько с английского, сколько с французского, немецкого и польского. Повесть Ирвинга «Дьявол и Том Уокер» была переведена в «Вестнике Европы» с польского языка из газеты «Dziennik Wileński». О том свидетельствовали инициалы D.W., поставленные в конце «Фомы Валкера», как назывался перевод М.Т. Каченовского⁹⁰.

⁸⁶ Московский Телеграф. 1825. Ч. 3. № 12. С. 248.

⁸⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. VI. С. 88–89.

⁸⁸ Московский Телеграф. 1828. Ч. 20. № 6. С. 225.

⁸⁹ Современник. 1849. № 10. Отд. V. С. 312.

⁹⁰ Вестник Европы. 1827. № 10. С. 134.

Полевой выступил настолько решительно против подобных поделок, что цензор «Московского Телеграфа» Сергей Аксаков, отчеркнув фразу «весьма посредственный перевод г. Каченовского, сделанный не с подлинника, а с польского перевода, совсем не был по вкусу Москвитянам», написал на полях красными чернилами: «Исключить. Какое вы имеете право сказать, что сей перевод был не по вкусу всей московской публике? Вы можете сказать, что он не понравился вам, что он по вашему мнению дурен»⁹¹. Так полемика началась еще в стенах цензурного комитета.

Обратив внимание, что ни в одном из трех русских переводов Вальтера Скотта, появившихся в 1827 г.⁹², не означено, с какого языка и кем сделаны эти переводы, «Московский Телеграф» в своей обычной иронической манере замечает: «Кто знает, может быть и сии переводы перетащены с польского языка, куда они также приехали не прямо от Британских берегов, а сначала переплыли через пролив Кале, были в карантине французского переводчика, который своими курами и зельями истребил из них все краски подлинника, и потом уже явились в русской одежде. Дело очень возможное! Разве не видели мы в нынешнем году повести Ирвинга Вашингтона, взятой из “Денника Виленского”? И где же это? В одном из почтенных журналов наших, потому что он двадцать пять лет на службе в русской литературе»⁹³.

История с переводами Ирвинга с польского в одном из старейших русских журналов стала притчей во языцех. Пушкин в незаконченном черновом наброске, пародируя редакцию «Вестника Европы», печатавшую переводы с переводов, предлагал проект нового журнала, в котором печатались бы «переводы Байрона с польского» (XI, 86)⁹⁴. Вопрос и впрямь был наболевшим донельзя.

⁹¹ РГБ. Ф. 233. Карт. 151. Ед. хр. 1. Л. 9.

⁹² Битва при Ватерлоо. Соч. Валтера Скотта. С присовокуплением избранных Баллад сего писателя. М.: Унив. тип., 1827. 136 с.; Талисман, или Ришард в Палестине. Из истории времен Крестовых походов. Валтера Скотта. М.: тип. Селивановского, 1827. Ч. 1–3; Невеста Ламмермурская. Новые сказки моего хозяина, собранные и изданные Джедедием Клейтботамом, учителем и ключарем Гандерклейтского прихода. Соч. Сира Валтера Скотта. М.: тип. имп. Московского театра, 1827. Ч. 1–3.

⁹³ Московский Телеграф. 1827. Ч. 16. № 15. С. 273. «Вестник Европы» был основан в 1802 г.; в 1822 г. журнал опубликовал перевод с польского М. Каченовским «Поэмы последнего барда» В. Скотта.

⁹⁴ См. также замечание Пушкина о печатавшихся в журнале Каченовского «переводах с переводов» (XI, 80).

Качество переводов начало привлекать к себе серьезное профессиональное внимание. Н. Полевой, один из первых журналистов, обратившихся к этой проблеме, требовал от перевода соответствия духу русского языка. Всякого рода буквализмы, кальки, галлицизмы встречали у него резкое осуждение. Постоянно имея дело с журнальными переводами, он в первый же год издания «Московского Телеграфа» пришел к выводу, сформулированному затем Пушкиным: «Подстрочный перевод никогда не может быть верен». Вскоре началась журнальная полемика по вопросам перевода.

В своем журнале в разделе «Антикритика» Полевой выписал 70 ошибок в русском языке только из одного номера «Сына Отечества», в котором был опубликован перевод ирвинговских «Историй о привидениях» (из «Рассказов путешественника»). Редакторы-издатели «Сына Отечества» и «Северного Архива» Н. Греч и Ф. Булгарин пытались оправдаться и в ответ издателю «Московского Телеграфа», появившемуся в «Северном Архиве», заверяли: «Повесть из Вашингтона Ирвинга, доставленная нам одним из сотрудников наших, переведена литератором нам неизвестным. Мы не имеем ни обязанности, ни даже права переменять что-либо в чужих статьях... Мы виноваты только в некоторых опечатках»⁹⁵.

На журнальные выпады, которыми изобиловала статья в «Северном Архиве», отвечал С.Д. Полторацкий, писавший под псевдонимом Киевский. Послушаем его доводы, свидетельствующие, что переводы из Ирвинга стали поводом для обсуждения проблем русского литературного языка того времени. «Переводчик повести И. Вашингтона <в “Сыне Отечества”, 1825, № 14> совестнее других: он признался в большей части ошибок, замеченных издателем “Телеграфа”, – но худо то, что он же наказал много лишнего и нейдущего к делу.

Он ссылается на издателей “Сев. Архива” в том, что по-русски можно сказать: “запылал огонь, чтоб обсушить”, “села за туалет, чтоб привести”, “позвали, чтоб пособить” и проч. Какое же доказательство? “Сей союз (чтобы) есть слово русское, понятное, употребительное, правильное”. Прекрасно! Но, гг. издатели “Архива”! кто утверждает, что это слово не русское, не понятное, не употребительное, не правильное? Все русские писатели его употребляют – но как? Вот на что указал изд. “Телеграфа” и тем дал вам случай снова блеснуть грамматическими познаниями. Узнайте же, что фразы, подобные вышеозначенным, суть чистые галлицизмы, введенные в наш язык в

⁹⁵ Северный Архив. 1825. 22 августа. № 16. С. 373.

новейшее время. Дело шло не о союзе “чтобы”, а о конструкции фразы; но по-вашему выходит, что русскими словами можно писать как кому угодно, потому что русские слова понятны!»⁹⁶

Опираясь на поддержку издателей «Северного Архива», переводчик Ирвинга пытался отстоять право на галлицизмы и солецизмы. «Что можно доказать писателю, – продолжал Полторацкий, – который утверждает, что утомленный “от охоты” и “охотою” равно правильно? – Оставим его в покое... Также напрасно г. переводчик оправдывается опечатками... Всего милее оправдывается он в одной ошибке тем, что действующее лицо – *был дух!*»⁹⁷

Переводить английских и американских писателей с французского не считалось предосудительным в 1820–30-е годы. В рецензии на перевод куперовского «Лоцмана» журнал «Московский Телеграф» выражает надежду, что со временем русские переводчики смогут обходиться и без посредства французского языка: «Имя Купера уже довольно знакомо нашей публике. Хорошо или дурно, однакож многие романы его переведены на русский язык. Перевод “Лоцмана” принадлежит к хорошим переводам, хотя несносные слова “с французского” и могли бы предупредить читателя невыгодным для книги образом. Будем пока довольствоваться хорошими переводами с французского; необходимость современная сблизит наших переводчиков и с английскою литературою»⁹⁸.

Первые восемь романов Купера, вышедшие по-русски отдельными изданиями⁹⁹, все, кроме двух («Красный морской разбойник» и «Последний из могикан»), были переведены с французского. Печатавшийся в 1840 г. в «Отечественных Записках» роман «Путеводитель в пустыне» («Следопыт») переведился уже с английского, что было особо отмечено Белинским¹⁰⁰. Перевод Иринархом Вве-

⁹⁶ Московский Телеграф. 1825. Ч. 6. № 23. Особое прибавление. С. 11–12.

⁹⁷ Там же. С. 13–14.

⁹⁸ Московский Телеграф. 1832. Ч. 48. № 23. С. 400–401.

⁹⁹ «Шпион», 1825; «Американские степи», 1829; «Американский пуританин», 1831; «Красный морской разбойник», 1832; «Лоцман», 1832; «Поселенцы», 1832; «Последний из могикан», 1833; «Браво», 1839. 25 августа 1831 г. Петербургский цензурный комитет разрешил издание перевода романа «Лионель Линкольн» (ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 25. Ед. хр. 1925), однако книга в свет не вышла.

¹⁰⁰ Хотя в конце журнального перевода, а также в статьях и рецензиях Белинского (см.: Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. IV. С. 311, 441, 460), имевшего самое непосредственное отношение к изданию «Путеводителя в пустыне», отмечалось, что перевод сделан с английского (в начале журнальной публикации даже указано английское издание романа как источник

денским «Дирслэйера» («Зверобоя») в «Отечественных Записках» за 1848 г. закрепил практику переводов Купера с оригинала.

Говоря о нелегкой судьбе «русского Купера», Белинский считал, что подлинного Купера русский читатель узнал лишь в 1840 г., когда был переведен «Патфайндер» («Следопыт»). «Известно, что и Вальтеру Скотту не очень-то посчастливилось в русских переложениях его романов, Купер же просто несчастен в этом отношении: только «Лоцман» и «Красный Корсар» переведены порядочно, другие же кое-как; «Последний из могикиан» и «Степи» – крайне дурно, а «Браво» и «Американские пуритане» – бессмысленно. Перевод «Путеводителя» вполне вознаграждает Купера за его тяжкие истязания на русском языке: это перевод, во-первых, с подлинника, во-вторых, поэтически верный духу своего оригинала, воспроизведенного с художественным тактом»¹⁰¹.

Давая краткий обзор русских переводов Купера, Белинский выделил действительно лучшие переводы А.И. Ишимовой («Красный морской разбойник», или, как он стал переводиться с конца XIX в., «Красный Корсар») и М. Сорокина («Лоцман»). Точность и поэтичность перевода Ишимовой, отличающегося «отчетливостью в словах и выражениях самых трудных», похвалил при выходе книги «Московский Телеграф», не преминувший отметить, что по поводу морских терминов переводчица советовалась с опытными моряками. «Желательно было бы видеть другие романы Купера в столь же хороших переводах»¹⁰², – заявлял журнал.

Однако общий уровень переводов Купера и Ирвинга оставался в первой половине XIX в. низким. Рецензируя новый роман

перевода), И.И. Панаев в своих воспоминаниях пишет, что он переводил 3-ю и 4-ю части романа с французского языка (в английском издании роман не подразделяется на части; во французском переводе имеются четыре части). Приведем это свидетельство, проливающее свет на историю появления русского текста знаменитого романа Купера: «Я прочел только что изданный во французском переводе роман Купера “Путеводитель в пустыне” (“Le Lac Ontario”). Роман этот произвел на меня сильное впечатление, и я рассказал содержание его Белинскому. – Его надобно непременно перевести для “Отечественных записок”, – сказал Белинский, – и скорее, чтобы кто-нибудь не перебил. Каткову “Путеводитель в пустыне” также нравился, и Белинский упросил нас переводить его вместе. Катков взял на себя перевод двух первых, а я двух последних частей; Катков перевел с английского, я с французского» (*Панаев И.И. Литературные воспоминания* / под ред. И. Ямпольского. М.: Гослитиздат, 1950. С. 235).

¹⁰¹ Отечественные Записки. 1841. № 1. Отд. VI. С. 9. То же в кн.: *Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. Т. IV. С. 459–460.*

¹⁰² Московский Телеграф. 1832. Ч. 48. № 24. С. 554.

Купера «Два адмирала», «Отечественные Записки» отмечают тяжелый, гораздо более тяжелый, чем у Купера, язык перевода¹⁰³ – вечное бедствие большинства русских переводов прошлого века. В этом отношении позиция «Отечественных Записок» совпадала с мнением «Библиотеки для Чтения», которая по поводу перевода того же романа заметила: «Чистота и правильность языка у него <Купера> удивительны: он превосходно пишет по-английски, – гораздо лучше, чем русский переводчик его по-русски»¹⁰⁴.

Говоря в связи с переводом «Двух адмиралов» о требовании «поэтического перевода», А.В. Дружинин считал, что, хотя в редком английском романе разговор прост и не натянут, «переводчик мог смягчить этот недостаток... К чести русской литературы, мы должны сказать, – продолжает Дружинин, – что русский разговорный язык давно установился во всей своей простоте, и в настоящее время и сочинителю и переводчику непозволительно заставлять своих действующих лиц говорить неестественным языком»¹⁰⁵. Эта ориентация при переводе на нормы живого разговорного языка далеко не сразу вошла в сознание и практику русских переводчиков. Теория художественного перевода, разработанная Белинским (в том числе и требование к языковой стороне перевода), долгие годы оставалась неосвоенной переводчиками, и истинное значение ее было понято гораздо позднее¹⁰⁶.

Переводы американских писателей с французского продолжали выходить. В 1836–1837 гг. появился перевод ирвинговской «Истории жизни и путешествий Христофора Колумба», выполненный с французского Николаем Бредихиным. Журналы откликнулись на этот опус в четырех томах по-разному. «Библиотеку для Чтения» не интересовало качество перевода и с какого языка он сделан, хотя рецензент и заметил, что Ирвинг написал свой труд по-английски так, «как уже не умеют ныне писать в Англии». Журнал порицает писателя за отсутствие «дара историка»: «...холодный и блестящий как лед, г. Ирвинг, надо признаться, довольно сух и скучен в “Жизни Колумба”, – почти столько же, как в своей “Истории завоевания Гренады”»¹⁰⁷.

¹⁰³ Отечественные Записки. 1848. Т. 60. № 10. Отд. VI. С. 49.

¹⁰⁴ Библиотека для Чтения. 1848. Т. 90. № 9. Отд. VI. С. 31.

¹⁰⁵ Современник. 1848. Т. 10. № 7. Отд. I. С. 17–18.

¹⁰⁶ Подробнее об этом: *Левин Ю.Д.* Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 39.

¹⁰⁷ Библиотека для Чтения. 1837. Т. 20. № 1. Отд. V. С. 53.

Иначе откликнулись на перевод Н. Бредихина «Отечественные Записки», где отдел критики вел в то время Белинский. Журнал не мог обойти молчанием факт перевода американского писателя с французского перевода. «Изящная проза Вашингтона-Ирвинга не была передана г-м переводчиком во всей яркости и красоте подлинника: не достало ль терпения у г. переводчика передать на русском языке все красоты оригинала или потому что перевод через вторые руки всегда как-то бледен, лишен свежести красок, – как бы то ни было, но красноречивое повествование Вашингтона-Ирвинга о жизни великого Колумба не было передано достойным подлинника образом»¹⁰⁸. И здесь, как когда-то в «Московском Телеграфе», критерий художественности перевода был определяющим.

Тем не менее перевод Ирвинга с французского породил и своих защитников. «Литературные Прибавления к “Русскому Инвалиду”» выступили с обоснованием того, что нет ничего дурного в переводе американского писателя с французского – был бы хорош сам перевод!¹⁰⁹ Отсутствие филологического подхода к переводу не позволило некоторым критикам понять художественно-эстетическую специфику перевода как явления двух национальных литератур в момент их творческой встречи.

Когда появилось продолжение «Жизни Колумба», переведенное с французского Дмитрием Паскевичем, оно привлекло к себе внимание журнальной критики из-за того, что перевод был сделан не с ирвинговского оригинала. Однако на этот раз тот же рецензент «Отечественных Записок» был более снисходителен к языку перевода, находя его «несколько чище, нежели в книге г. Бредихина. Перевод мог быть лучше, и должен бы, но благодарность и за то, что есть»¹¹⁰.

Перевод Паскевича назывался «История жизни, путешествий, открытий и приключений в Новом Свете». Заглавие вызвало недоумение критики. «Чьей же жизни? И что такое “жизнь в Новом Свете”?» – вопрошал «Сын Отечества». Приводя название французского перевода, с которого, по-видимому, сделан перевод, рецензент поучительно замечает: «Хитрить бы меньше, да делать лучше!»¹¹¹

¹⁰⁸ Отечественные Записки. 1839. Т. 6. № 11. Отд. VII. С. 155–156.

¹⁰⁹ Литературные Прибавления к «Русскому Инвалиду». 1837. № 9. 27 февраля. С. 87. Подпись: А. Р++++в.

¹¹⁰ Отечественные Записки. 1839. Т. 6. № 11. Отд. VII. С. 157.

¹¹¹ Сын Отечества. 1839. Т. 10. Август. Отд. IV. С. 154.

Совсем по-другому встретила появление «Путешествий и открытий сподвижников Колумба» в переводе Дм. Паскевича «Библиотека для Чтения». С наигранной журналистской развязностью Сенковский сообщал читателям своего издания: «Какой сюрприз! Ведь это история жизни, путешествий, открытий и приключений первых преемников Христофора Колумба... Добро пожаловать, милая книга!.. А мы вас ждали, ждали ждали!.. Нарядившись в русское платье, нарочно не хотела она сказать своего имени у входа, с тем чтобы привести нас в затруднение. Но нам стоило только приподнять заглавную страницу, и по первым строкам следующей страницы тотчас узнали мы ее. Как не узнать! это – известное дополнение к “Истории Христофора Колумба” и открытия Америки, известному творению Вашингтона Ирвинга»¹¹².

Оценка «Библиотеки для Чтения» весьма комплиментарна. В переводе дополнения к «Истории жизни Колумба» журнал находит более живости, более разнообразия, чем в самой истории, а «русское платье очень идет к нему: оно чисто, опрятно, свежо и тщательно отделано». Как всегда, стремление к коммерческой рекламе превалировало у Сенковского над всеми иными соображениями.

Лучшим переводчиком Ирвинга в России был П.В. Киреевский. Переведенную им «Жизнь Магомета» Добролюбов использовал для обоснования идеи о роли народных масс в истории, о том, что великие личности выражают потребности своего общества и времени.

Сочинение Ирвинга благодаря своей фольклорной основе обратило на себя внимание еще И.В. Киреевского. В 1832 г. в первом номере своего журнала «Европеец» он писал: «Вашингтон Ирвинг оканчивает и скоро издаст “Историю Магомета”, составленную из восточных преданий»¹¹³. Однако прошло почти двадцать лет, прежде чем Ирвинг выпустил книгу «Магомет и его преемники» (1849–1850), и П. Киреевский приступил к ее переводу.

О переводческом мастерстве Киреевского Добролюбов говорит кратко и весомо: «...о переводе г. Киреевского довольно сказать, что он читается очень легко. За его добросовестность и верность с подлинником ручается имя переводчика»¹¹⁴. Колоритность языка Киреевского не утратила своей свежести и в наше время

¹¹² Библиотека для Чтения. 1839. Т. 36. № 9. Отд. IV. С. 41–42.

¹¹³ Европеец. 1832. № 1. С. 126.

¹¹⁴ Современник. 1858. Т. 67. № 2. Отд. II. С. 168. То же в кн.: Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 2. С. 273.

профессиональных переводчиков, сохранив непосредственность русской речи подлинного мастера слова¹¹⁵.

Пушкин называл переводчиков почтовыми лошадьми просвещения. В отношении Америки они действовали подобно фултоновскому пароходу, которым восторгался П. Свиньин во время своего «живописного путешествия». И хотя Франция и Англия еще нередко служили перевалочными пунктами, русские переводчики и критики первыми установили регулярные рейсы, соединившие заатлантическую и русскую культуру.

¹¹⁵ В отделе рукописей РГБ хранится автограф первых четырех глав перевода с правкой П.В. Киреевского, дающей представление о завершающем этапе работы, когда переводчик добивался стилистической соразмерности и гармонии художественного целого (РГБ. Ф. 99. Карт. 11. Ед. хр. 20-6).

ПУШКИН И АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ура! – куда же плыть – к песчаным ли берегам,
Где дремлют вечности символы, пирамиды,
Иль к девственным лесам
Младой Америки – Флориды.

А.С. Пушкин

В 1830 г. в Нью-Йорке вышла в свет книга «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера», в подзаголовке которой значилось, что автор провел тридцать лет среди индейцев Северной Америки¹. Рассказ Теннера был записан с его слов Эдвином Джеймсом, имевшим уже опыт подобной работы. За несколько лет до того он издал отчет об экспедиции известного американского путешественника Стивена Х. Лонга (1784–1864), добравшегося до Скалистых гор и исследовавшего бассейны рек восточного склона Скалистых гор, о чем писал в одной из своих повестей Эдгар По («Дневник Джулиуса Родмена»).

¹ A Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner (U.S. Interpreter at the Saut de Ste. Marie) During Thirty Years Residence Among the Indians in the Interior of North America Prepared for the Press by Edwin James, M.D., Editor of an Account of Major Long's Expedition from Pittsburgh to the Rocky Mountains. N.Y.: Carvill, 1830. 426 p. В 1840 г. появился ее немецкий перевод: Des Kentuckier's John Tanner Denkwürdigkeiten über seinen dreissigjährigen Aufenthalt unter den Indianern Nord Amerika's. Aus dem englischen übers von Karl Andree. Leipzig: Engelmann, 1840. XVI. 328 S. О популярности книги Теннера свидетельствует также и то, что ее обработка была дважды переиздана (с иллюстрациями) под названием «Серый сокол» (индейское имя Джона Теннера): *Tanner J. Grey Hawk; Life and Adventures among the Red Indians* / ed. by J. Macaulay. Philadelphia: Lippincott, 1883. XV, 341 p.; *Idem*. London: Hodder & Stoughton, 1883. XV, 341 p.

В 1835 г. в Париже появился сокращенный французский перевод «Записок Джона Теннера», который сохранился в библиотеке Пушкина². В том же году в Париже были опубликованы первые два тома книги французского социолога Алексиса Токвиля «О демократии в Америке», которую Пушкин в статье «Джон Теннер» называет «славною книгой» (XVI, 105). В начале 1836 г. А.И. Тургенев послал из Парижа в Россию экземпляр двухтомного издания Токвиля, попавший в библиотеку Пушкина (опись Б.Л. Модзалевского, № 1440). Наконец, в первом томе пушкинского «Современника», вышедшего в апреле 1836 г., началась публикация «Хроники русского» А.И. Тургенева, в которой он, вслед за Талейраном, называет книгу Токвиля «умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени»³. Таковы некоторые фактические предпосылки появления в третьем томе «Современника», вышедшем в первых числах октября 1836 г., статьи Пушкина «Джон Теннер»⁴.

Пушкин, несомненно, читал первые два тома книги Токвиля, являющейся аристократической критикой буржуазной демократии. Второй том заканчивался сопоставлением русских и американцев: «В настоящее время существуют на земле два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются, по видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал об их появлении и об их величии»⁵.

² *Mémoires de John Tanner, ou trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord*, traduit sur l'édition original, publiée à New York, par M. Ernest de Blosseville, auteur de l'histoire des Colonies pénales de l'Angleterre dans l'Australie. Paris, 1835. Vols. I–II. (Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Библиогр. описание // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX–X. Запись № 423).

³ Современник. 1836. Т. I. С. 273.

⁴ Статья Пушкина о Теннере (XII, 104–132) уже неоднократно привлекала внимание литературоведов и этнографов. Важнейшие из полученных результатов были представлены в итоговой работе М.П. Алексеева «К статье Пушкина “Джон Теннер”» (Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. С. 50–56). Источниковедческая аргументация вопроса изложена в статьях: Марьянов Б.М. Об одном примечании к статье А.С. Пушкина «Джон Теннер» // Русская литература. 1962. № 1. С. 64–67; Shaw J.T. Puskin on America: His «John Tanner» // *Orbis Scriptus. Dm. Tschizewskij zum 70. Geburtstag* / hrsg. von D. Gerhard. München: Fink Verlag, 1966. S. 739–755.

⁵ Токвиль А. О демократии в Америке / пер. с 14-го французского издания В.Н. Линд. М.: изд. магазина «Кн. дело», 1897. С. 340.

На сравнение России и Америки обратил внимание А.И. Тургенев в своей «Хронике русского». Не мог пройти мимо «сближения двух противоположных народов: русских и англо-американцев», как вслед за Токвиллем называл американцев А.И. Тургенев, и Пушкин, по-своему откликнувшийся на это в статье «Джон Теннер».

Сочинение Токвиля сразу заинтересовало передовое русское общество. Декабрист Н.А. Бестужев переводил в ссылке отрывки из этой книги, возвращаясь к ней неоднократно и беря из нее то, что соответствовало его собственным взглядам⁶. Н.М. Сатин, один из участников кружка Герцена и Огарёва, сосланный на Кавказ, писал 27 декабря 1837 г. Белинскому: «Я на днях читал превосходное сочинение Токевиля о Демократии в Америке. Какое грустное впечатление произвела на меня эта книга. Да, польза, понимаемая так пошло, как понимают ее многие, – разумеется, нелепа, преступна. Либеральные американцы угнетают до невероятности целое поколение (негров) – потому что это полезно. Человеколюбивые американцы истребляют целое другое поколение (индейцев) потому, что это полезно; и все это тихо, законно, филантропически, не проливая крови, не нарушая правил и нравственности! – Они любят науку – потому что она полезна, любят детей, жену – потому что они полезны. Они любят деньги, не стыдятся быть шпионами, лишают людей вечной свободы и проч... И все это расчетливо, так законно, так ощутительно полезно... Но к чему доведет их такое стремление! к ощутительно полезному? – Не прекратит ли оно лучших порывов души человеческой... Нравственность, правила чести будут излишни... Они изгонят из своего общества и слезы и радости, любовь будет для них нелепостью, бог – полезным предрассудком»⁷.

Белинский ознакомился с книгой Токвиля раньше Сатина. Под впечатлением чтения Токвиля он выступает в «Телескопе» в марте 1836 г. с резким обличением американской цивилизации, бесплодной в эстетическом отношении и безнравственной в социальном. Сравнение с Россией, проведенное французским социологом, Белинский оборачивает по-своему: «Погодите, и у нас будут чугунные дороги и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится; но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность – вот вопрос!

⁶ Бестужев Н.А. Статьи и письма. М.; Л.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 82–83.

⁷ В.Г. Белинский и его корреспонденты / под ред. Н.Л. Бродского. М.: ГБЛ, 1948. С. 269–270.

Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми – вот вопрос!»⁸ Как видим, письмо Н.М. Сатина во многом перекликается с мыслями Белинского.

Идеи Токвилля сказывались в русской литературе и критике также в опосредованной форме. В 1845 г. И.В. Киреевский писал: «Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединенным Штатам Америки, построенным на таком разумном основании, после такого великого начала! И что же вышло? Развились одни внешние формы общества и, лишённые внутреннего источника жизни, под наружною механикой задавили человека. Литература Соединенных Штатов, по отчетам самых беспристрастных судий, служит ясным выражением этого состояния»⁹. Впрочем, аналогичные идеи Киреевский высказывал задолго до Токвилля. В «Обозрении русской словесности 1829 года» читаем: «Изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении: два народа, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество. Но отдаленность местная и политическая, а более всего односторонность английской образованности Соединенных Штатов всю надежду Европы переносят на Россию»¹⁰.

А.И. Герцен вспоминает в «Былом и думах» (гл. 17), что в вятской ссылке он познакомился с книгой Токвилля, встречу с которым много позднее, в революционном Париже 1848 г., описал весьма саркастически. Но уже и тогда, в ссылке, он довольно скептически отнесся к дифирамбам, расточаемым Токвиллем. Прочитав известную концовку второго тома, Герцен в письме Н.Х. Кетчеру 20 августа 1838 г. сообщает: «“Об Америке” соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Он в заключении говорит: “Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия”. Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно – о, я верую в ее прогрессивность»¹¹. Сравнение Токвиллем двух стран не могло оставить равнодушными русских читателей того времени. И они обсуждали его в своих письмах, на страницах журналов и газет.

Книга Токвилля продолжала вызывать интерес русских писателей и во второй половине XIX в., чему способствовал ее пере-

⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. С. 47.

⁹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 78–79.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. XXI. С. 386.

вод А. Якубовичем, изданный в 1860 г. в Киеве. Н.Г. Чернышевский откликнулся на него обширной рецензией «Непочтительность к авторитетам», в которой отмечал громадный успех этой книги, хотя взгляды Токвилля к тому времени устарели и описанная им Америка так же отличалась от современной, «как Россия, описанная Котошихиным, различна от нынешней»¹².

Для Достоевского и Толстого книга Токвилля представлялась уже неким маркировочным знаком дополнительной характеристики героев. Так, Степан Трофимович Верховенский в «Бесах» постоянно интересовался успехами русской литературы. «Бывало и то, – продолжает рассказчик, – возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока. Но, впрочем, это пустяки» (ч. I, гл. 1, § 5). В черновиках к «Анне Карениной» Токвилль появляется среди книг, которые читала Анна: «Анна без гостей все также занималась собою и вместо гостей занималась чтением не романов, как она прежде это делала, а так называемых серьезных книг, тех модных серьезных книг, какими были Toqueville, Carlyle, Lewes, Taine. Она прочитывала эти книги, понимая их вполне, но испытывая то обычно оставленное такими книгами чувство возбуждения и неудовлетворения жажды»¹³.

Возвращаясь к статье Пушкина о Теннере, где помянут «автор славной книги “О демократии в Америке”», обратимся к написанному через две недели после публикации «Джона Теннера» письму к П.Я. Чаадаеву. В нем Пушкин признается в авторстве статьи о Теннере (подписанной The Reviewer), а в черновике этого оставшегося неотправленным письма спрашивает: «Читали ли вы Токвиля?.. Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею» (XVI, 421). Напугала Пушкина, как следует из письма, перспектива «наводнения демократии худшей, чем в Америке». На Герцена и Сатина книга Токвилля произвела грустное и скорбное впечатление. Это чувство было порождено той перспективой американской демократии, которую рисовала книга, т.е. тем, что «напугало» и Пушкина.

Написанное накануне запрещения «Телескопа» неотправленное письмо Чаадаеву, как и пушкинский «Джон Теннер», перекликается с идеями первого «Философического письма» Чаадаева, в котором говорилось об истреблении индейцев: «Посмотрите на

¹² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. VII. С. 706. Чернышевский имеет в виду книгу Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», написанную в XVII в.

¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 20. С. 487.

народы Северной Америки, истреблением которых так ревностно занимается материальное просвещение Соединенных Штатов...»¹⁴. Как бы развивая мысль Чаадаева («Философическое письмо» написано в 1829 г. и с тех пор распространялось в рукописях), Пушкин пишет: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» (XII, 104–105).

Красочная картина перехода от дикости к цивилизации с ее гаванями и пироскафами создана с подлинным поэтическим мастерством и заставляет вспомнить первого русского энтузиаста пароходства П.П. Свинына, который называл их даже не устарелым ныне именем пироскафы, а на американский манер – стимботы. После поездки в Америку Свинын делился с читателями «Сына Отечества» своими впечатлениями о преобразованиях, происшедших в Америке за немногие годы после революции: «Внезапно исчезли безмолвные пустыни и вечные леса; на местах их воздвиглись города, не уступающие величиною и великолепием древнейшим столицам Европы; непроходимые болота превратились в богатые нивы и луга, питающие своими произведениями половину старого света...»¹⁵.

На смену восторженному дифирамбу Свинына пришли тревожные раздумья Пушкина о судьбах «древних владельцев земли, ныне заселенной европейскими выходцами», ставших жертвой «явной несправедливости, ябеды и бесчеловечия Американского Конгресса». Пушкин видел обе стороны исторического процесса истребления индейских племен. С одной стороны, «меч и огонь», «ром и ябеда» (злоупотребления) делают свое дело. Но и «средства более нравственные» неуклонно ведут дикость к исчезновению. «Таков неизбежный закон» (XII, 104), – заключает Пушкин.

Он не может согласиться с тем, что дикость, по мнению «некоторых философов» (Руссо), является «естественным состоянием человека». Жестокое истребление аборигенов, занесенное в «летописи племен безграмотных», будет «свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации» (XII, 105). Благодетельное влияние этой цивилизации на индейцев, пишет Пушкин, ограничилось тем, что она,

¹⁴ Телескоп. 1836. Ч. 34. № 15. С. 293.

¹⁵ Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 254.

«вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец». Индейцы заготавливают бобровые меха и буйволую кожу, чтобы продать их американским купцам. «Но редко получают они выгоду в торговых своих оборотах: купцы обыкновенно пользуются их простотою и склонностию к крепким напиткам. Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индейцы отдают и остальные за бесценок» (ХП, 115). Картина обмана индейцев американскими торговцами завершается ироническим замечанием Пушкина: «Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!» (ХП, 115).

Отсюда главный вывод статьи: уважение к американской демократии, «плоду новейшего просвещения», сильно поколебалось. «Несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских», и здесь перед ними возникли вопросы, которые они «полагали давно уже решенными». К числу этих «глубоких умов», или «новых наблюдателей», о которых говорит Пушкин, относятся А. Токвилль, переводчик и автор предисловия к французскому изданию книги Джона Теннера Эрнест Блоссвилль, автор повести «Мария, или рабство в Соединенных Штатах» Гюстав Бомон и другие литераторы, книги которых имелись в библиотеке Пушкина¹⁶.

С самого начала статьи Пушкин стремится довести до читателя свой главный тезис, направленный против демократии доллара и наживы: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы» (ХП, 104). В этих словах слышится радищевский пафос обличения. Революционный писатель XVIII в. отказывался называть «блаженною строною» ту, где «злобствующие европейцы», «заклав индийцев», занимаются «приобретением невольников куплею»¹⁷. Пуш-

¹⁶ Алексеев М.П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. С. 54–55. Перевод антирабовладельческой книги Г. Бомона, сделанный в 1835 г. Журавским, был запрещен Петербургским цензурным комитетом, чтобы не «подавать повода» к сопоставлению с крепостным правом в России (ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 1. 1835 г. Ед. хр. 1264. Л. 1).

¹⁷ Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: [в 3 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. I. С. 316–317.

кин пошел дальше, поставив под сомнение самые основы новой демократии, складывавшейся в его время в Америке.

То, что Пушкин заметил и выразил в середине 30-х годов, в годы господства в США демократической партии, разгула продажности, истребления индейцев и экспансионистских устремлений правительства президента Джексона, столь красочно описанных в мемуарах того времени, вскоре стало предметом горячего обсуждения среди американских романтиков.

В 1838 г. Купер выпустил свой памфлет «Американский демократ», в котором разоблачается лжедемократия. Молодая республика освобождалась от одной группы политических паразитов только для того, чтобы отдаться во власть другой. В стране не было ни короля, ни аристократии, но вместо них правили демагоги-демократы. И чем больше Купер узнавал их, тем большее отвращение они ему внушали.

Автор предисловия к переизданию «Американского демократа», вышедшему в годы кризиса системы американской демократии (1931), – Генри Менкен, высмеивавший убожество американской буржуазии и ее притязаний на демократию, писал, что предостережения Купера были мрачны, но события оказались еще более мрачными. «Через десять лет после его смерти Гражданская война разнесла в куски старую республику и установила гегемонию невежества и низости, которая доныне обременяет нас»¹⁸.

После выхода «Американского демократа» Купер был обвинен в отсутствии патриотизма, в презрительной насмешке, нетерпимой в «свободном гражданине свободного государства». Для Купера то был гражданский подвиг; живя в условиях американской демократии, он яростно обличал ее в своей книге. Но как не поражаться прозорливости Пушкина, сумевшего за несколько лет до Купера и вдали от Америки разглядеть тот «отвратительный цинизм» демократии доллара и комфорта, который в полную меру проявился много лет спустя.

Пожалуй, наиболее известное и часто упоминаемое место из статьи Пушкина о Джоне Теннере – характеристика образов индейцев в произведениях Шатобриана и Купера. Пушкин еще не мог знать выступлений Купера против американской демократии: ему представлялось, что Купер, как и монархист Шатобриан, – романтический идеализатор реальной жизни индейцев: «Шатобриан и Купер оба

¹⁸ *Cooper J.F. The American Democrat; or, Hints on the Social and Civic Relations of the United States of America. N.Y.: Vintage Books, 1956. P. XIV.*

представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. “Дикари, выставленные в романах, – пишет Вашингтон Ирвинг, – так же похожи на настоящих людей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных”» (ХП, 105). Источник приведенной Пушкиным цитаты из Ирвинга («Поездка в прерии», гл. 7) был установлен в 1962 г. Б.М. Марьяновым. Однако следует отметить, что с этой мыслью Ирвинга русские читатели познакомились еще в 1835 г. в пространном пересказе той же «Поездки в прерии» (или «Поездки в луговые степи», как ее тогда переводили), опубликованном в «Библиотеке для Чтения»: «Вот что говорит г. Ирвинг о характере индейцев. “Индейцы, которых случалось мне видеть в действительной жизни, отнюдь не похожи на тех, которых изображает нам поэзия”»¹⁹. Возможно, именно тогда запала в душу поэта эта мысль Ирвинга, и поэтому он обратил на нее внимание, когда вновь встретил в предисловии Блоссвилля к книге Теннера, откуда она и перешла в статью «Джон Теннер».

Пушкин использовал «Записки» Теннера как повод для постановки важных, с его точки зрения, вопросов о путях развития Америки в связи с возможностями такого же буржуазно-демократического пути для России. Возмущаясь рабством негров, продажностью избирателей, общественным лицемерием, возведенным в закон, Пушкин воссоздал яркую «картину Американских Штатов», акцентировав в ней пороки, присущие буржуазной демократии. В этом смысл и иронической концовки статьи: Теннер, живущий ныне «между образованными своими соотечественниками», находится в тягбе со своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Как истинный янки (Пушкин отмечает это прозвище американцев особой сноской Издателя), Теннер очень выгодно продал свои «Записки». Возможно, последнее сообщение носит иронически-гипотетический характер, так как оно не содержится ни у Блоссвилля, ни у Токвилля, встречавшегося с Теннером в Америке. Пушкин завершает статью не менее ироническим уведомлением о том, что на днях Теннер приобщится к благам американской ци-

¹⁹ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 10. Отд. II. С. 47. Заметки и очерки об американских индейцах и разного рода «наблюдения над обществом Соединенных Штатов» часто печатались в этом журнале. Укажем лишь некоторые материалы, появившиеся в 1834–1835 гг.: «Американские индейцы» (1834. Т. 6. Отд. VII. С. 56–57), «Скиццы американских нравов» (1834. Т. 7. Отд. VII. С. 35–44), «Американские скиццы» (1835. Т. 8. Отд. VII. С. 1–12), «Североамериканские индейцы» (Там же. С. 28–30).

визации, вступит в общество трезвости и «сделается настоящим уанкее, с чем и поздравляем его от искреннего сердца» (XII, 132).

Книга Джона Теннера, обратившая на себя внимание Пушкина и послужившая позднее одним из источников для «Песни о Гайавате» Лонгфелло, привлекала к себе русскую общественность и в последующие времена. Так, журнал «Москвитянин» публикует в 1849 г. отрывки из нее, говоря во вступительной заметке об авторе, что «его безыскусственный рассказ нравится и увлекает: за Таннером следишь с живейшим участием во всех мелочных подробностях его приключений; всего лучше его рассказы об охотах и бесконечных странствованиях»²⁰.

Пушкина интересовало несколько аспектов американской литературы. Это прежде всего индейцы и индейская проблематика, о чем уже говорилось при рассмотрении статьи «Джон Теннер». Американская литература пробудила в Пушкине интерес и к так называемой «мавританской теме», о чем речь уже шла в связи с Ирвингом, который первый ввел эту тематику в литературу США.

Среди американских писателей, привлечших внимание Пушкина, – Бенджамин Франклин и романтики Ирвинг и Купер. Складывается представление о концепции американской литературы у Пушкина, не получившей выражения в целостной теории или законченных критических построениях (да это и не было свойственно Пушкину-критику), но вполне определенной по своей направленности и характеру.

Как для Западной Европы, так и для России американская литература начиналась тогда с Франклина, первого великого американца, с которым познакомился Старый Свет. Парижское издание избранных отрывков из сочинений Франклина стояло на полках библиотеки Пушкина²¹, а его друг П.А. Вяземский в письме к Пушкину называет себя «в стихах Франклин на французском языке» (XIII, 201).

²⁰ Москвитянин. 1849. Ноябрь. № 22. Кн. 2. Отд. VI. С. 23. Полный русский перевод: Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего пребывания среди индейцев в глубине Северной Америки. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом, издателем отчета об экспедиции майора Лонга от Питтсбурга до Скалистых гор / пер. с англ. Ю.Я. Ретеюма; ред. и предисл. Ю.П. Аверкиевой. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 359 с.

²¹ *Franklin B. Mélanges de morale, d'économie, et de politique, extraits des ouvrages de B. Franklin.* 2 ed. Paris, 1826. Vols. 1–2 (Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. № 929).

В пушкинской России Франклин олицетворял Америку XVIII столетия и преемственную связь с традициями европейского вольнодумства. Вольтер, «великан сей эпохи», пишет Пушкин, «умирает в Париже, благословляя внука Франклина – и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными!..» (XI, 272)²².

В 1836 г., работая над статьей «Александр Радищев» для «Современника», Пушкин обращается к «Запискам» статс-секретаря при Екатерине II А.В. Храповицкого. В одной из выписок, сделанных Пушкиным и предназначенной для прибавления к статье, значится: «7 июля. “Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому”. Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет» (XII, 37). Екатерина обратила внимание на то место в радищевском «Слове о Ломоносове», завершающем «Путешествие из Петербурга в Москву», где великий русский ученый сравнивается с Франклином, удостоившимся «наилестнейших надписи, которую человек низ изображения своего зреть может... Надпись, начертанная не ласкательством, но истиною, дерзающею на силу: “С е и с т о р г н у в ш и й г р о м с н е б е с и , и с к и п т р и з р у к и ц а р е й”»²³.

Однако в выписке Пушкина был пропущен один оттенок характеристики Екатериной Франклина, которого она, по ее признанию, не любила. В своих «Записках» Храповицкий пишет, что Радищев «в конце хвалит Франклина, как начинщика, и себя таким же представляет»²⁴. Был ли то случайный пропуск или Пушкин не хотел усугублять критику Радищева критикой Франклина «как начинщика» «преступления» Радищева, сейчас трудно сказать. Во всяком случае в самой пушкинской статье запись Храповиц-

²² В записке швейцарца Ваньера о Вольтере рассказывается, что Франклин с внуком посетил Вольтера, который благословил мальчика словами: «Бог, свобода и веротерпимость» (Архив князя Воронцова. М.: тип. Мамонтова, 1882. Т. 26. С. 191). Об этом знаменательном свидании сообщалось в «Московских Ведомостях»: «Г. Волтера ежедневно посещают знатнейшие господа... За несколько дней пред сим был у него Доктор Франклин с своим внуком, и между прочим спросил, каково нравится ему новое Американское узаконение? Оно так хорошо, сказал Волтер, что ежелиб за 40 лет сделано было, тоб я, оставя свое отечество, переехал к вам доканчивать мою жизнь» (Московские Ведомости. 1778. 31 марта. № 26. С. 7).

²³ Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: [в 3 т.]. Т. I. С. 391.

²⁴ Храповицкий А.В. Дневник. М.: Унив. тип., 1901. С. 199.

кого представлена еще короче и выразительнее: «...он хуже Пугачева; он хвалит Франклина» (XII, 33).

Впервые «Памятные записки» А.В. Храповицкого публиковались в журнале Свинына «Отечественные Записки». Однако интересующая нас запись от 7 июля 1790 г. появилась в журнале в совершенно урезанном виде: «Примечания на книгу Р. посланы к Ш....»²⁵. И хотя имя Радищева было названо в предшествующей записи от 26 июня полностью, никакого упоминания о Пугачеве и Франклине в этой первой публикации мы не встретим. Ясно, что Пушкин пользовался не широко известным среди современников журнальным текстом, а рукописью записок Храповицкого. Действительно, при письме от 19 февраля 1833 г. П.П. Свинын переслал Пушкину рукопись дневника А.В. Храповицкого (XV, 48), которая, по удостоверению внука Храповицкого, Д.П. Сушкова, была подлинником «Дневника»²⁶.

Из американских писателей наибольший интерес у Пушкина вызывал Купер, особенно в 1828–1830 гг. В переводе на французский он читал все новые произведения американского писателя, в его библиотеке имелось 14-томное французское издание Купера²⁷, а в автобиографическом наброске «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830) он так описывает свое времяпрепровождение: «...обедаю в ресторации, где читаю или новый роман или журналы; если ж Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса, то требую бутылки шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне 17 рублей и что могу позволять себе эту шалость» (VIII, 407).

Насколько проникся Пушкин куперовскими образами даже в повседневной жизни, свидетельствует его рассказ о поездке на Кавказ. В путевых записках 1829 г., положенных в основу «Путешествия в Арзрум», читаем: «Смотря на маневры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций. Наконец Воронежские степи оживили мое путешествие» (VIII, 1002–1003). Следовательно, к тому времени Пушкин уже читал по-французски куперовского «Леоцмана» с его

²⁵ Отечественные Записки. 1824. Ноябрь. Ч. 20. № 55. С. 238.

²⁶ Голос. 1872. 4 (16) июля. С. 2.

²⁷ *Cooper F. Oeuvres / trad. de M. Defauconpret, avec des notes historique.* Paris, 1830–1835. Vols. I–XIV. Все тома, кроме XIV, разрезаны (*Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. № 823).

«описаниями морских эволюций», которые несколько лет спустя так восхищали В.К. Кюхельбекера.

А.А. Оленина, кому Пушкин посвятил стихотворение «Я вас любил: любовь еще, быть может...», в своем дневнике рассказывает, что в кругу ее знакомых Пушкина звали «Красный корсар». 11 августа 1828 г. она записала о праздновании своего дня рождения: «Приехал, по обыкновению, Пушкин, или Red-Rower, как прозвала я его»²⁸. Т.Г. Цявловская комментирует эту запись: «Олениной казалось, вероятно, что Пушкин похож на героя Купера даже своей внешностью: маленького роста, вьющиеся волосы, умные голубые глаза. Красный корсар обладал сильными страстями, противоречивыми, но исполненными решимости и благородства. Он посвятил свою жизнь борьбе за независимость Америки. Сograждане принимают его за морского пирата. Но он пренебрегает этим, сознательно жертвуя своей славой во имя борьбы за свободу. Вероятно, “странность нрава природного и принужденного” у Пушкина (по наблюдению Олениной), свободолюбие поэта и необыкновенная судьба его сближают в глазах Олениной Пушкина с образом “благородного разбойника” Купера»²⁹.

Однако Пушкин воспринимал Купера не только в шутку, «пародируя» его описания морских эволюций. В одном из черновых вариантов рецензии на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» Пушкин ставит Купера в один ряд с Вальтером Скоттом: «Вальтер Скотт влечет за собою целую толпу подражателей. Но, кроме Купера и Манцони, как они все далеко отстали от шотландского чародея» (XI, 363).

О Вашингтоне Ирвинге нам известно лишь одно высказывание Пушкина (не считая уже упоминавшейся его реакции на проделку «Вестника Европы», переведшего повесть Ирвинга с польского языка). Это единственное упоминание имени Ирвинга – приведенное в статье «Джон Теннер» суждение американского писателя о том, как изображаются индейцы в романах. Однако нам представляется, что современники сохранили для потомства еще одну любопытную пушкинскую характеристику Ирвинга. Насколько нам известно, никто до сих пор не обращал на нее внимания.

²⁸ Оленина А.А. Дневник (1828–1829) / предисл. и ред. О.Н. Оом. Париж: Tallinna Eesti Kirjastus, 1936. С. 23. Внучка А.А. Олениной, подготовившая издание ее дневника, не поняла смысла сравнения Пушкина с куперовским «Красным корсаром», отнеся это прозвище к герою одной из пьес ирландского драматурга XVIII в. Джона О'Кифа.

²⁹ Цявловская Т.Г. Дневник Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. II. С. 268.

10 мая 1828 г. «Северная Пчела» напечатала рассказ Ирвинга «Вороны» (из сборника «Брейсбридж-холл») в переводе О. Сомова. В примечании переводчика говорилось: «Отрывок сей имеет одно неотъемлемое достоинство: удивительную живость описания и поэтический взгляд сочинителя на предметы, по общему понятию, самые прозаические. По выражению одного из лучших наших поэтов, Вашингтон Ирвинг отличный *мастер разболтаться*: он настраивает воображение и свое и своих читателей до того, что вместе с ним видишь в стае воронов нечто выше птиц обыкновенных»³⁰.

Лучшим поэтом 20-х годов бесспорно считался Пушкин. Что же касается О.М. Сомова, то его систематические деловые контакты с Пушкиным и Дельвигом, в «Литературную Газету» которого он затем перешел из болгаринской «Северной Пчелы», начинаются в 1827 г. и укрепляются на протяжении 1828 г. В начале этого года Пушкин подарил Сомову, с которым часто встречался, IV и V главы «Евгения Онегина»³¹. Едва ли можно сомневаться, что в своем примечании Сомов имел в виду Пушкина, от которого и услышал меткую характеристику Ирвинга – «мастер разболтаться».

Наконец, имеется еще одно косвенное подтверждение тому, что слова «мастер разболтаться» (выделенные в примечании Сомова курсивом как цитата) принадлежат Пушкину. В «Словаре языка Пушкина» зарегистрировано два случая употребления слова «разболтаться». В «Арапе Петра Великого», над которым Пушкин работал в 1827 г., читаем: «...небось, не мог остановиться у ворот да потрудиться пешком дойти до крыльца – куды! влетел! расшаркался! разболтался!..» (VIII, 22). И в «Капитанской дочке»: «Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее» (VIII, 363). Аналогичный оборот встречается и в письмах Пушкина: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» (Дельвигу 16 ноября 1823 г.), «В старину мне случалось забалтываться стихами...» (Бестужеву 12 января 1824 г.).

В 30-е годы Пушкин обращается к образам Ирвинга. Один из его черновых набросков 1833 г. представляет собой стихотворный пересказ того отрывка из ирвинговской «Легенды об Арабском астрологе» (в книге «Альгамбра»), где речь идет о крошечном войске пеших и конных, выстроенном в боевом порядке на столе, как на шахматной доске:

³⁰ Северная Пчела. 1828. 10 мая. № 56.

³¹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1975. С. 391.

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченья на лошадаках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

(III, 304)

Анне Ахматовой удалось доказать, что источником пушкинской «Сказки о Золотом Петушке» явилась как раз эта «Легенда об Арабском астрологе» (или звездочете, как она говорит). В библиотеке Пушкина в числе семи книг Ирвинга находилось и парижское двухтомное издание «Альгамбрских сказок», переведенных на французский язык³². Сравнительно-филологический анализ французского текста «Легенды» Ирвинга и пушкинской «Сказки о Золотом Петушке» показал, что сказка Ирвинга послужила литературным источником для фантастического гротеска Пушкина.

«Легенда» Ирвинга, восходящая к преданиям, слышанным им во время путешествия по Испании, возможно, от его проводника Матео Хименеса, рассказы которого он записывал, претерпела существенные изменения на русской почве. «Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, – некоторые звенья выпали, и отсюда – фабульные невязки, та “неясность” сюжета, которая отмечена исследователями. Так, например, у Пушкина не перенесены “биографии” звездочета и принцессы. В отличие от других простонародных сказок Пушкина, в “Сказке о Золотом Петушке” отсутствует традиционный сказочный герой, отсутствуют чудеса и превращения.

Очевидно, что в легенде Ирвинга Пушкина привлек не “Гарун-аль-Рашидовский стиль”. Все мотивировки изменены в сто-

³² *Irving W. Le contes de l'Alhambra, précédés d'un Voyage dans la province de Grenade / trad. par M-lle A. Sobry. Paris, 1832. 2 vols.* В библиотеке Пушкина имелось еще четыре издания Ирвинга на французском языке («Книга эскизов», «История жизни и путешествий Христофора Колумба», «Путешествия и открытия сподвижников Колумба» и «История Нью-Йорка»), а также два парижских издания на английском языке (второй и третий тома) выпшедшего в 1835 г. «Сборника Крэйона» – «Эбботсфорд и Ньюстедское аббатство», «Легенды о завоевании Испании» (см.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. № 1016–1021, 1047).

рону приближения к “натуралистичности”. Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры, у Пушкина Дадон спит от лени. Междоусобие в горах в легенде мотивируется действием талисмана, в “Сказке о Золотом Петушке” причиной естественного характера – ревностью и т.д. У Пушкина все персонажи снижены³³.

Романтическая ирония Ирвинга по отношению к мавританскому султану, «завоевателю в отставке», превращается в пушкинском Дадоне в сатирический гротеск, давший основание пушкинистам говорить о политической сатире, содержащейся в сказке. Думается, что и знаменитая концовка пушкинской притчи о Золотом Петушке:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок, –

носит не только традиционно-нравоучительный характер, но и скрытый намек на аллегорическое прочтение истории о неисполненном царском слове, где реальность и фантастика, сказочность и современность переплетаются самым причудливым образом.

Другое пушкинское произведение, которое порождало у исследователей аналогии с Ирвингом, – «История села Горюхина», где сплав комического и серьезного образует оригинальный жанр истории-пародии. Сопоставляя пушкинскую «Историю» с ирвинговской «Историей Нью-Йорка», М.П. Алексеев приходит к выводу, что замысел пародии на исторический труд мог возникнуть у Пушкина под влиянием аналогичного произведения. «Таким произведением могла быть Ирвингова “История Нью-Йорка”; получив толчок к созданию сходного замысла, Пушкин, однако, совершенно самостоятельно и на собственном материале применил сходные пародические приемы»³⁴.

Ирвинговские образы охотно использовала и реакционная литература пушкинской поры. Так, Ф.В. Булгарин по мотивам «Рип Ван Винкля» написал повесть «Предок и потомок», направленную против Пушкина. Герой «сатирической повести» Булгарина Сергей Сергеев Свистушкин замерз во льду и проспал от царствования Алексея Михайловича до времен Александра I. Проснувшись после векового сна, он, подобно ирвинговскому герою, оказывается в

³³ Ахматова А. Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 168–169.

³⁴ Алексеев М.П. К «Истории села Горюхина» // Пушкин. Статьи и материалы. Одесса: Одесполиграф, 1926. Вып. II. С. 87.

незнакомом для него городе, построенном, пока он спал, – Петербурге. «Я стал расспрашивать людей, в каком я царстве, и мне говорят, что я в России. Не знаю, чему верить; только я вижу здесь мало русских. Вероятно, что немцы поселили здесь русских пленных, ибо, кроме черного русского народа, здесь нет вовсе никого из русских. Немцы разъезжают в дорогих колымагах, а русские развозят их. Немцы живут в высоких каменных палатах, а русские сидят в лавках и лабазах. Русские таскают воду и дрова, чистят улицы, строят хоромы, а немцы только расхаживают, да разгуливают»³⁵.

В пародии «Запоздалое предисловие к Альдебарану. (Письмо читателя “Сына Отечества” к издателям “Альдебарана”))», опубликованной в журнале Булгарина, утверждается, что подражатели Вальтера Скотта и Ирвинга в России думают, будто «все искусство писания состоит в исчислении мелких подробностей современных нарядов, мебели и картинного изображения питья чаю и едения жаркого»³⁶.

В начале 30-х годов слава Ирвинга в России достигла такого размера, что рецензент «Московского Телеграфа» (иногда ошибочно полагали, что это сам Н. Полевой) отдавал ему предпочтение перед Пушкиным. В «Повестях Белкина» анонимный критик увидел лишь попытку подражать Ирвингу, «попасть в колею» американского новеллиста. Однако такая оценка говорит больше об увлечении романтизмом Ирвинга, чем о желании постичь пушкинскую прозу, которая меряется на «Ирвингов аршин» и которой отказывается в «поэтической и романтической вероятности».

Не приемля реалистической направленности «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», «Московский Телеграф», отстаивая эстетические позиции романтизма, образцом которого в жанре новеллы считались тогда рассказы Ирвинга, писал: «Можно ли увлечь внимание читателя рассказами, в которых не было бы никаких фигурных украшений ни в подробностях рассказа, ни в слоге и никакого романтизма в содержании (принимая здесь слово *романтизм* как *умоизвятие*, в чем, по уверению наших риториков, заключается сущность романа). Дарования В. Ирвинга, в наше время, кажется, решили уже этот вопрос... Это верх силы дарования огромного. Эта мнимая простота показывает Геркулеса, без всякого усилия, шутя, ломающего огромные деревья». Не доволь-

³⁵ Булгарин Ф. Сочинения: [в 12 ч.]. СПб.: Смирдин, 1830. Ч. 12. С. 26. См.: Гиппиус В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 6. С. 242.

³⁶ Сынов Отечества и Северный Архив. 1830. Т. 11. № 16. С. 245.

ствуясь пышными эпитетами и сравнениями, журнал утверждает, что в рассказах Ирвинга «нет ни риторических фигур, ни нечаянностей, ни блесков. Но в этом-то отсутствии шумихи содержания и слога заключается высокое искусство. Всего более показал сию степень, если можно так сказать – *безыскусственного искусства*, В. Ирвинг в тех рассказах, где вовсе нет у него никакой завязки. Читайте его “Растерзанное сердце”, свидание с В. Скоттом, воронов и ворон – неподражаемо!»³⁷

Аналогичным образом встретил журнал Полевого и первые выступления Гоголя в жанре повести. «Московский Телеграф» опубликовал весьма скептический отзыв о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Рецензенту (некоторые исследователи истории журнала без всяких на то оснований отождествляют его с Н. Полевым) не понравилось «высокопарение» неизвестного ему автора, скрывшего свое имя под псевдонимом Пасичника Рудого Панька. «Если станут уверять вас, почтенные читатели, что “Вечера на хуторе” произведение одного из замечательнейших писателей русских или малорусских, – заявляет рецензент, – не полагайтесь на это»³⁸.

Эталон романтической повести искали тогда в новеллах Ирвинга, и критик признается, что приступил к чтению книги г. Пасичника, «ожидаая встретить в ней по крайней мере пол-Вашингтона Ирвинга». Но, продолжает он с грустью, надежды его рассеялись «как сон, не сбывшийся наяву».

И все же сопоставление Гоголя, как и Пушкина, с Ирвингом не было случайно. Да и то, что рецензент ставит в пример молодому Гоголю А. Марлинского, весьма примечательно: «Посмотрите-ка на одного сказочника, который написал повесть “Лейтенант Белозор”! Вот художник! Его голландец Саарвайзен как живой перед вами! Сколько раз вы сами, верно, хохотали от души над этими чудаками голландцами, которых живописует автор; а он, может быть, не бывал и близко Голландии!»³⁹

Анонимный рецензент «Вечеров на хуторе» обратил внимание на прием литературной мистификации, который для него ассоциировался с именем В. Скотта. «Что у вас за страсть быть Валтер-Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, гг. Сказочни-

³⁷ Московский Телеграф. 1831. Ч. 42. № 22. С. 255. Имеются в виду рассказы и очерки Ирвинга, печатавшиеся в «Вестнике Европы» (1829. № 9. С. 3–13) и в «Северной Пчеле» (1827. № 101–105 и 1828. № 56–57).

³⁸ Московский Телеграф. 1831. Ч. 41. № 17. С. 92–93.

³⁹ Там же. С. 95.

ки, хотите быть великими незнакомцами? Пишите, сколько вам угодно, да пишите свое или хоть не перенимайте чужих ухваток, которые, прямо, не к лицу вам. Валтер Скотт умел поддерживать свое инкогнито, а вы, г. Пасичник, спотыкаетесь на первом шагу»⁴⁰. Однако проблема литературной мистификации была гораздо сложнее, чем она представлялась критике «Московского Телеграфа».

Литературные мистификации получили широкое распространение в романтической литературе и журналистике 30-х годов. Не прошел мимо этого приема и издатель «Телеграфа». Начиная с 13-й книжки за 1829 г. в журнале Полевого печаталось приложение «Новый Живописец», продолжавшее традиции сатирической журналистики Н.И. Новикова. Выпуская в 1832 г. эти приложения отдельным изданием, Полевой придумал им таинственного автора, о котором и рассказал в предисловии. «Каждый раз статьи приносили ко мне с удивительною точностию и – странное дело!.. с одинаковою таинственностью. Их всегда доставлял, рано поутру, к дверям конторы “Телеграфа” какой-то старик, стучался в двери, будил стуком своим служителя, спавшего в передней комнате, молча отдавал ему пакет и молча уходил. Когда однажды я приказал разбудить себя и удержать до моего пробуждения старика, то старик рассердился, заворчал и ушел поспешно. Я не велел останавливать его никогда после того, и эта молчаливая игра в статьи “Живописца” продолжалась безостановочно» – до тех пор пока издатель не получил однажды известия о кончине таинственного автора. «Что это такое было? – вопрошает издатель журнала. – Мистификация какая-нибудь, произведенная обществом литераторов, или в самом деле Живописец существовал индивидуально... и точно скончался в конце сего 1831-го года? Не знаю! Время откроет истину»⁴¹. Истина же заключалась в том, что литературная мистификация стала характерной принадлежностью жанра романтической новеллы.

Принято считать, что прием вымышленного автора в пушкинских «Повестях Белкина», в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, в «Герое нашего времени» Лермонтова восходит к традиции Вальтера Скотта⁴². Публикуя главы из книги Ирвинга «Брейсбридж-

⁴⁰ Московский Телеграф. 1831. Ч. 41. № 17. С. 93.

⁴¹ Полевой Н. Новый Живописец Общества и Литературы. М.: тип Н. Степанова, 1832. Ч. 1. С. XXIV, XXXVIII–XXXIX.

⁴² Якубович Д. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтера Скотта // Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 160–187.

холл» в своем переводе, О.М. Сомов в примечании разъясняет смысл образа «великого неизвестного», выведенного в рассказе Ирвинга: «Кроме замысловатой шутки на счет таинственных лиц, беспрестанно встречающихся в новых романах, портрет сей становится еще занимательнее, когда читатели узнают, что под личиною знаменитого незнакомца скрывается общий их знакомец (по крайней мере, по своим сочинениям) – Сир Вальтер Скотт. Шутка сия тем остроумнее, что тайна неизменного сего анонима ни для кого уже не тайна; а все еще в угоду его мы должны думать, будто бы он неизвестен»⁴³. Вот этого-то «знаменитого незнакомца» – Вальтера Скотта – и изобразил Ирвинг в образе «толстого господина», увидеть которого безуспешно стремится рассказчик, остановившийся в одной с ним провинциальной гостинице.

Наряду с мистификацией, связанной с именем «автора Вержерлея», Пушкину и его современникам подобный художественный прием был знаком и по книгам других писателей – Сервантеса, Свифта, Дефо. За несколько лет до В. Скотта к тому же литературному приему прибегнул Ирвинг, когда осенью 1809 г. в нью-йоркских газетах появилось объявление, что маленький пожилой джентльмен в старом черном кафтане и треуголке, по имени Никербокер, несколько дней назад покинул свое жилище и с тех пор о нем нет никаких известий.

Через три недели после появления этого тревожного известия хозяин почтенной нью-йоркской гостиницы, где оставил свои вещи пропавший без вести старичок, опубликовал в газете уведомление, что если тот не вернется, то в покрытие неоплаченного счета он должен будет продать «весьма любопытную рукописную книгу, которая осталась в номере Никербокера». И вскоре действительно вышла в свет «История Нью-Йорка, написанная Дидрихом Никербокером». Едва ли кто из современников мог подозревать, что все это было ловко разыгранной мистификацией. Ведь в поисках исчезнувшего старого джентльмена принимало участие немало простодушных жителей города!

Так появилась эта блестящая политическая сатира на современную Америку, заставившая смеяться весь Нью-Йорк. Когда авторство Ирвинга раскрылось, одна старая леди, введенная им в заблуждение, сказала, что она охотно выпорола бы молодого сочинителя...

⁴³ Северная Пчела. 1827. 23 августа. № 101.

Проблема литературной мистификации у романтиков – большая и все еще недостаточно изученная тема, хотя по ней и существует обширная литература; мы коснулись ее лишь в одном интересующем нас аспекте.

Проблема «Пушкин и американская литература», взятая в конкретно-историческом разрезе, может быть ограничена несколькими частными случаями, как упомянутыми нами, так и теми, мимо которых мы прошли⁴⁴. Однако думается, что наиболее интересен подход к названной проблеме в литературно-типологическом плане, который открывает перед исследователями новые и неожиданные повороты неистощимого в своей эстетической значимости наследия Пушкина.

* * *

Пушкин был одним из немногих в тогдашней России, кто делал различие между американской и английской литературой. Перефразируя его слова о том, что Древняя Россия найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом, можно было бы сказать, что Америка найдена Пушкиным, как Древняя Россия – Карамзиным. Когда появились первые книги Ирвинга и Купера, все бросились читать романы и повести писателей Нового Света. В России давно были наслышаны о заморской республике, но о том, что в «полудикой» Америке имеются сочинители, никто не подозревал.

Особенность пушкинского гения состоит в том, что он умел дать начало темам и проблемам, которые русская литература разрабатывала после него целое столетие. Наметил такую «вечную

⁴⁴ Секретарь русской миссии в Филадельфии А.П. Шабельский, лиценст выпуска 1820 г., подарил Пушкину свою книгу о поездке в Русскую Америку в 1821–1823 гг., изданную в 1826 г. в Петербурге на французском языке (*Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. № 1355).

Тема «Пушкин и Русская Америка» заслуживает специального исследования. В этой связи см. публикации Модзалевского в сборнике «А.С. Пушкин и Сибирь» (М.; Иркутск: Востсибоблгиз, 1937) и в «Литературном архиве» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1) о Пушкине и директоре Главного правления Российско-американской компании К.Т. Хлебникове (1780–1838), который незадолго до гибели Пушкина обратился к нему с предложением напечатать в «Современнике» или в другом журнале его введение в историческое обозрение российских владений в Америке. «Записки об Америке» (I и VI части) Хлебникова увидели свет только в 1861 г. (Приложение к «Морскому Сборнику». 1861. № 3. С. 1–174). В 1979 г. вышло издание II–V частей его «Записок».

тему» русской классической литературы Пушкин и в отношении Америки, когда записал в дневнике 21 мая 1834 г. анекдот об Александре I, рассказанный приятелем поэта по «Арзамасу» П.И. Полетикой. Александр будто бы собирался дать свободу и конституцию земле своей, отречься от трона и удалиться в Америку (ХП, 330). Эта краткая запись открывает в русской литературе тему романтического бегства в Америку.

Революционный классицизм Радищева не приемлет мысль о бегстве от гнета российского самодержавия в «словутую страну». Минутная мечта поэта, «чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл», тут же решительно отвергается в следующей строфе оды «Вольность»:

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел.

П.А. Вяземский выписывает из французского журнала «Авенир», издававшегося христианским социалистом Ф.Р. Ламенне, взволновавшие его слова о бегстве в Америку: «Кто не обращал взоров в те времена, когда родина становится в тягость, к республике Вашингтона? Кто не укрывался в мыслях своих в тень лесов и дубрав Америки?»⁴⁵ Известно, что Гоголь обдумывал план бегства в Америку после уничтожающих отзывов критики на его «Ганца Кюхельгартена». Молодой Белинский писал родителям, что если его «выключат из университета», то он отправится служить «в Сибирь, на Кавказ или в Северо-американские российские владения»⁴⁶. Лермонтовский Печорин мечтал: «Как только будет можно, отправлюсь, – только не в Европу, избави Боже! – поеду в Америку, в Аравию, в Индию, – авось где-нибудь умру на дороге!»⁴⁷ Поэт и мыслитель В.С. Печерин, которому Герцен посвятил главу в «Былом и думах», собирался в конце 30-х годов бежать в Америку, чтобы образовать там русскую общину и издавать при ней русский журнал⁴⁸.

⁴⁵ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / изд. подгот. В.С. Нечаева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 141 (пер. с франц.).

⁴⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XI. С. 74.

⁴⁷ Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VI. С. 232.

⁴⁸ Печерин В.С. Замогильные записки. М.: Мир, 1932. С. 130. Герцен приводит письмо В.С. Печерина по поводу бегства «от тиранства материальной цивилизации» в «каленные пустыни Африки», в «непроходимые леса Америки» (Былое и думы, ч. VII, гл. 6).

Литературные герои и реальные лица пушкинской поры воплощали одну общую романтическую идею, которая имела мало отношения к реальной Америке того времени, а больше отражала их собственное стремление отринуть окружающую действительность и бежать на край света. Самой колоритной фигурой среди этих героев был, пожалуй, знакомец Пушкина граф Фёдор Иванович Толстой (1782–1846), прозванный Американцем. В 1803–1805 гг. он участвовал в кругосветном плавании Крузенштерна и Лисянского, за нарушение дисциплины был высажен на берег русской колонии в Северной Америке (на Алеутских островах) и через Камчатку вернулся в Москву.

Ф.И. Толстой был в приятельских отношениях со многими писателями – П.А. Вяземским, Баратынским, Батюшковым, Жуковским, Пушкиным, Шаховским, Денисом Давыдовым и др. Ему адресованы стихи Вяземского:

Американец и цыган,
На свете нравственным загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!⁴⁹

В литературных кругах пушкинской поры его страсть к приключениям, всему необыкновенному и фантастическому воспринимали как выражение характера «дикого американца».

Пушкин в письме к брату 23 апреля 1825 г. сообщает: «Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне “Онегина”». И хотя он явился не в четвертой, а в шестой, многое в образе Зарецкого напоминало современникам неугомонного Фёдора Ивановича:

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

⁴⁹ Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 114.

Грибоедов запечатлел черты Толстого-Американца в монологе Репетилова:

Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету,
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.

Вокруг имени Толстого-Американца, его авантюристического образа жизни и его красноречия складывался цикл легендарных рассказов, записанных в мемуарах и передававшихся изустно. Портрет Ф.И. Толстого в «Горе от ума» заканчивается четверостишием, ставшим крылатым:

Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

С.Л. Толстой, сын Л.Н. Толстого (двоюродного племянника Ф.И. Толстого), опубликовал очерк жизни Толстого-Американца, в котором рассказывает: «В Ленинской библиотеке (бывш. Румянцевском музее) есть рукопись “Горе от ума”, принадлежавшая декабристу кн. Ф.И. Шаховскому с автографом Федора Толстого. Против слов: “В Камчатку сослан был” – он написал: “В Камчатку чорт носил, ибо сослан никогда не был”, а стих “И крепко на руку нечист”, он предлагал заменить стихом “В картишках на руку нечист”, причем прибавлял: “Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, думал отгадать намерение автора”».

Л.Н. Толстой рассказывал, что Фёдор Иванович (послуживший прототипом графа Турбина в «Двух гусарах»), встретив однажды Грибоедова, сказал ему:

«Зачем ты обо мне написал, что я крепко на руку нечист? Подумают, что я взятки брал. Я взятки отродясь не брал.

– Но ты же играешь нечисто, – заметил Грибоедов.

– Только-то? – отвечал Толстой, – ну, ты так бы и написал»⁵⁰.

⁵⁰ Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М.: Гос. Академия худож. наук, 1926. С. 83. Приписка Ф.И. Толстого – в списке «Горя от ума» в: РГБ. Ф. 218. Карт. 59. Ед. хр. 12. Л. 2.

А.И. Герцен вспоминает в «Былом и думах» о Ф.И. Толстом, которого лично знал в Москве: «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие юродства. В петушьем крике Суворова, как в собачьем паштете князя Долгорукого, в диких выходках Измайлова, в полудобровольном безумии Мамонова и в буйных преступлениях Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием или направлена на что-нибудь другое»⁵¹.

Двоюродная племянница Ф.И. Толстого, М.Ф. Каменская, хорошо знавшая его, рассказывает в своих «Воспоминаниях»⁵², что во время кругосветного плавания с Крузенштерном он придумывал всевозможные проделки, нарушавшие дисциплину на корабле. Сначала Крузенштерн смотрел на проказы молодого графа сквозь пальцы, но скоро «шалости» Толстого приняли такие размеры, что адмиралу пришлось сажать его под арест. Как любитель сильных ощущений, он перессорил поголовно всех офицеров и матросов, да как перессорил! «Хоть сейчас на ножи, так что вместо корабля, назначенного для мирного плавания по волнам, плавала клетка с разъяренными тиграми... Всякую минуту могло случиться несчастье, а Толстой весело потирал руки: обыденная монотонность морской службы была нарушена». Старичок корабельный священник был слаб на вино. Фёдор Иванович напоил его до сложения риз, и когда священник, как мертвый, навзничь лежал на палубе, припечатал его бороду сургучом к полу казенной печатью, украденной из каюты Крузенштерна. Припечатал и сидел над ним, пока тот не проснулся... И только что старичок открыл глаза и хотел приподняться, Толстой, указывая пальцем на печать, крикнул ему:

– Лежи, не смей! Видишь – казенная печать...

После пришлось подстричь бороду священника под корешок, чтобы выпустить его на свободу.

В другой раз Толстой отплатил новой выходкой самому Крузенштерну. На корабле у адмирала был любимый орангутанг, умный, ловкий и переимчивый, как человек. Раз, когда Крузенштерн отплыл на катере зачем-то на берег, Толстой затащил орангутанга в каюту адмирала, открыл тетради с его записками, нало-

⁵¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VIII. С. 242–243.

⁵² Каменская М.Ф. Воспоминания // Исторический Вестник. 1894. Июль. Т. 57. С. 41–45.

жил на них лист чистой бумаги и на глазах обезьяны стал мараить и поливать чернилами белый лист. Обезьяна внимательно смотрела на эту новую для нее работу. Тогда Фёдор Иванович снял с записок адмирала выпачканный лист бумаги, спрятал его в карман и вышел из каюты, как ни в чем не бывало. Оставшись один, орангутанг так усердно стал подражать Толстому, что уничтожил все записи Крузенштерна. За это адмирал высадил «злодея Толстого» на какой-то из Алеутских островов. Судя по рассказам о Толстом-Американце, он и на острове, живя между дикарями, продолжал бедокурить напропалую, пока какой-то благотельный корабль не подобрал его – татуированного с головы до ног – и не привез обратно в Россию.

Фигура буйного Ф.И. Толстого бросает свет на то, какой виделась Америка русскому обществу. Один из героев Достоевского как будто списан с Толстого-Американца. Это Свидригайлов в «Преступлении и наказании», который собирается ехать в экспедицию на Северный полюс, а может, и полететь на воздушном шаре, который «известный Петербургу воздухоплаватель» Берг запускает в Юсуповом саду. «Дикие выходки» и «буйные преступления» сродни душе Свидригайлова, который в конце концов и «уезжает в Америку» – так он именует свое самоубийство.

Тема бегства в Америку встречается почти у всех крупных русских писателей XIX в. – у Гончарова («Лихая болеть»), Тургенева («Вешние воды»), Чернышевского («Что делать?»), Чехова («Мальчики»), Короленко («Без языка»), Куприна («Храбрые беглецы»). Отдал дань этой теме и Л.Н. Толстой – на первой странице «Анны Карениной» мы читаем про сон Стивы Облонского, которому грезится Америка, куда он рад бы скрыться от домашних неурядиц. С годами романтический мотив бегства в Америку перерастает в социальное обличение страны «Желтого Дьявола» в книгах Салтыкова-Щедрина, Короленко, Бунина, Горького⁵³.

Художником, в романах которого тема бегства в Америку нашла особенно острое для писателей XIX в. разрешение, был Ф.М. Достоевский. В «Преступлении и наказании», помимо Свидригайлова, который несколько раз заводит разговор о поездке в Америку, сначала всерьез (ч. IV, гл. 1), а затем фигурально, имея в виду самоубийство (ч. VI, гл. 6), мысль о бегстве в Америку приходит Раскольникову. В полубредовом состоянии после убийства

⁵³ См.: Николюкин А.Н. Горький и США (по неопубликованным материалам) // Горький и современность. Сб. М.: Наука, 1970. С. 440–445.

процентщицы он бормочет в бессилии: «Лучше совсем бежать... далеко... в Америку, и наплевать на них!» А затем Свидригайлов советует ему, как избавиться от мук совести: «Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек!» Именно тогда, очевидно, и закрадывается в душу самого Свидригайлова переносный смысл этого выражения – уезжайте в Америку, в Новый Свет или, по-русски, «на тот свет».

В Америке побывали герои «Бесов» Кириллов и Шатов, «чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом личным опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении». Рассказчик резонно замечает на это: «Да вы бы лучше для этого куда-нибудь в губернию нашу отправились в страдную пору, “чтобы испытать личным опытом”, а то понесло в Америку!» (ч. I, гл. 4, § IV). Как бы продолжая ту же мысль, Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых» с юношеским пылом утверждает: «Бежать в Америку из отечества – низость, хуже низости – глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества? Именно теперь. Целая масса плодотворной деятельности» (кн. X, гл. 6). Достоевский высмеивает ребячливое увлечение Шатова и Кириллова Америкой, где они «все хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг»⁵⁴.

Герой романа «Подросток» обзаводится «своей идеей» и хочет подчинить ей всю жизнь. Одна из сторон этой идеи – бегство в себя: «Все порвать и уйти к себе!.. В Америку! К себе, к одному себе!» Версиков понимает и выражает эту идею Подростка посвоему: «Тебе теперь именно хочется звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей России, пронестись громовую тучей и оставить всех в страхе и в восхищении, а самому скрыться в Северо-Американские Штаты». Но вот идея Подростка терпит крушение. После того как его вывели из игорно-

⁵⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. X. С. 112. Аналогичным образом комментирует Достоевский в «Дневнике писателя за 1873 год» сообщение о трех гимназистах, собравшихся бежать в Америку: «Я знаю, что это не первые гимназисты, что уже бежали раньше их и другие, а те потому, что бежали старшие братья и отцы их... Винить ли таких маленьких детей, этих трех гимназистов, если и их слабыми головенками одолели великие идеи о “свободном труде в свободном государстве” и о коммуне и об общевропейском человеке» («Одна из современных фальшей»).

го дома, обвинив в воровстве, он вновь возвращается к мысли о бегстве, теперь уже не просто «к себе», а за океан: «Чем доказать, что я – не вор? Разве это теперь возможно? Уехать в Америку? Ну что ж этим докажешь?» Бежать в Америку собирается и другой герой романа Ефим Зверев (ч. I, гл. 3, § 3).

Наиболее развернутую оценку Америки и ставшей уже традиционной темы «бегства в Америку» находим мы в «Братьях Карамазовых». Еще во время беседы в трактире Иван говорит Алеше, что, когда к тридцати годам захочет «бросить кубок об пол», непременно придет переговорить об этом с Алешей, «хотя бы даже из Америки», где он может оказаться к тому времени.

Целую почвенническую концепцию относительно бегства в Америку развивает Митя Карамазов в эпилоге романа. Если он и убежит от сибирской каторги, с деньгами и паспортом, «и даже в Америку», то это будет для него «другая каторга, не хуже, может быть, этой». И здесь Достоевский словами Мити выражает свою сокровенную, капитальную идею, что всякое бегство в Америку – одно баловство, достойное гимназистов, что русскому человеку жить без России невозможно. «Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу, – говорит Митя. – Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земле затоскует... Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что – черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю...»⁵⁵.

Так была решена в русской литературе тема бегства в Америку, начатая Радищевым и Пушкиным и завершенная Достоевским. Далее следует лишь пародия и фарс («Мальчики» Чехова), что предугадал и сам Достоевский, закончив тираду Мити об Америке рассуждением о том, как после трех лет работы в каком-нибудь медвежьем углу Америки, где они с Грушей научатся «аглицкому языку как самые что ни на есть англичане», они вернутся обратно в Россию. «И только что выучимся – конец Америке! Бежим сюда, в Россию, американскими гражданами... Я к тому времени изменюсь, она тоже, там, в Америке, мне доктор какую-нибудь бородавку подделает, недаром же они механики. А нет, так я себе один глаз проколю, бороду отпущу в аршин, седую (по России-то поседею) – авось не узнают... Здесь тоже будем где-нибудь в глуши землю пахать, а я всю жизнь американца из себя пред-

⁵⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. XV. С. 186.

ставлять буду»⁵⁶. Перед нами уже как бы новый вариант Толстого-Американца, столь же отчаянного в своем духовном безудержии.

В «Дневнике писателя за 1876 год» Достоевский говорил, что «у нас ведь все от Пушкина». Пушкину, как никому до него, была свойственна всемирная отзывчивость, обусловившая в конечном итоге его заинтересованное обращение к иностранным литературам, в том числе и к американской. Причастность к мировой жизни, способность понять и воплотить в себе гений чужого народа составляет, быть может, самую удивительную черту его поэзии. «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность, – говорил Достоевский. – Вот сцены из “Фауста”, вот “Скупой рыцарь” и баллада “Жил на свете рыцарь бедный”. Перечтите “Дон-Жуана”, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме “Пир во время чумы”! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии»⁵⁷. К этому перечню мы добавили бы и зарисовки быта американских индейцев в статье «Джон Теннер».

Всемирная отзывчивость Пушкина, о которой говорил Достоевский и которая была унаследована от него русской литературой, порождена стремлением поэта к разрешению проблем всемирного счастья – в России или в Испании, в стране ли древних пирамид или в девственных лесах молодой Америки. Не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов, сказал Достоевский. Прибавим от себя: не было бы во всей русской литературе такой всемирной отзывчивости, о которой столетие спустя после Пушкина писал А. Блок как о национальном своеобразии русского народа:

Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Стремление достичь счастья не только для себя одного, но и всемирного счастья – одна из определяющих черт поэзии Пушкина и всей русской духовной жизни («Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться: дешевле он не примирится», – замечал Достоевский). Именно это высокое

⁵⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XV. С. 186.

⁵⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. художественных произведений: [в 13 т.]. М.: Госиздат, 1929. Т. XII. С. 387.

этическое начало и побудило Пушкина обратиться и к американской литературе, в том числе к «драгоценным во всех отношениях» «Запискам Джона Теннера», прожившего 30 лет среди диких обитателей Северной Америки.

Джон Теннер бежал к индейцам. Люди XIX в., не находя путей борьбы с «ужасом существования» в условиях царской России, начинали строить иллюзии о «внекапиталистическом», свободном развитии человека и общества в Новом Свете. Светлые мечты быстро и грубо разбивались о реальную действительность. И великие русские писатели-реалисты первыми заметили и запечатлели это освобождение от иллюзий «американской мечты».

ФЕНИМОР КУПЕР И РУССКАЯ КРИТИКА

Россия доказала свою дружбу по отношению к Америке.

Дж.Ф. Купер

Памятный для России 1825 год начался выходом в свет журнала «Московский Телеграф». В первом номере сообщалось о предстоящем издании романа нового писателя: «На русском языке не было еще ни одного перевода из нескольких романов г-на Купера – американского сочинителя и соперника В. Скотта. Скоро выйдет в Москве лучший роман Куперов – “Шпион”»¹.

К появившемуся в самом начале того года маленькому трехтомнику в изящных переплетах приложен список «подписавшихся особ», среди которых 23 подписчика из Москвы (от графа В.Г. Орлова и князя А.Л. Шаховского до С.А. Соболевского, Н.А. Полевого, С.Н. Тургенева (отца великого писателя) и книгопродавца В.В. Логинова), 7 – из Петербурга и по несколько из Калуги, Жиздры, Серпейска, Моршанска, Глухова, Твери, Льгова, Харькова, Сапожка, Хоперска, Тамбова, Пскова, Воронежа, Тулы и прочих городов и городков, разбросанных по равнинам России. Среди забытых ныне их сиятельств и их превосходительств, их высокоблагородий и их благородий, пожелавших иметь издание Куперова романа, конечно, были и хорошо известные нам лица, собиравшиеся на бале у губернатора в губернском городе, который как раз в то время посетил Чичиков. И вполне вероятно, что они даже не раз справлялись у почтмейстера, когда же придет в их богом забытый город новый Куперов роман. И не Куперов ли роман, заложенный закладкой на четырнадцатой странице, постоянно читал Манилов? И уж конечно,

¹ Московский Телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. Прибавления. С. 10.

попадался Куперов роман (хотя он того и не приметил) книгочею Петрушке, имевшему благородное побуждение к просвещению, т.е. чтению книг.

Гоголевские герои не могли не читать романтических книг. Впрочем, слуге Чичикова было совершенно все равно, что читать – похождение ли влюбленного героя, Куперов ли роман или химию. Иное дело дочь городничего Марья Антоновна, читавшая романтического «Юрия Милославского» и даже помнившая фамилию его автора. Куперовы романы прочитывались ею всенепременно, хотя, очевидно, и без именной подписки. Таков был круг первых русских читателей Купера – от друга Пушкина Соболевского до уездной барышни.

Знакомство с романами Купера и Вальтера Скотта происходило почти одновременно². Один писатель содействовал популярности другого. Не случайно на титульном листе первого перевода Купера фигурирует имя Вальтера Скотта³.

² В 1823 г. вышел в переводе с французского «Кенийлорт», за которым последовали переводы других романов Скотта: в 1824 г. – «Шотландские пуритане», «Маннеринг, или Астролог», «Выслужившийся офицер, или Война Монтроза» («Легенда о Монтрозе»), «Таинственный Карло» («Черный карлик»); в 1825 г. – «Эдинбургская темница», «Аббат», «Антикварий»; в 1826 г. – «Иванго» («Айвенго»); в 1827 г. – «Веверлей», «Невеста Ламмермурская», «Талисман», «Квентин Дорвард»; в 1828 г. – «Сен-Ронанские воды», «Квитанция после смерти» («Редгаунтлет»), «Обрученные»; в 1829 г. – «Вудстоу», «Роб-Рой», «Монастырь», «Пертская красавица», «Морской разбойник», «Приключения Нигеля»; в 1830 г. – «Певериль», «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская»; в 1833 г. – «Граф Роберт Парижский» и «Опасный замок».

3 июля 1824 г. цензор подписал разрешение на издание первого романа Купера «Шпион». В 1829 г. вышли «Американские степи» («Прерия»), в 1831 г. – «Американский пуританин, или Долина Вис-тон-вигская», в 1832 г. – «Поселенцы» («Пионеры»), «Лощман», «Красный морской разбойник», в 1833 г. – «Последний из могиан», в 1839 г. – «Браво», в 1841 г. – «Путеводитель в пустыне» («Следопыт»); в журналах печатались переводы отрывков из романов «Пенитель моря» (1831), «Гейденмауэр» (1833), «Моникины» (1836) и др.

В 1837 г. публичная библиотека английской фактории в Петербурге выпустила каталог своих книг, в котором числилось двенадцать романов Купера (из опубликованных к тому времени четырнадцати) и девять книг Ирвинга (Catalogue of Books Belonging to the Library of the British Factory, St. Petersburg. London: Nutt, 1837). В издании этого каталога, вышедшего в Петербурге в 1821 г., романы американских писателей еще не значились.

³ Шпион. Новый роман, содержащий в себе подробности американской войны с описанием нравов и обычаев сей страны. Сочинение *Американца Купера*, переложенное с Английского на Французский переводчиком исторических романов СИРА ВАЛЬТЕРА-СКОТТА. Перевел с Французского Иван Крупеников.

«Московский Телеграф» первым откликнулся на книгу Купера. В апреле 1825 г. журнал высоко оценил «Шпиона», но не посмел равнять его с романами Вальтера Скотта. Тем не менее сравнение это уже возникает. «Хотя в строгом смысле и нельзя назвать “Шпиона” новым сочинением Купера, – пишет рецензент журнала, – но для русских читателей это в самом деле новость и, прибавим – приятная. Они убедятся, что недаром сочинения Купера приняты с таким одобрением не только в его отечестве, но в Англии и во Франции. Многие равняют их даже с сочинениями В. Скотта: это увеличено; но нельзя не сказать, что Купер знаток человеческого сердца, умеет завязывать происшествия, умеет и описывать подробности»⁴. Так начиналась слава Купера в России.

Сравнение Купера с Вальтером Скоттом, прозвучавшее у нас со страниц «Московского Телеграфа», в мае 1825 г. было подхвачено «Северной Пчелой», назвавшей писателя «счастливым подражателем Вальтера Скотта»: «Читая “Шпиона” я несколько раз кланялся знакомцам своим из романов Шотландского Барда: так похожи герои американской войны на героев, изображенных Вальтером Скоттом. Несмотря, однако ж, на очевидное сходство, Купер умел придать своему сочинению оригинальную занимательность»⁵, – оценивал первый куперовский роман на русском языке критик «Северной Пчелы», подписавшийся буквой П.

К русскому переводу романа «Московский Телеграф» оказался довольно снисходителен, заметив мимоходом, что он был бы хорош, если бы не был исполнен непростительными галлицизмами. Рецензент «Северной Пчелы» находит эту оценку слишком мягкой («обоюдностию своею напоминающей ответы оракула») и судит более категорично: «Перевод “Шпиона” очень дурен именно потому, что весь состоит из возможных грамматических ошибок, не имеет чистоты языка и плавности слога»⁶. Перевод Ивана Крупеникова, сделанный с французского и изданный на средства самого переводчика, действительно, не отличался большими досто-

М.: тип. Селивановского, 1825. Ч. 1–3. Имена Купера и Вальтера Скотта выделены на титульном листе книги. Разрешая роман к изданию, Московский цензурный комитет исключил из второй и третьей частей романа несколько мест, показавшихся цензору Дм. Тростину не вполне благонадежными (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15 об. и 16).

⁴ Московский Телеграф. 1825. Ч. 2. № 7. С. 254.

⁵ Северная Пчела. 1825. № 58. 14 мая. «Вестник Европы» в своей первой заметке о Купере именует его «сей Вальтер Скотт Нового света» (1827. № 7. С. 235).

⁶ Северная Пчела. 1825. № 58. 14 мая.

инствами, хотя именно по нему впервые познакомились с Купером многие тысячи русских читателей.

В европейской критике довольно прочно укрепилось сравнение Купера с Вальтером Скоттом, хотя и не всегда в пользу американского писателя. Нью-йоркские журналы писали о своем соотечественнике более благожелательно: «Досужие сравнения, проводимые читателями между романами Купера и автора Веверлея, неосновательны во всех отношениях, кроме одного. Наша публика с равным нетерпением ожидает появления творений как северного, так и западного Ариосто, которые поглощаются с одинаковым аппетитом. Интерес, вызываемый ими, не позволяет критикам обнаруживать во время первого взволнованного чтения недостатки отдельных частей и структуры целого. И даже когда любопытство удовлетворено и спокойный разум начинает анализировать несообразности и просчеты в волшебной ткани художника, приковавшей к себе воображение, лишенное силы следить за строением и последовательностью повествования, мы приближаемся к подобным местам книги со страхом и трепетом. Мы все еще находимся под обаянием высокого искусства и испытываем естественное смущение, призывая чародея к ответу за его творение или за то, каким образом он достигает желанного эффекта»⁷.

Куперовский «Шпион» открыл целую полосу американского исторического романа, положив начало этому жанру в литературе США. И хотя впоследствии писатель не раз обращался к историческому роману, «Шпион» остается первым и лучшим его достижением в этом роде. Он поставил себе целью «сделать американские нравы и картину американской жизни интересной для американского читателя». В центре повествования – героика американской революции, образы безвестного патриота Гарвея Берча и прославленного Вашингтона. «Трудной задаче» (как он выразился в одном из писем того времени) описания американских нравов Купер оставался верен и в своих дальнейших романах, когда он уже не прибегал к постоянной помощи исторических событий и лиц.

Выход «Шпиона» не только определил литературную судьбу самого Купера, бесспорное признание его как романиста, но и вызвал заметный подъем литературы в США, чувствительным образом поколебав господствовавшие в американском обществе настроения интеллектуальной зависимости от Англии. Один из крупнейших писателей-

⁷ New York Review. 1826. March. P. 285–287. Цит. по кн.: *Clavel M. Fenimore Cooper and His Critics*. Aix-en-Provence, 1938. P. 22–23.

южан, Вильям Гилмор Симмс, романы которого из истории американской революции во многом продолжают куперовскую традицию, вспоминал через два десятилетия после выхода знаменитого романа: «Появление “Шпиона” стало событием. Это было самой смелой и лучшей попыткой создать американский исторический роман»⁸. Вскоре «Шпион» стал хрестоматийным произведением, столь же читаемым, как позднее «Хижина дяди Тома» и «Приключения Тома Сойера». Имя главного героя стало нарицательным. Н.П. Огарёв пишет 9 сентября 1832 г. Герцену: «...тебе приходится играть роль Гарвея Бирка»⁹, и этого оказывается вполне достаточно, чтобы понять, о чем идет речь.

О популярности «Шпиона» в русском обществе свидетельствует тот факт, что в водевиле А.А. Шаховского «Еще Меркурий, или Романый маскарад», представленном 3 ноября 1829 г. в Петербурге, среди масок знаменитых романов г-жи Сталь, Ричардсона, Байрона, Нодье, Вальтера Скотта, Руссо, Пушкина, Вольтера, Сервантеса, Лесажа, Гёте, Филдинга и других фигурирует и «Шпион», маска которого говорит:

Я, господа, Шпион... постойте,
И не бегите от меня;
Узнать, прошу вас, удостоьте,
Что не похож с другими я.
Я честью жертвовал моею,
Чтобы отечество спасти,
Хоть жертвуют другие ею,
Чтоб выгодней итог свести¹⁰.

Знаменательно также, что в водевиле Шаховского упомянут куперовский «Последний из могикан», еще не переведенный к тому времени на русский язык (отрывок из VI главы появился только в 1832 г., а целиком русский перевод романа опубликован в 1833 г.). Различие между русским и французским переводами, по которым впервые знакомились в России с книгами Купера, Ирвинга и других писателей США, не ощущалось в литературных кругах

⁸ *Simms W.G. Views and Reviews in American Literature, History and Fiction* / ed. by C.H. Holman. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 259.

⁹ Литературное наследство. Т. 61. Герцен и Огарев. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 710.

¹⁰ *Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения*. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 726–727.

20–30-х годов так остро, как позднее. Французские переводы, выполнявшие роль посредников, предоставляли реальную возможность прочитать американских писателей в России.

В начале 1825 г., когда по-русски из романов Купера имелся только «Шпион», Н. Полевой сообщал в «Московском Телеграфе»: «Слава Купера во Франции увеличивается беспрестанно. Кроме “Шпиона” переведены уже были его романы: “Пионер” и “Кормчий”. Теперь вышел новый роман “Предосторожность, или выбор мужа”. Прежние три писаны в роде В. Скотта, последний совершенно противоположен: он изображает тихую семейную жизнь, но превосходит как другие». Далее сообщается, что 20 марта выйдет перевод еще одного романа – «Лионель Линкольн, или Осада Бостона», которым открываются «Легенды тринадцати республик», задуманные Купером. «Всего этого публика ждет с нетерпением»¹¹, – утверждает журнал.

Говоря о публике, ожидающей новые романы Купера, «Московский Телеграф» имел в виду, конечно, не столько французскую, сколько русскую публику, знакомившуюся с новинками американской литературы по французским переводам. Летом того же 1825 г. П.А. Вяземский писал жене, что посылает ей «два новые романа» Купера¹². Русские читатели, узнававшие о романах Купера и рассказах Ирвинга по французским переводам, подобно тому как немногим ранее французские переводы явились посредником в знакомстве с произведениями Радклиф, Байрона, Вальтера Скотта, – эти читатели и журнальные критики рассматривали писателей США как продолжателей и подражателей писателям английским, а американскую литературу как часть литературы английской. «Купер – самый верный подражатель Вальтера Скотта, – писал один из таких критиков, – и в истории известных нам литератур едва ли найдется подобный пример, чтобы подражатель так мало отставал от своего образца. Главнейшее достоинство вальтер-скоттовских и куперовых романов состоит в верном изображении нравов той эпохи, в которую романист помещает рассказываемое им событие»¹³.

Отожествление американской и английской литературы было в 20–30-е годы почти повсеместным. Исключение составлял только «Московский Телеграф». Не ограничиваясь именами и книгами

¹¹ Московский Телеграф. 1825. Ч. 2. № 7. Прибавление. С. 122.

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 1. СПб.: изд. Шереметева, 1909. С. 52.

¹³ Литературные Прибавления к «Русскому Инвалиду». 1839. № 6. 11 февраля. С. 129.

Купера и Ирвинга, журнал с первого года своего существования стремился познакомить читателей и с другими явлениями молодой американской литературы: «С тех пор как Купер и Паулдинг (один из сотрудников “Салмагунди” и, вероятно, сочинитель остроумного романа *Koningsmarke*, который в Германии несправедливо приписывают Вашингтону Ирвингу), с тех пор как они сделали жизнь Американцев предметом романов, за Атлантическим океаном сделаны многие счастливые покушения в сем роде». Особенно отмечается роман «Редвуд» (1824), принадлежащий перу Кэтрин Седжвик, прославившейся «Повестью Новой Англии». О новой книге Седжвик говорится, что она «проста и занимательна; нравы квакеров, жизнь городская и деревенская изображены весьма справедливо»¹⁴. Любопытно, что княгиня П.А. Голицына, в парижском салоне которой Купер встречался с В. Скоттом, в одном из писем к Куперу в 1826 г. спрашивала, не он ли автор «Редвуда» (роман был опубликован без имени автора, а в одном из книжных каталогов значился как «американский роман Купера»)¹⁵.

Купер навсегда сохранил хорошие воспоминания о семье Голицыных – первых русских, с которыми он близко познакомился. «Своим первым представлением в европейское общество я обязан вниманию русских, – писал он в 1845 г. князю Д.И. Долгорукову, – ибо в течение многих месяцев я жил в Париже, никому не известный и всеми пренебрегаемый, до тех пор пока не был принят с утонченной любезностью в кружке, включавшем различных членов семьи Голицына, о которых я до сих пор вспоминаю с удовольствием. У Голицыных я встречался со многими другими образованными и прекрасно воспитанными русскими, большинству которых я обязан знаками любезности и доброты, которые были оказаны мне в чужой стране»¹⁶.

¹⁴ Московский Телеграф. 1825. Ч. 3. № 9. Прибавление. С. 151.

¹⁵ *Cooper J.F. Correspondence* / ed. by His Grandson J.F. Cooper. New Haven: Yale University Press, 1922. Vol. I. P. 110. Позднее Купер записал в дневнике: «Книгопродавец показал мне сегодня несколько приписанных мне книг, которые я даже никогда не читал. Среди них был и “Редвуд”» (*Cooper J.F. The Letters and Journals* / ed. by J.F. Beard. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. Vol. II. P. 293). Подробнее о переписке Купера с княгиней П.А. Голицыной в кн.: *Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских рукописных собраний* / под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 265–272. Здесь опубликовано письмо Купера к невестке П.А. Голицыной – М.А. Голицыной, воспетой Пушкиным («Давно об ней воспоминаенье...»), в котором Купер обещает прислать для ее коллекции автограф Дж. Вашингтона.

¹⁶ *Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков...* С. 274.

Ни Купер, ни князь Долгоруков не оставили свидетельств, где они познакомились в Париже. Возможно, это произошло на одном из приемов американского посланника во Франции Джеймса Брауна или, что более вероятно, в салоне княгини Голицыной,

Очевидно, под влиянием бесед в доме Голицыных зимой 1827–1828 гг. у Купера зародился замысел побывать в России. По словам Алексея Ираклиевича Лёвшина (1798–1879), одного из редакторов «Одесского Вестника», официальной газеты, издававшейся по распоряжению генерал-губернатора М.С. Воронцова, американский писатель собирался посетить нашу страну летом 1828 г.

18 (6) февраля 1828 г. А.И. Лёвшин писал из Парижа в свою газету: «Вчера был последний день нашей масляницы, и мы распрощались с оною как будто в России, на бале у соотечественницы нашей графини Раз-в-ой... Во вчерашнем празднике участвовала большая часть французской знати и множество иностранцев из разных частей Европы и даже Америки». Описывая свои впечатления от встречи на балу с Купером, Лёвшин продолжает: «Пробегаю мимо дюков и дюшесс, маркизов и маркиз, баронов и баронесс, даже мимо двух красавиц, которые всеми были замечены в толпе прекрасного пола; но останавливаюсь в той комнате, где меня представили известному американскому писателю *Куперу*. Он живет в Париже около 20 месяцев и в мае намерен отправиться через Германию в Россию. Посетив Петербург и Москву, он думает направить путь свой в Астрахань, а оттуда в Одессу. Будучи весьма чистосердечен в обращении, он, без всяких фраз и комплиментов, сказал мне, что любит русских и хочет видеть Россию. Вы, может быть, еще не знаете его нового романа, в ноябре или декабре месяце появившегося здесь во французском переводе под названием “*Le Corsaire rouge*”». При этом одесский издатель и историк поясняет в сноске: «Купер сказал мне, что он недоволен сим названием и что должно было перевести *Le Pirate rouge*»¹⁷.

Сообщая об этом известии (слова: «Люблю русских и хочу видеть Россию» – часто с тех пор вспоминались в связи с именем Купера), «Московский Телеграф» комментировал сведения «Одес-

¹⁷ Одесский Вестник. 1828. 11 апреля. № 29. С. 117–118. Упомянутая графиня Разумовская Мария Григорьевна (1772–1865, урожд. Вяземская) была в первом браке за князем А.Н. Голицыным, с которым развелась и в 1802 г. вышла замуж за графа Л.К. Разумовского, умершего в 1818 г. Ее салон в Париже пользовался большой известностью. В 1835 г. вернулась в Россию (см.: *Васильчиков А.А. Семейство Разумовских*. СПб.: тип. Стасюлевича, 1880. Т. 2. С. 156–168).

ского Вестника»: «Можно ожидать прибытия в Москву человека весьма замечательного. Американский литератор Фенимор Купер в мае месяце хочет отправиться через Германию в Россию, побывать в Петербурге, Москве, Астрахани и Одессе»¹⁸. Однако вместо Германии и России Купер провел май 1828 г. в Англии и Голландии, а затем направился на юг Европы, в Швейцарию и Италию. В 1829 г. он вновь строит планы посетить Петербург, Москву, Варшаву, Берлин (письмо к американскому зоологу Джеймсу Декею от 25 мая 1829 г.). Но и этому проекту не суждено было осуществиться – писатель провел лето 1830 г. в Германии, после чего вернулся в Париж.

Мысли о России и русских не покидали Купера и позднее. В «Европейских заметках американца» (1837) он писал: «Америка связана в настоящий момент с Россией более тесно, чем с какой-либо другой европейской страной»¹⁹.

Много лет спустя Купер суммировал свои мысли о России и русских в письме к Д.И. Долгорукову (1845), в котором предвосхищал идеи известного письма Уитмена к русскому (1881). Из своего родового гнезда в Куперстауне американский писатель обратился к русскому дипломату, чтобы выразить чувство, которое он испытывал к «щедрости и любезности, обычно проявляемой русскими в Европе по отношению к американцам».

Отмечая, что при всех обстоятельствах он убеждался в дружеском расположении русских «к нам, американцам», Купер вспоминает своих русских друзей и среди них воспетую в стихах Пушкина, Мицкевича, Баратынского – Зинаиду Волконскую, переехавшую в 1829 г. в Италию, где с ней в это время и виделся Купер. «Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей, и я имею основания полагать, что и другие американцы испытали с их стороны такую же любезность... Россия доказала свою дружбу по отношению к Америке, и я – один из тех, которые хотят, чтобы наш народ открыто оказал предпочтение тем, кто относится к нашей родине и соотечественникам (как в нашем полушарии, так и вне его) со щедростью и справедливостью»²⁰.

А через три года в письме к редактору популярного журнала «Никербокер мэгезин» Льюису Гейлорду Кларку всемирно извест-

¹⁸ Московский Телеграф. 1828. Ч. 20. № 6. С. 259–260.

¹⁹ *Cooper J.F. Recollections of Europe*. Paris: Baudry's European Library, 1837. P. 107.

²⁰ Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков... С. 274–275.

ный писатель вновь подчеркнул свои совершенно исключительные симпатии к русским: «По отношению ко мне лично англичане, французы, итальянцы и русские были равно любезны – все нации, исключая немцев, – но русский проявляет уважение к самому имени американца, чего не делает никто из европейцев...»²¹. Едва ли можно назвать другого американского или западноевропейского писателя-классика первой половины XIX в., который питал бы столь теплые и признанные чувства к России и ее народу.

В том же мартовском номере «Московского Телеграфа» за 1828 г., где появилось известие о предполагаемом приезде Купера в Москву, напечатано сообщение о том, что в Москве скоро будет получен новый Куперов роман «Красный пират» («Красный корсар»). У романов Купера была в России своя судьба и своя хронология. Так получилось, что его второй маринистский роман «Красный корсар» (1827), или «Красный морской разбойник», как назывался русский перевод А.И. Ишимовой (1832), стал известен в России раньше первого морского романа Купера «Лоцман» (1824), написанного в то время, когда Купера у нас еще не знали.

Правда, выход «Лоцмана» в первых числах 1824 г. (на титульном листе значился еще 1823 г.) не прошел совсем незамеченным в русской прессе. Газета «Русский Инвалид» сообщила о появлении в Америке писателя, «с успехом идущего по следам Вальтера Скотта», – господина Копера, как писала газета незнакомую ей фамилию американского романиста. «Первые его два романа весьма благосклонно приняты публикою, как в самом отечестве его, так и в Англии и во Франции, – говорилось в “Русском Инвалиде” о “Шпионе” и “Пионерах”. – Недавно издал он третий, под заглавием “Кормчий”... Герой одного есть знаменитый Пауль-Джонс»²². «Красный корсар» проложил путь «Лоцману» и другим романам о море.

В мае 1828 г. «Московский Вестник» М.П. Погодина, ориентировавшийся на немецкую философию и немецкий романтизм, перепечатал рецензию на «Красного корсара» из немецкого журнала, считавшего, что «одни американцы, и между ними преимущественно грубые моряки, земледельцы, индейцы, удаются его <Купера> кисти». Признавая, что Фенимор Купер «не всякому роду читателей может нравиться», рецензент видел мастерство писателя в умении не только заинтриговать читателя, но и возна-

²¹ Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков... С. 276.

²² Русский Инвалид. 1824. 10 мая. № 111. С. 444.

градить его по прочтении романа истинно эстетическим наслаждением: «В продолжении чтения вы желаете, чтоб он был короче, чтоб он в большей степени владел искусством... Но когда прочли вы роман его, портрет героя ясно предстоит вашему взору, и вы, забыв и труд, и скуку, которых стоило чтение, сознаётесь, что подробности необходимы были для того, чтобы усилить впечатление, производимое целым»²³. «Московский Вестник», как и немецкая критика, воспринимал Купера в чисто эстетическом плане. «Сын Отечества» в рецензии на «Красного корсара» выделяет «особенное искусство Купера изображать картину плывущего или стоящего на якоре корабля», любит «свежесть красок и тем неотразимым чародейством воображения живого и пылкого, которое почти невольно приковывает нас к героям и происшествиям романа»²⁴. И здесь живописание природы, «характеров и нравов, почерпнутых из морской жизни», остается главным и определяющим для критика.

Прочитав в 1829 г. французский перевод «Красного корсара», П.А. Вяземский в «Записной книжке» сравнивает Купера, романиста пустынь морской и земной («влажной и сухой»), в книгах которого «более эпического», с В. Скоттом, в произведениях которого «более драматического», ибо он «вводит вас в шум и бой страстей, человеческих побуждений»: «В романах В. Скотта в толпе людей не всегда успеешь разглядеть человека; мимо иных действующих лиц проходишь иногда без внимания... На пустом и обширном горизонте Купера всякое существо рисуется отдельно и цело, все видимое возбуждает внимание, и следишь за ним, пока не скроется оно совершенно из глаз. Общежительный человек скажет: должно жить в мире В. Скотта и заглядывать в мир Купера... Нелюдим скажет: должно жить (т.е. любо жить) в мире Купера, а можно для развлечения заглядывать и в мир В. Скотта»²⁵.

²³ Московский Вестник. 1828. № 9. С. 102. О немецких переводах романа Купера и их оценке в немецких журналах см. в кн.: *Hewett-Thayer H.W. American Literature as Viewed in Germany, 1818–1861*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1958. P. 24–37.

²⁴ Сын Отечества. 1828. № 18. С. 187.

²⁵ Девятнадцатый век. Исторический сб., издаваемый П. Бартевым. М., 1872. Кн. 2. С. 232. В опубликованных архивных материалах (*Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848)* / изд. подгот. В.С. Нечаева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 75–76) эта запись несколько отличается от приведенной прижизненной публикации.

Особое восхищение Вяземского вызывает изображение морской стихии: «...море – какое раздолье и какая прелесть у Купера! Так и купаешься в этом море. Корабль, все морские принадлежности, вся адмиралтейская часть изображены в живописном совершенстве. Петр I-й осыпал бы Купера золотом и пожаловал бы его в адмиралы: он так и вербует море»²⁶. Это одна из колоритнейших характеристик Купера в русской литературе.

И вот в конце 1831 г. в печати появляется сообщение, что «Красный корсар» переводится с английского языка и вскоре поступит в продажу. «Подписка на оный принимается у всех книгопродавцев»²⁷. То был первый русский перевод Купера с языка оригинала.

С каким нетерпением ожидала русская публика появления каждого нового романа Купера, свидетельствуют объявления, постоянно печатавшиеся в журналах. Так, «Московский Телеграф» в марте 1830 г. уведомлял своих читателей, что американец Купер написал новый роман «Пенитель моря» («Морская волшебница»). «Он печатается вдруг и в английском подлиннике и во французском переводе»²⁸. В октябре того же года журнал сообщает, что этот роман «скоро выйдет в свет»²⁹. Наконец, в мае 1831 г. «Московский Телеграф» известил своих подписчиков, что в Париже в конце июня явился французский перевод книги Купера³⁰, а в июне в журнале печатается перевод седьмой главы романа «Пенитель моря, или Водяная ведьма».

В 30-е годы романы Купера доходят и до ссыльных декабристов. Михаил Бестужев вспоминает о чтении Купера в Сибири³¹. Декабрист А.П. Беляев читал по-французски романы Купера и Вальтера Скотта в Петропавловской крепости. В сибирской ссылке в Чите он изучил английский язык и вместе с братом переводил «Красного разбойника» и «Водяную колдунью» («Морскую волшебницу») Купера. «Все это и до сих пор в рукописях хранится у

²⁶ Девятнадцатый век. Исторический сб., издаваемый П. Бартевым. Кн. 2. С. 232.

²⁷ Сын Отечества. 1831. 14 ноября. № 46. С. 65.

²⁸ Московский Телеграф. 1830. Ч. 32. № 5. С. 125.

²⁹ Там же. 1830. Ч. 35. № 19. С. 484.

³⁰ Там же. 1831. Ч. 39. № 9. С. 143–144. Журнал выходил с большим запозданием, поэтому в майском номере успевал сообщать о том, что издавалось в Париже в июне.

³¹ Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. С. 178; Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 290.

меня, потому что все это уже потом было переведено и издано; мы же не имели средств ни возможности для напечатания»³².

В.К. Кюхельбекер в Свеаборгской крепости читает Купера по-французски. 30 мая 1834 г. он записывает в своем дневнике, что кончил читать «Красного корсара», который произвел на него довольно странное впечатление: «Есть места прекрасные, напр. кораблекрушение и смерть негра; но целое, признаюсь, кажется мне довольно обыкновенным, чтоб не сказать пошлым». В своем заточении Кюхельбекер сумел ухватить главное в романе Купера: «Характер главного лица несколько изношен, но мастерски поновлен... да самая-то сказка столь же поношена, как и главный характер. С великодушными разбойниками, кажется, познакомили нас довольно давно Шиллер и мистрис Радклиф»³³. Декабрист мог увидеть в романе лишь созданную «славным живописцем Купером» сказку былых времен, в которой встречает он старых своих знакомых.

Иначе воспринял «Красного корсара» Белинский. В письме к В.П. Боткину 13 июня 1840 г. он восторженно восклицает: «Поздравь меня! Читаю В<альтер> Ск<отта> и Купера, – искусство много дает мне – легче становится нести жизнь. Какие художники! Бога ради, прочти “Красного морского разбойника” Купера – глубоко и необъятно, как море, просто, как жизнь петербургского чиновника, грандиозно, как – приищи сам приличное сравнение»³⁴.

Однако даже в порыве восторга Белинский соотносит место и значение В. Скотта и Купера с вершинами мировой литературы. Буквально в следующей фразе он говорит о них: «Велики, но когда читаешь Шекспира, об них и думать не хочется – малы и обыкновенны». И все же в «Отечественных Записках» он называет роман Купера «превосходным “Красным Корсаром”»³⁵. Чувство восхищения перед американским писателем и рационалистическая оценка его романов еще борются в сознании русского критика.

Белинский все глубже проникает в мир куперовских героев. Критик обращается к морским романам, где художник на тесном

³² Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб.: Суворин, 1882. С. 223.

³³ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 313. Ср. анализ романа Купера в статье: Шейнкер В.Н. К характеристике заглавного героя в романе Купера «Красный корсар» // Уч. зап. ЛГПИ. Мурманск, 1971. Т. 507. С. 78–105.

³⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XI. С. 530.

³⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. V. С. 519.

пространстве палубы умеет завязать самую сложную и в то же время самую простую драму, которой «корни иногда скрываются в почве материка, а величавые ветви осеняют девственную землю Америки. Эта драма невольно изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, грациозностию, а между тем, в ней все так, по-видимому, спокойно, неподвижно, медленно и обыкновенно! — Вспомните его “Лоцмана” и “Красного Корсара”»³⁶.

Белинский готов говорить без конца о великолепных картинах моря у Купера, о его мастерстве в изображении жизни корабля: «Море еще едва ли не больше связывается с мыслию о романах Купера: море и корабль — это его родина, тут он у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля; как искусный капитан, он умеет управлять им, и, нападая на неприятельское судно и убегая от него, он сыплет любезными его слуху терминами и теряется в описаниях маневров корабля с таким же удовольствием, как Вальтер Скотт в описании какого-нибудь древнего костюма или мрачной готической залы»³⁷. Столь сильно было впечатление, оставленное морскими романами Купера, с которыми Белинский познакомился еще в юности, что и много лет спустя в рецензии на «Путеводителя в пустыне» («Следопыта») он не мог не вспомнить об этих чудесных книгах, живописующих морскую пустыню.

Появление в 1832 г. перевода «Лоцмана» утвердило славу американского романиста в России. Цензурное разрешение на издание книги было получено еще летом 1830 г., через год «Сын Отечества» напечатал отрывок из готовой рукописи (24-ю главу) с пояснением: «Роман сей принадлежит к числу лучших романов Купера, как по изобретению и обрисовке характеров, так и по изложению. Он переведен уже и в непродолжительном времени поступит в печать»³⁸.

Новый роман Купера как-то сразу вошел в русскую литературу. О непосредственном художественном воздействии «Лоцмана», которого он ставил выше «Красного корсара», Кюхельбекер записал в своем дневнике узника: «Глава 5-я первого тома, в которой изображен трудный, опасный проход фрегата между утесами ночью в бурю, должна быть удивительна, потому что даже меня,

³⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. IV. С. 458.

³⁷ Там же. С. 458—459.

³⁸ Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Июль. № 28. С. 69.

вовсе не знающего морского дела, заставила принять живейшее участие в описанных тут маневрах и движениях»³⁹. В последующих записях дневника Кюхельбекер вновь возвращается к роману, отмечая, что «подробностей превосходных множество». Отличие Купера от Вальтера Скотта он видит в том, что американский писатель с наибольшей тщательностью изображает главных героев, а у Скотта обыкновенно не главные лица, а второстепенные особенно хорошо представлены.

Первый критический разбор в русской прессе «Лоцман» получил на страницах «Московского Телеграфа», как всегда чуткого ко всему подлинно художественному, живому и свежему в зарубежной литературе. Написанный тремя годами раньше «Красного корсара», «Лоцман» появился в русском переводе одновременно с ним. Журнал Н. Полевого рецензировал оба романа в двух последних номерах за 1832 г. О «Красном корсаре» «Московский Телеграф» писал, имея в виду, вероятно, суждение П.А. Вяземского: «Прочитав новый ряд романов Купера, в коих сей отличный писатель, как будто утомленный американскими преданиями, перенесся в Европу, один критик сказал, и весьма справедливо: “Я желал бы остановиться на ‘Красном разбойнике’ в романах Купера и на ‘Перфской деве’ В. Скотта; желал бы не читать романов, написанных ими после”»⁴⁰. Критика той поры еще не сумела по достоинству оценить социальную направленность европейских романов Купера.

«Лоцман» появился в русском переводе с примечанием переводчика М. Сорокина, в котором дан краткий очерк жизни исторического лица, послужившего прототипом героя романа. «Нашим читателям, вероятно, весьма желательно покороче познакомиться с таинственным героем переведенного нами романа», – замечает М. Сорокин и после рассказа об участии Поля Джонса (1747–1792) в войне за независимость США делает свой вывод о его характере: «Честлюбивый до чрезмерности, всегда угрюмый и жестокий, иногда герой, иногда грабитель, он прикрывал свои недостатки необыкновенным мужеством, величием души и пламенной любовью к свободе нового своего отечества – Соединенных Американских Штатов»⁴¹.

Переводчик отмечает, что Купер упустил важную черту в характере Поля Джонса, а именно – его жадность к деньгам, кото-

³⁹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 313.

⁴⁰ Московский Телеграф. 1832. Ч. 48. № 24. С. 553.

⁴¹ Купер Ф. Лоцман. Исторический роман. СПб.: Смирдин, 1832. Ч. IV. С. II (в приложении).

рые он «щедро расточал для своих удовольствий и для государственной пользы». Джонс любил говорить о своих подвигах, все успехи приписывая себе, неудачи – другим. «Таков был характер героя, – заключает переводчик, – нам доселе едва известного, но любезного Америке, которая не забыла его знаменитых подвигов, совершенных им за дело их священной свободы»⁴².

Русские читатели еще задолго до Купера слышали и читали о герое американской революции, «морском атамане», воспетом в стихах Филипа Френо, а позднее в романах Мелвилла, писательницы Новой Англии Сары Орн Джуитт, Джеймса Бойда и др. Вскоре после легендарного боя корабля «Бедный Ричард», которым командовал Поль Джонс, с «Сераписом» (23 сентября 1779 г.), когда американский флот впервые нанес тяжелое поражение английскому, «Московские Ведомости» писали, что с острова Св. Елены отправлена английская эскадра «для сыскания известного Павла Ионеса, причинившего много страху на берегах Ирландских и получившего недавно подкрепление из Бреста»⁴³. Имя Джонса (Жонса, Джон-Поля) появлялось в русской печати и позднее.

Приехав весной 1788 г. служить в Петербург, где Екатерина II назначила его контр-адмиралом и определила на Черноморский флот, Поль Джонс начал свою деятельность в России с того, что подарил императрице (едва ли, впрочем, к большой ее радости) текст американской конституции, незадолго перед тем принятой Континентальным конгрессом. Летом 1788 г. он вместе с А.В. Суворовым участвовал в военно-морских операциях против турок в Днепровском лимане, в сражениях при Кинбурнской косе, за что был награжден орденом св. Анны⁴⁴.

Через полвека Россия читала о морских победах своего старого знакомого в романе Купера, который «Московский Телеграф» назвал «произведением мастерским», а в рецензии на него писал: «Сама книга прекрасна. “Лоцман” есть один из тех романов Купера, которыми сей необыкновенный писатель составил свою славу, ибо не все романы его хороши равно. В последнее время, особенно когда Купер стал брать героев в нашем старом свете, дарование его как будто ослабло... В “Лоцмане” основною происшествий служит

⁴² Купер Ф. Лоцман. 1832. Ч. IV. С. III.

⁴³ Московские Ведомости. 1779. 16 октября. № 83 (без пагинации).

⁴⁴ См. главу «Поль Джонс в России» в кн.: Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783. М.: Мысль, 1976. С. 193–208.

американская война за свободу. Тут Купер совершенно в своем мире. Главным героем является у него известный Павел Джонес»⁴⁵.

Однако краткое известие о Павле Джонесе, приложенное в конце романа, не удовлетворило рецензента. «Оно не полно и не совсем верно», ибо в нем не сказано о жизни Джонса в России. Поэтому журнал счел нужным сообщить, что Павел Джонес командовал французской эскадрой, беспокоившей берега Англии, находился в переписке с Франклином и Лафайетом. Североамериканцы обязаны ему созданием своего флота. Особенно обстоятельно говорится о службе Джонса в России, о чем, очевидно, не было известно переводчику «Лощмана». «В 1788 г., после расстройства флота русского под Очаковым, он участвовал в приведении одного в порядок и был пожалован за сие орденом св. Анны. После того он одержал победу над турецким флотом... но Потемкин не хотел отдать ему справедливости в этом случае и наконец заставил его удалиться из России»⁴⁶. Легенда о первом американском моряке на русском флоте еще была жива в эпоху романтизма, и статья в «Московском Телеграфе» убедительно подтверждает это.

Подлинная слава пришла к Куперу вместе с романами о Кожаном Чулке. Ныне трудно судить, почему первые два романа пенталогии («Пионеры», 1823 и «Последний из могикиан», 1826) прошли не замеченными русской критикой и переводчиками. Причины могли быть и случайными, поскольку с американской литературой в России едва начинали знакомиться. Однако несомненен факт, что первым романом куперовской пенталогии, с которым познакомились русские читатели, стала «Прерия», изданная в апреле 1827 г. и в том же месяце получившая отклик в русской прессе.

«Гражданин Северо-Американской республики, известный писатель Джемес Фенимор Купер живет теперь в Париже, – сообщал в апреле 1827 г. “Вестник Европы”. – Незадолго перед сим вышел новый роман его сочинения, под титулом “Луг” и, заметить должно, вышел в один день на английском языке в Новом Иорке и Лондоне, а на французском в Париже. Перевод сделан по дозволению автора и с его рукописи. “Луг” есть как бы продолжение “Пионеров” и “Последнего из могикиан” того же сочинителя. Купер называет все три романа описательными; главное лицо в них одно и то же: это старинный обитатель леса, теснимый успехами гражданской образованности; от берегов Атлантического океана бес-

⁴⁵ Московский Телеграф. 1832. Ч. 48. № 23. С. 401.

⁴⁶ Там же. С. 403.

престанно удалялся он вглубь, искавши последнего убежища от общежития в обширных, необитаемых равнинах Запада»⁴⁷.

Кто же этот землепроходец, главный герой по имени Натаниэль Бумпо, ставший со временем легендой Америки? Он велик тем, что первым из американцев увидел, что торгашеский дух наживы берет верх над справедливостью. И он ушел от своих соотечественников в леса, к суровым, но честным индейцам. В этом бескомпромиссном отрицании бесчеловечной «цивилизации» янки – подлинное благородство простого безграмотного человека, поднявшегося выше просвещенных основателей американского государства.

С годами Натти Бумпо даже внешне стал походить на индейца. Ветры и морозы придали его коже медно-красный оттенок. Он носил куртку из выдубленных оленьих шкур, а на ногах мокасины из оленьей кожи, украшенные, по индейскому обычаю, иглами дикобраза. Из того же материала были сделаны и его знаменитые гетры, за которые поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком.

Благородный образ Натти Бумпо выражает трагический разлад между высоким гуманизмом первооткрывателя лесов и степей Нового Света и своекорыстием людей буржуазной Америки, «которые потом осудили его как преступника за то, что он нарушил их корыстные законы, непонятные его чувству свободы. Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и – оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл. Такова – часто – судьба многих пионеров-разведчиков, – людей, которые, изучая жизнь, заходят глубоко и дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь»⁴⁸, – писал столетие спустя Максим Горький.

«Звериный охотник» Натти Бумпо, как называла его русская критика, – первый в литературе американского романтизма положительный образ, обладающий исторической конкретностью и социальной определенностью. Поставленный в сложные и противоречивые отношения с окружающей его действительностью американского фронта, пограничья между дикостью и цивилизацией, он с честью выдерживает это испытание.

⁴⁷ Вестник Европы. 1827. № 7. С. 235.

⁴⁸ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. XXIV. С. 226.

Один из видных сторонников культурно-исторической школы в русском литературоведении А.И. Кирпичников в свое время писал, что этот куперовский герой «представляет одну из немногих сравнительно удачных попыток в новой литературе – создать идеальный характер, не выходя из пределов возможного. В этом создании (и отчасти в создании друга героя Великого Змея) Купер как бы представляет мост между последователями Руссо, которые убеждены, что цивилизация портит человека, и верой Гюго, Диккенса и др. проповедников гуманности в чистоту человеческой природы»⁴⁹.

Действительно, Кожаный Чулок – явление исключительное. На заре национальной литературы США был создан образ человечности, справедливости и мужества, равного которому мы долго еще не встретим в американской литературе. И хотя в каждом из пяти романов есть своя основная линия, свой сюжет, в котором Кожаный Чулок не всегда занимает главенствующее место, можно смело сказать, что именно этот образ остался в памяти потомства как самый впечатляющий.

О неотразимом воздействии образа Натти Бумпо на читателей писал В.Г. Белинский: «Много лиц, исполненных оригинальности и интереса, создала могучая кисть великого Купера: стоит только упомянуть о Джон-Поле, Красном Корсаре и Харвее-Бирше, чтоб разом потеряться в созерцании бесконечного... Но ни одно лицо во множестве дивно созданных им лиц не возбуждает столько удивления и участия в читателе, как колоссальный образ того великого в естественной простоте своей существа, которого Купер сделал героем четырех романов своих: “Последнего из могикиан”, “Путеводителя в пустыне”, “Пионер” и “Степей”. Сам творец его так увлечен и очарован возникшим в его фантазии дивным образом, так горячо любит это лучшее создание своего гения, что, изобразив его в трех романах, как лицо, без которого ход действия остановился бы, задумал создать новый роман, в котором он был бы героем, – и из всего этого вышла чудная тетралогия, великая и огромная поэма в четырех частях»⁵⁰.

«Прерия», или «Степь», как называли современники Пушкина и Белинского этот роман, представляет собой широкую

⁴⁹ Всеобщая история литературы, составленная по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов / под ред. В.Ф. Корша и А. Кирпичникова. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. С. 968.

⁵⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 459. Когда Белинский писал эти слова, пятая часть эпопеи о Кожаном Чулке («Зверобой») еще не была опубликована.

картину жизни американского фронта, где еще вчера исконными владельцами были индейцы. Русский переводчик издания 1829 г. так описывает американское общество на разных этапах его развития, представляющих собой «обратный» переход от культуры старых восточных штатов к дикости западных, еще неосвоенных территорий, жизнь в которых сравнивается с предутренним туманом, предшествующим рассвету: «Ход нашей цивилизации имеет большое сходство с приключениями жизни, которые, говорят, бросают тень перед собою! Все степени общественного состояния, начиная с так называемого образованного до самого ближайшего к варварству, сколько могут позволить сношения с просвещенным народом, исходят из недр Соединенных Штатов, в коих начинают процветать искусства, роскошь и изобилие, до сих отдаленных границ и всякой день отдаляющихся и возвещающих приближение нации, как подвижные пары предшествуют дню»⁵¹.

Такой убежденный защитник романтизма в литературе, как П.А. Вяземский, предпочитал «Прерию» другим ранним романам Купера, видя в ней выражение человечности искусства американского писателя, «что-то беспредельное, свежее, необыкновенное»⁵². В начале XXI в., занятого своими заботами и волнениями, бывает подчас трудно, если не невозможно, представить себе тот свежий ветер жизни и романтики странствий, который веял когда-то со страниц куперовских романов. «Сколько прекрасных описаний, сколько разительных сцен представляет чтение самого романа! – писал один из обозревателей литературы в 1828 г., прочитав французский перевод “Прерии”. – Изображение степи, полудикие нравы семейства Измаила Буша, удивительный характер траппера, в котором хладнокровие и добровольное жертвование собою за других, незнание образованных обществ и знание сердца человеческого, простота и тонкость, можно сказать, перемешаны; нравы диких сиусов, их речи и обычаи... все сии картины и описания так сильно приковывают внимание читателя, так разнообразно тревожат сердце и воображение, что трудно расстаться с сим ро-

⁵¹ Купер Д. *Фенимор*. Американские степи / пер. с франц. М.: тип. Селивановского, 1829. Ч. 1. С. 176. В «Книге вступающих рукописей» Московского цензурного комитета, в который рукопись перевода поступала частями 21 августа, 27 сентября и 20 октября 1828 г., переводчиком назван «студент Добровольский» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 18. Л. 64 об., 72 об., 79 об. № 532, 593, 651).

⁵² Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). С. 75.

маном; и даже прочитав его до конца, снова перечитываешь многие места в нем с одинаковым удовольствием»⁵³.

Журнал «Сын Отечества» обещал напечатать отрывки из нового произведения американского романиста, однако они так и не появились, а в августе того же года было дано цензурное разрешение на издание «Американских степей», вышедших в следующем году.

«Московский Телеграф», вспоминая об изданном за четыре года до того русском переводе куперовского «Шпиона», писал о «Степях»: «Кажется, до сих пор на русском языке это второй роман знаменитого американского писателя. Роман сей имеет большое достоинство, как верное изображение дикой природы и оригинальных народов Северной Америки. Правда, некоторые длинноты нередко кажутся читателю излишними, но, прочитав всю начертанную Купером картину, он остается доволен»⁵⁴. Перевод романа с французского оставлял желать лучшего (Белинский писал позднее, что «Степи» переведены «крайне дурно»). «Московский Телеграф» сдержанно отмечает: «Купер – художник. Читатели согласятся с этим, прочитав его “Степи”, роман, который переведен на русский язык не совсем дурно»⁵⁵. Добрые старатели переводной словесности – они порой бывали так снисходительны!

Новый роман Купера послужил поводом для сопоставления двух стран и народов, их населяющих. Картины американских степей пробуждают в русском читателе знакомые воспоминания. Писатель-романтик В.П. Титов, связанный с кругом «любомудров» и сотрудничавший в «Московском Вестнике», где после роспуска «Общества любомудрия» печатались его участники, писал после прочтения «Прерии»: «Россия и Северо-Американские Соединенные Штаты в географическом отношении много имеют общего. То и другое государство соединяет в недрах своих множество народов разного происхождения и нравов, и, на одном конце достигнув высокой точки образования, представляет на другом целые страны незаселенные или обитаемые дикарями»⁵⁶.

Сопоставляя американскую и русскую словесность, В.П. Титов продолжает: «В каком, напр., европейском романе пришлось бы герою доказать свое присутствие духа при набеге стада почти взбесив-

⁵³ Сын Отечества. 1828. Т. 118. № 7. Отд. V. С. 273.

⁵⁴ Московский Телеграф. 1829. Ч. 28. № 16. С. 489–490.

⁵⁵ Там же. С. 490.

⁵⁶ Московский Вестник. 1827. Ч. VI. № 23. С. 336.

шихся буйволов? или испытать свое мужество, когда степи вокруг зажжены пожаром, грозящим превратить и его в пепел? В каком европейском романе, кроме одного русского? – Повторим при сем случае, что едва ли есть страна, представляющая для оригинального романа столько богатств, как наше отечество. У нас различие климатов, народов, образа их жизни так велико, что если бы романист даже не обладал глубоким познанием сердца, то одна характеристика стольких племен и стран могла бы придать повествованию его занимательность»⁵⁷. Эта мысль о сходстве исторических условий развития русского и американского народов в XIX в., сходстве, получившем отражение и в литературе, неоднократно затем повторяется в русской и американской критике.

Одна из таких общих черт литературы двух стран – эпическое начало, отмеченное еще Белинским. В «Прерии» больше, чем в какой-либо другой части куперовской пенталогии, становится очевиден эпический характер истории о Кожаном Чулке и Америке его времени. Не отдельная личность, как бы значительна и интересна в художественном отношении она ни была, а жизнь в сложных условиях американского фронта, где переселенцы с востока, индейцы и независимый старый траппер Натти Бумпо характеризуют основные черты складывающегося общества, составляет сущность и смысл всего повествования.

Эпичность Купера связана с изображением судеб народа в коренные, переломные моменты истории, когда деятельность людей выступает в наиболее ярких формах. Историческая тематика, пронизывающая пенталогию о Кожаном Чулке, подкрепляет и усиливает эпический размах куперовской прозы.

Однако «эпическое спокойствие», отличающее романы Вальтера Скотта и Купера, таит, по мысли Белинского, и свою опасность. В романах В. Скотта и Купера «совершилось развитие эпоса и со стороны содержания, и со стороны искусства, и со стороны содержания и искусства вместе»⁵⁸. Рассматривая специфику развития эпической и лирической поэзии, Белинский призывает к единству объективно-эпического и внутреннего, субъективного начала в романе, к лиризации эпоса. Подобное единство он не всегда находил в книгах Скотта и Купера, что и заставило его выступить в статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) с обоснова-

⁵⁷ Московский Вестник. 1827. Ч. VI. № 23. С. 342–343.

⁵⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VI. С. 421.

нием эстетического требования активно-действенного отношения к жизни, проявляющегося в лучших творениях этих художников. В этом же усматривал великий критик и современность звучания книг Купера.

«В большей части романов Вальтера Скотта и Купера есть важный недостаток, — писал Белинский, — хотя на него никто не указывает и никто не жалуется (по крайней мере, в русских журналах): это решительное преобладание эпического элемента и отсутствие внутреннего, субъективного начала. Вследствие такого недостатка оба эти великие творца являются, в отношении к своим произведениям, как бы какими-то холодными безличностями, для которых все хорошо, как есть, которых сердце как будто не ускоряет своего биения при виде ни блага, ни зла, ни красоты, ни безобразия и которые как будто и не подозревают существования внутреннего человека. Конечно, это может почитаться недостатком только в наше время, но тем не менее оно все-таки есть недостаток: ибо современность есть великое достоинство в художнике. Однако ж оба эти романиста как бы невольно платили иногда дань духу новейшего искусства, и мы ссылаемся на свидетельство собственных их созданий, чтобы показать, что лучшие и высшие из них суть те, которые больше или меньше проникнуты драматическим элементом»⁵⁹.

В 30-е годы русское общество получило переводы еще двух романов из куперовского цикла о Кожаном Чулке. То были «Поселенцы» («Пионеры») и «Последний из могикиан»⁶⁰.

Отрывки из «Поселенцев» (главы 4–6) печатались в журнале «Атеней», где в предисловии к переводу дана краткая характеристика Купера и подчеркнуто отличие нового романа от прежних произведений писателя. «“Поселенцы” есть один из лучших романов славного Купера. Помещая в журнале нашем сей отрывок, мы, кроме легкого и приятного чтения, преимущественно имеем в виду короче познакомить читателей с отличным талантом романиста, разделяющего литературную славу и знаменитость с Вальтером

⁵⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. Т. V. С. 25.

⁶⁰ В рекламном объявлении, приложенном к «Московскому Телеграфу» за октябрь 1833 г., сообщалось, что в конторе журнала «на Тверской улице в доме г-жи Мятлевой продается, среди прочего, роман Купера “Последний из могикиан”, 4 части, пер. с англ. А. Л-т. М., 1833, 15 р. асс.». В архиве Московского цензурного комитета сохранилось свидетельство, что рукопись четвертой части романа Купера поступила от переводчика Алексея Базунова (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 53 об. и 54. № 514).

Скоттом», – писал журнал, издаваемый Михаилом Павловым. И далее пояснял своеобразие новой книги: «Известные уже по русским переводам романы Купера “Шпион” и “Кормчий”⁶¹ написаны совсем в другом тоне и не дают верного понятия о своем авторе, который сам отчасти признает это в предисловии к “Поселенцам”. Последних именует он “любимым творением своей игривой фантазии”»⁶².

Первый роман из цикла о Кожаном Чулке возник как попытка на материале истории нравов заброшенного в глухих лесах северной части штата Нью-Йорк городка Темплтона нарисовать правдивую картину американской жизни. История создания романа и теоретические принципы романтизма, которыми руководствовался писатель, работая над своим произведением, изложены в трех предисловиях к «Пионерам».

В предисловии к первому изданию романа Купер советовал «всякому, кто откроет эту книгу в надежде найти в ней богов и богинь, привидения и волшебников и испытать сильные ощущения, возбуждаемые битвой или убийством, – я советую ему отложить ее в сторону, так как ни одна из ее страниц не представит для него интереса в этом роде»⁶³. Купер отвергал модный в Европе и Америке готический роман с его поэтизацией тайн и ужасов. Более того, в предисловии к переизданию романа в 1832 г. Купер сознается, что реальное описание американской жизни, «сцен и характеров, так близко знакомых автору в юности, ввело его в искушение изображать то, что знал, а не то, что мог бы выдумать. Эта строгая приверженность к истине, обязательная в истории и путешествиях, разрушает чары выдумки; так как все, что последняя должна внушить воображению, лучше достигается общими описаниями и обрисовкой основных черт характера, чем мелочным изображением подлинника»⁶⁴.

Куперовские «Пионеры» положили начало изображению конфликта между человеком и обществом в американском романе.

⁶¹ «Лецман» был издан по-русски только в 1832 г.; до того этот роман в русской критике обычно именовался «Кормчий». Характерно, что на титульном листе перевода «Красного морского разбойника» (1832) значится: «Повесть Фенимора Купера, автора “Кормчего” и проч.».

⁶² Атеней. 1828. Ч. I. № 3. С. 20.

⁶³ *Cooper J.F. The Pioneers; or, the Sources of the Susquehanna. Paris: Galignani, 1825. Vol. I. P. IX.*

⁶⁴ *Cooper J.F. The Pioneers; or, the Sources of the Susquehanna. Paris: Baudry, 1835. P. I.*

Перед нами полемический роман. Спор идет между буржуазной цивилизацией и природой, между законами, созданными людьми, и естественным правом человека. И так с первой до последней главы романа, со спора об убитом олене, составляющего завязку книги, до суда, тюремного заключения и бегства Натти Бумпо.

Бегство Натти в прерии, героя Мелвилла – в море, а героя Торо – на соседнее лесное озеро вызвано тем, что американец не в силах выносить серую, гнетущую повседневность, мораль и законы буржуазного общества. В этом бегстве героя от буржуазной цивилизации – протест одинокой личности, не желающей подчиниться новому укладу американской жизни.

Вместе с Кожаным Чулком в роман входит великая романтическая стихия американского Запада. Один из американских критиков удачно подметил, что, подобно тому как вся русская литература вышла из гоголевской «Шинели», так вся американская литература «вывалилась из шубы», в которой судья Мармадьюк Темпл в начале романа «Пионеры» въезжает в свой городок Темплтон⁶⁵.

Условия американского фронта, описанные Купером в романах о Кожаном Чулке, вновь возникают на палубе мелвилловского «Пекода», в хижине Торо на берегу Уолдена. Даже Марк Твен (несмотря на то что позднее он написал пародию на романы Купера) отдал дань романтизму с его бегством от буржуазной цивилизации и ханжеского воспитания (оказавшихся столь не по вкусу Геку Финну) на лоно природы. В XX в. уход от буржуазной цивилизации к природе вновь возникает на страницах книг Фолкнера, Хемингуэя, Стейнбека и многих современных писателей Америки.

Остроту куперовской проблематики, выражающей противоречие между цивилизацией и человеком, буржуазным прогрессом и природой, прекрасно почувствовали критики его времени. Жорж Санд со свойственной ей эмоциональностью говорила о том, что Купер в образах индейцев оплакивает «величественную опустошенную природу» (приведем это высказывание в колоритном, хотя и неровном переводе, который читали в России в середине прошлого века): «Купер видел и чувствовал далее той действительной и материально-полезной жизни, которая составляет силу Северной Америки, – нечто менее благоразумное и более возвышенное, чем обычаи, мнения и официальные верования: цивилизацию, проникающую в варварство другими средствами, кроме пуль и огненной воды, за-

⁶⁵ American Classics Reconsidered. A Christian Appraisal / ed. by H.C. Gardiner. N.Y.: Scribner's Sons, 1958. P. 65.

воевание умом, а не мечом или зверством. Это пагубное положение могущества, приобретенного ценою обмана, убийства и хитрости, поразило его сердце глубоким философским негодованием, и, несмотря на спокойствие его характера и его таланта, он запел как будто предсмертную песнь на разбросанных и изувеченных остатках великих поколений и великих лесов захваченной почвы. Этому-то порыву восторга и сожаления и обязан он вдохновением самых прекрасных своих страниц; этим-то порывом, в известные минуты, голос его звучал смелее, чем у Вальтер-Скотта, которого беспристрастное спокойствие не так быстро изменялось... Купер воспекает и оплакивает благородное и истребленное поколение, величественную опустошенную природу»⁶⁶.

С годами романы о Кожаном Чулке привлекают все большее внимание русской критики. «Московский Телеграф» уже в 1831 г. дает первую классификацию вышедших к тому времени романов Купера. Высоко отзываясь о новом романе «Долина Виш-тон-Виш», переведенном с французского под названием «Американский пуританин, или Долина Вис-тон-вигская»⁶⁷ (хотя перевод «плохой и неопытный»), журнал разделяет куперовские книги на три группы или рода: одни по содержанию своему относятся к заселению Америки и борьбе с дикими туземцами («Пионеры», «Степи», «Последний могикан», как называет этот роман критик); другие – к борьбе Северной Америки с Англией («Шпион», «Лионель Линкольн»), третьи – к жизни американских моряков и похождениям на море («Красный корсар», «Лоцман», «Пенитель моря»). И во всех этих книгах Купер выступает мастером в изображении «сурового стоицизма» своих героев, «живописных сцен и картин природы американской»⁶⁸.

Начало пристальному вниманию русской критики к творчеству великого американского писателя было положено обширной статьей с развернутой характеристикой творчества Купера, появившейся в «Телескопе» в первый год издания журнала. Это был перевод из парижского журнала «Ревю британик»⁶⁹, перепечатывавшего на французском языке материалы из английских и американских журналов.

⁶⁶ Сын Отечества. 1856. 23 декабря. № 38. С. 259 (*George Sand. Autour de la table. Paris: Lévy, 1876. P. 271–272*).

⁶⁷ Переводчиком романа в архиве Московского цензурного комитета назван надворный советник А. Герасимов (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 43 об. № 603; Ед. хр. 13. № 14).

⁶⁸ Московский Телеграф. 1831. Ч. 40. № 13. С. 110.

⁶⁹ *Revue britannique. 1831. Janvier. P. 94–108* (со ссылкой на «*New Monthly Magazine*»).

Исходной посылкой этой статьи стало положение, затем часто повторявшееся в критических обзорах и рецензиях, вплоть до статей Белинского. «До Купера не было ни одного американского писателя, коего творения представляли бы вполне тип мысли и жизни американской... Сам Ирвинг, возобновив стиль и манеру Аддисона, удовольствовался только тем, что избрал для себя литературы английской источники древние или преданные забвению. Его талант состоит в том, что итальянцы называют *gificimento*⁷⁰, и прелестнейшие из картин, им начертанных, принадлежат старинной Англии. Напротив, в Купере, первое, что поражает читателя, есть совершенно американский цвет его произведений... Они носят на себе печать Нового Света, и творцу их по всем правам принадлежит всеобщепризнанное имя великого Американского романиста»⁷¹.

Определяющим в облике Купера-романиста критик считает национальный характер его творчества, а силу таланта видит в верном выражении духа своего отечества. «Это истинный американец, во всей обширности сего слова и со всеми оттенками национальной физиономии... До тех пор думали, что Соединенные Штаты не могли производить ни авторов, ни читателей; их осуждали на вечное литературное бесплодие... Купер ниспроверг победоносно эту ложную уверенность»⁷².

Европа была поражена появлением книг американского романиста. «Когда Робинзон Крузоэ увидел следы Пятницы на песке, он не более почувствовал удивления, как европейская публика, когда американские романы Купера показали ей, что можно жить в Нью-Йорке, родиться на берегах Делавары, не подражать никому и иметь гений». Английский критик не может скрыть своего удивления, что Америка порождает собственных писателей, не уступающих талантом английским. «Как? эта купеческая сторона, этот народ, недоступный для очарования искусств, представляет нам единственного современного прозаика, которого Вальтер Скотт должен признать своим соперником! Ту оригинальность, коей чудную прелесть шотландский романист заимствовал из древних летописей своей отчизны, Купер нашел в нравах этой беспредельной Америки, в ее пустынях, в ее городах, совершенно новых и свежих, едва, так сказать, произникших из недр земли!»⁷³

⁷⁰ Переделка (*imit.*).

⁷¹ Телескоп. 1831. Ч. 4. № 14. С. 192–193.

⁷² Там же. С. 196.

⁷³ Там же. С. 197.

Отмечая многословие Купера («он не утаит от вас ни одной доски на фрегате, ни одного дерева в лесу»), критик видит искупление этого недостатка в гуманизме писателя («будучи столь проныцателен и дальновиден, Купер все еще любит человечество»). Выделяя среди куперовских романов «Последнего из могижан», критик прежде всего ценит новизну художественного мировосприятия американского писателя: «Напрасно стали бы вы искать в библиотеке романов творение, которое можно было бы поставить с ним в параллель. Матросы Смоллета и Фильдинга, нищие Вальтера Скотта – все исчезает. Вы теряете наконец из виду эту бесконечную фамилию героев, переходящую из вымысла в вымысел. Вы находитесь в новом мире»⁷⁴.

Однако патриотизм писателя, утверждает критик, временами переходит все границы и задевает чувство собственного достоинства англичан. «Для него <Купера> существует только одна страна в мире – Америка... Другие народы, может быть, имеют таланты; одни только Соединенные Штаты имеют добродетели; гений, величие, нравственная чистота – все, чем гордится и красуется человечество, – сосредоточено на берегах Сюсквеганы и Делавары. Остальная вселенная кажется Куперу жилищем варварства или разврата...»⁷⁵. «Удивительное ослепление исключительного патриотизма!» – восклицает критик.

В 30-е годы в России познакомились также с двумя социально-политическими романами Купера – «Моникины» и «Браво, или Венецианский бандит», что не могло, конечно, не сказаться на концепции творчества американского писателя, наиболее глубоко разработанной в статьях Белинского.

«Моникины» (1835) – первый сатирический роман, разоблачающий буржуазные отношения купли-продажи, лежащие в основе американского общества. Его по праву можно назвать первой американской антиутопией – жанр, получивший особенное распространение в XX в. Сообщая летом 1835 г. о выходе этой «аллегорической сатиры», «Библиотека для Чтения» высказывала явное неудовольствие, что Купер от картин природы, описаний жизни индейцев и истории своей отчизны обратился к иным материям. «Самый род Куперова дарования помешал его успеху в этой книге: он мокрый Бальзак [т.е. автор морских романов. – А. Н.], большой мастер на мелкие водяные подробности, и это прекрасно, когда он живописует действительность; но аллегория, растянутая на тысячу

⁷⁴ Телескоп. 1831. Ч. 4. № 14. С. 208.

⁷⁵ Там же. С. 212.

страниц, всякому покажется утомительна... Это неудачное подражание Гулливеровым странствиям»⁷⁶.

Консервативно настроенные современники не принимали такого Купера. В письмах, которые он получал от неизвестных лиц, высказывалось пожелание, чтобы писатель поскорее вернулся к индейской тематике и не писал ничего похожего на «Моникинов»⁷⁷. Та же «Библиотека для Чтения» сообщала, что тщеславие Купера «так велико и так приторно, что для выражения его англичане принуждены были выдумать новое слово, *cooperage*»⁷⁸.

Вернувшись из Европы на родину, Купер открыто выступил против господства в стране денежного интереса. «Здесь говорят только о деньгах или, вернее, об их отсутствии, — пишет он в 1833 г. из Нью-Йорка. — Да и чего ожидать в городе, подобном этому, где все стремления и помыслы людей направлены на то, чтобы добывать деньги, а затем их тратить»⁷⁹. Так возникла тема романа «Моникинов», изображающего идолопоклонников денежного мешка — моникинов, этих обезьяночеловеков, по имени которых и названа книга.

Средоточием всех помыслов и интересов становится для моникинов золото, со словами о котором на устах умирает Томас Голденкалф (Златой Телец), отец главного героя романа. Родиться для него значило лишь начать спекуляцию, а умереть — подвести общий баланс прибылей и убытков. За какое бы дело ни брались моникины, оно в конечном счете сводилось к долларам. Всепоглощающая страсть к доллару передавалась от отца к сыну, от мужа к жене, от брата к сестре, от одного родственника к другому, пока не заразила все так называемое «общество». Управление государством извратилось настолько, что стало попросту выгодным помещением капиталов; его целью было уже не правосудие и не общественная безопасность, а только барыш.

Объект сатиры Купера — весь социально-политический строй Англии и США, выведенных в романе под именами Высокопрыгии и Низкопрыгии. Немало горьких истин высказал писатель своим соотечественникам, рисуя нравы их возлюбленной Низкопрыгии. Даже «Библиотека для Чтения», не склонная к политическому фрондерству, утверждала, что Купер «говорит порой горькие исти-

⁷⁶ Библиотека для Чтения. 1835. Т. 11. Отд. VII. С. 96.

⁷⁷ *Cooper J.F. Correspondence*. New Haven: Yale University Press, 1922. Vol. II. P. 449–450.

⁷⁸ Библиотека для Чтения. 1838. Т. 27. Отд. VII. С. 143.

⁷⁹ *Cooper J.F. The Letters and Journals*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1964. Vol. III. P. 21.

ны»: «Ему надоела их хвастливость, их гордая самонадеянность, корыстолюбие и безнравственный эгоизм политических партий его отечества, предрассудки и грубость американцев»⁸⁰.

Купер подверг беспощадному осмеянию двухпартийную систему Америки, конституцию, именуемую Великой Национальной Аллегорией (поскольку ее не следует понимать буквально), конгресс, суд, избирательную систему, прессу, международную политику, нравы и обычаи буржуазной Америки. В Низкопрыгии, например, существуют два общественных мнения: горизонтальное и вертикальное (республиканцы и демократы), которые периодически меняются местами: вертикальное становится горизонтальным, а горизонтальное – вертикальным. Именно эти главы были переведены в 1836 г. на русский язык⁸¹.

В годы выхода куперовской сатиры «Библиотека для Чтения», определяя причины, почему французская критика ополчилась на роман, писала: «“Моникины” есть род аллегии, как Пантагруэль, как Гулливер. Г. Купер, человек очень либеральный, жестоко посмеялся в них над представительными системами: *inde irae*, отсюда “разругали”»⁸². Публикуя отрывки из «Моникинов», журнал О.И. Сенковского попытался использовать их в своих целях и снабдил кратким послесловием, в котором дал свою интерпретацию сатирического романа Купера, направленного против «нынешних либералов»: «Французские журналисты излили на “Моникинов” весь свой критический гнев, и именно за нанесение чувствительного удара любимейшим их мечтам; мы, напротив того, находим замечательными и достойными чтения те самые места книги, где автор, – республиканец и гражданин Соединенных Штатов, – обнаруживает всю нелепость надежд нынешних французских и английских либералов. В этих только местах г. Купер и возвышается до веселости и остроумия»⁸³.

Иначе воспринял опубликованные по-русски «выписки из последнего романа Купера» «Моникины» В.Г. Белинский. Еще осенью 1835 г. сообщал он в «Телескопе», что «Купер пишет сатиры на политические теории»⁸⁴. В том же номере «Телескопа» помещена рецензия на этот роман, передающая отзыв Шатобриана. Видя глав-

⁸⁰ Библиотека для Чтения. 1836. Т. 17. Отд. VII. С. 72.

⁸¹ Там же. Т. 14. Отд. II. С. 203–232.

⁸² Там же. 1835. Т. 13. Отд. VII. С. 66.

⁸³ Там же. 1836. Т. 14. Отд. II. С. 232.

⁸⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 328.

ную заслугу американского писателя в том, что он «создал эпопею войны за независимость» и «очертил нравы диких племен, которые с каждым днем исчезают перед цивилизацией», Шатобриан вместе с тем восхищается картинами природы в куперовских романах: «...леса, в недрах которых погребены другие леса, упавшие от времени, болота и равнины, совсем затопляемые во время дождей... Там видишь птиц яркого цвета, похожих на большие красные и голубые цветы в древесной зелени». Куперовский пейзаж расцвечен радугой цветов шатобриановского романтизма.

Вслед за французским писателем «Телескоп» считает роман «Моникины» «ниже первых произведений автора», определяя его жанр и достоинства как «сатиру, немного темную, на глупости очень явные». Сравнивая роман Купера с великими произведениями сатирического жанра, рецензент «Телескопа» вопрошает: «Отчего “Гулливвер” Свифта, “Пантагрюель” Рабле, “Дон-Кихот” Сервантеса останутся неподражаемыми типами, а обезьяны Моникины смешаются с холодными аллегориями XV века? Оттого, что первые осмеивали живые нелепости, злоупотребления касты, олицетворяли их в неистощимо-веселых карикатурах; г. Купер, напротив, блуждает в темных диссертациях на все политические задачи, прошедшие и будущие...»⁸⁵. Роман остался в целом не понятым русской критикой, хотя политическая направленность книги Купера и вызвала разноречивые отклики в журналах.

* * *

Оценка и понимание творчества Купера, может быть, и остались бы в России на уровне статей и рецензий журнала Сенковского, если бы не явился такой ум, как Белинский. Чтобы реально представить себе, на каком уровне продолжали писать о Купере и американской литературе периодические издания Булгарина и Греча, обратимся к появившейся в конце 1841 г. анонимной статье «Литература и литераторы в Американских Штатах». В то время когда уже были опубликованы основные суждения Белинского о Купере и литературе США, «Северная Пчела», используя некоторые материалы из только что вышедшего в Париже очерка американской литературы⁸⁶, повторяла старые шаблоны антидемократической критики.

⁸⁵ Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9. С. 140.

⁸⁶ Vail E.A. De la littérature et des hommes de lettres des États-Unis d'Amérique. Paris: Gosselin, 1841. 617 p.

Статья в «Северной Пчеле» начинается сочувствием американскому обществу, осужденному «на беспремерные материальные труды», которые не позволили ему посвятить себя мирным занятиям литературой. И несмотря на эти причины, Америка имеет «нечто подобное на литературу» и сравнительно не бедна отличными писателями. «Кому не известны творения Вашингтона Ирвинга, Купера, Джеферсона или самого Вашингтона? Такие писатели могли бы принести честь обществу спокойному, сильному, правильному, политическое устройство которого существует гораздо долее»⁸⁷.

Однако «придворная газета», как называли на Западе «Северную Пчелу», не склонна восхищаться современной американской демократической литературой. «Пока Америка сохраняла политические и литературные предания монархической Европы, пока народное мнение стояло еще на точке перехода, являлись писатели великие, но как скоро совершилась перемена, как скоро древние общественные стихии заменились новыми порядками, умственная жизнь будто вдруг иссякла. Американский писатель стал говорить не с просвещенными людьми; мысли его стали сообразоваться не с благородным вкусом; его публика стала многочисленнее, но не просвещеннее; он подчинил себя народной массе... При таких условиях сочинения американских писателей неминуемо начали отражать в себе ненависть новой публики ко всякому отличию звания и состояния... ту ненависть, которая за две тысячи лет была характеристическою чертою демократического духа»⁸⁸.

Признав, что Ирвинг и Купер пользуются заслуженною и прочною славою («Кто читал его “Брейсбридж-холл”, его “Историю Нью-Йорка”, “Рассказы путешественника” и превосходное творение “Жизнь Колумба”, тот, конечно, удивлялся тонкому, прозорливому, язвительному уму знаменитого Вашингтона Ирвинга»), критик «Северной Пчелы» относит книги обоих писателей к явлениям европейской литературы: «...в Лондоне и Париже, а не в Нью-Йорке, нашел Вашингтон Ирвинг своих слушателей и многочисленную публику». Его художественные идеи основаны всецело на европейском вкусе, утверждает автор. То же говорится о Купере, «которого знаменитые романы едва ли не были внушены успехом Вальтер-Скотта».

Помимо демократического образа мыслей, имеются и другие причины литературной посредственности, господствующей, по

⁸⁷ Северная Пчела. 1841. 8 декабря. № 275. С. 1100.

⁸⁸ Там же.

мнению «Северной Пчелы», в Америке. Это пуританизм американского общества. «Скудное умственное достояние», остающееся от практической деятельности, поглощается журналистикой: «...это Джагернаут, который давит под колесами своей колесницы души и умы своих ослепленных поклонников». «Нет, призвание Америки несть призвание литературное, – резюмирует критик свою негативистскую точку зрения. – Назначение Штатов заключается в материальном развитии, т.е. в распространении торговли и промышленности»⁸⁹. Таково было расхожее мнение об американской литературе, когда со своей концепцией выступил Белинский.

Оценка Купера Белинским складывалась в результате чтения не только прославленных романов о Кожаном Чулке, о море, о войне за независимость, но и его политических романов, с которыми русский критик познакомился в 30-е годы. В известном письме к М.А. Бакунину в 1837 г. Белинский пишет: «Живя в Пятигорске, я перечел множество романов и между ними несколько Куперовых, из которых вполне понял стихии североамериканских обществ: моя застоявшаяся, сгустившаяся от тины и паутины, но еще не охладевшая кровь кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей, новых жидов, отвергшихся от Евангелия и признавших Старый завет. Нет, лучше Турция, нежели Америка; нет – лучше быть падшим ангелом, т.е. дьяволом, нежели невинною, безгрешною, но холодною и слизистою лягушкою! Лучше вечно валяться в грязи и болоте, нежели опрятно одеться, причесаться и думать, что в этом-то состоит все совершенство человеческое»⁹⁰.

Прежде чем расстаться с романтизмом романов о Натти Бумпо, писатель обратился к наследию Просвещения, стремясь найти в нем опору для своего искусства. Подобный эксперимент был необычен для американской литературы, от которой современники ждали достойного соперничества с литературой Европы, где на смену романтизму шел критический реализм. Это расхождение писателя со своим временем и горечь социальной сатиры «Моникинов» определили непопулярность и даже «провал» книги, не принятой современниками. Роман «мало читали и плохо понимали», по справедливому замечанию В.Л. Паррингтона⁹¹.

⁸⁹ Северная Пчела. 1841. 9 декабря. № 276. С. 1104.

⁹⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 167–168.

⁹¹ Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. Т. II. С. 264.

С «Моникинами» схожа читательская судьба другого романа Купера – «Браво», написанного раньше «Моникинов», но напечатанного в России позже романа об обезьянах⁹², поклоняющихся денежному мешку. В июне 1831 г. «Московский Телеграф» сообщал: «Купер печатает еще новый роман: “Браво”. Так называется один из героев Мексиканской революции. Не его ли избрал Купер героем своего романа»⁹³. И хотя писатель избрал своим героем вовсе не героя мексиканской революции 1821–1824 гг. генерала Николаса Браво (1787–1857), предположение журнала Полевого говорит само за себя: от Купера ожидали обращения к жгучим вопросам современности.

Бойкий журналист из «Сына Отечества» встретил появление русского перевода политического романа «Браво» на свой лад. Хлесткая рецензия начиналась по-балаганному зазывно: «А, разбойник Браво! попался! За то, что ты был такой злой при жизни, за то, что потом морил скукою в романе Куперовом, тебя перевели, как можно хуже, напечатали на разноцветной бумаге и продают так дешево, что и на Щукином Дворе найдутся для тебя покупатели. Там тебя, злодея, засалют, исчитают тебя в лоскутки, и так погибнешь ты, как погибают разбойники, тебе подобные!»⁹⁴

Низкий уровень перевода «Браво» отмечал и П.А. Плетнёв в «Современнике», однако все же полагал, что «переводы великих образцов всегда для литературы полезнее бесцветных или ложно исполняемых сочинений. Это особенно относится к историческому роду»⁹⁵.

Вполне определенную позицию по отношению к политическим романам Купера заняла «Библиотека для Чтения». Как и при

⁹² Реестр рукописей и печатных книг, поступивших в Петербургский цензурный комитет в 1832 г., свидетельствует, что роман «Браво», переведенный Е. Коведяевым в 1832 г., был на три года задержан цензурой (ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 196. Л. 41 об. и 42).

⁹³ Московский Телеграф. 1831. Ч. 39. № 11. С. 404. Русская критика обратила внимание на роман задолго до появления его на прилавках книжных магазинов Лондона и Парижа. Выходившая в Петербурге литературная газета «Колокольчик» сообщала 11 августа 1831 г., что Купер напечатал роман под заглавием «Браво». Это известие основывалось на том, что издатели Колберн и Бентли объявили о выпуске романа к 15 июня, однако затем этот срок был отодвинут на осень, и роман появился только 15 октября.

⁹⁴ Сын Отечества. 1839. Февраль. Т. 7. Отд. IV. С. 128.

⁹⁵ Современник. 1839. Т. 14. Отд. II. С. 47. То же в кн.: Плетнев П.А. Соч. и переписка / издал Я. Грот. СПб., 1885. С. 275.

оценке «Моникинов», журнал считал, что «это один из хороших романов Купера, но все-таки он не стоит тех, где Купер не выходит из своей стихии, воды»⁹⁶.

Роман «Браво, или Венецианский бандит» отражает историчность художественного мышления писателя и связь с общественными проблемами его времени. Именно так восприняла «Браво» русская демократическая критика. Прочитав опубликованную в «Сыне Отечества» девятую главу романа, описывающую состязание гондол⁹⁷, Кюхельбекер заносит в дневник: «...прочел отрывок из Куперова романа “Браво” – бег гондол. Не знаю, почему мне так стало жаль старика Антонио. Даже торжество его над соперниками не радует»⁹⁸.

Одна из наиболее восторженных рецензий Белинского посвящена именно этому роману. «Дивный, могучий, великий художник!» – восклицает Белинский и ставит американского романиста в один ряд с величайшими писателями: «Купер явился после Вальтера Скотта и многими почитается как бы его подражателем и учеником; но это решительная нелепость: Купер – писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же гениальный, как и шотландский романист. Принадлежа к немногочисленному числу перво-разрядных, великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами»⁹⁹.

Почти все журналы утверждали, что Купер – «хороший романист у себя в Америке да на море, а в Европе – срезался и что его “Браво” – скучный и пошлый роман». Иные делали вывод, что Купер может быть самым собой только в прерии, в лесу да на море, а перенеси он действие своего романа на землю Европы, то непременно потерпит кораблекрушение. «Но великий художник, – возражает подобным критикам Белинский, – не побоялся карканья критических вороньев или ворон; но, расправив свои могучие орлиные крылья, и на чужом материке, под чужим небом полетел тем же ему одному свойственным полетом, каким парил он и под небом своей родины. “Браво”, роман, местом действия которого Купер избрал Венецию, служит этому доказательством»¹⁰⁰.

⁹⁶ Библиотека для Чтения. 1839. Т. 33. Отд. VI. С. 4.

⁹⁷ Сын Отечества и Северный Архив. 1832. № 11. С. 187–210.

⁹⁸ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 323.

⁹⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. С. 158.

¹⁰⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 159. «В пылу полемики с “критическим вороньем” Белинский несколько преувеличил художественные достоинства “Браво”» (Савурёнок А.К. Роман Фенимора Купера «Браво» в оценке русской критики

В романе «Браво» Белинский увидел мастерски написанные образы людей из народа, «эти дивные образы, которые могла создать только фантазия великого художника». Таковы старый рыбак Антонио, «с его энергической простотою нравов, с его благородною грубостию», такова кроткая и чистая Джельсомина – дочь тюремного зрителя, любящая могучего и меланхолического Браво – Джакомо Фронтони. А за всем этим пестрым народным фоном встает «коварная, мрачная, кинжальная политика венецианской аристократии».

Белинский разглядел в романе нечто гораздо большее, чем то, о чем он мог открыто сказать в условиях николаевской цензуры. Перед читателем возникает картина обыденной жизни и нравов Венеции. Всяк занят своим; кто хочет погулять, кто достать деньжонок, кто поволочиться, кто пощеголять; лица всех веселы, публичные гулянья пестреют масками, по каналам разъезжают гондолы. И вдруг появляется неясная на первый взгляд фраза: «Но из всего этого выставляется какой-то колоссальный призрак, навещающий на вас оцепеняющий ужас...».

По-видимому, Белинский почувствовал в «кинжальной политике венецианской аристократии» нечто весьма близкое политике николаевского самодержавия. Такое сравнение возникает само собой, как-то произвольно, и «не раз во время чтения опустится у вас рука с книгою, и долго, долго будете вы смотреть вдаль, не видя перед собою никакого определенного предмета...»¹⁰¹.

Обращает на себя внимание и настойчивый совет Белинского прочесть роман в подлиннике «или хоть во французском переводе». Большого он сказать не мог. Но если бы русский читатель последовал его совету, то в авторском предисловии к первому изданию и особенно в публицистическом комментарии Купера к своим «европейским романам», появившемся в 1834 г. под названием «Письмо к соотечественникам», он обнаружил бы не только упоминание о сосланных на рудники декабристах, но и прямое сравнение власти венецианской аристократии с монархией Николая I, которая руководствуется в своей политике «желаниями аристократии»¹⁰².

1830-х годов // Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Наука, 1966. С. 127). Для Белинского художественное достоинство произведения было неотделимо от его политического звучания. В конце 1970-х появилась еще одна работа о восприятии Купера Белинским: *Попова И.М.* Фенимор Купер в оценке В.Г. Белинского // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1979. Вып. 6. С. 61–72.

¹⁰¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 160.

¹⁰² *Cooper J.F.* Representative Selections. N.Y.: American Book Co., 1936. P. 293.

Теперь становится понятно, почему Белинский так высоко оценил роман «Браво», почему в тексте его рецензии встречаются какие-то неясные намеки, недомолвки, многоточия. Не только художественные достоинства романа, но и его открытая политическая устремленность к задачам современности привлекла внимание русского критика. Эту мысль подтвердило и предисловие Купера к новому лондонскому изданию «Браво» в 1834 г.: «Цель романа – политическая. Он показывает, как мистифицируются народы, как мало несет ответственности аристократическое правительство, у которого гнусность низких деяний покоится на сообществе без души»¹⁰³.

Перевод куперовского «Следопыта», появившийся осенью 1840 г. в «Отечественных Записках» и выпущенный отдельным изданием в начале следующего года, стал событием в русской литературе. 4 октября 1840 г. Белинский пишет В.П. Боткину под впечатлением от чтения «Путеводителя в пустыне» (так назывался роман в русском переводе), или просто «Патфайндера», как именовал его Белинский: «Величайший художник! Я горжусь тем, что давно его знал и давно ожидал от него чудес, но это чудо – признаюсь – далеко превзошло все усилия моей бедной фантазии»¹⁰⁴. Говоря о том, что он «давно знал» произведения американского романиста, Белинский имеет в виду все линии творчества Купера как автора эпопеи о Кожаном Чулке, романов о море и политических романов, привлечших незадолго до того внимание русского критика.

Белинский был не одинок в своем восторженном отношении к новому роману Купера. Т.Н. Грановский после прочтения французского перевода, вышедшего под названием «Озеро Онтарио», писал 27 декабря 1840 г., что Купер – один из любимых его писателей (ранее он читал, как явствует из его писем, «Красного корсара», «Кормчего», «Последнего из могикиан» и «Прерии»)¹⁰⁵. Л.Н. Толстой в автобиографическом фрагменте «Оазис» приводит юношеское воспоминание о Куперовом Патфайндере, ассоциировавшемся с чем-то свежим, светлым и величественным: «Мне было 16 лет... Я заводил дружбу с Семеном садовником, и мы вставали до зари и шли на охоту. Все было прекрасно: раннее утро, роса, мочившая

¹⁰³ *Shulenberg A. Cooper's Theory of Fiction. His Prefaces and Their Relation to His Novels.* Lawrence: University of Kansas Press, 1955. P. 42.

¹⁰⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 558.

¹⁰⁵ Т.Н. Грановский и его переписка. М.: тип. Мамонтова, 1897. Т. II. С. 193–194, 139, 99.

ноги, глушь леса, жажда к утру и купанье в озере... Куперовский Патфайндер, Американские девственные леса, возможная величественная деятельность в этих лесах представлялась мне»¹⁰⁶.

Перевод «Путеводителя в пустыне» открывается «Предисловием автора», в котором к словам: «В главном лице этой легенды читатель может узнать старого друга в новых обстоятельствах», — сделано обширное примечание, подписанное сокращенно: *Перев.* В этом примечании переводчика (или переводчиков, поскольку роман переводили трое — М. Катков, И. Панаев и М. Языков) говорится об уже вышедших в русских переводах романах из цикла о Кожаном Чулке («Последний из могикан», «Пионеры», «Степи»): «Во всех их на переднем плане является колоссальный образ этого дивно-оригинального существа, этого сына природы, величавого и простого, как она, этого вечного жителя лесов и степей еще тогда девственной Америки, известного под именем Соколиного Глаза, Длинного Карабина или, как здесь слово в слово, Открывателя Следов»¹⁰⁷.

Если присмотреться к этому примечанию повнимательнее, то обнаруживаются удивительные совпадения характеристик романа и его героев с тем, что всего через четыре месяца было написано в анонимной рецензии, появившейся в «Отечественных Записках» и входящей ныне в собрание сочинений Белинского. Если в примечании к журнальному переводу говорится о «колоссальном образе этого дивно-оригинального существа», то в рецензии Белинского фигурирует «колоссальный образ того великого в естественной простоте своей существа». В примечании — «дивный мир»; в рецензии Белинского — «во множестве дивно созданных им лиц». Характеристика в примечании главного героя как «величавого и простого» сына природы, «вечного жителя лесов и степей еще тогда девственной Америки» всецело совпадает с тем, что писал о нем позднее Белинский.

Предположение, что все эти оценки и определения были высказаны сначала переводчиками, а затем уже перекочевали в текст рецензии Белинского, едва ли может звучать убедительно. Если вспомнить, что с осени 1839 г. Белинский возглавлял отдел критики и библиографии в «Отечественных Записках», что в каждом номере журнала анонимно печатались его рецензии, едва ли покажется странным, что он написал и примечание к переводу «Путе-

¹⁰⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. Т. 7. С. 139–141.

¹⁰⁷ Отечественные Записки. 1840. Т. 11. № 8. Отд. III. С. 151.

водителя в пустыне» и, чтобы отделить это примечание от текста «Предисловия автора», в составе которого оно появилось, отметил его наиболее естественным образом – пометкой «Перев.», что соответствовало скромному объему самого текста (два десятка журнальных строк).

Думается, что именно эта заметка-примечание и стала тем зерном, из которого выросла позднее рецензия на роман. Белинский не мог удовлетвориться кратким примечанием к роману, который так взволновал его, что в письме В.П. Боткину 12 августа 1840 г. он называет его «глубоким, дивным созданием». Но и специальная рецензия, написанная вскоре Белинским, как известно, тоже не удовлетворила критика, и он обещает вернуться к анализу романа: «Мы предоставляем себе удовольствие в скором времени поговорить, в особой статье, о “Путеводителе”; а поговорить будет о чем». Белинский даже намечает основную проблематику предполагаемого обширного анализа эпопеи Купера: «Эпиграф к роману: “Здесь сердце может дать полезный урок голове – и наука будет мудрее без книг” настроит тон нашей статьи...”¹⁰⁸.

Авторство Белинского, написавшего примечание к переводу «Путеводителя в пустыне», подтверждается и заключительной фразой этого примечания, столь близкого всему стилю его литературно-критической публицистики. Охарактеризовав кратко «эту чудную тетралогию, одно из благороднейших созданий куперова гения», автор заявляет: «Те, которые читали хоть один роман из этой цепи романов, знают уже, чего можно ожидать от этого нового создания Купера; те, которым не удавалось читать ни одного из них, вероятно, будут поражены зрелищем дивного мира, который раскроется здесь для них, и будут увлечены самым могущественным интересом, который когда-либо возбуждало эпическое произведение в духе нашего времени»¹⁰⁹.

Перед нами прямое совпадение с мыслями Белинского о преобладании эпического элемента в творчестве Купера, развитыми в опубликованной в начале 1841 г. статье «Разделение поэзии на роды и виды». Любопытно отметить, что эта большая работа Белинского появилась в «Отечественных Записках» с примечанием, подписанным аналогичным образом пометой: «Ред.». Как отмечает академическое издание сочинений Белинского, принадлежность этого примечания Белинскому не вызывает сомнения.

¹⁰⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 459.

¹⁰⁹ Отечественные Записки. 1840. Т. 11. № 8. Отд. III. С. 151.

Собираясь написать особую статью о куперовском «Путеводителе», Белинский считал, что этот роман – «такое творение, о котором должно или говорить все, или ничего не говорить». Подобной работы не появилось, хотя в статье «Разделение поэзии на роды и виды» он повторил свое обещание читателям «представить в скором времени подробный критический анализ “Путеводителя в пустыне”», ограничившись пока анализом двух образов – Натти Бумпо, или Патфайндера, и Мэйбл (Мабель в написании Белинского).

Таким образом, мы можем утверждать, что Белинский трижды обращался к разбору куперовского «Следопыта»: в краткой заметке, сопровождавшей публикацию перевода в «Отечественных Записках», в рецензии на роман в том же журнале и, наконец, в статье «Разделение поэзии на роды и виды», где именно мысль о «торжестве новейшего искусства в сфере эпической поэзии» заставила его вернуться к идее написать разбор всего романа. Все три выступления свидетельствуют о растущем интересе Белинского к эпической стороне творчества Купера и нравственной проблематике куперовского романа.

Как известно, еще летом 1839 г. Белинский вынашивал план издания библиотеки переводных романов. «Сперва будут переведены (с английского) Вальтер Скотт и Купер, – писал он А.А. Краевскому, – от первого романа до последнего, все – и переведенные, и не переведенные»¹¹⁰. В Москве организовалось общество для издания такой «Библиотеки романов», и Белинский сообщает, что Н.Х. Кетчер уже подготовил два романа Купера, а М.Н. Катков принимается за «Степи». Однако этот грандиозный замысел остался неосуществленным. Перевод «Путеводителя в пустыне», намечавшийся к изданию в этой библиотеке, появился в следующем году в «Отечественных Записках».

Купер задумал «Следопыта» еще в 1831 г. Ныне трудно судить, знал ли Белинский о долгой творческой истории романа, увидевшего свет в феврале 1840 г. (в авторском предисловии говорится, что план этого произведения возник несколько лет назад), но в своей рецензии на русский перевод он писал: «Долго готовился Купер к этому роману, как к великому подвигу; много лет прошло между тою минутою, когда впервые блеснула в душе его идея

¹¹⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 375. В письме Кетчеру от 3 августа 1841 г. Белинский вновь возвращается к этой идее, говоря, что Смирдин мечтает об огромных и дешевых изданиях всего В. Скотта и Купера (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XII. С. 60).

“Путеводителя”, и тою, когда он написал его: – так глубоко сознавал Купер важность задуманного им создания»¹¹¹.

Когда же роман вышел в свет, то сразу завоевал любовь современников. Во Франции о нем с упоением писал Бальзак, хотя и ставил его ниже Вальтера Скотта из-за «оригинальной неспособности к комическому», в России – Белинский, напротив, ставил его выше Скотта, потому что в романах Купера «больше глубины и больше художественной целостности». Сравнение этих оценок представляет интерес для выявления двух национальных точек зрения на творчество американского романиста.

Бальзак в «Письмах о литературе, театре и искусстве» (1840) главное очарование Купера усматривает в картинах природы, переходящих в сюжет и фабулу романа «Следопыт»: «Опасности так связаны с особенностями страны, что вы внимательно изучаете скалы, водопады, пиро́ги, кусты; вы перевоплощаетесь в страну; она входит в вас или вы в нее, – не угадаешь, как происходит эта метаморфоза, вызванная гением; но вы не в состоянии отделить почву, растительность, воды, их ширь и очертания от волнующих вас интересов... Купера нельзя превзойти, когда он приобщает вас к красоте американской природы... но он гораздо слабее в подготовке драмы и искупает эту слабость лишь красотой деталей»¹¹².

Для Бальзака отказ Натти Бумпо от Мэйбл, когда он узнает, что она любит другого, не представляет решительно никакого интереса. Белинский же кладет эту нравственную черту характера Натти в основу всей оценки романа. «Основная идея его – один из величайших и таинственных актов человеческого духа: самоотречение, и, в этом отношении, роман есть *апотеоз самоотречения*»¹¹³. Ту же идею при характеристике образа Натти Бумпо развивает Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды», называя куперовского героя человеком с глубоким чувством нравственного долга и мощным духом, который провел «лучшие года своей жизни с охотничьим ружьем за плечами в девственных, неисходных лесах Америки, добровольно отказавшийся от удобств и приманок цивилизованной жизни для широкого раздолья величавой природы... Человек, возмужавший под открытым небом, в вечной борьбе с опасностями, в вечной войне с хищными зверями и злыми мингами; человек с железными мышцами и стальными

¹¹¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 459.

¹¹² Бальзак об искусстве / сост. В.Р. Гриб. М.; Л.: Искусство, 1941. С. 88, 90.

¹¹³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 459.

мускулами в сухощавом теле, с голубиным сердцем в лвиной груди»¹¹⁴. Встреча такого героя с «прекрасным, грациозным явлением женственного мира» – Мэйбл – составляет основную нравственную коллизию романа.

Если Бальзака поразили в Купере великолепные картины величественной природы Америки, то подход Белинского к наследию американского писателя был совершенно иным. Русский критик в соответствии с национальными традициями высокой гражданской миссии литературы объясняет творчество Купера условиями общественно-политической и нравственной жизни Соединенных Штатов. Он видит в американском «нувеллисте» бытописателя американского общества. Этим же объясняется и высокая оценка образа Мэйбл, который критика обычно, как и все женские образы Купера, считала невыразительным.

Белинский сам подсказывает сопоставление героини Купера с пушкинской Марией, ибо вслед за анализом образа героини «Полтавы» («Какое торжество женской натуры в ее ответе в пользу возлюбленного, как бы насильно, подобно болезненному воплю, исторгнутом из ее души!») переходит к роману Купера и характеристике взаимоотношений Патфайндера, Мэйбл и Джаспера, которую она любит.

Известно, что Белинский резко осуждал пушкинскую Татьяну за то, что она принесла свои чувства в жертву «законам подлой, бессмысленной и презираемой» толпы, противопоставляя ей Марию, которую в нравственном отношении ставил несравнимо выше Татьяны. «Творческая кисть Пушкина нарисовала нам не один женский портрет, но ничего лучше не создала она лица Марии, – писал Белинский. – Что перед нею эта препрославленная и столько восхищавшая всех и теперь еще многих восхищающая Татьяна – это смешение деревенской мечтательности с городским разумением?..»¹¹⁵

Мэйбл – героиня того же плана, что и пушкинская Мария. В письме к Боткину от 10 декабря 1840 г., т.е. в то время, когда он работал над рецензией о «Путеводителе в пустыне» и обдумывал «Теоретический и критический курс русской литературы», отрывок из которого был опубликован под названием «Разделение поэзии на роды и виды», Белинский дает характеристику Мэйбл как

¹¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 27.

¹¹⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VII. С. 425.

«истинной женщины», живущей по принципу «любовь есть религия женщины»: «Мабель – вот истинная женщина, чуждая всякой мелочности, нормальная и простая в глубокости своей. Колоссальное величие Патфайндера и его глубокая любовь к ней не заслонили от нее доброго, простого и возвышенного Джаспера; поняв первого, оценив его чувство и отдав ему полную дань женского сострадания, она отдалась Джасперу без всякого сценизма и эффектов. В ней нет мечтательности, магнетизма и мистицизма»¹¹⁶.

Мария – больше женщина, но зато и больше исключение. Близкий ей образ Мэйбл – уже не исключение, а тип американской женщины, как столь отличная от них обеих Татьяна – тип русской женщины... Белинский не только сумел понять душу куперовской героини, но и соотнес ее с национальным характером русской женщины, определив через него национальный характер американки. Если бы замысел написать большую статью о Купере осуществился, все эти едва намеченные в статьях, рецензиях и письмах мысли получили бы, несомненно, более полное развитие. Однако ход мысли Белинского, его оценки художественных достижений американского писателя, для нас ясен и по этим отрывочным и не всегда развернутым замечаниям.

Белинский видел в эпической форме романа Купера черты, близкие Шекспиру. Характеризуя «Путеводителя в пустыне» как итог творчества писателя, критик отмечал его истинную художественность: «Едва ли, между всеми известными романами, можно указать на творение, которое отличалось бы такою глубиною идеи, смелостию замысла, полнотою жизни и зрелостию гения! Многие сцены “Путеводителя” были бы украшением любой драме Шекспира»¹¹⁷.

Еще более определенно о шекспировском начале в романе Купера говорит Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды», утверждая синтез драматического и эпического начал как признак новейшего искусства: «Купер является здесь глубоким сердцеведцем, великим живописцем мира души, подобно Шекспиру. Определенно и ясно выговорил он невыразимое, примирил и слил воедино внешнее и внутреннее, – и его “Путеводитель в пустыне” есть шекспировская драма в форме романа, единственное создание в этом роде, не имеющее ничего равного с собою... И всем этим роман обязан, после великого творческого гения своего

¹¹⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 574.

¹¹⁷ Там же. Т. IV. С. 459.

автора, глубокому драматическому началу, которое просвечивает в каждой строке повествования, как солнечный луч в граненом хрустале...»¹¹⁸. Эпическое начало, о котором Белинский говорит как о «торжестве новейшего искусства», и определяет для него в конечном счете эстетическое достоинство романа.

Шекспир был для Белинского мерилом поэтичности и художественной правдивости. Сравнение Купера с Шекспиром – высшее признание Купера как художника. Читать Купера, Вальтера Скотта и Шекспира значит, по мысли Белинского, «оторваться на время от идеального мира и войти, сколько возможно, в интересы мира положительного и практического»¹¹⁹. Правдивое и социально-конкретное отражение действительности в книгах английских и американских писателей было определяющим при их оценке демократической русской критикой.

Литература может создавать два рода воображаемого мира: призрачный и действительный. К первому Белинский относит готические романы Радклиф и холодные пьесы Сумарокова, Расина и Корнеля; ко второму роду принадлежат великие произведения Гомера, Шекспира, Вальтера Скотта, Купера, Гёте, Гофмана, Пушкина, Гоголя. Эту мысль, высказанную в 1839 г., Белинский неоднократно повторял позднее и подчеркивал, что в романах Вальтера Скотта и Купера «изображена жизнь действительная, а не воображаемая»¹²⁰. Критерий реальности изображаемого, связи с действительностью оставался для Белинского главным при рассмотрении и реалистов, и романтиков.

Отличие литературы истинной от ложной постоянно находилось в центре внимания критика. В письме к Боткину от 11 декабря 1840 г. он относит Купера, наряду с Шекспиром, Скоттом, Байроном, Гёте, Пушкиным и Гоголем, к высшей, или художественной поэзии.

Рецензируя роман У. Годвина «Калеб Вильямс», Белинский поверяет его высшими критериями – «Илиадой» и «Фаустом», драмами Шекспира, романами Скотта и Купера. В статье о гробоводском «Горе от ума» имя Купера фигурирует среди тех, кто принадлежит к «новейшему искусству». При этом перечень имен почти не меняется: Шекспир, Сервантес, Байрон, Вальтер Скотт,

¹¹⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 28.

¹¹⁹ Там же. Т. XI. С. 562.

¹²⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: [в 13 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 140.

Купер, Гёте, Шиллер, Пушкин. Впервые этот ряд имен, хотя и не в полном составе, появился у Белинского в статье «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» (1836) и затем в течение всей жизни критика оставался почти неизменным. Даже в поздних статьях о «Мертвых душах», возражая К.С. Аксакову по поводу эпической характеристики романа Гоголя, Белинский вновь перечисляет тех же классиков: Сервантес, Гёте, Шиллер, Байрон, Вальтер Скотт, Купер, добавляя к этому списку имена Данте, Беранже и Жорж Санд.

Высмейвая «жалкую» и «устарелую» мысль о «положительности и индустриальности нашего века», будто бы враждебных искусству, Белинский приводил в качестве доказательства книги Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Пушкина, Гоголя, Мицкевича, Гейне и других художников слова. Сходную мысль мы встречаем несколько лет спустя в эссе Ралфа Эмерсона «Поэт»: «Читатели, живущие в фабричном городе, через который проходит железная дорога, полагают, что пейзажная поэзия более невозможна... но поэт ясно видит, что они <фабрика и железная дорога> вливаются в великий Порядок не менее органично, чем улей или геометрически строгий рисунок паутины»¹²¹. Так русская и американская демократическая критика реагировала на сомнения и беспокойства, порожденные эпохой промышленного переворота, утверждая, что вторжение техники в жизнь «есть только одна сторона многостороннего XIX века»¹²², что «наш индустриальный век гордо называет своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже и многих других художников»¹²³. Конечно, полагал Белинский, развитие литературы не может на них окончиться. «Неужели же это – все последние поэты», – иронически восклицает критик.

В одной из ранних рецензий 1835 г. Белинский замечает: «Кто прочтет и поймет хотя один роман Вальтера Скотта или Купера, тот будет в состоянии вполне оценить какого-нибудь “Дмитрия Самозванца” или какую-нибудь “Черную женщину”, ибо достоинство вещей всего вернее познается и определяется сравнением»¹²⁴. Эта мысль, оброненная начинающим критиком,

¹²¹ Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 312.

¹²² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 432.

¹²³ Там же. Т. VI. С. 470.

¹²⁴ Там же. Т. I. С. 130. «Дмитрий Самозванец» (1830) – роман Ф.В. Булгарина, «Черная женщина» (1834) – роман Н.И. Греча.

сделалась в дальнейшем исходною при анализе социально обусловленного художественного вкуса в его историческом развитии.

В статье о «Полном собрании сочинений А. Марлинского» (1840) Белинский формулирует положение, ставшее основополагающим в диалектическом понимании им эстетики как движущегося самопознания литературы и искусства и роли в этом процессе читателя с его художественным вкусом. Говоря о законах развития массового литературного чтения, которое он называл «фризурной» литературой толкучего рынка (от «фризовых шинелей», в которых обычно ходили бедные сочинители литературного хлама), великий критик отмечает значение романов Купера и Вальтера Скотта в борьбе с той «массовой литературой», которая наводняла книжный рынок во времена Белинского. «Для массы общества все внешнее доступнее внутреннего, – и она бросается на внешнее... Но главная заслуга внешних талантов состоит в том, что они отрицательным образом воспитывают и очищают эстетический вкус публики: пресытись их произведениями, многие обращаются к истинным произведениям искусства и научаются ценить их. Кто не восхищался романами Радклиф, Дюкре-Дюмениля, Августа Лафонтена, г-жи Жанлис и Коттен и даже не предпочитал их сначала романам Вальтера Скотта и Купера?»¹²⁵ Многие читатели только благодаря Вальтеру Скотту и Куперу поняли истинную цену этих книг.

Известному классу читателей бесполезно доказывать, считал Белинский, что романы Вальтера Скотта и Купера лучше «Приключений Георга, английского милорда», любимой повести книголюбцев гостиного двора. Лишь постепенная эволюция художественного сознания могла изменить склонности и симпатии таких читателей, всегда интересовавших критика, как представители усредненного восприятия литературы.

Известно, что в ранний период своей деятельности Белинский недооценивал Диккенса, причисляя его к второстепенным писателям¹²⁶. Заметив, что романы Диккенса «толпа... читает с большим удовольствием, чем романы Вальтера Скотта и Купера»¹²⁷, Белинский считает, что книги Диккенса должны подводить

¹²⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 52.

¹²⁶ См.: Алексеев М.П. Белинский и Диккенс. (К истории английского влияния в русской литературе) // Венки Белинскому / под ред. Н.К. Пиксанова. М., 1924. С. 152–204; Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М.: Наука, 1966. С. 22.

¹²⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 604.

читателя к уже утвердившим свое высокое художественное достоинство произведениям Скотта и Купера.

Для критика важна здесь не столько характеристика Диккенса, сколько сама мысль о различных этапах эстетического восприятия литературных произведений. В небольшой рецензии на «Оливера Твиста» он, сопоставляя Диккенса с Вальтером Скоттом и Купером в пользу последних, развивает теорию формирования эстетического вкуса. Говоря, что романы Диккенса более по плечу массовому читателю, чем книги Вальтера Скотта и Купера, «до которых ей <толпе> не дотянуться и на цыпочках», Белинский тем самым не принижает Диккенса, о чем свидетельствует уже следующая фраза («Однакож это не мешает Диккенсу быть писателем с замечательным талантом...»), а лишь подчеркивает свой главный тезис о том, что достоинство художественного произведения, «прекрасных романов Диккенса “Николай Никльби” и “Оливер Твист”» в том числе, состоит в «верности действительности».

Последнее наблюдение (критик не столько анализировал творчество Диккенса, сколько использовал его для сравнения с Купером и Скоттом при разработке концепции эстетического вкуса) подтверждается также обстоятельством, на которое не обращали достаточного внимания диккенсоведы: речь о Диккенсе в те годы заходит всякий раз не сама по себе, а при сопоставлении его с Купером и Вальтером Скоттом.

Называя Скотта и Купера «двумя великими исполинами-художниками», Белинский отмечал неувядающую эстетическую ценность их произведений и рекомендовал «читать все без исключения романы Вальтера Скотта и Купера, которые, по светлому и верному взгляду на жизнь, по гениальной глубокости, а вместе с тем, спокойствию и елейности духа, заслуживают название представителей разумной действительности, поэтически воспроизведенной в великих художественных созданиях, и непременно должны быть воспитателями юношества, хотя равно существуют и для возмужалости и для старости»¹²⁸. Сам Белинский настолько проникся образом куперовского Следопыта (Патфайндера), что в одном из писем, рассказывая о себе, замечает: «Видно, такова уже моя натура, как говорит Патфайндер»¹²⁹.

¹²⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 98.

¹²⁹ Там же. Т. XI. С. 559. В обзоре «Русская литература в 1840 году» Белинский даже пришел к мысли, что «Патфайндер» – «это гениальное произведение, каким только ознаменовалась, после Шекспира, творческая деятельность» (Т. IV. С. 429).

Белинский видел заслугу Купера в том, что он «создал особый род романов – американско-степных и морских»¹³⁰. Говоря о специфике развития американской литературы, начинающейся, по мнению критика, с романов Купера (Белинский не знал или, по крайней мере, не придавал серьезного значения американской поэзии XVIII и начала XIX в.), он выводил общую закономерность: «С лиризма начинается почти каждый поэт, так же как с него начинается каждый народ. Сам Вальтер Скотт перешел к роману от лирических поэм. Только литература Северо-Американских штатов началась романом Купера, и это явление так же странно, как и общество, в котором оно произошло»¹³¹. Таким образом, даже отсутствие необходимого исторического звена в развитии американской литературы не мешало великому критику сделать правильное обобщение основных тенденций в формировании национальной литературы.

Вместо традиционного для русской критики 30–40-х годов сравнения Купера с Вальтером Скоттом Белинский предлагает анализ художественной неповторимости каждого из этих художников. «Вальтера Скотта не должно и сравнивать с Купером, так же как Купера с Вальтером Скоттом: каждый из них велик по-своему, каждый самобытен и оригинален в высшей степени, а по силе творческой деятельности оба они принадлежат к величайшим мировым явлениям в сфере искусства»¹³².

Соотношение творчества Купера и Скотта занимало Белинского с той памятной встречи с Лермонтовым около 14 апреля 1840 г., когда, по воспоминаниям И.И. Панаева, критик провел с поэтом четыре часа с глазу на глаз и от него пришел прямо к нему, Панаеву. «Я взглянул на Белинского, – рассказывает тот, – и тотчас увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа. Белинский, как я замечал уже, не мог скрывать своих ощущений и впечатлений и никогда не драпировался. В этом отношении он был совершенный контраст Лермонтову.

– Знаете ли, откуда я? – спросил Белинский.

– Откуда?

– Я был в ордонанс-гаузе у Лермонтова и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!! Вы знаете мою светскость и ловкость: я вошел к нему и сконфузился, по обыкновению. Ду-

¹³⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 158.

¹³¹ Там же. Т. IV. С. 198.

¹³² Там же. С. 458.

маю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его женировать, он меня... Что еще связывает нас немного – так это любовь к искусству, но он не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решил пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер-Скотте... “Я не люблю Вальтер-Скотта, – сказал мне Лермонтов, – в нем мало поэзии. Он сух”, – и начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него – и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самым собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. И он перешел от Вальтер-Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нем несравненно более поэзии, чем в Вальтер-Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом – и что удивило меня – даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самым собою, – я уверен в этом...”¹³³.

В этом пространном рассказе, который мы привели целиком, чтобы передать атмосферу, породившую то определение Купера, которое Белинский отстаивал в дальнейшем в своих статьях, в этой беседе, помимо русского критика и русского поэта, незримо присутствует третий, кто заставил с таким жаром говорить Лермонтова, кто сделал его хотя на минуту самым собою, кто, сам того не ведая, сблизил на миг сердца двух великих русских литераторов.

С именем Купера в русских демократических кругах связывалось столь многое, что нашему современнику даже трудно себе это представить. Характерно, что сам Белинский в письме к Боткину рассказывал о встрече с Лермонтовым почти в тех же выражениях, в каких затем писал о Купере в своих статьях и письмах: «Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше В<альтер> Скотта,

¹³³ Панаев И.И. Литературные воспоминания / под ред. И. Ямпольского. М.: Гослитиздат, 1950. С. 136–137.

что в его романах больше глубины и больше художественной целости. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же»¹³⁴. Несомненно, что и статья о «Путеводителе в пустыне» написана Белинским под впечатлением от беседы с Лермонтовым, хотя отношение к Куперу сложилось у критика еще в середине 30-х годов.

Очевидно, о своем впечатлении от встречи с Лермонтовым Белинский тогда же писал А.В. Кольцову (письма Белинского к нему не сохранились). Во всяком случае через две недели после беседы Белинского с Лермонтовым в ответном письме Белинскому Кольцов сообщал из Воронежа, что читает «Американские степи» и «Шпиона» и при этом он не соглашается с предпочтением, отдаваемым Куперу: «И Купер человек гениальный, однако не Вальтер Скотт»¹³⁵. Сам собой напрашивается вывод, что в не дошедшем до нас письме Белинского к Кольцову речь шла о Купере, который сравнивался с Вальтером Скоттом.

Отношение к творчеству Купера связано для Белинского с оценкой русской литературы, с пониманием ее общественных проблем. В этом заключается органическое восприятие наследия Купера критиком-демократом, увидевшим в американском писателе сторонника правдивого искусства, связанного с действительностью. Именно это достоинство Купера было для Белинского важнее деления писателей на классиков и романтиков или на романтиков и реалистов, возникшего в среде академического литературоведения. В борьбе с «псевдореализмом» Белинский обращался к творчеству писателей-романтиков, если они несли с собою художественную глубину, как Купер.

Беседа с Лермонтовым и то обстоятельство, что Белинский «давно так думал», определили характер проводимого им сравнения Купера и Вальтера Скотта, которым начинается статья о «Путеводителе в пустыне». Если молодой Герцен в статье о Гофмане, появившейся в 1836 г. в «Телескопе», считает Купера всего лишь двойником Скотта, его *alter ego*, повторяющим его так, как Соединенные Штаты повторяют Англию, то Белинский дает сопоставление художественной манеры двух писателей.

¹³⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 508–509. В другом письме Боткину, через месяц после разговора с Лермонтовым о Купере, Белинский пишет: «Ты еще не знаешь Купера, который если не равен Вальтер Скотту, то уже непременно выше его, как художник» (Там же. С. 524).

¹³⁵ Кольцов А.В. Сочинения: в 2 т. М.: Сов. Россия, 1958. Т. 2. С. 87.

Американское повторение Вальтера Скотта, пишет Герцен, иногда интереснее своего прототипа, «ибо иногда Америка интереснее Шотландии». Главное же различие двух романистов Герцен усматривает в том, что романы Скотта исторические, а «Куперовы надо назвать статистическими, ибо Америка – страна без истории, без аристократического происхождения, страна *parvenue*, имеющая одну статистику»¹³⁶.

Сравнение Белинского отличается большей широтой и направлено на эстетическую сущность различия писателей. И хотя Вальтера Скотта принято считать реалистом, а Купера романтиком, симпатии Белинского целиком и полностью на стороне последнего: «Купер нисколько не ниже Вальтера Скотта; уступая ему в обилии и многосложности содержания, в яркости красок, он превосходит его в сосредоточенности чувства, которое мощно охватывает душу читателя прежде, чем он это заметит; Купер превосходит Вальтера Скотта тем, что, по-видимому, из ничего создает громадные, величественные здания и поражает вас видимою простотою материалов и бедности средств, из которых творит великое и необъятное»¹³⁷. Так и слышится здесь голос Лермонтова, звучащий в ордонанс-гаузе, слова о поэзии Куперовых романов, с жаром произносившиеся русским поэтом, которого к тому времени уже не было среди живых.

Давая в статье «Разделение поэзии на роды и виды» наиболее объективную оценку Скотта и Купера, Белинский подчеркивает достижения и неповторимость каждого из этих столь художественно близких и столь национально различных писателей. «По художественному достоинству своих романов Вальтер Скотт стоит наряду с величайшими творцами всех веков и народов. Он истинный Гомер христианской Европы. Наравне с ним стоит гениальный Купер, романист Северо-Американских Штатов. Его романы совершенно самобытны и, кроме высокого художественного достоинства, не имеют ничего общего с романами Вальтера Скотта, хотя, впрочем, и были их результатом, в смысле исторической последовательности развития новейшей литературы: за Валь-

¹³⁶ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 69. Герцен неоднократно использовал куперовские образы в своих письмах и книгах. В «Былом и думах», говоря о характере Н.Х. Кетчера, он пишет, что в нем есть что-то патфайндеровское, и называет его то «последним могиканом» (гл. XXII), то «куперовским пионером» (раздел «Русские тени», гл. 1). Образом «последние могикиане» Герцен пользуется также в письме к И.С. Тургеневу 15 (3) октября 1861 г.

¹³⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 458.

тером Скоттом остается слава создания новейшего романа»¹³⁸. Таким образом, по мысли Белинского, эпическое начало в современном романе связует обоих художников.

Все выступления Белинского по поводу Скотта и Купера так или иначе направлены против утвердившегося в западноевропейской критике мнения (перенесенного и в русские журналы), будто успех Вальтера Скотта пробудил талант Купера, которого отныне стали именовать «американским Вальтером Скоттом».

Белинский определял значение Купера и Вальтера Скотта в связи с исторической обусловленностью этих писателей. Философско-эстетическая эволюция самого Белинского, безусловно, отразилась на восприятии им Купера. Одну из наиболее глубоких характеристик Купера и Скотта, анализ диалектики «влияния» английского романиста на американского находим мы в статье Белинского, написанной за год до смерти. Мысль критика переключается здесь с замечаниями Герцена в «Телескопе», но это – переключка уже в период нового осмысления творчества Купера в русской критике, отрицание односторонности суждения Герцена о «повторяемости» двух стран и двух писателей.

«Между романами Купера и Вальтера Скотта, – писал Белинский, – столько же сходства, сколько между старою, историческою гражданственностью Англии и юною, лишенною почвы преданий, еще не установившеюся цивилизациею Северо-Американских Штатов, сколько между бледною природою тесного пространства, занимаемого Великобританиею, и богатою природою неисходных девственных пустынь Северной Америки. А между тем, нисколько не подражая Вальтеру Скотту, Купер больше и лучше его жалких подражателей воспользовался открытою им новою великою дорогою в искусстве»¹³⁹. Иначе говоря, обращение Купера к опыту Скотта было обусловлено потребностями развития американского романа и привело к активному отбору в английском литературном наследии того, что в наибольшей степени отвечало нуждам литературного процесса в США того времени.

В январе 1842 г., через несколько месяцев после выхода в свет последнего романа Купера о Кожаном Чулке – «Зверобоя», «Санкт-Петербургское английское обозрение», издававшееся на английском языке, напечатало отрывок из романа, выбрав одну из лучших и важнейших во всем замысле книги сцен – описание убийства Зверо-

¹³⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 42.

¹³⁹ Там же. Т. X. С. 106.

боем первого индейца¹⁴⁰. С этого знаменательного события в жизни героя его стали именовать за меткость Соколиным Глазом, однако убийство индейца вызывало у Натти какое-то смешанное чувство раскаяния и внутренней боли. Завершая работу над пенталогией, Купер вновь выступил писателем-гуманистом, прославляющим «внебуржуазного» Человека. Жорж Санд, высоко ценившая талант Купера, писала, что «лицо Натаниэля есть отблеск поэтической души Купера»¹⁴¹. Много лет спустя Горький свидетельствовал, что образ Бумпо «всюду возбуждает симпатии читателя честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих»¹⁴². Натти Бумпо стал для Купера и его читателей живым воплощением человека, шагнувшего к ним из ранней истории Соединенных Штатов.

* * *

Оценка творчества Купера Белинским сказалась на всей русской журналистике 40-х годов, обращавшейся в той или иной форме к новым переводам романов американского писателя. Рецензируя его роман «Вайандотте», «Отечественные Записки» называют Купера «гениальным романистом, под волшебным пером которого встает живая, облеченная во все прелести свои, девственная природа Америки»¹⁴³.

Мировая слава романов о Кожаном Чулке закрыла от современников, да и от последующих поколений читателей, поздние социальные романы Купера. Для американской и европейской критики характерно противопоставление «великолепной пенталогии» социальным романам писателя, которые неизменно третировались ею. Эта несправедливость была отмечена и подвергнута критике крупнейшими американскими литературоведами демократического направления – В.Л. Паррингтоном, а затем Ван Вик Бруксом в его книге «Мир Вашингтона Ирвинга» (1944).

В 40-е годы в русской и западноевропейских литературах прочно утвердился критический реализм. Общие тенденции развития не могли не коснуться и американской словесности. Первым, кто привнес критический реализм в каких-то весьма существенных его эле-

¹⁴⁰ The St. Petersburg English Review of Literature, the Arts and Sciences. 1842. January 15. Vol. I. N 2. P. 123–136.

¹⁴¹ Сын Отечества. 1856. 23 декабря. № 38. С. 258.

¹⁴² Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. XXIV. С. 226.

¹⁴³ Отечественные Записки. 1843. Ноябрь. Т. 31. Отд. VII. С. 20.

ментах в литературу США, был Купер. Это не было случайностью. Великого американского писателя-романтика неизменно волновали социальные проблемы Америки. О них он писал в своих публицистических книгах «Американский демократ», в очерках путешествия по Европе, в «Моникинах». Отражение тех же острых проблем американской жизни мы находим и в его прославленных романах.

Появление в 1845 г. первой части трилогии Купера о земельной ренте, романа «Сатанстоу», утвердило начало развития критического реализма в большом американском романе. Романтизация патриархального прошлого дореволюционной Америки сочетается в нем с острыми реалистическими зарисовками. Перед нами история пяти поколений одной семьи на протяжении столетия, история о том, как создавалась капиталистическая Америка, причем социальные мотивы нарастают в трилогии по мере продвижения действия от колониального периода к эпохе американской революции и от нее – к современной Америке.

Рассматривая Купера только как романтика, критики нередко относили реалистические черты его поздних социальных романов за счет недостатков, «усыхания» его таланта. Показательны в этом отношении отзывы русской журнальной критики о трилогии, в центре которой аграрные волнения в штате Нью-Йорк в 40-е годы, протест мелких фермеров против крупного помещичьего землевладения. В «Отечественных Записках» роман «Сатанстоу» вызвал положительный отклик. Журнал писал, что этим романом «знаменитый американский писатель еще увеличил свою литературную славу». С чувством особого удовлетворения говорилось в журнале о поэтичности, естественности и правдивости прозы Купера: «Местные описания, портреты, характеры, разговоры, – все очерчено с тою верностью, с тем поэтическим колоритом и драматическим одушевлением, которые составляют отличительные черты таланта Купера. У него все взято прямо с натуры. Все лица и характеры его остаются верны самим себе до конца»¹⁴⁴.

Единственный и неизменный недостаток романов Купера журнал видит в «утомительных длиннотах». «Конечно, хорошо давать отдых уму читателя, который сбивается в событиях и эффектах, следующих один за другим, как гром за молнией, в новейших французских романах; но не должно и утомлять его, – пишет анонимный рецензент журнала. – У Купера обыкновенно действие слишком долго подготавливается и также долго развязывается»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Отечественные Записки. 1846. Т. 44. № 2. Отд. VII. С. 48.

¹⁴⁵ Там же.

Однако после ухода в 1846 г. Белинского из редакции «Отечественных Записок» журнал резко меняет свое отношение к Куперу и его новейшим романам. Последняя часть трилогии о земельной ренте «Краснокожие» вызвала отрицательную рецензию. В вину писателю ставится то, что он взял «беспокойное время не с художественною целью, а с поучительною, так что добрые три четверти книги наполнены всевозможными рассуждениями и доказательствами»¹⁴⁶.

Даже издававшийся Ф.А. Кони журнал «Пантеон» подошел к переводу на русский язык первой части трилогии, появившейся под названием «Мисс Анна», более объективно, чем бесцветные в те годы «Отечественные Записки». Вслед за Белинским, высказавшим когда-то мысль, что «Купер взял возможно полную дань с жизни Северо-Американских Штатов»¹⁴⁷, «Пантеон» писал: «Только американец мог так описать американскую жизнь, и только она могла давать ему сюжеты и краски, которыми он воспользовался как великий художник и поэт в прозе»¹⁴⁸. В отличие от Вальтера Скотта, продолжает рецензент, романист Нового Света почти исключительно брал своих героев из среды людей обыкновенных, нередко даже из низшего класса.

В 50-е годы пора преклонения перед Купером осталась позади. Теперь на страницах журналов нельзя было встретить таких рекомендаций, как в «Отечественных Записках» времен Белинского: «Купер один из тех писателей, которых надо читать вполне и глубоко входить в природу и характеры, которые он изображает, чтобы вполне понимать его цену, тем более что в его созданиях природа занимает почти столько же места, как и люди»¹⁴⁹.

Эволюция, проделанная «Отечественными Записками» в оценке Купера, характерна и знаменательна для всей русской критики того периода. В первый год своего существования журнал А. Краевского писал о романах Скотта и Купера с оттенком какой-то романтической ностальгии, как об уходящей в безвозвратное прошлое молодости: «Читатели верно хорошо еще помнят то счастливое время, когда они целые бессонные ночи просиживали над романами Вальтера-Скотта или Купера. Впечатления их были так живы и сильны, прелесть рассказа так увлекательна... Они вместе с Ивангеем <Айвен-

¹⁴⁶ Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 2. Отд. VII. С. 40.

¹⁴⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 278.

¹⁴⁸ Пантеон. 1853. Т. 12. № 11. Отд. VII. С. 13.

¹⁴⁹ Отечественные Записки. 1843. Т. 27. № 3. Отд. VII. С. 23.

го> на борзom коне мчались по поприщу турнира... с Полем Джонсом разделяли опасные труды его удалого крейсерства у берегов британских. В самом деле, кроме Вальтера-Скотта и переимчивого Северо-Американца, ученика его Купера, кто в своих романах умел выводить такую толпу характеров столько же разнообразных, сколько оригинальных, лиц беспрестанно действующих?»¹⁵⁰

И тот же журнал десять лет спустя в связи с выходом куперовского романа «Кратер», первой социальной утопии, направленной против современной буржуазной Америки, весьма мрачно замечал: «Судя по новым романам Купера, должно ожидать, что следующий роман будет еще хуже. Дай бог, чтоб мы ошиблись и чтоб Купер был в состоянии подарить свету такое произведение, как “Шпион”, “Последний могиан”, “Путеводитель в пустыне”. К несчастью, это почти невероятно»¹⁵¹. С расцветом реалистической литературы интерес к Куперу и Скотту продолжал ослабевать.

С другой стороны, воинствующие противники «натуральной школы» попытались противопоставить Купера реализму Гоголя. Барон Е.Ф. Розен, рекомендуя «благовниманию наших молодых, еще столь неопытных в деле искусства, но талантливых романистов» свое понимание целей и задач романа, за подтверждением которого он обращался к авторитету Купера (в частности, к только что вышедшему в русском переводе роману «Два адмирала»), формулирует «первую заповедь» всякого романиста: «Роман принадлежит к области поэзии, не долженствующей быть унижаемой до роли площадной шутихи, до того неизящества и до той бесформенности, которые составляют элемент так называемой *натуральной школы* и сущность “Мертвых душ” Гоголя, названных, по отсутствию всех литературных понятий, – *поэмою*»¹⁵².

Социальному роману Гоголя барон Розен безуспешно пытается противопоставить исторический роман Купера, понимаемый им весьма ограниченно. За высокопарными рассуждениями о природе исторического романа здесь стоит тезис сторонников «чистого искусства» о том, что реальной и тем более неприглядной действительности нет места в романе, особенно историческом. «Все историческое должно быть разрешаемо в элемент поэзии, – писал немецкий барон на плохом русском языке, – в ее чистый эфир, решительно утопать в очаровании красоты и грации ее, этого Ве-

¹⁵⁰ Отечественные Записки. 1839. Т. 2. № 2. Отд. VII. С. 28.

¹⁵¹ Там же. 1848. Т. 56. № 1. Отд. VII. С. 14.

¹⁵² Сын Отечества. 1848. № 12. Отд. VI. С. 3.

нерина пояса...»¹⁵³. Какие уж тут могут быть гоголевские «свинные рылы» или куперовские стяжатели-моникины!

Близок к позиции барона Розена, негодовавшего на «натуральную школу», хотя и без крайностей последнего, оказался англофил А.В. Дружинин, печатавший в «Современнике» после 1848 г., в годы «мрачного семилетия», «Письма иногороднего подписчика», в которых проводил пересмотр принципов революционно-демократической критики Белинского. Летом 1848 г. в «Современнике» появилась без подписи его большая статья о Купере, представляющая собою шаг назад в понимании социальной и эстетической природы куперовского романтизма, если сопоставить ее с суждениями Белинского.

Сравнивая Россию и Америку и прилагая к Америке известные слова Гоголя «в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца», Дружинин, однако, приходит к выводу, что «долго еще ждать этого времени». По какой причине Соединенные Штаты, «страна в высшей степени замечательная во всех отношениях», так бедна литературою, спрашивает критик и отвечает банальным доводом, поставленным под сомнение еще до Белинского: «Да и на что им литература? У них есть свой готовый язык, на котором образцовые произведения считаются сотнями: английская литература равно близка им и по языку и по направлению. Книгопродавцы и журналисты не нуждаются в отечественных талантах»¹⁵⁴. Видимо, на нежелании понять национальную специфику американской литературы в немалой степени сказалось англофильство Дружинина. Он не разглядел самобытного таланта Купера и Ирвинга, объявив их подражателями европейских писателей, хотя и выделил цикл романов о Кожаном Чулке, который «надолго останется драгоценнейшим достоянием северо-американской литературы».

Действительно, образ «славного Патфайндера» входит в русскую художественную литературу. В рукописном наброске очерка «Куперовский герой» Дружинин как бы вводит Патфайндера в русскую литературу, приобщая к лицам и ситуациям нашей словесности. «Когда поэт или романист выводит на сцену действующее лицо, в особенности понравившееся читателям, можно сказать утвердительно, что причина успеха заключается в умении автора подсмотреть скрытые инстинкты нашей натуры. Успех, зарожденный подражанием или преувеличением, тотчас же забывается. Лучшее

¹⁵³ Сын Отечества. 1848. № 12. Отд. VI. С. 3.

¹⁵⁴ Современник. 1848. Т. 10. № 7. Отд. III. С. 3.

создание Купера, “Кожаный Чулок”, никогда не будет забыто читателями, потому что в нем олицетворен тип, существующий на свете в миллионе разных видов, подмечены бродяжнические инстинкты человечества, которые никогда не исчезнут. Не распространяясь о глубине этого характера, я постараюсь в простых словах изобразить одного очень простого человека, в котором заключалась не одна аналогия с идеальным героем североамериканского романиста»¹⁵⁵. И далее следует портрет русского «куперовского героя», сапожника Никиты, старого слуги отца писателя, как бы взятый из галереи «Слуг старого времени» Гончарова.

Почти в то же время образ Патфайндера возникает в повести Л. Толстого «Казак» (гл. XIX), где старый охотник, указывающий Оленину на след ноги человека в лесу, возбуждает в голове последнего мысль о Куперовом Патфайндере, образ которого вошел к тому времени в русскую литературу, хотя и не остался в ней навсегда, как, например, «последний из могикан». Затем Патфайндер появляется у Тургенева в «Отцах и детях»: «...У меня староста Ерофей – удивительный тип, точно Патфайндер Купера: что-то такое в нем непосредственное!» (гл. XIII). И читателям не надо было объяснять характер этого куперовского героя.

Дружинин не понял неприятия Кожаным Чулком буржуазной цивилизации. Эту сторону характера Следопыта он выразил весьма туманно, в столь свойственном ему эстетском духе: «По нашему мнению, самые привлекательные черты характера Натаниэля Бёмпо, во всех пяти романах, состоят в каком-то грустном, инстинктивном отвращении этого человека к европейскому населению, среди которого он родился. Патфайндер не мизантроп; он любит своих индейцев, не пропускает случая оказывать услуги отдельным своим отечественникам, даже привязывается к некоторым из них, а со всем тем ему тесно и тяжело жить в населенном месте, среди общества, связанного условиями, которым он не может сочувствовать»¹⁵⁶.

Тем не менее в год смерти Шатобриана, когда слава французского писателя закатилась даже во Франции, Дружинин выступил против существовавшего когда-то мнения, что индейцы и девственная природа в романах Купера порождены подражанием Шатобриану. Индейцы последнего, замечает Дружинин, так же относятся к Куперовым, как греки и римляне Расина к настоящим

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 15. Л. 2.

¹⁵⁶ Современник. 1848. Т. 10. № 7. Отд. III. С. 8–9.

грекам и римлянам (впоследствии это сравнение не раз повторялось в русской критике). Купер, пишет Дружинин, это «живописец исключительных характеров: описывая граничников, индейцев и лесных охотников, он не грешил против истины, потому что самые тамошние нравы кажутся нам странны и исключительны»¹⁵⁷. Критерий «естественности описания», прилагаемый Дружининым к Куперу, оправдывал в глазах критика существование романтических историй американского романиста.

Купер – враг трескучих эффектов, утверждает Дружинин. Успех «Лоцмана» породил бездну подражателей. «Купер был первый в этом роде; до него, если не ошибаемся, один только Смоллет пытался написать роман из морской жизни». Подражатели Купера в морских романах стали выводить лица «неестественные и несбыточные», не поняв, что есть разница между характером исключительным и характером неестественным. Купер эту разницу понимал и в «Лоцмане» вывел характеры, из которых иные бледны, но все естественны и далеки от натяжки. Длинный Том «любит море так же горячо и безотчетно, как Патфайндер свои леса».

Дружинин ставит морской роман Купера гораздо выше романа «сухопутного» («Шпиона») из-за превосходной отделки характеров, а также благодаря художественному описанию морских сцен, жизни на кораблях, нравов и обычаев моряков. Несколько лет спустя в рецензии на роман Купера «Морские львы» Дружинин категорически утверждает: «Век морских романов прошел, никто не читает, не пишет и не издает более морских романов»¹⁵⁸. Исключение делается только для Купера, в особую заслугу которого ставится естественность описаний, без всякой фантазии. «Вся слава покойного Купера состоит в том, что, трудясь над своим “Лоцманом” и “Морской волшебницей”, он не давал воли воображению, описывая только вещи, действительно случавшиеся, подвиги, всем памятные. Оттого морские романы Купера долго еще будут читаться»¹⁵⁹. Не писателя-романтика, а бытописателя ценит в Купере Дружинин.

¹⁵⁷ Современник. 1848. Т. 10. № 7. Отд. III. С. 10.

¹⁵⁸ Современник. 1853. № 11. Отд. IV. С. 1. Насколько «высшее начальство» серьезнее, чем Дружинин, восприняло новый социальный роман Купера, видно из того, что цензор Флеров, разрешивший русский перевод «Морских львов», получил в июле 1853 г. строгий выговор. Первая часть романа была признана богохульной (ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 3069. Л. 13, 17).

¹⁵⁹ Современник. 1853. № 11. Отд. IV. С. 2.

Весьма узко понимая формулу «действительность лучше вымысла» («факты, действительно случившиеся, оказываются интереснее придуманных фактов, хотя бы их придумывал гениальный выдумщик»), Дружинин отрицает поэтическое воображение в романе и вслед за лондонскими и парижскими книгопродавцами требует автобиографий, мемуаров, исторических записок – литературу факта. С восторгом сообщает он, что количество путешествий, ежегодно издаваемых в Англии, превышает все доселе виденное в этом роде. С нескрываемым удовлетворением провозглашает он конец школы морских романистов, которая много лет «двигалась по литературному морю на всех парусах, весело распустив свои пестрые флаги». В качестве образца нелепостей вымысла в жанре морского романа он приводит «Марди» Мелвилла, который «дошел до того, что сочинил целое воображаемое путешествие в воображаемые страны». Что касается философского романа Мелвилла, Дружинин не понял даже его жанра (впрочем, как большинство критиков того времени).

Кончина Купера в 1851 г. заставила вновь вспомнить о «единственном писателе, лучше которого Америка никогда еще не производила и которым она, по справедливости, может гордиться»¹⁶⁰. Однако переводы Купера на русский язык к тому времени стали подзабывать: в переводе некролога из английского «Атенеума» прославленную «Морскую волшебницу» журнал «Современник» назвал «Русалкой», а в некрологе, появившемся в «Пантеоне и Репертуаре Русской Сцены», роман «Американские степи» именуется «Нива».

В 50–60-е годы происходит пересмотр отношения к Куперу и всей романтической литературе первой половины XIX в. «Мы не знаем ни одного писателя с талантом более неровным, как талант знаменитого Фенимора Купера, подарившего свету “Лоцмана”, “Шпиона”, “Морскую волшебницу”, целый ряд романов, в которых действует несравненный Кожаный Чулок, – и рядом с этими блистательнейшими произведениями другой ряд романов, скучных, вялых и безжизненных, – писала “Библиотека для Чтения”, выражая распространенную точку зрения на наследие скончавшегося незадолго перед тем американского романиста. – Кто из нас не помнит этих возвышенных сцен, от которых сердце бьется в груди и кровь играет, будто при звуках превосходной военной музыки, сцен, тут же сменяемых другими сценами, другими страницами, способными усыпить человека, каждую ночь страдающего бессонницей?»¹⁶¹

¹⁶⁰ Современник. 1851. Т. 30. № 11. Отд. VI. С. 46.

¹⁶¹ Библиотека для Чтения. 1854. Т. 123. Февраль. Отд. VI. С. 30.

Сравнивая Купера с Вальтером Скоттом, критик «Библиотеки для Чтения» кладет в основу оценки американского писателя понятие эстетической неровности его творчества: «Талант Купера никогда не был юным или устарелым, никогда не вызревал, не старелся и не оживлялся – неровность была его основой и даже почти привлекательною особенностью. Нам кажется, что современное состояние североамериканской литературы было важною причиною сказанной неровности. Гражданин Соединенных Штатов есть во многих отношениях взрослое дитя, переимчивое, предприимчивое и себялюбивое. Ему нужно все то, чем Европа славится, нужно во что бы то ни стало, в самый короткий период времени»¹⁶². Объясняя неровность творчества Купера духом коммерции, которым одержим писатель («Купер выпускал свои романы с регулярностью торговца»), критик считает эту особенность неизбежным следствием американской демократии и меланхолично заключает: «Таковы уж американские нравы, и осуждать их строго не поведет нас ни к чему».

Если Дружинин и «Библиотека для Чтения» пересматривали наследие романтизма с позиций «чистого искусства» и развлекательной беллетристики, то революционные демократы Чернышевский, Добролюбов и Писарев подошли к этому наследию с иными мерками.

В своей юношеской повести «Теория и практика» Чернышевский запечатлел недолгое увлечение романами Купера, а в главном герое обнаруживалось «некоторое сходство в характере с куперовским Патфайндером»¹⁶³. Однако наступление новой эпохи общественного развития, когда в России по-новому взглянули на Купера и других романтиков, постепенно отходивших на задний план, обусловило иное восприятие куперовских романов. В своем дневнике вскоре после смерти Белинского Чернышевский записывает: «...читал “Путеводитель в пустыне”... прочитал теперь 117 страниц – хорошо и пусто, так что ничего не остается, никакой пользы, кроме разве местных красок»¹⁶⁴. На следующий день появляется новая дневниковая запись: «Ныне утром читал снова Купера, хотя вздор решительно относительно пользы и анализа души человеческой, – ничего нет, ни характеров, ничего, разве

¹⁶² Библиотека для Чтения. 1854. Т. 123. Февраль. Отд. VI. С. 31.

¹⁶³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. XI. С. 642.

¹⁶⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1939. Т. I. С. 152.

только местные типы тех мест и того времени, так что это род исторического или лучше – этнографического романа, а между тем я так еще не развит, что легче читается этот вздор, чем Гизо или Мишле»¹⁶⁵. Через неделю Чернышевский продолжает в том же духе, как бы заново перетряхивая романтизм Купера в свете гоголевского направления в литературе: «Весь день читал сначала “Сын Отечества”, после роман Купера “Последний из могикан”. Все это хорошо, если угодно, но ничего нет, ни характеров, т.е. типов, ничего, а только чудачки и герои в различных формах. Это не то, что Гоголь, и читать его можно только раз»¹⁶⁶. Когда-то Белинский ставил Купера в один ряд с Гоголем. Теперь пришло новое время, и книги Купера перестали звучать для революционно-демократической критики.

Отклики тех же идей находим в диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Говоря о значении искусства в объяснении жизни, Чернышевский приводит в пример романы Купера, которые «более, нежели этнографические рассказы и рассуждения о важности изучения быта дикарей, познакомили общество с их жизнью»¹⁶⁷. Какого-либо иного значения романам Купера он не придает.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855) Чернышевский, говоря о наступлении новой литературной эпохи, поры реализма, заявляет: «Кто прочитал и умел оценить Диккенса и Жоржа Санда, тот не так будет понимать литературу, как поклонник Вальтера Скотта и Купера, не говоря уж о Ламартине и Викторе Гюго»¹⁶⁸. Так Купер вместе с Вальтер Скоттом был окончательно отодвинут на второй план, и на долгие годы, пока в конце XIX – начале XX в. не началось новое возрождение интереса к романтической литературе.

Примерно такой же позиции в отношении Купера и других писателей-романтиков придерживался Н.А. Добролюбов. В рецензии на «Путешествие по Североамериканским Штатам, Канаде и острову Кубе» А. Лакиера он писал о пестроте и сбивчивости сведений об Америке в России того времени. «Редко кто имеет основательные и подробные познания относительно американских нравов и учреждений. Большею частию полагают, что это тоже Англия, только уже до крайности практическая и материальная.

¹⁶⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. 154–155.

¹⁶⁶ Там же. С. 160.

¹⁶⁷ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1949. Т. II. С. 85.

¹⁶⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1947. Т. III. С. 182.

Вот и все... Были когда-то у нас в славе романы Купера, потом рассказы Герштеккера¹⁶⁹; но и те и другие знакомили более с природою страны, нежели с гражданскою жизнью ее обитателей. В недавнее время произведения г-жи Бичер-Стоу раскрыли нам одну из сторон быта Северной Америки»¹⁷⁰. Вследствие такой бедности знаний, продолжает Добролюбов, в нашей литературе постоянно раздавались самые разноречивые и часто очень забавные суждения об Америке. Одни, например, уподобляли Североамериканские Штаты России; другие, напротив, утверждали, что в них господствует гнусная анархия. Одни восхищались их образованностью; другие бранили за постыдное невежество.

Наконец, Д.И. Писарев доходит до полного ниспровержения Скотта и Купера, о которых тургеневский Базаров сказал бы, что они «гроша медного не стоят». В статье «Реалисты» (1864), выступая против «эстетиков», которые «уважают Вальтер-Скотта и Купера», Писарев полемически заостряет свою мысль: «А мы их <Скотта и Купера> нисколько не уважаем и вообще считаем исторический роман за одно из самых бесполезных проявлений поэтического творчества. Вальтер Скотт и Купер – усыпители человечества. Что они люди очень даровитые – против этого я не спорю. Но тем хуже. Тем-то они и вредны, что их произведения читаются с удовольствием и создают целые школы подражателей. А что выносит читатель из этих романов? Ничего, ни одной новой идеи. Ряд картин и арабесков. То же самое, что ребенок выносит из волшебной сказки»¹⁷¹. Романтические сказки неприемлемы в эпоху социальной борьбы, когда писатель обязан быть прежде всего гражданином.

Причина столь сурового отзыва Писарева, который в детстве, по собственному признанию, зачитывался Купером и Дюма, кроется в заключающей этот пассаж фразе: «В наше время, когда надо смотреть в оба глаза и работать обеими руками, стыдно и предосудительно уходить мыслью в мертвое прошедшее, с которым всем порядочным людям давно пора разорвать всякие связи». Отрицание культурного наследия прошлого было одним из элементов писаревской программы «разрушения эстетики».

¹⁶⁹ Герштеккер, Фридрих (1816–1872) – немецкий писатель и путешественник по Америке, автор книг о жизни немецких переселенцев в США, в большом количестве переведившихся в России.

¹⁷⁰ Современник. 1859. Т. 74. № 3. Отд. III. С. 25 (то же в кн.: Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. IV. С. 217).

¹⁷¹ Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. III. С. 114.

Заканчивается 40-летний период распространения и творческого освоения Купера в России. Имя Купера прочно вошло в литературную жизнь. Критик и переводчик Е.Ф. Зарин, рецензируя в «Отечественных Записках» романы Г.П. Данилевского о борьбе крестьян («Беглые в Новороссии», «Беглые воротились»), озаглавил свою статью «Русский Купер» – имя, закрепившееся с тех пор за Данилевским. Куперовские черты в книгах Данилевского Зарин усматривает в романтическом изображении Новороссийского края – «страны девственной почвы, патриархальных пастбищ, первобытного плодородия, блаженного неведения о паспортах, быстрых обогащений от ловкой эксплуатации и еще быстрее разорений от грабежа и разбоя»¹⁷².

Отзвуки популярности Купера в России постоянно встречаются в русской литературе конца XIX – начала XX в. Французское издание сочинений Купера имелось в библиотеке Достоевского¹⁷³, а следы бывшего увлечения романами Купера ощущаются в словах Мити Карамазова, собирающегося бежать в Америку, «в тот край, к последним могикам». «Там, говорят, есть еще краснокожие, где-то там у них на краю горизонта» («Братья Карамазовы», Эпилог, гл. II).

В.Г. Короленко вспоминал о том, как зачитывался в детстве Купером¹⁷⁴. Один из героев повести К.М. Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» напоминает своею внешностью «настоящего куперовского “морского волка”»¹⁷⁵. Особенную известность приобрело куперовское выражение «последний из могикам», навсегда закрепившееся в языке. Мы встречаем его в работах Герцена и Писарева, в эпилоге тургеневского «Рудина», в «Обрыве» Гончарова (гл. 5), в романе Лескова «Островитяне» (гл. 7), в письмах И.С. Тургенева (Гончарову от 14 марта 1864 г.), А.К. Толстого (Б. Маркевичу от 5 декабря 1873 г.).

Понятие «последние могики» неоднократно использовал В.И. Ленин.

С Купером познакомились новые поколения русских читателей. Через 50 лет после его смерти один из журналов писал, что в России «нет такой семьи, нет детской, где бы Купером не зачитыв-

¹⁷² Отечественные Записки. 1864. Т. 155. № 8. С. 823.

¹⁷³ Гроссман Л. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам с приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса: изд-во Ивасенко, 1919. С. 139.

¹⁷⁴ Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 5. С. 365.

¹⁷⁵ Станюкович К.М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 332.

вались наравне с Жюль Верном, Майн-Ридом и другими властителями детских дум. Нет школьника, которому не мерещились бы мокасинные герои Купера и который не воображал бы себя в обстановке его романов. Теперь у Купера читателей, пожалуй, даже больше, чем во времена Белинского, а имя его стало, во всяком случае, популярнее»¹⁷⁶.

В 1912 г. в связи с изданием «Иллюстрированного собрания романов» Купера в 36 книгах (в дореволюционной России сочинения Купера издавались М.О. Вольфом и П.П. Сойкиным, причем каждый из них выпустил по четыре издания его сочинений) критик В. Быков выступил против распространенного мнения, будто Купер – писатель исключительно детский. «Как всех великих писателей, его, конечно, может и должно читать и юношество. В сороковые годы у нас в России романы Купера печатались в самых серьезных литературных журналах. “Патфайндер” (Следопыт), печатавшийся в “Отеч. Записках”, читался нарасхват, по выражению проф. Н.И. Стороженко»¹⁷⁷.

История произведений Купера в Советском Союзе – это особая глава, выходящая за рамки нашего исследования. Здесь отметим лишь некоторые свидетельства популярности книг великого писателя-романтика в нашей стране, где за 60 лет Советской власти его книги издавались свыше 120 раз общим тиражом 10 миллионов экземпляров, уступая в этом отношении из американских писателей только Джеку Лондону и Марку Твену.

М. Горький хорошо чувствовал неувядающее очарование книг о Кожаном Чулке. В предисловии, написанном ко всей пенталогии и опубликованном затем в сокращенном виде при издании «Следопыта» в 1923 г., он писал: «Романы Купера и до сего дня не потеряли интереса правдивых и красиво сделанных картин к истории заселения Северо-Американских штатов, – истории, которая поучительно рассказывает нам о том, как энергичные люди в течение полутораста лет организовали мощное государство в стране дремучих лесов, пустынных степей, среди кочевых племен индейцев»¹⁷⁸.

Читая воспоминания русских революционеров, Горький заметил: «...мы нередко встречаем указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества,

¹⁷⁶ Новый Журнал Иностранной Литературы. 1901. № 11. С. 353.

¹⁷⁷ Природа и Люди. 1912. № 52. С. 821.

¹⁷⁸ Горький М. Собр. соч. Т. XXIV. С. 225.

стремления к деянию»¹⁷⁹. Не исключено, что Горький имел в виду воспоминания декабристов, о которых мы уже говорили (А. Беляев, М. Бестужев и др.).

Гуманистическая куперовская традиция имела серьезное значение не только для писателей Америки. Ее благотворное воздействие чувствуется и в других литературах.

Обращаясь к советским писателям с призывом развивать куперовские, романтические традиции в литературе, Всеволод Иванов говорил: «Продолжайте прекрасные куперовские традиции, воспитывайте в читателях те свойства души, какие стремился воспитать своими произведениями Фенимор Купер, – мужество, находчивость, преданность долгу, смелость и предприимчивость в борьбе с опасностями»¹⁸⁰. Наследие великого американского писателя стало частью нашего культурного достояния.

¹⁷⁹ Горький М. Собр. соч. Т. XXIV. С. 227.

¹⁸⁰ Известия. 1939. 12 сентября.

ЭДГАР ПО В РОССИИ

И вот я оказался в России, в Петербурге...

Э.А. По. Автобиография

Сколь увлекательно было бы открыть главу о русских связях Эдгара Аллана По картиной встречи американского поэта с Пушкиным или Жуковским на Невском проспекте, может быть, даже в книжной лавке известного книгопродавца А.Ф. Смирдина. В краткой автобиографии По писал, что в том достопамятном году (1829-м) он держал путь в борющуюся за свободу Грецию, где совсем недавно погиб Байрон, однако волею судеб оказался в Петербурге «в затруднительном финансовом положении», из которого ему помог выйти тогдашний американский посланник в Петербурге Генри Миддлтон¹.

И хотя весь «русский эпизод» является плодом фантазии Эдгара По, сам этот фантастический рассказ, своеобразный романтический гротеск (вроде его экстраваганцы «Черт на колокольне»), где причудливо переплетаются борющаяся за свое освобождение Греция и николаевская Россия, является вполне реальным фактом истории американо-русских литературных связей – задуманной, но оставшейся ненаписанной еще одной новеллой По.

Русские журналы прошлого века охотно перепечатавали лаконичные по своему содержанию, но столь любопытные для русской читающей публики факты о пребывании По в русской столице. «Заграничный Вестник» даже писал: «Жизнь Эдгара Поэ, его молодость, приключения в России и его переписка были много раз

¹ *Poe E.A. The Complete Works / ed. by J.A. Harrison. N.Y.: AMS Press, 1965. Vol. I. P. 345.*

обещаны американскими журналами и не появились»². Читатели с нетерпением ждали подробностей.

Впервые история о посещении Эдгаром По России попала в печать в газете «Нью-Йорк трибьюн» через день после смерти писателя. Некрологу этому суждено было сыграть печальную роль в посмертной славе По. В статье как будто и признавалось дарование поэта, его ум, изумлявшая современников широта знаний. Но похвала была брошена как бы вскользь, как чисто формальная дань литературному этикету, неизбежному даже для самого злобного пасквиля, каковым, по существу, и является эта статья. Суть этого посмертного обвинительного заключения сводилась к следующему.

Блестящий талант и поразительный ум достались волею случая человеку недостойному, а потому и не пошли во благо ни ему самому, ни людям, но преисполнили его сатанинской гордостью. Общество было вынуждено и обязано – во имя справедливости – поставить честолюбца на место. Он же, вместо того чтобы извлечь из этого урока должное наставление, озлобился. Уязвленное самолюбие выжгло в нем последние остатки добрых начал и счастливых задатков. Будучи человеком бесхарактерным, он начинает пить, опускается. Тонкий юноша превращается в жалкого оборванца, от которого всегда можно было ждать какой-нибудь дикой выходки, оскорбления, скандала (как и случилось в Петербурге!). Мрачный мизантроп, изнывающий от зависти к чужой славе, психически надломленный, доведенный алкоголем до помрачения рассудка, до галлюцинаций и кошмаров, и вместе с тем человек холодно расчетливый, готовый мстить всему роду человеческому за свои неудачи, – таков, говорилось в статье, был Эдгар Аллан По...

Человек, подписавший эту статью именем «Людвиг» и позже развивший ее в биографический очерк к изданию сочинений По, – Руфус Грисуолд, священник и весьма посредственный литератор, известен ныне главным образом тем, что, будучи литературным душеприказчиком По, оклеветал посмертно великого писателя.

Грисуолд дал свою «версию» пребывания поэта в Петербурге, где он был вызволен американским посланником «из неприятностей в результате пьяного дебоша». Эту интерпретацию подхватила американская, английская и французская пресса, откуда она попала и в русскую печать. Газета «Русский Инвалид» в биографическом очерке «Эдгар По» писала о посещении им Петербурга еще осторожно:

² Эдгар Поэ // Заграничный Вестник. 1866. № 1. С. 68. Возможно, что статья принадлежит П.Л. Лаврову или написана при его участии.

«...отправился на корабле в Грецию, чтобы принять участие в войне против турок. Эдгар не достиг однакож своей цели и скитался по свету, покуда, через посредство американского посланника, не был выслан из одной европейской столицы в Америку»³. В варианте этой статьи, напечатанном в литературном отделе «Московских Ведомостей», уже без обиняков говорится, что По бывал в Петербурге⁴.

Первый серьезный биограф Э. По – Джон Инграм – документально опроверг «версию Грисуолда», однако статья Грисуолда на долгие годы оставалась для Америки, да и для Европы тоже, главным источником биографии Эдгара По. Даже много лет спустя после того, как все подделанные Грисуолдом документы и материалы были сверены с подлинниками и авторитет его совершенно померк, «груз Грисуолда» в разных формах сказался во множестве работ об Эдгаре По, хотя сам Грисуолд для их авторов – личность полностью скомпрометированная.

Биограф По Э.Л. Дидье утверждает, что приписываемое поэту путешествие в Россию вполне могло случиться с его братом – моряком Уильямом Генри По. В 1829 г. он решил отправиться в Грецию сражаться за дело, к которому смерть Байрона привлекла всеобщее внимание. Однако он успел принять участие лишь в последних сражениях, прежде чем 14 сентября 1829 г. турецкий султан признал независимость Греции. «Вместе с русскими войсками По отправился в Петербург, где вскоре оказался в тюрьме. Его выручило вмешательство американского посланника Г. Миддлтона, который отослал его в Ригу и поместил на корабль, отправлявшийся в Балтимор. Через шесть месяцев после возвращения в Америку Уильям Генри По умер в возрасте 26 лет»⁵.

Трудно судить, есть ли правда в этой истории. По просьбе Дж. Инграма бывший секретарь американского посольства в Петербурге Юджин Скьюлер предпринял розыски в архивах американского посольства и консульства в Петербурге, относящихся к периоду с 1820 по 1830 г., времени, когда Миддлтон был послом в России, и сообщил, что не обнаружил никаких следов пребывания По или его брата в русской столице.

Не подтвердило версии о посещении писателем России и наше обращение к архиву Генри Миддлтона, хранящемуся в Москве

³ Русский Инвалид. 1856. 1 ноября. № 238. С. 1011.

⁴ Московские Ведомости. Литературный отдел. 1856. 3 ноября. № 132. С. 556–557.

⁵ Цит. по кн.: *Ingram J.H. Edgar Allan Poe. His Life, Letters and Opinions.* London: Allen, 1886. P. 442–443.

(АВПРИ). Среди многочисленных запросов Миддлтона в русское министерство иностранных дел о выдаче паспортов американцам, оказавшимся в конце 20-х годов прошлого века в Петербурге, имя По не упоминается (если, конечно, не предположить, что он получил паспорт не на свое имя). В 1830 г. Миддлтон вернулся в США, где и умер в 1846 г. Остается загадкой, зачем По придумал «русский эпизод» своей жизни. И не только придумал, но и сослался для верности на живого тогда еще Миддлтона (автобиография По написана в 1839 г.). Сказалась ли здесь свойственная писателю манера «документировать» самые невероятные приключения, чтобы придать им вид реальности, или романтическое увлечение национально-освободительной борьбой греческого народа? И Эдгар По отправился – хотя бы только в мечтах – сражаться за свободу Греции, но очутился якобы в николаевской России...

Э. По ближе других американских поэтов подошел к мысли о личном участии, подобно Байрону, в героической борьбе греческого народа. Созданная им романтическая легенда, несомненно, отражает его свободолюбивые настроения в 1827–1829 гг.⁶

История о поездке Эдгара По в Россию издавна привлекала внимание писателей. Валентин Катаев полвека назад сплел первый «алмазный свой венец», когда в уста героя романа «Время, вперед!» американского «эрудита в области русской литературы» вложил рассказ о том, как По, будучи еще юношей, посетил Петербург. «Говорят, что в одном из кабачков он встретился с Пушкиным. Они беседовали всю ночь за бутылкой вина. И великий американский поэт подарил великому русскому поэту сюжет для его прелестной поэмы “Медный всадник”»⁷.

Незадолго перед тем поэт и переводчик В.А. Пяст в своих воспоминаниях пытался даже документировать пребывание По в русской столице, где его будто задержали на улице. Однако полицейский архив Казанской части Петербурга, где хранился «подлинный документ», подтверждающий истинность задержания Эдгара По на петербургской улице (названа даже улица – Офицерская, ныне Декабристов), оказался сожженным в 1917 г.⁸ Ленинградский

⁶ Raizis M.B. and Papas A. American Poets and the Greek Revolution 1821–1828. A Study in Byronic Philhellenism. Thessaloniki, Greece, 1971. P. 15.

⁷ Катаев В. Время, вперед! М.: Федерация, 1932. С. 285.

⁸ Пяст В. Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 286. Пяст относит посещение Эдгаром По Петербурга к началу 30-х годов XIX в., когда По, как известно, после исключения из военной академии Вест-Пойнт жил в Нью-Йорке, а затем в Балтиморе.

писатель Л.И. Борисов написал рассказ «Драгоценный груз» (1959), где изображено путешествие Эдгара По в Петербург. Однако все это, к сожалению, не более чем отголоски старой сплетни о пьяном поэте, пущенной через день после смерти Эдгара По его душеприказчиком Грисуолдом.

Хорошо сказал об этой легенде Валентин Фёдорович Булгаков, секретарь Льва Толстого, в предисловии к своей драме «Эдгар Поэ». В сентябре 1938 г., готовя свою пьесу к печати в Праге, Булгаков писал: «Личность Эдгара Поэ, как она представлена в этой драме, не может не показаться русскому читателю идеализированной. Еще бы! – ведь он привык слышать и читать о Поэ как о пьянице, кутиле, неудачнике, растрепанном, беспорядочном существе и человеке, проникнутом пессимистическим, мрачным, чуть ли не демоническим началом. Из всех биографий Поэ глядело на нас это странное лицо, ухитрившееся (чудом что ли?) создать полные поэзии и оригинальности как стихотворные, так и прозаические шедевры, которые влияли потом не только на американскую, но и на мировую литературу»⁹.

В. Булгаков высмеивает пресловутый анекдот о том, «как славный Эдгар, пьяный и без шапки, задержан был однажды на улицах Петербурга – Петербурга, в котором, как и в России вообще, Поэ, в действительности, никогда не бывал»¹⁰. Что касается фальсификации Грисуолда, то В. Булгаков замечает: «Так-то случилось, что поэт был оклеветан посмертно и, казалось, навсегда. Что за рафинированная месть на почве двойного соперничества – литературного и романического!.. К счастью, истина все-таки была “отрыта” и открыта. В последние годы этим занимался ряд американских исследователей... Рухнули, не выдержав фактического и документального анализа, все “компрометирующие” Поэ злостные, произвольные утверждения его первого биографа д-ра Руфа Грисвольда»¹¹.

В грисуолдовском духе был выдержан первый русский очерк жизни Эдгара По, написанный ведущим критиком «молодой редакции» журнала «Москвитянин» Аполлоном Григорьевым. И хотя русский писатель ссылался на статью Шарля Бодлера, вся трактовка По у него прямо противоположна бодлеровской (да он и не скрывает, что для него неприемлема восторженная оценка По у Бодлера).

⁹ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 2–2 об.

Ап. Григорьев цитирует французского поэта, приводя слова из его первой статьи об Эдгаре По (1852): «Если вы, разговаривая с американцем, заговорите с ним о М<истере> Поэ, – он признает его гениальность, признает даже охотно, может быть, с гордостью, но кончит тем, что скажет с высоты величия: я, дескать, человек положительный, потом, с иронической улыбкой, станет рассуждать вообще об этих великих умах, которые не умеют ничего беречь: станет говорить о распушенности жизни М<истера> Поэ, о его дыхании, зараженном алкоголем до такой степени, что во рту у него загорелось бы, если поднести поближе свечку, о его неприличных привычках; он назовет его существом *блуждающим*, планетой, вышедшею из орбиты...»¹².

Обрывая на этом мысль Бодлера и не приводя его возражений на клевету, направленную против По, Ап. Григорьев продолжает уже от себя: «Беспорядочное употребление времени и денег и склонность к горячительным напиткам – вот все эксцентричности, которые поражают до сих пор и поражали североамериканцев в жизни Поэ... Поэ или работал, как у нас на Руси никто из литераторов не работает, или пьянствовал: не видать даже, чтоб он любил кого-нибудь, по крайней мере, любовь не играет никакой важной роли в его жизни, не отражается нисколько в его произведениях»¹³. И это пишется об одном из величайших лириков, поэтов любви в литературе английского языка!

В России был свой «Грисуолд», менее известный и менее образованный, но не менее яро возненавидевший великого американского писателя. Это журналист и посредственный беллетрист А.П. Башуцкий (1801–1876), упоминающийся в мемуарной литературе середины XIX в. и закончивший свой жизненный путь пострижением в монахи Оптиной пустыни.

В скитской библиотеке Оптиной пустыни до революции хранилась рукопись перевода рассказа Э. По «Истина о том, что происходило у господина Вальдемара», датированная 6 августа 1856 г. Перевод был сделан А. Башуцким с французского перевода Леона де-Вальи, появившегося в журнале «Иллюстрасьон» от 8 марта 1856 г. Как пишет Башуцкий, этот номер журнала попал к нему в руки случайно, «следовательно, о предшествовавших толках мы ничего не знаем»¹⁴. Имени Эдгара По он тоже ранее не

¹² Москвитянин. 1852. № 22. Ноябрь. Т. 6. Отд. VI. С. 13–14.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ РГБ. Ф. 214. Карт. 52. № 7. Л. 73.

слышал и потому отнесся к фантастическому рассказу всерьез, как к научной статье. В предисловии Башуцкий пишет о «гибельно-дерзком пути», на который наука увлекает человека, посягающего на открытие тайн жизни и смерти. «Я и, может быть, весьма многие, — продолжает религиозно настроенный переводчик, — не встречали нигде, ни в чем явления, которое с тою поразительною, с тою ужасающею наглостью бесстрашия, как приводимое ниже, представляло бы крайнюю степень окаянного дерзновения ума и гибельной самонадеянности науки, до которой враг возмог в нынешнее время уже довести создание разумное...»¹⁵.

Обличая рассказ По как «венец безумия и безбожия», переводчик, поверивший «доктору Эдгару По», заключает свое предисловие словами: «Приведенный ниже факт не мог совершиться, конечно, ни в какой иной стране, как в той, где всеполнейшая свобода мысли, даровав науке века всеполнейшее развитие и всеобъемлющую применимость, — изобрела свои религии, свои философии, свои формы жизни государственной, общественной, частной, свою правду и кривду, свои законы нравственные, свою совесть...»¹⁶. Так фантастический рассказ о месмеризме оказался на передовой линии борьбы с церковным мракобесием, вызвал нападки скитского семени переводчиков¹⁷.

В 1859 г. с дозволения Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры вышла книжка под названием «Говорящий мертвец». Имя автора и переводчика отсутствовало, однако сличение ее с рукописью Оптиной пустыни, хранящейся ныне в Отделе рукописей Российской гос. библиотеки, позволяет установить, что перед нами тот же перевод рассказа Эдгара По о месмеризме с еще более пространными и злобными рассуждениями А. Башуцкого. Повторяя некоторые из своих прежних доводов, он выступает против всех соотечественников По — «американцев, из которых каждый, по своему произволу, выдумывает себе религию, свою философию, свои законы нравственные, свою правду и кривду, свою совесть, совершенно независимо от всего того, чему учит Евангелие и древне-апостольская вера»¹⁸. Но теперь Башуцкий не

¹⁵ РГБ. Ф. 214. Карт. 52. № 7. Л. 74.

¹⁶ Там же. Л. 74—74 об.

¹⁷ О раннем периоде творчества А.П. Башуцкого, когда он выступил одним из создателей русского «физиологического» очерка, см. в кн.: *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе. М.: Наука, 1965. С. 136—142.

¹⁸ Говорящий мертвец. СПб.: тип. Шумахера, 1859. С. 21.

просто отрицает право человека на решение проблем жизни и смерти, но указывает на Библию, где «все это мы много раз читали, много слышали, а иные даже и видели своими глазами». Как истинный церковник, Башуцкий и «новые научные факты» в новелле-мистификации По хотел бы облечь в библейское одеяние. Иронический эффект, на который рассчитан рассказ, от того становится еще острее.

Перепечатав в 1901 г. текст брошюры «Говорящий мертвец» в «Вестнике Всемирной Истории», С. Сухонин не мог скрыть своего удивления, каким образом автор брошюры впервые услышал о По только через десять лет после его смерти. Принимая фантастический рассказ за научный трактат, «ученый» критик обрушивается на бедного писателя с позиций Священного Писания, пишет Сухонин, за то, что тот пожелал «дерзко, под покровом яко бы науки, а в самом деле при пособии силы враждебной приподнять завесу вечности и заглянуть в ту страну, для которой еще тускло и слабо духовное зрение перстного человека»¹⁹.

Об этой стороне таланта американского писателя замечательно сказал М. Горький: «Поэ был человек, плененный тайнами жизни, он внушал ужас своей любовью к ним, был рабом смутных волнений своего духа, но рабство это было выше, чище, ценнее всякого свободного исследования этих тайн, ибо “свободное исследование” всегда поражало меня своей грубостью и самодовольством. Все, что сказано и что мог сказать этот гениально-болезненный человек, рисует его как существо, охваченное святой страстью понять душу свою, достичь до глубины ее»²⁰.

Начало знакомства русского читателя с рассказами Эдгара По относится к 1847 г.²¹, однако до 1860-х годов его новеллистика не получила широкой известности в России. «Иностранные журналы в последнее время беспрестанно представляют своим читателям остроумные рассказы американского писателя Эдгара По»²², –

¹⁹ Вестник Всемирной Истории. 1901. № 5. С. 141.

²⁰ Непубликованное письмо к А.Л. Волинскому, 1897 г. (Архив А.М. Горького. П Г-рл. 9-7-19).

²¹ Первым был переведен рассказ «Золотой жук» (Новая библиотека для воспитания, издаваемая Петром Редкиным. М.: Унив. тип., 1847. Кн. 1. С. 154–220). На перевод откликнулся, хотя и без всякого энтузиазма, В.Г. Белинский, выразивший удивление, зачем включен в книжку для детей этот рассказ: «...что в нем хорошего для детей? Разве то, что он разовьет в них манию к отысканию кладов?..» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 142).

²² Русский Инвалид. 1856. 1 ноября. № 238. С. 1011.

писал «Русский Инвалид», напечатавший один из них без указания имени автора²³. Признание По как большого писателя началось у нас с публикации Ф.М. Достоевским трех его рассказов в первом номере нового журнала «Время», хотя десяток рассказов американского новеллиста уже печатался ранее по-русски. В следующем томе «Времени» появился роман По «Похождения Артура Гордона Пэйма» в переводе Е.А. Моллера²⁴. Начинаясь вторая, после Ирвинга и Купера, волна читательского интереса в России к американской литературе, связанная с именами Эдгара По, а позднее Лонгфелло, Брет Гарта, Марка Твена, Дж. Лондона.

Эдгар По считается основоположником детективного жанра в мировой литературе. Для многих читателей он и поныне остается прежде всего автором увлекательных рассказов о сыщике Дюпене. Сам По хорошо понимал новизну приема, найденного им в новеллах, героем которых является Дюпен. Он называл эти новеллы логическими – в отличие от фантастических и страшных рассказов.

Детективного жанра, тем более детективной литературы во времена По еще не существовало. Определился он лишь в конце XIX в. Один из первых теоретиков детектива английский священник Роналд Нокс только в начале нашего века сформулировал принципы, на основе которых создаются детективные истории. Он попытался выделить этот жанр среди мутного потока уголовно-приключенческого чтения, хлынувшего на литературный рынок в конце XIX столетия.

Детективный жанр имеет свои каноны, соблюдение которых для автора еще более непреложно, чем закон о трех единствах в классицизме. Из этих правил выделяется прежде всего следующее: существование детективного жанра становится возможным только при условии соглашения, особого договора, который автор должен считать заключенным с читателем. Договор сводится в основном к двум моментам. Во-первых, поставив читателя перед некоей загадкой или тайной, автор обязан сразу же дать ему ключи к ее раскрытию (сумеет ли он ими воспользоваться – это дело уже самого читателя). Во-вторых, он не имеет права прибегать для разгадки ни к неожиданностям, ни к вмешательству сверхъестественных сил, ни к чистой интуиции сыщика-разгадчика, ни к каким-либо еще трюкам подобного рода. Иными словами, автор обязан честно переиграть читателя, а не обмануть, не разыграть

²³ Русский Инвалид. 1856. 31 мая, 1 июня («1002 ночь»).

²⁴ Имя переводчика установлено по архиву журнала «Время» (РГБ).

его. Это главное. Отсюда все второстепенные правила, относящиеся уже собственно к технике и подробностям сюжета.

Эти правила носят особый, внелитературный характер, скорее напоминая правила той или иной игры, головоломки, шарады. Поэтому роман, великолепный как образец детективного жанра, может никуда не годиться в чисто литературном отношении как произведение искусства. Детективная литература неоднозначна и по своим идейным, и по художественным достоинствам. В этом постоянно убеждаешься, сравнивая произведения создателя жанра Эдгара По с его близкими и более далекими последователями. Не углубляясь в проблематику и художественную специфику детективной новеллистики По, о чем нам уже приходилось писать²⁵, посмотрим, какое значение творческое наследие По имело для Достоевского.

Предпринятая Ф.М. Достоевским публикация трех рассказов По («Сердце-обличитель», «Черный кот», «Чёрт в ратуше») в только что основанном журнале «Время» не совсем обычна, ибо сопровождалась вступительной статьей, что одно уже свидетельствовало о важности, которая придавалась произведениям американского писателя. Сейчас трудно с определенностью утверждать, что именно заставило Достоевского обратиться к рассказам Эдгара По, малоизвестного еще в России писателя. Ясно лишь, что обращение это не было случайным.

Ф.М. Достоевский, открывший для русского читателя По-новеллиста, впервые дал глубокую и оригинальную трактовку его творчества. Он подметил особое свойство воображения По, его реальный или, как он говорил, материальный характер: «В Эдгаре Поэ есть именно одна черта, которая отличает его решительно от всех других писателей и составляет резкую его особенность: это сила воображения. Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей... В Поэ если и есть фантастичность, то какая-то материальная, если б только можно было так выразиться. Видно, что он вполне американец, даже в самых фантастических своих произведениях»²⁶.

²⁵ Николюкин А.Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. Глава 5. Новеллистика Эдгара По.

²⁶ Время. 1861. Т. I. Кн. 1. С. 230–231. Глубина и проникновенность оценки Э. По Достоевским осталась непонятой некоторыми американскими критиками и в XX в. (American Literature. 1974. March. Vol. 46. N 1. P. 112).

В отличие от фантастического у Гофмана, который «вводит в свои рассказы волшебниц, духов и даже иногда ищет свой идеал вне земного, в каком-то необыкновенном мире», Достоевский усматривает особенность фантастики Эдгара По в том, что, допустив вначале неестественное событие (возможность которого, впрочем, вполне вероятна), По во всем остальном совершенно верен действительности. Концепция эта оказывается весьма близкой «фантастическому реализму» самого Достоевского.

Анализируя художественную манеру По, Достоевский был движим не только литературно-критическим интересом; скорее напротив, интерес Достоевского-критика был пробужден чутьем писателя, угадавшего в рассказах По – и прежде всего в тех трех, отобранных для перевода во «Времени», – черты и особенности художественно-эстетической манеры, близкие ему самому. Психика и поступки человека «на изломе», «человека подполья», мука души человеческой – вот что заинтересовало Достоевского в рассказах По.

Л.П. Гроссман давно подметил, что из всех писателей, когда-либо прочитанных Достоевским, самым родственным ему оказался Эдгар По. Обращаясь к трем рассказам По во «Времени», Гроссман продолжает: «Перечитывая эти маленькие рассказы, в которых исповеди убийц граничат с бредом помешанных, чувствуешь невольно, какое сильнейшее впечатление они должны были произвести на будущего автора “Преступления и наказания”»²⁷.

Достоевский был гениальным читателем Эдгара По. Начало первого рассказа «Сердце-обличитель» дает основания полагать, что оно глубоко запечатлелось в сознании Достоевского. «Да! я был, – как и теперь, – нервозен, очень, очень, страшно нервозен; но зачем вы хотите называть меня сумасшедшим? Болезнь изощрила мои чувства, а не испортила, не притупила их. В особенности тонко было у меня чувство слуха. Я слышал все на небе и на земле. Я слышал многое в аду. Так я сумасшедший? Слушайте же и наблюдайте, как здраво, как спокойно я могу рассказать вам всю историю»²⁸. Появившиеся в 1864 г. в журнале «Эпоха» «Записки

²⁷ Гроссман Л. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам с приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса: изд-во Ивасенко, 1919. С. 117. Мы не касаемся здесь проблемы типологической близости Э. По и «страшных рассказов» И.С. Тургенева (Турьян М.А. Тургенев и Эдгар По // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1973. Vol. 19. N 4. P. 407–415).

²⁸ Время. 1861. Т. I. Кн. 1. С. 232.

из подполья» Достоевского открывались строками, по ритму весьма близкими взволнованному началу «Сердца-обличителя»: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень»²⁹.

Речь идет не о влиянии По на Достоевского, а об общей направленности художественных поисков двух писателей, стремившихся воссоздать образ человека на изломе, выбитого силами зла из колеи, потерявшего душевное спокойствие. С тем же художественным приемом встречаемся мы в начале чернового автографа второй (пространной) редакции «Преступления и наказания», которая несет на себе отпечаток нервно-взволнованного зачина, присущего «Запискам из подполья» и рассказу По «Сердце-обличитель». И хотя Достоевский впоследствии отказался от подобного начала, сочтя его, вероятно, достаточным для повести, но не для романа, исходное обращение к зачину, возникшему по аналогии с рассказом По, само по себе весьма характерно и подтверждает мысль о том, что психологическая мотивировка и разработка темы убийства была отчасти предвосхищена в рассказах По «Сердце-обличитель» и «Черный кот».

Для сравнения приведем начало чернового автографа «Преступления и наказания»: «Я под судом и все расскажу. Я все запишу. Я для себя пишу... Дней за пять до этого дня я ходил как сумасшедший. Никогда не скажу, что я был тогда и в самом деле сумасшедший, и не хочу себя этой ложью оправдывать. Не хочу, не хочу! Я был в полном уме»³⁰. Это троекратно повторенное в начале «Я» звучит с нарастающей силой, подобно первым грозным нотам трагической симфонии, теме рока, судьбы, от которой герою, наделенному болезненным психическим складом, не уйти. И тут же возникает мысль о безумии, которую герой Достоевского, как и герой По, отвергает с самого начала («Я был в полном уме»).

Один из общих приемов повествования По и Достоевского – двойничество героя. У Эдгара По этот мотив с максимальной полнотой развит в рассказе «Вильям Вильсон» (1839); еще раньше встречается он, как известно, у Гофмана. В русской литературе образ двойника возникает в книге А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), в повести «Двойник» (1837) из «Рассказов пирятинца» Е.П. Гребёнки, в повести В.И. Даля «Савелий Граб, или Двойник» (1842) и в ряде других произведений, вплоть до блоковского «Двойника» и есенинского «Черного человека».

²⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. V. С. 99.

³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1973. Т. VII. С. 96.

Появление в 1846 г. в «Отечественных Записках» «Двойника» Достоевского не явилось чем-то необычным или новым в тематическом отношении. Рассказ По «Вильям Вильсон», переведенный на русский язык лишь в 1858 г., был известен ранее во французском переводе. Использование приема двойничества столь сходно у обоих писателей, что позволяет говорить не только о типологических закономерностях развития этой темы. Сравним один из мотивов у Достоевского и По – тщетное, напрасное бегство героя от своего двойника.

У Эдгара По бегство от двойника наиболее четко выражено в заключительной части рассказа «Вильям Вильсон»: «Бегство было тщетно. Мой злой рок, словно бы в упоении, преследовал меня и воистину доказал, что проявления его таинственной власти только начались... Я бежал, охваченный паникой, как от чумы; но хоть на самый край света, бегство было тщетно»³¹. В пятой главе журнального варианта «Двойника» Достоевского описывается бегство Голыдкина от своего двойника, которое как-то само собой превращается в погоню за ним, ибо в силу странной закономерности «бездна тянет его, и он прыгает, наконец, в нее сам, сам ускоряя минуту своей же гибели... А между тем он все бежал да бежал, и словнодвигаемый какою-то постороннею силою; ибо во всем существе своем чувствовал какое-то ослабление и онемение; думать ни о чем он не мог, хотя идеи его цеплялись за все, как терновник. Он понял наконец, что теряется совершенно, что падает в бездну»³². Возникающий здесь образ бездны, безудержно влекущей героя, был развит Эдгаром По в рассказе «Бес противоречия» (1845). У По встречаем мы впервые тот психологический анализ «неразумных», с точки зрения здравого смысла, поступков героев, который был столь тонко разработан Достоевским в «Двойнике» и «Записках из подполья», что врачи-психиатры до сих пор обращаются к этим книгам как к лучшему описанию подобных психических состояний.

У Эдгара По психологическое состояние «на краю бездны» выражено особенно четко, почти с клинической точностью: «Мы стоим на краю пропасти. Мы всматриваемся в бездну – мы начинаем ощущать дурноту и головокружение. Наш первый порыв – отдалиться от опасности. Непонятно почему, мы остаемся. Постепенно дурнота, головокружение и страх сливаются в некое облако – облако чувства, которому нельзя отыскать название... И так как наш

³¹ По Э.А. Полн. собр. рассказов. М.: Наука, 1970. С. 213.

³² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1972. Т. I. С. 358.

рассудок яростно уводит нас от края пропасти – *потому* мы с такой настойчивостью к нему приближаемся. Нет в природе страсти, исполненной столь демонического нетерпения, нежели страсть того, кто, стоя на краю пропасти, представляет себе прыжок»³³.

Едва ли следует проводить прямые и упрощенные параллели между «бездной» По и духовною бездной Достоевского – каждый писатель выразил свое национальное понимание этой социально-психологической проблемы. Одной из разновидностей этой идеи была теория «все позволено», носителями которой стали Раскольников и Смердяков, – столь же принципиально важная для творчества Достоевского, как идея «беса противоречия» для тех трех рассказов По, которые Достоевский отобрал для перевода в журнале «Время».

Сравнивая «Двойника» Достоевского с известным рассказом По, Томас Манн писал в предисловии к американскому изданию избранных произведений великого русского писателя: «“Двойник” вызвал в России разочарование – и не вовсе безосновательно, ибо, хотя в этой повести и есть гениальные места, Достоевский все же заблуждался, полагая, что поднялся здесь выше Гоголя, безусловно оказавшего большое влияние на автора “Двойника”. Он не превзошел и “Вильяма Вильсона” Эдгара По, ибо последний придал исконно романтическому сюжету большую нравственную глубину и сумел полнее преобразовать патологию в поэзию»³⁴. Рассмотрение Т. Манном новеллистики По в ряду Гоголь – Достоевский помогает лучше понять специфику романтической повести в русской и американской литературах.

Можно наметить несколько линий и тем, сближающих творчество По и Достоевского. Причина этого сходства лежит прежде всего в общности некоторых существенных черт буржуазного развития Америки первой половины XIX в. и России времен Достоевского. Отметим, в частности, сходное отношение двух писателей к «власти денег» в обществе. «Любовниками денег» называл Эдгар По малых и больших бизнесменов, деятелей мира купли-продажи. Таковы его рассказы «Деловой человек», «Жульничество как одна из точных наук», в которых он создал классический образ американского финансиста-жулика, отличающегося трогательной заботой о собственном интересе, настойчивостью, смелостью, хладнокровием, наглостью, – всеми чертами и качествами настоящего «делового человека».

³³ По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 618–619.

³⁴ Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. X. С. 341.

Вернувшись из поездки по Западной Европе, Достоевский в «Летних заметках о зимних впечатлениях» пишет о деньгах как о «главном кодексе нравственности» во французском обществе: «Прежде хоть что-нибудь признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение. И не только на уважение других, но даже на самоуважение нельзя иначе рассчитывать»³⁵.

Типологическая близость сарказмов По и Достоевского, входящих нередко до гротеска, определяется во многом сходным углом зрения, критической направленностью творческой мысли писателей-гуманистов. И современники отлично чувствовали эту близость художественной манеры По и раннего Достоевского – первые сопоставления Достоевского с По возникли еще при жизни русского писателя. Позднее В.Я. Брюсов, говоря о своеобразии психологического мастерства По, считал, что «американский поэт является прямым предшественником и во многом учителем нашего Достоевского»³⁶. И хотя Брюсов уловил здесь только одну из сторон многогранного творчества Достоевского, эта близость двух художников слова отмечена Брюсовым не случайно.

Русский революционный демократ Н.В. Шелгунов в свое время справедливо подметил, что в Эдгаре По выразился антипод янки, превратившего время, небо и землю в деньги и аршин. «Эдгар По как бы хотел выскочить из тех условных форм жизни, которые налагает на всякого американца расчетливый, промышленный дух его отечества; Эдгару По было тесно и узко в условной, расчетливой Америке, привязывавшей его к земле слишком тонкой веревочкой. Но только потому и рвался он в небо, что хотел такой свободы, какой ему американское общество дать не могло. Жизнь требовала от него положительного, и он, из противоречия, ушел в мир фантазии, видений и призраков. Америке, гордившейся своей положительностью, По как бы хотел сказать, что ее душа лишена тонкого чувства и такого же тонкого ума»³⁷.

Годы, когда Эдгар По создавал наиболее трагические из своих рассказов, – время острейших противоречий в американской об-

³⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. V. С. 76.

³⁶ По Э. Полн. собр. поэм и стихотворений / пер. В. Брюсов. М.; Л.: Госиздат, 1924. С. 8.

³⁷ Дело. 1874. № 4. С. 276.

пешественной жизни. Купер в эти годы от публицистической критики американской социальной системы обращается к созданию трилогии о земельной ренте, вскрывающей глубочайшие конфликты общественного развития Соединенных Штатов. Для Купера, откликнувшегося на противоречия американской жизни 40-х годов, характерно спокойное повествование с эпическими картинами американского прошлого и современности, лишь изредка прерываемое резкими публицистическими выпадами против «демократии бизнеса». Иное встречаем мы у По. Его нервная, мрачная и внушающая страх манера повествования, настроения безысходности, склонность подчеркивать ужасное и трагическое в человеческой жизни накладывают на все его творчество отпечаток какой-то внутренней обреченности.

Едва ли справедливо усматривать в этом прямое воздействие острейших контрастов и противоречий американской жизни, однако безусловно, что как художник, сложившийся в более поздний, по сравнению с Купером, период общественного развития, когда конфликты буржуазной Америки проявились гораздо определеннее и сказались на существовании подавляющей массы американских фермеров и горожан, Эдгар По отразил характерные умонастроения пессимизма и страха перед действительностью. Как большой художник, он не мог пройти мимо проблем своего века и своей страны, не выразив их хотя бы частично в своих произведениях.

Судьба По – ярчайший пример враждебности американского общества благоденствия таланту художника и искусству вообще. В списке писателей, загубленных американской действительностью, одним из первых значится имя Эдгара Аллана По. Буржуазная критика нередко вменяла это обстоятельство в вину самому писателю, особенностям его характера. Однако еще Шарль Бодлер писал, что «Соединенные Штаты были для По лишь громадной тюрьмой, по которой он лихорадочно метался как существо, рожденное дышать в мире с более чистым воздухом, – громадным варварским загоном, освещенным газом»³⁸.

Значение творчества По для русской демократии в эпоху послереформенного развития России замечательно выразил Н.В. Шелгунов, который спрашивал, обращаясь к «благородной публике»: «С чего в августе 1874 года говорить об Эдгаре По и залезать в его душу? Для вас По или чудак, или пьяница, или человек, израсходо-

³⁸ Бодлер Ш. Эдгар По. Жизнь и творчество. Одесса: Труд, 1910. С. 7.

вавший свои силы на пустяки»³⁹. Как ни странно то может показаться, для русской демократии Эдгар По – «живая душа, такая же живая, как мы с вами».

Август 1874 г. указан Шелгуновым не случайно и не только потому, что его статья в журнале «Дело» появилась в этом месяце. 14 августа 1874 г. Петербургский цензурный комитет рассмотрел доклад цензора А.Н. Юферова о запрещении к печати в журнале «Дело» статьи Н. Языкова (Н.В. Шелгунова) «Психология незаконченности», первая часть которой посвящена анализу творчества Эдгара По. «Каким образом Эд. По, – спрашивает автор, – этот странный и односторонне мрачно настроенный человек, вечно рывшийся в самых черных тайниках своего сердца, мог явиться в Америке? Но именно в Америке скорее, чем где-либо, мог явиться подобный писатель-психолог, потому что и сама Америка наиболее любопытная психологическая задача»⁴⁰.

В этой статье об Эдгаре По и писателе-демократе Н.Ф. Бажине, полагал цензор, проводится опасная параллель между американским и русским писателями, суть которой в сочувственном отношении к типам «новых людей», выведенных на страницах рассказов Бажина. «Сам г. Бажин, – писал цензор, – писатель в цензурном смысле весьма тенденциозный и принадлежит к одной клике с Чернышевским, Благодетелевым, Помяловским, Омулевским, Писаревым и другими. Сочувственное отношение к его деятельности и к героям его рассказов, высказанное на страницах “Дела”, прямо указывало бы на связь этого журнала с прежними его традициями, от которых редакции нежелательно отказаться, но которые находятся в прямом противоречии с видами правительства и указаниями высшего начальства относительно журнала “Дело”»⁴¹.

³⁹ Дело. 1874. № 7/8. С. 361.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 76. Ч. V. Л. 51.

⁴¹ Там же. Оп. 27. 1874 г. Ед. хр. 61. Л. 266 об. Произведения Э. По подвергались запрещению царской цензурой неоднократно. В 1871 г. Центральный комитет цензуры иностранной запретил «за проповедь пантеизма» бодлеровский перевод «Эврики» (ЦГИА СПб. Ф. 779. Оп. 4. 1871 г. Ед. хр. 198. Л. 158–159). В 1895 г. Московский цензурный комитет с одобрения Главного управления по делам печати запретил отдельное издание рассказа По «Гоп-Фрог» («Лягушонок»), усмотрев в нем намеки на самодержавие и царя. Слово «король» в рассказе было признано неприемлемым в цензурном отношении, поскольку издание предполагалось выпустить по дешевой цене для массового читателя (ЦГИА СПб. Ф. 766. Оп. 20. 1895 г. Ед. хр. 1464. Л. 47).

В непропущенной цензурой статье Шелгунов развивает мысль Достоевского об особом характере психологизма По и отличии его рассказов от страшных историй, присущих «готическому» роману и немецким романтическим балладам. «Эдгар По... возбуждает в вас целую область живых, действительных чувств, целую ассоциацию представлений, не фантастических и фиктивных, вызываемых суеверным страхом или средствами воображения, а чувств реальных, которые в вас есть, которые живут в вас в зародыше, которые, быть может, вы даже и переживали. Эдгар По создает в вас известное психологическое состояние и поднимает на ноги весь ваш внутренний мир... Эдгар По психолог и психолог именно в новейшем понимании этого слова»⁴². Сохранившаяся корректура этой статьи Шелгунова, наряду с его двумя выступлениями в журнале «Дело» об Эдгаре По, свидетельствует о глубоком интересе русской революционной демократии к наследию американского писателя-романтика.

Как бы проводя параллель с общественными условиями России, вступившей на путь капиталистического развития, Н.В. Шелгунов говорил об Эдгаре По: «Его душит Америка своим филистерством и меркантилизмом, хотя он и не так глуп, чтобы не понимать ее промышленных чудес и удобств материальной жизни»⁴³.

Следуя пушкинскому завету судить о писателе «по законам, им самим над собою признанным», Шелгунов видит в По романтика психологического склада и не требует от него того, чего он и не должен был создавать: «Он мог бы быть сатириком. Он мог бы дать картины тех американских нравов, которые мы находим в “Мишурном веке”. Эдгар По, может быть, был бы тогда понятнее и известнее, но в то же время он был бы объективнее и тупее. Эдгар По ушел глубже и сделал попытку определить анализом те процессы души, которые для большинства остаются непонятными, неясными и невыслеженными. Для положительных людей Эдгар По непонятен, но он им непонятен только потому, что они умеют считать до четырех»⁴⁴. Подобной глубины суждения об американском писателе в русской критике после Достоевского никем не высказывались.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 76. Ч. V. Л. 50. Статья Н.В. Шелгунова в сокращенном и измененном виде (сравнение с Бажиным было исключено) появилась в журнале «Дело» (1874. № 7/8. С. 350–366).

⁴³ Дело. 1874. № 7/8. С. 363.

⁴⁴ Там же. «Позолоченный век» (под названием «Мишурный век») Марка Твена в это время печатался в «Отечественных Записках» (1874. № 5–10).

В конце XIX в. в русской критике возобладали, однако, не социально-исторический подход к творчеству По, намеченный Шелгуновым, а болезненно-психологический (характерны названия статей о По в журналах конца века: «Эдгар По с патологической точки зрения»⁴⁵, «Патологическая литература и больные писатели»⁴⁶, «Мрачный гений»⁴⁷).

Новеллистика Эдгара По вошла в сознание русских читателей в 1850–60-е годы; его поэзию открыли в конце века символисты, которым принадлежат и лучшие переводы стихов американского поэта. Таким образом, цельное представление об Эдгаре По, проза которого исполнена поэтичности, а поэзия проникнута «точностью математического расчета» (как он сам говорил, рассказывая в «Философии творчества» историю создания своего знаменитого «Ворона»⁴⁸), стало возможно только в XX в.⁴⁹, когда его оценили как одного из самых глубоких американских писателей прошлого.

⁴⁵ Книжки «Недели». 1897. № 10. С. 262–265.

⁴⁶ Новый Журнал Иностранной Литературы. 1898. № 2. С. 190–200.

⁴⁷ Семья. 1899. Октябрь. № 42. С. 6.

⁴⁸ История русских переводов «Ворона» прослежена в статье Е.К. Нестеровой «Русские переводы стихотворения Э.А. По “Ворон”» (Тетради переводчика. М.: Междунар. отношения, 1976. Вып. 13. С. 22–37), в которой, однако, содержится немало фактических неточностей.

⁴⁹ В конце XX в. заметно возрос интерес к теме «Эдгар По в России». Этой проблеме посвящена фундаментальная монография американской исследовательницы Джоан Дилени Гроссман (*Grossman J.D. Edgar Allan Poe in Russia. A Study in Legend and Literary Influence. Würzburg: Jal-Verlag, 1973*), охватывающая более чем столетний период русского восприятия наследия По. Из советских исследований следует отметить серьезную разработку этой проблематики в статье Л.Н. Болтовской (Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. Хабаровск, 1973. Т. II. С. 99–122), в которой анализируется творческое воздействие Эдгара По на поэзию и эстетику русских символистов и на рассказы В. Брясова и Л. Андреева.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Русские – песенный народ.

Талви

Казалось бы, право на разработку этой темы должно было принадлежать прежде всего американским исследователям, ибо всестороннее изучение того, как и когда известия о русской литературе стали проникать в Америку, естественно проводить в восприимчивой стране. Кое-что в этом отношении американскими литературоведами уже сделано¹. Тем не менее обобщающие обзоры развития научных, культурных и литературных связей России и США принадлежат советским исследователям².

В 1822 г. в Бостоне вышла небольшая по формату книжка в 240 страниц. Это был первый сборник переводов русских поэтов на английский язык, выпущенный в предыдущем году в Англии Джоном Баурингом (1792–1872) двумя изданиями. Распространение русской литературы в английских переводах во многом происходило параллельно в Англии и США. Интерес к антологии Бауринга в Америке отвечал общему интересу к России в период начавшегося американо-русского сближения.

¹ См.: Bibliography of Russian Literature in English Translation to 1945. Towa, N. J.: Rowman and Littlefield, 1972; Pushkin in English: A List of Works by and about Pushkin / ed. with an introduction by A. Yarmolinsky. N.Y.: New York Public Library, 1937; *Heifetz A. Lermontov in English. A List of Works by and about the Poet* / foreword by A. Yarmolinsky. N.Y.: New York Public Library, 1942.

² *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М.: Наука, 1975; *Григорьев А.Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. Л.: Наука, 1977.

В 1823 г. переводы девяти стихотворений (Ломоносова, Хемницера, Дмитриева, Державина, Карамзина, Крылова и Боброва) из антологии Бауринга вошли в «Американскую книгу для чтения» – популярный школьный учебник, изданный в Бостоне Джоном Пирпонтом³.

Включить русскую поэзию, возможно, рекомендовал ему А.Г. Евстафьев, всемерно содействовавший развитию русско-американских литературных контактов. Особой известностью пользовались в Америке два стихотворения, которые американцы читали еще в детстве, – «Бог» Державина и «Кладбище» Карамзина, неоднократно перепечатывавшиеся в американских антологиях середины XIX в.⁴

Зимой 1819 г. английский языковед Дж. Бауринг побывал в Петербурге, познакомился с Крыловым и Карамзиным, о которых с уважением отзывался много лет спустя в автобиографии. Бауринг считал прозу Карамзина выдающимся явлением русской литературы. «В Петербурге я настолько освоил русский язык, – писал он, – что смог составить первый сборник переводов, пользовавшийся успехом»⁵.

В своем предисловии к антологии Бауринг знакомит читателей с представленными в ней поэтами. Ломоносов, которого он называет «отцом русской поэзии»⁶, установил языковые нормы и придал грубой и неотесанной речи силу и выразительность звучания. В сборнике Бауринга дан перевод «Вечернего размышления о божием величестве при случае великого северного сияния», который в лучшем случае может быть назван подстрочником. От «выразительного звучания» ломоносовского стиха мало что сохранилось. Лаконичное афористическое двустишие «Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» передано вяло и описательно:

³ *Pierpont J.* The American First Class Book; or, Exercises in Reading and Recitation. Boston: Fowle, 1823. Книга ежегодно переиздавалась до 1860 г.

⁴ *Coleman A.P.* John Bowring and the Poetry of the Slavs // *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1941. May. Vol. 84. N 3. P. 432.

⁵ *Bowring J.* Autobiographical Recollections. London: King, 1877. P. 123.

⁶ *Bowring J.* Specimens of the Russian Poets; with Preliminary Remarks and Biographical Notes / translated by John Bowring, F.L.S. Boston: Cummings and Hilliard, 1822. P. XII. Во втором лондонском издании своей антологии (1821) Бауринг расширил предисловие, развив мысли, лишь намеченные в предисловии к первому изданию.

The abyss of heaven appears – the stars are kindling round;
Who, who can count those stars, who that abyss can sound?

Строчка «Несчетны солнца там горят» переведена еще менее выразительно: «Yon unnumber'd lamps are glowing suns».

Более образно выражено сравнение: «Как мала искра в вечном льде» – «A ray the frozen iceberg sends to heaven».

Сравнивая Ломоносова с его соперником Сумароковым, «забытым в последние годы», Бауринг отдает решительное предпочтение силе художественного стиля Ломоносова. Но есть одна область поэзии, продолжает он, где Сумароков выступил первооткрывателем. «Он старейший русский баснописец; он ввел в употребление жанр, в котором русская поэзия достигла больших успехов, чем какой-либо другой народ. И это не просто лестные слова, но истинная правда. Россия может не только соперничать с восхитительным Лафонтеном, но и превзойти его»⁷. Среди драматических произведений Сумарокова Бауринг выделяет трагедию «Дмитрий Самозванец», переведенную на английский язык (имеется в виду изданный в 1806 г. в Лондоне перевод А.Г. Евстафьева).

Упоминая Фонвизина как автора «Недоросля» и «Бригадира», Хераскова с его «Россиядой», Боброва, интересовавшегося английской поэзией, переводы и оригинальные стихотворения Кострова, главное внимание среди поэтов XVIII в. составитель уделяет Державину. «Ломоносов заложил основы национального стиля в литературе, – писал он, – Державин придал этому стилю блеск и звучность поэзии»⁸. Антология открывается державинской одой «Бог», в примечании к которой сообщается, что японский император приказал повесить в своем дворце вышитый золотом перевод ее на японский язык; такой же чести удостоилась ода и в императорском дворце в Пекине, где ее перевели на китайский язык.

Сравним перевод наиболее сильных державинских строк:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!

⁷ Bowring J. Specimens of the Russian Poets. P. XIII–XIV.

⁸ Bowring J. Autobiographical Recollections. P. 122.

Утрачивая афористическую яркость державинского стиха, переводчик довольно точно передал его смысл:

The chain of being is complete in me;
In me is matter's last gradation lost,
And the next step is spirit – Deity!
I can command the lightning, and am dust!
A monarch, and a slave; a worm, a god!⁹

В переводе первой строки оды «На смерть князя Мещерского» («Глагол времен! металла звон!») удачно использована аллитерация: Ah! that funeral toll! loud tongue of time! Другие же строки («О горе нам, рожденным в свет!») оказались опущенными или переведенными приблизительно: «Где стол был яств, там гроб стоит» передано выражением: «And luxury's board is covered with a pall». Сравним три державинские строчки, переведенные описательно двумя:

Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Now basking in hope's fair and gladdening ray,
To-morrow – what is man to-morrow? Nought!¹⁰

Главное же, в переводе утрачивается образность поэтической мысли Державина, сделавшая его строки крылатыми речениями, афоризмами, к которым часто обращались последующие поколения русских писателей. «Жизнь есть небес мгновенный дар» переведено: «Life was not given for ages to endure». В «Водопаде» первая строка: «Алмазна сыплется гора» – передана без той внутренней динамики, которая ощущается в трех словах Державина: «Lo! like a glorious pile of diamonds bright».

Гневный пафос оды «Властителям и судиям» (ошибочно приписанной в антологии Ломоносову) остался до конца не понят Баурингом во всей глубине национального осмысления библейского текста:

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
They hear not – see not – know not – for their eyes

⁹ Bowring J. Specimens of the Russian Poets. P. 8.

¹⁰ Там же. С. 13.

Are covered with thick mists – they *will* not see:
The sick earth groans with man's iniquities,
And heaven is tired with man's perversity¹¹.

Вместо «покрыты мздою очеса» Бауринг перевел «густой туман окутывает их очи». Библейский пафос оды оказался более доступен переводчику и передан с подлинной выразительностью:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!
And ye like fading autumn leaves will fall;
Your throne but dust – your empire but a grave –
Your martial pomp a black funeral pall –
Your palace trampled by your meanest slave¹².

Хорошо удался Баурингу и перевод анакреонтической «Пчелки» Державина:

Golden bee! for ever sighing,
Round and round my Delia flying,
Ever in attendance near her:
Dost thou really love her, fear her,
Dost thou love her,
Golden bee?¹³

В том же ключе выдержаны и две последующие строфы «Пчелки».

Русским Анакреоном назван в предисловии к антологии Богданович. Среди переводов отрывков из его «Душеньки» находится и известная строка «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша», переданная, как часто случается у Бауринга, довольно длинно и описательно:

Dushenka! Dushenka! the robes that thou wearest
Seem ever most lovely and fitting¹⁴.

Среди живущих поэтов первое место Бауринг отводит Карамзину, которого Державин когда-то назвал «соловьем поэзии».

¹¹ *Bowring J. Specimens of the Russian Poets.* P. 69–70.

¹² Там же. С. 70. Во втором лондонском издании антологии Бауринг существенно улучшил эти переводы.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 167.

Крупнейшим произведением русской литературы Бауринг считает его «Историю государства Российского», переведенную на несколько европейских языков (приводится мнение Карамзина, высказанное Баурингу об этих переводах – тяжеловесном немецком, французском, где в первом томе автор обнаружил две сотни ошибок, и итальянском, сделанном с небрежного французского перевода). В антологии дан выразительный перевод песни из «Острова Борнгольма», программное начало которой сформулировано еще более определенно, чем в оригинале:

Законы осуждают	Curses on the world's decree!
Предмет моей любви;	That decree which bid us part:
Но кто, о сердце! может	Who has e'er resisted thee,
Противиться тебе?	Passion-throbbing, maddened heart? ¹⁵

В плеяде русских баснописцев (Сумароков, Хемницер, Дмитриев) Бауринг выделяет Крылова: «Его грузная внешность совершенно не вяжется с острой пронизательностью и изяществом его сочинений. Он жалит как оса и, смеясь, улетает прочь»¹⁶. Баснописец подарил Баурингу рукопись своей басни «Осел и Соловей», перевод которой помещен в антологии.

Если переводы лирических стихотворений Державина и Карамзина удавались Баурингу сравнительно хорошо, то басни Крылова, их, как говорил Пушкин, «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (XI, 34), остались совершенно неосвоенными в английских переводах. Ироническая концовка басни:

А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился, –

передана в духе скучного морализаторства, столь далекого от живой басни Крылова:

...but if Chanticleer
Would give thee a few lessons, doubtless he
Might raise thy voice and modulate thy ear;

¹⁵ *Bowring J. Specimens of the Russian Poets.* P. 105.

¹⁶ Там же. С. XIX. Вторая фраза цитаты добавлена во втором издании антологии.

And thou in spite of all thy faults mayst be
A very decent singer¹⁷.

Чисто русское «и полетел за тридевять полей» в подстрочном переводе объяснено (по-английски): «три раза по девять» (!). Афористическая концовка другой басни, представленной во втором издании антологии («Лебедь, Щука и Рак»), – «Да воз и ныне там» – оказалась вовсе выброшенной переводчиком.

Высоко ценя Жуковского, Бауринг во втором издании обращается к его переводам из английских поэтов – элегии Томаса Грея «Сельское кладбище» и балладе Оливера Голдсмита «Пустынник». Чтобы читатель смог почувствовать мелодику русского стиха, в предисловии дана транслитерация отрывков из этих переводов. В традициях поэзии английского сентиментализма переведено стихотворение Жуковского «Весеннее чувство». Приведем для сравнения первые строфы оригинала и английского перевода:

Легкий, легкий ветерок,	Say, ye gentle breezes, say,
Что так сладко, тихо веешь?	Round me why so gently breathing?
Что играешь, что светлеешь,	What impels thee, streamlet! wreathing
Очарованный поток?	Through the rocks thy silver way ¹⁸ .

«Людмилу» Жуковского, переложение баллады Г.А. Бюргера «Ленора», Бауринг считает более совершенным произведением, чем ее немецкий оригинал.

У Батюшкова, «самого знаменитого из русских поэтов», Бауринг выбрал для перевода программные стихи «Мои пенаты». В антологии представлены также произведения Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, Дениса Давыдова. Из стихов последнего взята анакреонтическая ода «Мудрость», все очарование которой, однако, было потеряно, когда в первой же строфе переводчик заменил Купидона на Гектора:

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.

¹⁷ Bowring J. Specimens of the Russian Poets. P. 132–133.

¹⁸ Там же. С. 98.

Переводы песен Ю.А. Нелединского-Мелецкого, в том числе такой популярной, как «Выду я на реченьку...», давали читателям Англии и Америки первое представление о песенном богатстве русского народа. Переводы песен, как правило, удавались Баурингу:

Выду я на реченьку,	To the streamlet I'll repair,
Погляжу на быструю –	Look upon its flight, and say:
Унеси мое ты горе,	'Bear, O fleeting streamlet! bear,
Быстра реченька, с собой!	All my griefs with thine away ¹⁹ .

Антологию завершают три «народные песни», в том числе «Среди долины ровныя...» А.Ф. Мерзлякова. Напевность стиха этой песни передана и в английском переводе, одном из лучших во всей антологии:

Upon its little turfy hill, the desert's charm and pride,
The tall oak in his majesty extends his branches wide:
His shadow covers half the waste, and there he stands alone,
Like a poor soldier on the watch, a sad abandoned one!²⁰

Бауринг признавался, что, по-видимому, многие красоты русской поэзии он не смог передать, хотя «размер подлинника, как правило, соблюдался»²¹. Он считал русский язык в лексическом отношении одним из самых богатых, если не самым богатым среди европейских языков. «Русский язык пригоден почти ко всем видам стихосложения. Он выразителен, гармоничен, ритмичен, многозначен и обладает всеми свойствами, необходимыми для поэзии»²².

В России Бауринга интересовала не только поэзия. Развитию русской литературы, писал он в предисловии, мешает крепостное право. В стране существуют только два общественных состояния – полное рабство и аристократия. «Русский народ не сможет добиться существенных успехов на пути цивилизации до тех пор, пока не будут сметены барьеры, разделяющие различные слои общества. Миллионы забытых людей еще долго, по-видимому, будут оставаться в узах рабства. Корыстные интересы правящего меньшинства совершенно открыто и пагубно противоречат улучшению положения большинства и не позволяют надеяться на что-либо от помещи-

¹⁹ Bowring J. Specimens of the Russian Poets. P. 187.

²⁰ Там же. С. 192.

²¹ Там же. С. XXI.

²² Там же. С. XXVI–XXVII.

ков. Вместе с тем следует признать, что в стране существуют мыслящие умы, жаждущие деятельности. Но каково их истинное влияние?»²³ Очевидно, за свое краткое пребывание в Петербурге Бауринг успел познакомиться кое с кем из будущих декабристов. Во всяком случае, его рассуждения близки настроениям передовых кругов русского общества начала 20-х годов.

Рисуя картину будущего России, неразрывно связанного с развитием ее литературы, Бауринг пишет: «Гордость угнетателей будет сломлена, мечты угнетенных сбудутся. Сердце народа преисполнится надеждой и пылом, скованным ныне холодом рабства. Россия, изобилующая материалом, из которого создаются великие умы, в недалеком будущем займет выдающееся место в духовном мире народов Европы»²⁴. В демократических кругах США подобные мысли не могли не встретить сочувствия, чем, вероятно, и объясняется переиздание антологии Бауринга в Бостоне.

Русская цензура, естественно, не пропустила книгу с таким предисловием, и потому понятно удивление А.А. Бестужева, с запозданием узнавшего о ней и о выходе в 1823 г. второй части «Российской антологии», в которую Бауринг поместил новые переводы русских поэтов. «Первая часть оной уже собрала дань похвалы с английских критиков, — писал Бестужев в своей рецензии, — и, несмотря на некоторые неточности перевода, заслуживает и благодарность русских»²⁵.

Бестужев впервые поставил важный вопрос о принципах перевода русской поэзии на английский язык, о степени пригодности английского языка для перевода русских стихов. «Влияние английской литературы на нашу, по несчастию, никогда не существовало; говорю по несчастию потому, что английский язык своею силою и простотою ближе всех подходит к нашему. Из прежних авторов только Петров и Муравьев заимствовали у британцев: первый смелость словосложения, другой простоту слога, но они оба не сделали эпохи своим примером. Все прочие были воспоены лимонадом французского Парнаса. Влиянию немецкой словесности также придано слишком много весу»²⁶.

²³ *Bowring J. Specimens of the Russian Poets. P. XXXI.*

²⁴ *Bowring J. Российская антология. Specimens of the Russian Poets / translated by John Bowring, F.L.S. 2 edition with additions. London: Taylor, 1821. P. XXXV.*

²⁵ Литературные Листки, Журнал Правов и Словесности. 1824. Ч. 4. № 19/20. С. 32.

²⁶ Там же. С. 33–34. Пушкин проявил интерес к этой статье и в письме к А.А. Бестужеву в январе 1825 г. просил прислать ему «Литературные Листки», «где твоя критика на Бауринга» (XIII, 139).

Бестужев обратил внимание на известную песню Батюшкова «Гусар, на саблю опираясь, / В глубокой горести стоял...», переданную «очень мило, но иногда далеко от подлинника». «Я в качестве кавалериста, – продолжал Бестужев, – сержусь только на Бауринга, зачем он сделал удалого гусара плаксою, у которого “потoki слез стремятся из потусклых очей”... Это не по-русски и не по-гусарски. Клятва его не усами, а бородою (for, by my troth and beard I swear thee), тоже походит более на клятву казака, чем на выражение влюбленного ротмистра»²⁷. Очевидно, традиции английской сентиментальной лирики и здесь дали себя знать в переводах Бауринга.

Порицая Бауринга за «пропуски и прибавки», Бестужев считает, что «остальное, особенно где Бауринг хорошо понял оригинал свой, выражено сильно и безошибочно». Воздав должное английскому переводчику, Бестужев справедливо отмечает, что «Бауринг должен был бороться с предрассудками своей нации и трудностями русского языка»²⁸.

Другим свидетельством интереса к России стал изданный в 1826 г. в Филадельфии перевод двух новелл на русскую тему Ксавье де Местра, долгие годы жившего в Петербурге²⁹. Известный американский журналист Эдвард Эверетт в крупнейшем журнале США «Норт америкен ревью» благожелательно откликнулся на выход книги, знакомившей американского читателя с жизнью и нравами далекой России: «Впервые предстали перед нами просторы Сибири, горы Кавказа... Место действия этих повестей не только привлекает своей новизной, но и вызывает подлинный интерес»³⁰. Русская жизнь раскрывалась в романтических повестях французского писателя, выступившего посредником в знакомстве Америки с Россией.

Имя Пушкина еще отсутствовало в антологии Бауринга, да это и неудивительно, если вспомнить, что отбор имен производился зимой 1819 г., когда Пушкина в России еще не знали. Первое упоминание о Пушкине на английском языке появилось в декабре 1821 г. в издававшемся английским поэтом Томасом Кэмпбеллом журнале «New Monthly Magazine», где сообщалось о выходе в Петербурге романтической поэмы «Руслан и Людмила».

²⁷ Литературные Листки, Журнал Нравов и Словесности. 1824. Ч. 4. № 19/20. С. 39.

²⁸ Там же. С. 43–44.

²⁹ *Maistre Xavier de. Russian Tales. From the French.* Philadelphia: Carey & Lea, 1826.

³⁰ *North American Review.* 1827. January. Vol. 24. P. 188.

Прежде чем в Соединенных Штатах была выпущена первая книга Пушкина, там увидели свет три издания русских писателей-прозаиков. В 1832 г. в Филадельфии вышел авантюрно-дидактический роман Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин»³¹, в котором, как полагали издатели, американские читатели найдут интересную для себя фабулу. Через два года в Нью-Йорке появился перевод «Юрия Милославского» Загоскина под названием «Юный москвитин»³², а в 1846 г. Густав Клеменс Хебб перевел и выпустил в Нью-Йорке «Аммалат-бека» А. Бестужева-Марлинского под заглавием «Татарский вождь, или Голова русского полковника в качестве приданого»³³ – название, рассчитанное на стандарты массовой буржуазной культуры, складывавшейся в те времена в США.

В 1846 г. тот же Г.К. Хебб перевел повесть Пушкина, снабдив ее своим названием: «Капитанская дочка, или Великодушие русского бунтовщика Пугачева»³⁴. Уважение к авторской воле не входило в правила американских переводчиков. Тем не менее это был первый перевод пушкинской повести, на два года опередивший немецкий и на семь лет французский перевод.

Автор первого очерка жизни и творчества Пушкина, появившегося в Англии, преподаватель английского языка в Царскосельском лицее Томас Бадд Шоу, говорил о происхождении поэта, сокращая длинную цепь его предков, что Пушкин – «внук африканца»³⁵. Основываясь на этом известии, американский поэт-аболиционист Джон Гринлиф Уиттьер попытался использовать это обстоятельство в борьбе против расизма в Америке. К десятилетию смерти великого русского поэта он опубликовал очерк, начинавшийся словами:

³¹ *Bulgarin Th. Ivan Vejeeghen, or, Life in Russia* / [translated by George Rose]. Philadelphia: Carey & Lea, 1832. 2 vols. Интерес к дидактически-нравоописательным романам проявлялся и в России, где в 1831 г. вышел в переводе К. Масальского роман американский писательницы Маргарет Смит (Харрисон-Смит, 1778–1844) «Что такое хороший тон?» («What is Gentility?», 1828), отрывок из которого и рецензию О.М. Сомова напечатала «Литературная Газета» (21 января и 15 февраля 1831 г.).

³² *Zagoskin M. The Young Muscovite, or, The Poles in Russia*. N.Y.: Harper and Brothers, 1834. 2 vols.

³³ *Marlinsky A. The Tartar Chief, or, a Russian Colonel's Head for a Dowry / from the Russian by G.C. Hebbe*. N.Y., 1846.

³⁴ *Pushkin A.S. The Captain's Daughter, or, The Generosity of the Russian Usurper Pugatscheff / from the Russian by G.C. Hebbe*. N.Y.: Müller, 1846.

³⁵ *Shaw Th.B. Pushkin, the Russian Poet* // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1845. June. Vol. 57. N 356. P. 658. См.: *Аринштейн Л.М.* Томас Шоу – английский переводчик Пушкина // *Сравнительное изучение литератур*. Сб. ст. к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1976. С. 117–124.

«29 января 1837 г. в одном из больших особняков Северной столицы на берегах Невы умирал великий человек... Неужели этот одаренный удивительным талантом, всеми почитаемый и оплакиваемый человек был негром? Да, так оно и было, сколь бы невероятным это ни казалось американскому читателю»³⁶.

Слава Пушкина дошла до Америки и была воспринята демократическим обществом в контексте американских задач общественной борьбы. Этим и объясняется то, что великий русский поэт стал для Уиттьера представителем черной расы, – обстоятельство, позволившее американскому поэту выступить с резким обличением господствующих в Соединенных Штатах антинегритянских настроений.

Весной 1814 г. в Россию по коммерческим делам прибыл молодой и общительный американец Уильям Д. Льюис. За пять лет жизни в нашей стране он побывал во многих городах, основательно выучился русскому языку, познакомился с русскою литературою и искренне полюбил Россию и русских. При отъезде в Америку в октябре 1819 г. он с жаром воскликнул: «Никогда не забуду русских друзей моих, всегда буду их помнить и любить!» И он сдержал свое слово. В 1849 г. в Филадельфии вышел его перевод пушкинского «Бахчисарайского фонтана», к которому были приложены переводы стихов Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, Н.М. Шатрова, Мерзлякова и Державина, печатавшиеся ранее в американских журналах.

Когда перевод поэмы Пушкина с посвящением русским друзьям попал в Россию, Н.И. Греч откликнулся на него рецензией, в которой тепло отозвался о своем старом знакомце и его переводе. «Приятно думать, что за Атлантическим океаном, на берегах озера Эри или реки Миссисипи, читают, понимают и оценивают по достоинству произведения русских писателей; еще приятнее знать, что там бьется благородное сердце, любящее нашу добрую Россию и воздающее ей добром за добром»³⁷.

Непривычно было читать английский эквивалент знаменитых пушкинских строк «Гирей сидел потупя взор...» – «Mute sat Giray, with downcast eye». Но постепенно, вчитываясь в перевод Льюиса, можно было уловить в нем отблеск пушкинской поэзии. «Татарская

³⁶ Whittier J.G. Alexander Pushkin // The National Era (Washington). 1847. February 11. Vol. I. N 6. P. 2. См. публикацию В. Александрова «Американский поэт о Пушкине» (Вопросы литературы. 1979. № 6. С. 159–164).

³⁷ Северная Пчела. 1851. 18 июля. № 159. С. 634.

песня» представляет собой, бесспорно, лучшее и наиболее полное воплощение в переводе светлого пушкинского начала:

Дарует небо человеку	Heaven visits man with days of sadness,
Замену слез и частых бед:	Embitters oft his nights with tears;
Блажен факир, узревший Меку	Blest is the Fakir who with gladness
На старости печальных лет.	Views Mecca in declining years.

Блажен, кто славный брег Дуная	Blest he who his pale Death await him
Своею смертью освятит:	On Danube's ever glorious shore;
К нему навстречу дева рая	The girls of Paradise shall greet him,
С улыбкой страстной полетит.	And sorrows ne'er afflict him more.

Но тот блаженней, о Зарема,	But he more blest, O beauteous Zarem!
Кто, мир и негу возлюбя,	Who quits the world and all its woes,
Как розу, в тишине гарема	To clasp thy charms within the harem,
Лелеет, милая, тебя.	Thou lovelier than the unplucked rose! ³⁸

* * *

Первое исследование русской литературы и ее места в ряду славянских литератур появилось в Соединенных Штатах в 1850 г. Эта книга американской русистики называется «Историческое обозрение языков и литературы славянских народов с очерком их народной поэзии» и принадлежит Терезе Альбертине Луизе фон Яков (1797–1870), жившей в молодости в России. Книга вышла под псевдонимом Талви (инициалы имени и фамилии), а первоначальные наброски ее печатались в нью-йоркском и бостонском журналах³⁹.

³⁸ *Pooshkeen A.* The Bakchesarian Fountain and Other Poems by Various Authors / translated from the Original Russian by William D. Lewis. Philadelphia: Sherman, 1849. P. 11–12.

³⁹ Historical View of the Slavic Language in its Various Dialects: With Special Reference to Theological Literature // Biblical Repository. N.Y., 1834. April, July. Vol. 4. N 14–15; Slavic Popular Poetry // North American Review. Boston, 1836. July. Vol. 43. N 92. См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 547–551; *Григорьев А.Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. С. 143–144. Очерк биографии и творчества Талви, проводшей десять лет в России, дан в книге: *Voigt I.C.* The Life and Works of Mrs. Therese Robinson (Talvj). Urbana, Ill.: University of Illinois, 1913.

Русской литературе в работе Талви посвящена специальная глава во второй части книги, а русской и украинской народной песне – раздел в четвертой части. Как интерпретируется исследовательницей история русской литературы, доведенная до 40-х годов XIX в., какие имена и произведения привлекают ее внимание?

В предисловии, написанном Эдвардом Робинсоном, мужем Талви и редактором «Библикел рипозитери», где в 1834 г. начинались публикации глав будущей работы, отмечалось, что книга Талви ликвидирует пробел, существующий в представлениях американцев относительно литературы славянских народов. Хотя английские издания и касались этой темы, в Соединенных Штатах только в энциклопедии «Американа», первое издание которой появилось в 1829–1833 гг., можно было прочитать о русской, польской, чешской и других славянских литературах в статьях, переведенных из немецкого «*Conversations-Lexicon*».

Книга Талви – одна из ранних попыток применения сравнительно-исторического метода к анализу языков и литератур восточных и западных славян. Автор начинает с истории славян, их языков и мифологии, представленных на уровне науки того времени, и стремится подойти к рассмотрению литератур славянских народов на широком филологическом фоне. Это делает труд Талви явлением выдающимся в зарождающемся американском литературоведении, ибо впервые, опираясь на работы немецких филологов первой половины XIX в., в Америке была создана история развития славянских литератур. Не лишенная недостатков и прямых ошибок и искажений, свойственных и европейским славистам того времени, книга Талви не только знакомила с историей литературы, но и давала интересные и многочисленные переводы песенного славянского фольклора.

Историю русской литературы Талви делит на пять периодов. Первый, о котором автору мало что известно, простирается на девять веков, предшествовавших Петру Великому; второй – это век Петра I; третий – от Ломоносова до Карамзина (границы определяются датами царствований Елизаветы Петровны и Екатерины II); рубежом четвертого периода становится 1825 г., когда начинается последний, современный период. Характерной особенностью подхода Талви к истории русской литературы является то, что она здесь же касается вопросов украинского и белорусского языка, фольклора и литературы.

Из древнерусской литературы Талви знала лишь немногое: «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха»,

«Правду русскую», «Повесть временных лет» и несколько других памятников старины. «Большинство же произведений той ранней поры, относившиеся скорее к истории славян, чем к русской литературе, – пишет Талви, – погибли в пожарах и опустошениях, которые принесли с собой монголы»⁴⁰.

Примечательно, что взгляд Талви на «Слово о полку Игореве» близок пушкинской оценке, опубликованной впервые только в 1855 г. (««Слово о Полку Игореве»» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» – XI, 268). Талви писала: «Эта замечательная поэма стоит совершенно уединенно в истории древнерусской литературы и потому представляет собой одну из самых необъяснимых загадок в литературной истории» (54).

В книге Талви высоко оценивается просветительская деятельность Петра Великого, его стремление превратить своих подданных в «читающий народ», приобщить их к знаниям посредством книги. Наряду с книгой русских былин и песен Кириши Данилова, рассматриваются сатиры Антиоха Кантемира и предложенная Тредиаковским реформа стихосложения на национальной русской основе. «Петр заложил краеугольный камень храма русской литературы, Ломоносов возводил его стены» (66). В XVIII в. были созданы академии, первые университеты, гимназии в крупнейших городах, «однако простого народа, крестьян все это не коснулось» (66).

В очерке жизни и творчества Ломоносова представлены его заслуги в различных областях науки и особенно в филологии, истории и литературе. «Он первым провел различия между старославянским и русским языками. В своей “Российской грамматике” он определил принципы и установил правила пользования языком». Однако, считает Талви, Ломоносов был больше ученым, чем поэтом. Среди его стихов Талви особенно ценит «Оду, выбранную из Иова», написанную с подлинным вдохновением.

Утверждая, что русская поэзия значительно превосходит русскую прозу, Талви пишет о творчестве Сумарокова, Хераскова, Капниста, о «грациозной и наивной» «Душеньке» Богдановича, баснях Хемницера, стихах Семёна Боброва, пытавшегося перенести на русскую почву традиции английской литературы, о песнях Нелединского-Мелецкого, снискавших широкую известность «даже

⁴⁰ *Talvj. Historical View of the Languages and Literature of the Slavic Nations; with a Sketch of their Popular Poetry.* N.Y.: Putnam, 1850. P. 55. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте.

в низших классах общества». Особое внимание уделяется «самому знаменитому русскому поэту того времени» – Державину. Ссылаясь на «Российскую антологию» Бауринга, Талви рассказывает о переводах державинской оды «Бог» на несколько европейских языков, а также на китайский и японский.

Высоко ставя развитие драматического искусства в России (Княжнин, Фонвизин и др.), Талви восхищается «несравненной картиной нравов и обычаев поместного дворянства» в «Недоросле» Фонвизина – «пьесы, которая не сходит со сцены» (68). Вместе с тем американская исследовательница полагает, что век детства, в котором находилась тогда русская литература, не позволял еще развиваться в ней литературной критике. Заслуги русской журналистики оцениваются в связи с деятельностью Н. Новикова в качестве редактора нескольких журналов и автора первого русского биографического словаря российских писателей. Среди многочисленных русских переводов XVIII в. отмечаются «Илиада» и «Оссиан» в переводе Ермила Кострова, «Энеида» в переложении В.П. Петрова, «Опыт о человеке» А. Попа и «О воспитании детей» Дж. Локка в переводах Н.Н. Поповского.

Наступление нового периода русской литературы связано с ростом интереса к истории России, вступлением в литературу Карамзина и развитием жанра романа, а также лирической поэзии. Рассматривая творчество Карамзина, Талви отмечает «благоприятное влияние на русскую литературу издававшихся им “Московского Журнала” и “Вестника Европы”». Главной заслугой Карамзина провозглашается создание им одиннадцатитомной «Истории государства Российского», дважды переведенной тогда же и на немецкий, и на французский языки. «Прелесть карамзинского стиля настолько непереводаема, что всякий, кто не знает русского языка в совершенстве, не в состоянии до конца постичь красоту его сочинений» (77–78). Однако при этом Карамзин романтизировал историю. «На варварство той отдаленной поры, о которой он пишет, его искусная рука набросила покров идеализации и вопреки реальным фактам того времени придала историческим героям и событиям дух рыцарства и романтического очарования. Нередко кажется, что читаешь не историю, а роман» (78).

Карамзин оказал огромное влияние на русскую прозу, И. Дмитриев – на поэзию. Среди учеников последнего Талви называет Жуковского, Вяземского, Батюшкова, Рылеева, Дельвига, Глинку и др. Отдавая должное этой плеяде поэтов, особенно Жуковскому, «поэту подлинного и глубокого чувства, без аффектации, обладаю-

щему больше, чем кто-либо из русских писателей, способностью субъективного восприятия мира», Талви впервые в Америке признает, что во главе школы русских поэтов стоит «не имеющий себе равных» («without a rival») Александр Пушкин, анализ творчества которого, как итог развития всей русской литературы, отнесен к заключительной части главы.

Талви отмечает исключительную популярность в России басен. Любимцем народа называет она Крылова. «Его басни, снискавшие популярность среди всех слоев общества, стали первой книгой, которую читает русский ребенок. Многие из них переведены на французский и итальянский языки» (80). Среди драматических произведений Талви выделяет «Горе от ума» Грибоедова, говорит об успехе исторического романа (на основании произведений Нарезного) и о дальнейшем развитии искусства перевода, среди наиболее удачных образцов которого она называет переводы с английского и немецкого Ивана Козлова, гnedичевскую «Илиаду», «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переводе Мерзлякова. В области библиографии, истории литературы и филологии начала XIX в. упомянуты работы В.С. Сопикова, В.Г. Анастасевича, Н.И. Греча, А.И. Мусина-Пушкина, Ф.В. Каржавина, М.Т. Каченовского и др.

В книге Талви впервые в Америке рассматривается литература декабристов. Талви не имела возможности сколько-либо обстоятельно или глубоко разобраться в причинах и характере декабристского движения, да она и не стремилась к тому. «Кровавая трагедия», разыгравшаяся на Сенатской площади, интересовала ее лишь в той мере, как проявился при этом «дух возбуждения и недовольства русской литературной молодежи».

Не давая общей оценки восстания, Талви обращается к тому, что принесло оно с собой в литературную жизнь страны. «Безрассудство» Рылеева, Бестужева и других писателей-декабристов было сродни тому духу протеста, который повлек за собой высылку молодого Пушкина из столицы, заявляет исследовательница. «Стало очевидным, что русская муза уже не прежняя добрая старушка-сплетница в придворном платье с фижмами, готовая смиренно приседать в глубоком реверансе перед любым вельможей; она уже не та пастушка, что вдохновляла Дмитриева на сладостные, но безжизненные стихи; под влиянием дерзких идей современных философских школ она постепенно превратилась в дикую романтическую девчонку, горящую желанием свободно, без полицейского надзора, пить из открытого всем народам источника чистой поэзии, без ограничений и сковывающих уз предаваться миру поэтических грез» (85).

Дух свободомыслия, порожденный сочинениями Рыльева, Бестужева и других, вызвал ответную реакцию правительства, стремившегося подавить всякое влияние извне. «Преподавание философии во всех университетах было запрещено (1827); было велено острее наточить цензорские ножницы; списки запрещенных книг стали длиннее; разрешения на выезд за границу часто не выдавались, а срок допустимого пребывания за рубежом русских подданных был сокращен до пяти лет. В России была создана китайская стена, предназначенная для защиты от эпидемии современной зарубежной заразы...» (86). В русском литературоведении о николаевских жандармах и литературе так писать стали только в XX в.

Новый, критический дух времени проявился прежде всего в журнале Николая Полевого «Московский Телеграф», пишет Талви, представляя редактора журнала энергичным и влиятельнейшим деятелем русской литературы, противопоставившим свою «Историю русского народа» «Истории государства Российского» Карамзина. «Журнал Полевого играл важную роль во всех делах русской литературы» (88).

Среди сочинений по русской истории, появившихся в 30-е годы, Талви упоминает «Историю Пугачевского бунта» Пушкина, произведения Булгарина и «Картины России» Свинына, при этом довольно скептически оценивая достоинства исторической прозы Булгарина. Обращенность к русской истории этих книг, а также романов М. Загоскина и К. Масальского Талви считает характерной чертой всей русской прозы той поры. «В самое последнее время, – продолжает она, – романисты вернулись к бытовой прозе» (93). Среди наиболее известных авторов современных повестей называются Павлов, Одоевский, Лермонтов, Гоголь, Лажечников, Вельтман, Даль, писавший под псевдонимом Казак Луганский.

Особое внимание уделено биографии и творчеству А. Бестужева-Марлинского, сосланного в Сибирь, а затем «в виде милости переведенного простым солдатом на Кавказ, где он был произведен в офицеры, а вскоре убит черкесской пулей» (93–94). Талви отмечает, что Бестужев был хорошо известен своим соотечественникам как издатель лучшего русского альманаха «Полярная Звезда» и автор ежегодных обзоров литературы, написанных с подлинным поэтическим чувством и вдохновением. «Имя Бестужева было похоронено, однако его носитель сумел вновь завоевать литературную славу под псевдонимом Александра Марлинского. Его кавказские и сибирские очерки, повести “Аммалат-бек” и “Мулла-Нур” – это живое и энергичное изображение сцен совершенно

новых и свежих» (97). Даже после смерти писателя-декабриста правительство не прекратило своей борьбы с ним (Талви приводит известную историю с портретом Марлинского, появившимся в изданном Смирдиным сборнике «Сто русских литераторов», что вызвало гнев Николая I)⁴¹.

При анализе творчества Пушкина Талви исходит из положения, до которого западноевропейская критика доходила с трудом и много позднее: нельзя правильно понять наследие поэта, если рассматривать его как простое подражание Байрону. Наряду с поэмой «из героических времен России» («Руслан и Людмила»), Талви воздаст должное южным поэмам. Более противоречива оценка «Евгения Онегина», рассматриваемого в русле романтических образов ранних поэм, как превращение «кавказского пленника» в «лишнего человека». Именно эту традицию романтического, байронического героя, отмечает Талви, подхватили продолжатели Пушкина, и прежде всего Лермонтов (упоминание имени Лермонтова в книге Талви – первое в американской критике). Более реалистическую картину и более возвышенную поэзию видит Талви в «Борисе Годунове», «драме, которая может быть названа скорее трагической хроникой, чем собственно трагедией» (96). Примечательно также, что причину гибели Пушкина Талви видит в придворных интригах.

Среди поэтов пушкинской поры упоминаются А. Хомяков, Е. Баратынский, Н. Языков, В. Бенедиктов, А. Тимофеев, А. Подоллинский, Л. Якубович, А. Илличевский, сын крепостного Е.И. Алипанов, А.В. Кольцов, однако «только Пушкин мог мыслить поэтически» (97), полемически восклицает Талви.

Давая краткий обзор драматических произведений современной литературы, филологических исследований и журналистики, Талви заключает главу о русской литературе резко критической оценкой политики николаевской России в области культуры: «Новейшие политические события в Европе, – писала она, имея в виду революцию 1848 года, – сделали китайскую стену, за которой скрывается русская империя, еще выше. Правительство охвачено новым приступом страха перед надвигающейся угрозой и пытается загородить льющийся поток света» (100).

Касаясь украинской литературы, «прекрасных повестей Гребёнки и Квитки, пишущего под именем Основьяненко» (творчество Шевченко еще не было известно американской исследователь-

⁴¹ См.: Никитенко А.В. Дневник. М.: Гослитиздат, 1955. Т. I. С. 207.

нице), Талви отмечает происходящее на Украине формирование украинского литературного языка. «Украина обладает богатой народной поэзией» (98), – подчеркивает Талви и обращается к характеристике украинских песен и дум, к «искусству балладного повествования и силе художественной выразительности лирических напевов Украины, к неподдельным чувствам нежного сердца» (359). В книге приведены переводы двух дум из «Запорожской старины», изданной И. Срезневским, – о гибели есаула Чурая, сожженного поляками на медленном огне, и о смерти Пушкаря. Вторую Срезневский называет «прелестной песнью, доселе любимой народом»⁴².

Перевод Талви отличается большой точностью, хотя использование поэтической системы английской народной баллады придает украинской думе несвойственный ей характер английской романтической баллады.

Тече ричка невеличка, Ворсклом прозивають; Про ту ричку невеличку Старци й дити знають.	There flows a little river, And Worskla is its name; And of the little river Know old and young the fame.
Вмиют про ту ричку Писню спивати; Люблять про ту ричку И думку гадати.	And on the little river, They know good songs to sing; And on the little river, They like good thoughts to think.
.	
Де-ж ты, Пушкарю, Хоробрий козаче, Що по тобі друже, Украина плаче?	Where art thou, O Pushkar? Where art thou, valiant knight? Ukraina weeps for thee, And for her fate so bright.
Кистки у могили, Сам в Господа Бога! Ой, плачь, Украино, Сирото небога!	His bones are in the grave, Himself with God is now; O weep, O weep, Ukraina, An orphan left art thou.

⁴² Запорожская старина / издание И. Срезневского. Харьков: Унив. тип., 1834. Ч. 2. Кн. 3. С. 120.

Твою ясну долю	Ukraina, thy bright fate
Розшарпав Выговський,	Destroy'd Wihowski's spell;
Що сердце мов камень,	He with the heart of stone,
А розум бисовський ⁴³ .	And with the mind of hell!

(360–361)

Обратим внимание на передачу в переводе образов этой песни. Вместо «хоробрый козаче» – valiant knight; «сирото небога» – an orphan left art thou. Эмоциональная непосредственность обращения: «Що по тобі, друже, / Україна плаче» – передана эпически спокойным выражением: «Ukraina weeps for thee, / And for her fate so bright». К имени Выговского Талви делает подстрочное примечание, что после смерти Богдана Хмельницкого он был избран гетманом и пытался вновь привести Украину под власть шляхетской Польши.

Талви дает перевод известной лирической малороссийской песни, проникнутой грустью и ожиданием, столь характерными для русской и украинской народной поэзии.

Веют ветры, веют буйны,	Winds are blowing,
Аж дерева гнуться;	Trees are bending low;
Ой, як болит мое серце,	O my heart is aching,
Сами слезы льются.	Tears in streams do flow.
.	
Полетела б я до тебе,	I would fly to thee, love,
Да крылець не маю;	But no wings have I;
Сохну, чахну я без тебе,	Withered, parch'd, without thee,
Всяк час умираю ⁴⁴ .	Every hour I die.

(365–366)

Певучесть украинской песни не нашла вполне адекватного выражения в английском переводе, тем не менее Талви удалось передать афористическую выразительность оригинала («Не допоможуть слезю счастью – / серцю легче буде!» – «Tears the heart can lighten, / Happy make it not»). Некоторые сугубо народные понятия-образы, за которыми стоит историческая традиция или националь-

⁴³ Запорожская старина / издание И. Срезневского. Харьков: Унив. тип., 1834. Ч. 2. Кн. 1. С. 54–55.

⁴⁴ Песни русского народа / [издание И.П. Сахарова]. СПб.: тип. Сахарова, 1838. Т. 4. С. 427–429.

ный характер, остались непонятыми американской исследовательницей («На чужой стороне» – вообще не передано; «Де ты, милый, чернобривый» переведено точно, но с утратой образной ассоциации). Однако не следует забывать, что перед нами первые переводы украинского фольклора в Америке, песни и думы, лишь незадолго перед тем опубликованные в России (в Англии первый очерк украинского фольклора, написанный на основе сборника М.А. Максимовича «Украинские народные песни», появился в январе 1841 г. в журнале «Foreign Quarterly Review»).

Выразительность и напевность грустных народных мелодий России очаровывала, по словам Талви, всех, кто с ними знакомился. «Когда и где возникли эти песни?» – задает она вопрос и отвечает: «Они появились вместе с рождением страны», ибо тесно связаны с историей народа, в них запечатленной. «Нет сомнения, что русские до, во время и после монгольского ига имели тысячи причин для уныния и горя: кровавые межусобицы, жестокое самовластие, чума, крепостная зависимость и тому подобное. Однако не менее справедливо и то, что, несмотря на многочисленные причины для печали, русские – самый веселый и жизнерадостный народ на земле» (345), хотя, добавляет Талви, они лишены всех социальных прав и общественных благ.

Обращаясь к русским былинам, сказкам и историческим песням, Талви отмечает, что во многих из них, авторами которых были неизвестные крестьяне и солдаты, отразились важнейшие события национальной истории – победы Петра I, наполеоновское нашествие. Предлагая читателю самому составить мнение о художественных достоинствах русской народной поэзии, она дает переводы нескольких русских песен, в том числе «Соловей мой, соловей...» Дельвига и солдатскую песню времен Петра I о взятии Азова. Перевод не следует ритмике оригинала, но и здесь характерно стремление лексически точнее перевести русскую песню. Не придерживаясь принципа эквилинеарности перевода, Талви ориентируется на более короткую строку английских песен. Сравним начало песни об осаде Азова и ее перевод:

Ах, бедные головушки, солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты в строю стоят.

The poor soldiers have not rest,
Neither night nor day!
Late at evening the word was given
To the soldiers gay;
All night long their weapons cleaning,
Were the soldiers good,
Ready in the morning dawn,
All in ranks they stood.

Краткое обращение Петра I к солдатам:

«Ах вы гой еси солдаты и драгуны!
Вы придумайте мне думушку крепкую,
Еще как-то нам Азов город взять?»⁴⁵

– передано шестью строками, к тому же традиционный сказовый зачин «Ах вы гой еси...» не соответствует английскому поэтическому обращению «Come all ye...»:

Come, my children, good dragoons,
And my soldiers all,
Now consider and invent
Brave advice, ye all,
How the soonest, how the quickest,
Fort Azof may fall? (356).

Талви создавала свою книгу вдали от России, и многое ей было просто неизвестно. Даже сведения о русской литературной истории доходили до нее с большим запозданием и не всегда отличались точностью. Так, в 1850 г. она еще не знала, что Крылова нет в живых, а дату смерти Пушкина дважды указывает неправильно (1835 г.). Но, конечно, не по этим частным огрехам следует судить о работе Талви. Ее труд поставил в США изучение русской литературы на серьезную основу, и хотя в дальнейшем русская литература и ее история неоднократно и по-разному интерпретировались, а порою и искажались, Талви отличается среди американских славистов редкой любовью к предмету своего исследования и стремлением донести до американского читателя незамутненный поток богатого искусства слова русского народа.

⁴⁵ Песни русского народа Т. 4. С. 219.

НАСЛЕДИЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНТИЗМА И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Вы – русские, и мы – американцы! Россия – и Америка, такие далекие, такие несхожие с первого взгляда! Ибо так различны социальные и политические условия нашего быта! Такая разница в путях нашего нравственного и материального развития за последние сто лет! И все же в некоторых чертах, в самом главном, наши страны так схожи.

Уолт Уитмен

История литературных связей России и США столь обширна и недостаточно еще исследована, что в одной работе не представляется возможным охватить все ее стороны. Не претендуя на полное освещение проблем русско-американских литературных контактов до середины XIX столетия, нам хотелось бы в заключение сказать несколько слов о тех американских писателях-романтиках, которые не рассматривались в настоящей книге, а также о первых обзорах американской прозы и поэзии, появившихся в русской периодике 1850-х годов, когда русская критика всерьез заговорила уже не об отдельных американских писателях, а о литературе Соединенных Штатов.

Середина XIX в. принесла с собой в русскую литературу имена новых американских писателей. В 1847 г. «Библиотека для Чтения» помещает статью об Эмерсоне как поэте и философе с пространными отрывками из его «Очерков». Писатель и критик А.В. Станкевич вспоминал, что незадолго до смерти Т.Н. Грановский заинтересовался Эмерсоном, читал его летом 1855 г. и особенно ценил его поэтический строй мысли. «В Эмерсоне нравилась ему юность духа; его страницам об истории давал он большую цену. Юность, живость, увлечение, горячность сердца и верований всегда находили отзыв в душе Грановского, тяготившейся холодным»¹.

¹ РГБ. Ф. 178. Карт. 7310. № 1. Л. 3 об.

В альбоме Джона Бауринга, хранящемся ныне в Историческом музее (Москва), наряду с автографом Дж.Ф. Купера имеется автограф неопубликованного стихотворения Эмерсона «Марафонская битва», написанного 20 сентября 1824 г. Приведем первую строфу этого стихотворения:

That day of Greece with endless fame
Has gilt thy fall'n, but hallowed name.
Though bright her fields for Freedom won
Greece can but boast one Marathon!²

Принято считать, что главный роман Г. Мелвилла «Моби Дик» оставался неизвестен русскому читателю XIX в. и был впервые переведен на русский язык только 110 лет спустя. Правда, в библиографических справочниках можно обнаружить, что отрывок из романа появился в журнале «Москвитянин» (август 1853 г.), однако по существу это дела не меняет. Как удалось нам установить, мнение, будто русский читатель прошлого века не знал знаменитого романа Мелвилла, несостоятельно. В феврале 1853 г. одна из наиболее читаемых русских газет – «Московские Ведомости» – из номера в номер печатала перевод романа в сокращении (с французского перевода П.-Э. Форга). Переводчик познакомил читателей со всем романом, вплоть до финальной сцены, когда «море сравнялось над своею добычею, спокойное и ясное, покрыв ее своим иностранным саваном, все тем же в продолжение многих тысяч лет»³.

Публикация «Китовой ловли» в «Москвитянине» сопровождалась кратким послесловием, в котором говорилось, что Герман Мелвилл – «один из самых народных повествователей Соединенных Штатов; даже в Англии сочинения его были приняты с одобрением, в особенности первые» («Тайпи» и «Ому»). Однако романтическая фантастика Мелвилла вызвала осуждение русского критика: «Зачем, напр., к вещам самым положительным, как к китовой ловле, примешивать создания чисто фантастические...» Вместе с тем критик признает, что автор «Кита» «занимает почетное место между американскими романистами, которые, в наше время, продолжают Брокдена Брауна, Вашингтона Ирвинга и Фенимора Купера»⁴.

² ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 103.

³ Московские Ведомости. Литературный отдел. 1853. 19 февраля. С. 232.

⁴ Москвитянин. 1853. Август. Т. 4. № 15. Отд. VIII. С. 125–126.

В 1852 г. журнал «Современник» опубликовал первый в России перевод Натаниела Готорна («Дом о семи шпилях»), «писателя великого таланта», как называл его Н.Г. Чернышевский⁵. Представляя русским читателям нового американского писателя, редакция журнала революционной демократии объясняла, чем привлекла ее проза Готорна: «Повести Готорна, говоря вообще, интересны не потому только, что они обнаруживают талант оригинальный и смелый: они представляют замечательное доказательство усилий, какие делает современная американская литература, чтобы освободиться от подавляющей ее меркантильности. В этом обществе, занятом единственно развитием материального своего благосостояния, являются уже мыслители и поэты, известные внутри и за границею»⁶.

Читая «Алую букву» Готорна, переведенную в «Современнике» в 1856 г. (под названием «Красная буква»), революционный демократ М.Л. Михайлов, выступавший на страницах журнала с требованием гражданского равноправия для женщин, отмечал современное звучание этого романа: «Мы вовсе не далеки, при всех наших общественных успехах, от нравов, описанных в романе, и потому еще не можем равнодушно произносить суд над такими жертвами»⁷. Сопоставляя художественную манеру Готорна и Бальзака, Михайлов подчеркивает гуманистическую основу творчества американского романиста. «Того беспощадного, холодного – мы чуть не сказали бесстрастного – анализа, каким отличается автор “Старика Горио”, не

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. VII. С. 440.

⁶ Современник. 1852. № 9. Приложение. С. 8. И.Н. Бушканец отмечает, что заметка «Вместо предисловия», предшествовавшая переводу «Дома о семи шпилях» в «Современнике», представляет собой сокращенный вариант непропущенной цензурой большой статьи о творчестве Готорна. Сохранившиеся гранки (ЦИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. 1852. Ед. хр. 71) позволяют восстановить полный текст подвергшейся цензурному гонению статьи (Бушканец И.Н. Журнал «Современник» о Н. Готорне // Уч. зап. Казанского пединститута. 1972. Вып. 107. С. 44–59). Остается еще не выясненным вопрос об авторе, которым, очевидно, не мог быть М.Л. Михайлов, написавший свою статью о Готорне и Лонгфелло («Американские поэты и романисты») восемь лет спустя. Что касается романа Готорна «Дом о семи шпилях», то он даже на английском языке был разрешен цензурой только с «исключениями для публики» некоторых страниц (Общий алфавитный список книгам на английском языке, позволенным иностранной цензурою с исключением мест для публики и безусловным, с 1815 по 1855 год включительно. СПб.: тип. Праца, 1856. С. 7).

⁷ Современник. 1860. Т. 84. № 10. Отд. III. С. 230.

найдете вы у Готорна. В приемах последнего чувствуется больше мягкости, больше скорби о темных явлениях жизни, чем ожесточения и негодования на них, которое придает такую верность и бестрепетность руке и анатомическому ножу Бальзака»⁸.

Русскому критику была близка гуманистическая тенденция творчества Готорна, особенно проявившаяся в образе главной героини, которая отвергает традиционную мораль и провозглашает новую мораль человеческого сердца. Изгнанная из общества, эта женщина усвоила свободу мысли, до которой не поднимался никто в старом патриархальном Бостоне. Не смогли вынести такого свободомыслия и русские цензоры, исключившие из XIII главы романа рассуждение о раскрепощении человеческого разума, о храбрых людях, что «сокрушили – не практически, а в рамках теории, которая была истинной средой их действия, – всю систему укоренившихся предрассудков, с которой в основном были связаны старинные воззрения»⁹.

И.С. Тургенев из всех американских писателей «наиболее любил Готорна»¹⁰. Высоко оценивал талант и мастерство Готорна Н.А. Добролюбов; однако, выступая с позиций реалистического искусства, он не мог сочувственно отнестись к общему романтическому направлению творчества американского писателя. При оценке Готорна и Добролюбов, и Чернышевский, написавшие рецензии на его книги, поставили во главу угла идейно-мировоззренческие проблемы и потому не приняли творчества Готорна в целом¹¹.

Начиная с 1860 г. русские журналы широко переводили стихи Генри Лонгфелло. В мартовском номере «Современника» за 1861 г., сразу после манифеста 19 февраля, появляются его «Стихи о рабстве» в переводе М.Л. Михайлова (цензура изменила заглавие на «Песни о неграх»)¹². Русская демократия 1860-х годов слышала в поэзии Лонгфелло «строгий голос твердого гражданского чувства, которым богаты так немногие из современных европейских поэтов, – как писал М.Л. Михайлов. – Всюду в произведениях Лонгфелло

⁸ Современник. 1860. Т. 84. № 10. Отд. III. С. 229.

⁹ Готорн Н. Алая буква. М.: Гослитиздат, 1957. С. 146.

¹⁰ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. С. 352.

¹¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. III. С. 480–481; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. VII. С. 440–453.

¹² Об обстоятельствах цензурного запрещения этих стихов и их последующей публикации см. в заметке М. Блинчевской «Из архива Н.Г. Чернышевского. (Об одном переводе М.Л. Михайлова)» (Вопросы литературы. 1965. № 3. С. 251–252).

чувствуется также горячее биение сердца, полного любви к человечеству. За эти достоинства прощаешь Лонгфелло его подчас несколько романтическую меланхолию и наклонность к туманному миру, в котором утопали душой немецкие романтики»¹³.

Слава Лонгфелло в России прошла долгий путь от первого упоминания о нем в 1835 г. в связи с изданием в Америке путевых заметок «За океаном» «профессора Лонгфеллова»¹⁴ до развенчивающей сей кумир статьи молодого К.И. Чуковского, который с юношеским задором ниспровергал поэта. И хотя бескомпромиссный максимализм начинающего критика очевиден, в нем содержится и немалая доля истины: «Это был гений банальности. Он... навеки запечатлел прекрасным своим стихом все дюжинное, срединное, мещанское. Американцы почитают его национальным поэтом, и как-то страшно за американцев, что именно такой гений признали они своим. От их лица говорил Эдгар По, их пророком мнил себя Уитман, они оттолкнули этих гениальных самозванцев и призвали Лонгфелло, прекраснородушного джентльмена, обычного клерка по уму и сердцу... Не новую землю, не новое небо принес нам Лонгфелло, – а в чем же величие поэта, как не в этом воссоздании мира! – но добрую, старую, удобную пропись и так принарядил ее кружевцами чужеземных баллад, песен и преданий, что средний, фантастически-средний человек Европы и Америки узнал в Лонгфелло самого себя – и побежал за ним, как за пророком»¹⁵. Итоги посмертной славы Лонгфелло подвел академик М.П. Алексеев, назвавший его «наименее “американским” из всех писателей Соединенных Штатов, так или иначе связанных с романтизмом, если не из всех американских писателей вообще. Основной особенностью его творчества является непобедимая склонность к европейской культуре»¹⁶.

Поэма о Гайавате, которой Лонгфелло вошел в мировую литературу, в России оказалась неразрывно связанной с поэтическим мастерством И.А. Бунина. Переведенная впервые Д.Л. Михаловским еще в 60-е годы и не вызвавшая глубокого интереса русской критики того времени, она стала фактором русской культуры

¹³ Современник. 1860. Т. 84. № 12. Отд. III. С. 318.

¹⁴ Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 1. С. 222. Это раннее упоминание имени Лонгфелло в России было сделано за четыре года до выхода первого сборника его стихов «Ночные голоса» (1839), принесшего поэту известность.

¹⁵ Свободная Мысль. 1907. 4 (17) июня. № 3. С. 2.

¹⁶ Алексеев М.П. Генри Уэдсворт Лонгфелло // Звезда. 1940. № 8/9. С. 229.

только после выхода в 1896 г. бунинского перевода. Окончательный, переработанный вариант перевода, изданный в 1903 г. товариществом «Знание», получил Пушкинскую премию Академии наук¹⁷. Не случайно после того не предпринималось новых попыток перевода «Песни о Гайавате».

Русская литература вступила уже во вторую половину XIX в., когда Аполлон Григорьев писал: «Литература североамериканских Штатов чрезвычайно мало известна у нас. Собственно, мы знаем только Фенимора Купера и Вашингтона Ирвинга, последнего – гораздо менее первого»¹⁸. В русской печати появилось несколько обзоров американской поэзии, прозы и драмы, однако приходится признать, что идейно-эстетический уровень этих обзоров, основывавшихся главным образом на французских и немецких журналах, несравненно ниже того, что можно было прочесть об американских писателях во времена Н. Полевого и Белинского. Но было одно существенное отличие русской американистики середины XIX в. от более ярких и талантливых статей 20–40-х годов: впервые речь шла уже не об отдельных литераторах Соединенных Штатов, а о национальной американской литературе.

Г.П. Данилевский, тогда еще начинающий писатель, написал обзор «О современном направлении поэзии в Соединенных штатах Северной Америки», в котором широко пользовался материалами статей французского критика Э. Монтегю в «*Revue des deux mondes*». Отмечая, что американцы еще мало известны в России, критик представляет их как переселившихся за океан англичан. «Что может быть прозаичнее англичанина-торговца?.. А этот торговец, вдали от Европы с ее смутами, становится поэтом, художником, – становится Брайэнтом, Купером, Ирвингом...»¹⁹.

Называя Купера «самым блистательным романистом, какого могли произвести Соединенные Штаты», Данилевский главную его заслугу видит в том, что американский писатель изобразил «образованность, которая борется с природой, с остатками жизни дикой, удобряет почву будущего и сеет, подвигается к светлой цели с неутомимою быстротою и настойчивостью»²⁰. Насколько такая характеристика Купера слабее и беспомощнее того, что еще недавно пи-

¹⁷ Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

¹⁸ Москвитянин. 1852. Ноябрь. Т. 6. № 22. Отд. VI. С. 13.

¹⁹ СПб. Ведомости. 1849. 17 ноября. № 258. С. 1036. Статья Э. Монтегю напечатана во французском журнале 15 октября 1849 г.

²⁰ Там же.

салось о нем в русской критике! Что касается Ирвинга, то он «рисует все земли, исключая свою. Он описывает Англию, Испанию, он рассказывает старые истории, мавританские и гранадские...» Еще более несправедлив автор обзора (точнее говоря, его французский источник, на который он всецело полагается) к Эдгару По; о его повестях сказано кратко и категорично: «Они не представляют ничего народного. Там являются вещи и идеи самые фантастические». Приводя это утверждение из французского журнала, Данилевский опустил ту часть характеристики американского новеллиста, где французский критик высказывает интересную мысль, что свой индуктивный метод гипотез По «заимствовал у Бальзака»²¹.

Рассматривая заслуги Эмерсона, стремившегося «отклонить своих соотечественников от подражательности Европе», Данилевский на основании той же статьи Монтегю пишет: «Он пытался обратить их к созерцанию природы, которая у них перед глазами, к изучению самих себя, к описанию *своих* обычаев, *своего* образа жизни»²². В 40-е годы Эмерсон был фигурой уже известной в русской литературе, хотя первые его переводы были напечатаны только в 50-е годы.

В январе 1860 г. на русском языке появились первые стихи Генри Лонгфелло – «Гимн жизни» в переводе Д.П. Ознобишина²³ и «Сон негра» в переводе А.Н. Майкова²⁴. Однако прозаический перевод первого стихотворения под названием «Псалом жизни» был напечатан еще в 1849 г. в обзоре американской поэзии Г. Данилевского. Свой перевод Данилевский сопровождает замечанием относительно общего склада поэзии Лонгфелло: «В этих бодрых словах ясно рисуется дух североамериканца, ученика положительной философии Эмерсена; но не таков общий тон и колорит поэзии Лонгфеллоу. В нем видится какая-то неистощимая сладость, грусть – полная надежд... Мысль теряется в музыкальности стиха, – музыкальность стиха становится наконец чем-то грустно монотонным. Оставляя чтение его произведений, точно пробуждаешься от долгого раздумья на берегу реки; глазам виделось много прозрачных и зыбких образов, – но, вставая, вы говорите себе, что ничто не заменит чувства жизни действительной, с ее деятельностью и с ее бесконечными и разнообразными превращениями»²⁵.

²¹ Revue des deux mondes. 1846. 15 octobre. P. 327.

²² СПб. Ведомости. 1849. 17 ноября. С. 1037.

²³ Наше Время. 1860. 17 января. С. 7–8.

²⁴ Подснежник. 1860. № 1. С. 11–13 (без указания имени Лонгфелло).

²⁵ СПб. Ведомости. 1849. 17 ноября. С. 1037.

В обзоре Данилевского оказался также канадский писатель Томас Халибертон, автор юмористических книг о Сэме Сликке. Он охарактеризован как «писатель американский и самый оригинальный, без всякой претензии на литературную известность». Особенно же примечательна оценка Данилевским поэта природы Вильяма Каллена Брайента: «Он поэт уже вполне национальный, американский, – поэтому его справедливо ставят выше Геллибортона и Лонгфеллоу. И творения его народны не по одним предметам или вымыслу; народны они по самому духу, идеям. Они полны сочувствия к человечеству...»²⁶ Идея национальной американской литературы начинает постепенно завоевывать признание в русской критике.

Однако постижение национального характера американской словесности происходило весьма непоследовательно. Журнал «Пантеон и Репертуар Русской Сцены», отличавшийся эклектичностью и неопределенностью своей программы, выступил со статьей «Искусства и литература в Северо-Американских Штатах», примечательной полным непониманием тенденций развития новейшей американской литературы. «Всю литературу Соединенных Штатов представляют у нас, в Европе, три деятеля»²⁷, – писал по старинке журнал, добавляя к давно известным в России Куперу и Ирвингу американского историка Вильяма Прескотта, «щеголеватого повествователя “Завоевания Америки”» (переведенного в «Отечественных Записках» в 1848 г.).

Не усматривая особой разницы между США и английскими колониями в Америке, журнал повторял зады антиамериканской литературной критики: «Американцы, собственно говоря, не имеют своей литературы, но это происходит не от недостатка разумности, вкуса и уважения к искусствам, не от отсутствия образованности, но от причин более важных, основанных на самом устройстве английских колоний в Новом Свете... Литература воображения невозможна в Соединенных Штатах, – продолжал журнал. – Состав американского общества, холодного, строгого, однообразного, где нет драматизма, где все просто, условно и безнаружно, – останавливает на каждом шагу писателя и не дает увлечься поэту»²⁸. Подоб-

²⁶ СПб. Ведомости. 1849. 18 ноября. С. 1040. Характерно, что в мае 1855 г. Варшавский цензурный комитет допустил в Россию немецкое издание стихов Брайента на английском языке лишь при условии исключения многих «богохульных» страниц (ЦГИА СПб. Ф. 779. Оп. 4. 1855 г. Ед. хр. 375. Л. 348).

²⁷ Пантеон и Репертуар Русской Сцены. 1850. Ноябрь. Т. 6. Кн. 11. Отд. III. С. 1.

²⁸ Там же. С. 3.

ные упрощенные представления не способствовали, конечно, полному знакомству с литературой американского народа.

Но были в Америке, в конце концов признает критик, и замечательные писатели, помимо Купера и Ирвинга, которых он называет эхом литературы английской, «хотя по внешности и кажется, что они составляют своеобразный звук». Брокден Браун первый разработал нивы вымысла – «ум беспокойный, больной, живший в своем особенном, им самим созданном идеальном мире». Симмс, обильнейший из романистов после Купера, – «писатель, истинно достойный удивления». Кеннеди, «схожий по таланту с Уашигтоном Ирвингом, не уступает ему в увлекательности рассказа». Дана прославился описанием путешествий, а произведения Полдинга «кипят юмором и оживленностью». Среди американских писательниц «заслуженную известность приобрела» мисс Кэтрин Сэджуик, автор книг, «которые читаются и перечитываются повсюду»: «Жизнь Новой Англии», «Рэдвуд», «Кларэнс», «Гоп Лэсли»²⁹.

Еще более пространный очерк литературы Соединенных Штатов, тоже основанный на статьях Э. Монтегю и Ф. Шаля, напечатала «Библиотека для Чтения». История американской литературы начинается здесь с Франклина и Джефферсона, которые «были больше люди деловые, нежели авторы, и не столько американцы, сколько европейцы»³⁰. Понимание творчества Франклина явно уступает в обзоре «Библиотеки для Чтения» тому, что писали о великом американце в России XVIII в., когда еще было живо чувство непосредственного восхищения заслугами Франклина-просветителя, его ролью в американской революции.

Раздел поэзии в обзоре «Американская литература» начинается с песен и баллад Филипа Френо, которые «распевались повсюду с одушевлением» во время войны за независимость. Пристальное внимание автора, подписавшегося инициалом Т., привлекает поэзия Барло, Брайента, Лонгфелло, Эмерсона, Маргарет Фуллер, отрывки из «Записок» которой уже были известны русскому читателю³¹. Однако прозаические переводы стихов (к тому же нередко с французского языка) не могли дать представления о творчестве американских поэтов.

Повторяя мысли, прозвучавшие в обзоре-перевode Данилевского, «Библиотека для Чтения» обращается к американской прозе

²⁹ Пантеон и Репертуар Русской Сцены. 1850. Ноябрь. Т. 6. Кн. 11. Отд. III. С. 4.

³⁰ Библиотека для Чтения. 1855. Т. 130. № 3. Отд. III. С. 165.

³¹ Отечественные Записки. 1852. № 3. Отд. VIII. С. 103–105; Библиотека для Чтения. 1852. Т. 115. № 10. Отд. VII. С. 192–199.

и прежде всего к «двум знаменитым представителям американской романической литературы – Ирвингу Вашингтону и Фенимору Куперу» (так и в 50-е годы еще продолжали путать имя и фамилию Ирвинга). Отмечая, что оба писателя пользуются справедливо заслуженною славой и в Европе, автор считает, что «в строгом смысле, они не американские, а европейские писатели». Третий писатель, «поставивший себе главной задачей внушить американскому обществу гордое чувство самосознания», – это популярный в те годы немецко-американский писатель Чарлз Силсфилд, автор романа «Натан, или Первый американец в Техасе». Назвав еще с дюжину американских романов второго плана («Ник-лесовик» Р.М. Берда, «Конингсмарк» Дж.К. Полдинга, исторические романы Джона Нила и В.Г. Симмса), автор обзора решительно выступает против того, что в последнее время «так называемая изящная словесность в Северной Америке вообще стала избирать предметы, вовсе до нее не касающиеся, более и более сближаясь с такими науками, от которых искусство и поэзия уклонялись до сих пор»³².

Это новое литературное направление представлено «Романом о Блайтдейле» Готорна, название которого критик переводит как «Веселая долина». Необычный сюжет книги вызывает критическое замечание автора обзора: «Это, собственно говоря, и не роман, а *фантастический* балет, в котором четыре главные действующие лица выделывают сумасшедшие антрша, путают фигуры, танцуют не в такт с музыкою своих систем, смеются сами над собою или сердятся на самих себя»³³. Американцам нужно все необыкновенное, все сверхъестественное. Поэтому они идеализируют и романтизируют самые обыкновенные предметы и явления: освещенные по вечерам электрическим светом торговые лавки превращаются в чертоги «Тысячи и одной ночи». Особенно склонны американцы, пишет критик, идеализировать предметы ученые: электрический опыт, сеанс животного магнетизма, сочетание цифр, магнитная стрелка, сила тяготения небесных светил, – все делается предметом поэзии. «Читавшие повести Эдгара Поэ “Золотой жук”, “Путешествие Ганса Пфаала на луну” знают, что это значит. Поэ вводит в роман вычисление вероятностей и превращает математические аксиомы в естественных и сверхъестественных деятелей. В его рассказах больше воздушных шаров и хими-

³² Библиотека для Чтения. 1855. Т. 130. № 3. Отд. III. С. 188.

³³ Там же. С. 189.

ческих снарядов, нежели мужчин и женщин»³⁴. Своеобразие романтизма По оказалось непонятым.

К разряду писателей фантастических обозреватель относит и Германа Мелвилла. Еще в 1849 г., когда появился его роман «Марди», «Библиотека для Чтения» познакомила русского читателя с этой книгой, название которой было переведено на французский лад – «Вторник»³⁵. Теперь журнал писал о Мелвилле уже как о старом знакомце: «“Вторник” имеет все недостатки возникающей англо-американской литературы; тем не менее это едва ли не одна из самых оригинальных книг... Вы готовы сказать, что это бред корабельного юнги, который, наевшись хашишу, покачивается от ветра на верхушке мачты в теплую тропическую ночь... “Вторник” начинается сказкою, переходит то в аллегорию, то в сатиру и не чужд элегии, драмы и шуточного романа»³⁶. Критик безуспешно пытался перевести сложную романтическую символику Мелвилла на привычный и понятный язык приземленного реализма.

Обозрение американской литературы, опубликованное в «Библиотеке для Чтения», вызвало, очевидно, интерес, и через несколько месяцев журнал поместил новый обзор – «Поэты Северо-Американских Соединенных Штатов», являющийся переводом статьи журналиста Альбрехта Бёме из немецкого журнала. Немецкий критик сожалел, что в Америке нет «почтенных развалин», которые содействуют рождению романтической литературы: «В Германии, Англии и Шотландии каждый пруд имеет свою русалку, каждая гора – своего гнома, каждое озеро – свою фею, каждое поле – своего гения, каждое селение – своего поселанина, верующего в домового, каждое местечко – свои закоулки, в которых “не совсем благонадежно”... Но Америка в этом отношении представляет беднейшую пустыню. И едва ли даже сами американцы в состоянии перенести существование в такой природе, которая ценится только в отношении добывания денег»³⁷. Однако именно то обстоятельство, что американская поэзия находится еще в младенчестве, и «придает ей ту привлекательность, которой мы уже не находим в славнейшем блеске поэзии Старого Света»³⁸.

³⁴ Библиотека для Чтения. 1855. Т. 130. № 3. Отд. III. С. 188.

³⁵ Действительные и фантастические путешествия Германа Мельвиля. «Тайпи». – «Ому». – «Вторник» // Библиотека для Чтения. 1849. № 7. Отд. VII. С. 77–90.

³⁶ Там же. 1855. Т. 130. № 3. Отд. III. С. 190–191.

³⁷ Там же. 1855. Июль. Т. 132. Отд. VII. С. 23 (перевод статьи: Die Dichter der Vereinigten Staaten // Magazin für die Literatur des Auslands. 1855. 17–25 April).

³⁸ Библиотека для Чтения. 1855. Июль. Т. 132. Отд. VII. С. 18.

Стремясь к полноте своего очерка, автор дает то, что он называет «род гомерического корабельного каталога американских стихоплетов» с характеристиками десятков стихотворцев со времен первых колонистов в Америке. Однако в этом длиннейшем списке тщетно было бы искать имени Эдгара По. Русский переводчик, не испытывая симпатий к этому гению американской поэзии, выбросил упоминание о нем из текста статьи (А. Бёме писал о По как о самом талантливом и своеобразном поэте Америки³⁹). Лучшими поэтами Америки, важным достоинством которых провозглашалось то, что они «говорят и пишут на немецком языке» (!), объявлялись Лоуэлл («почти совершенно немецкий поэт»), Брайент и Лонгфелло.

Обзор американской поэзии содержит одно из ранних упоминаний на русском языке романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», правда весьма нелестное для американской писательницы. Размышляя о будущем литературы Соединенных Штатов, критик приходит к выводу: «Если, наконец, наступит время, что Америка дельно примется за перо, то она в состоянии будет наделить вселенную чем-либо лучшим, нежели “Дядею Томом”»⁴⁰.

Подведем итоги.

В эпоху американской революции стали возникать первые культурные контакты между народами России и США. В начале XIX в. русские писатели и общественность начинают знакомиться с жизнью Америки, у нас появляются первые книги о США, а в Соединенных Штатах – о России. Победа в Отечественной войне обратила взоры всего мира к русским.

Во второй четверти XIX в. американский романтизм вышел на международную арену, и русские читатели познакомились с Купером и Ирвингом. В это время активной стороной в литературных связях двух стран выступала Россия, а литература США, обращенная к западноевропейскому наследию, еще не была в состоянии обогатить себя художественными открытиями русской культуры.

В 20–40-е годы перед русским читателем раскрылось творчество отдельных американских писателей, во второй половине XIX в. американская литература предстала перед ним уже как национальное явление, как определенное направление в зарубежной словесности. Что касается американской литературы, она только

³⁹ Hewett-Thayer H.W. American Literature as Viewed in Germany. 1818–1861. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1958. P. 11.

⁴⁰ Библиотека для Чтения. 1855. Июль. Т. 132. Отд. VII. С. 20.

во второй половине XIX в. начинает тоже выступать как активная сторона процесса русско-американских литературных связей, с большим запозданием открыв для себя сокровищницу русского романтизма и реализма. В этом заключена историческая особенность неравномерного развития взаимосвязей литератур.

Взгляд на историю русско-американских литературных отношений с точки зрения принципа активного отбора позволяет объяснить причины более раннего интереса русской литературы к американской и запоздалое усвоение опыта русской культуры в США.

Развитие русского и американского романтизма в первой половине XIX в. дает основание поставить некоторые общие проблемы типологии жанра романтической прозы в литературах России и Соединенных Штатов, рассмотреть черты сходного развития литературных явлений. Такая попытка была предпринята нами в статье «К типологии романтической повести»⁴¹. Соотнесение мира фантастического и действительного, иллюзии и реальности в произведениях писателей-романтиков обозначает моменты типологического сходства, обусловленные самой эстетической природой романтического метода. Подобный подход к произведениям различных национальных литератур позволяет не только отметить черты, отличающие их друг от друга, но и выявить зримые приметы романтизма как особой художественно-эстетической системы видения и отражения действительности.

Для дальнейшего исследования типологии русской и американской литературы XIX в. необходимо рассмотрение, наряду с сопоставлением русского и американского романтизма, типологии русского и американского критического реализма.

Завершая предварительное исследование русско-американских литературных связей XVIII – первой половины XIX в., напомним об одном высказывании двухвековой давности. 21 мая 1782 г. вице-президент Американского философского общества доктор Томас Бонд в юбилейной речи, обращенной к членам старейшего научного учреждения США, дал высокую оценку достижениям русских ученых, отметив важность установления и развития, как мы бы теперь сказали, международного научного сотрудничества: «Россия, которая еще несколько лет назад была почти неизвестна в Европе, поднялась к светлому величию подобно утреннему солнцу... Есть что-то общее и похожее между Россией и Америкой в том, что касается созданных там улучшений и их

⁴¹ К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 259–282.

неожиданного величия; я не могу удержаться от искренней рекомендации Обществу содействовать знакомству с учеными людьми и учреждениями этой выдающейся страны».

Приводя это достопамятное высказывание, исследователь русско-американских отношений Н.Н. Болховитинов справедливо замечает: «Хотелось бы надеяться, что пожелание Т. Бонда воплотится, наконец, в жизнь и между учеными Соединенных Штатов и Советского Союза будут развиваться широкие и плодотворные контакты в самых различных областях на благо всего человечества»⁴². Всестороннее изучение истории литературных связей России и США потребует взаимных усилий российских и американских литературоведов, что явится новым свидетельством взаимообогащения культур наших народов.

⁴² Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 81.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗВЕСТИЕ О НЫНЕШНИХ АГЛИНСКИХ И ФРАНЦУССКИХ СЕЛЕНИЯХ В АМЕРИКЕ

Понеже в печатных ведомостях пишут всегда о спорах Агличан с Французами в Американских селениях и о продолжающихся ныне в Париже советах о учреждении обеих сторон границ в тамошней земле: то для большего уразумения не бесполезно будет сообщить краткое о сей земле описание.

Канада есть великая часть земли в Северной Америке, которая к Северу отделяется Гудзонским заливом от незнаемых земель, к Югу граничит с новою Мексикою и Флоридою, а к Востоку делает чрезвычайно долгой берег к Северному морю от Каролины. Одна та земля, когда идешь берегом вверх к Гудзонскому заливу, продолжается на 3500 верст, ширины не считая. Агличане и Французы наипаче в сей земле сильно населились, но к Западу и Северу находится весьма много Американцов. Французы имеют селения внутри земли, а Агличане свои селения к Северу по берегам, что от Виргинии 2100 верст составляет. С 1497 года там они утвердились, и первой путь проложил Венецианец Себастиан Кабот, которой служил Генриху седьмому. После отчасу далее они проходили, как из объявления о каждой провинции ясно усмотрено будет. Первая провинция есть Виргиния, которая соединяется с Каролиною, а в ширину и в длину 420 верст считается. Она называется по Аглинской Королеве Елисавете, при владении которой в 1585 году Адмиралы Ея Драк и Равлейх завели селение. С 1626 году находится там Королевской Губернатор, и там много сахара, табаку, воску, камеди, вару, бобров, шолку, мехов и хлеба. Яместовн или Вилиамсбург числится знатным городом. Подле сей провинции лежит Мариланд, где много лесу, табаку и трески, и великое купечество производится. После числится новая Швеция, которую провинцию взяли прежде Шведы в безпокойства по отсечении головы

Королю Карлу первому, но Карл второй назад ее возвратил, и назвал новым Ерзеем также и Пенсилваниею, понеже она под каждым именем заключала некоторой уезд, из которых Пенсилвания разделена на шесть графств. Голанцы завели селение в новой Голландии; но в 1664 году принуждены были они по заключении мира в Бреде уступить ево Англии, и Агличане называют ево ныне новым Йорком. Новая Англия есть главная провинция и купеческой магазин, откуда все селения в Америке запасают. У моря на носу лежит известной город Бостон с четырьмя еще другими изрядными местами. Напоследок числится провинция новая Шотландия, которую за 200 лет заняли Французы, но по заключении в Утрехте мира в 1712 году уступлена она Англии. Она колет ныне глаза Французам, ибо новой город Галифакс там строится, куда весьма много Европейцов перешли поныне переведенцами. Чрез Канаду от Запада к Востоку течет река святого Лаврентия, которая граничит между Французскою и Аглинскою Канадою, и Французы владеют большою половиною Канады, а именно так называемою провинциею Канадою между помянутою рекою и новою Шотландиею, куда они из Монтреала чинят многие набег; провинциею Луизианою, в которой Квебек есть главной город, и лежат там еще многия другия крепостцы; она весьма способна к купечеству, и крепостца Сант Луи в 1683 году построенная, которая лежит у реки Миссисиппи, есть прекрепкое место. В середине сей земли находится много Американских народов, которых Агличане и Французы обыкновенно употребляют к причинению между собою всяких беспокойств, и сторону Агличан держат Ирокои, а Французскую Гуроны. Ирокои значит изрядных людей, и они в самом деле есть военные люди, которых Французы наиболее опасаются. Гуроны в военное время едят человеческое мясо, а в мирное кормятся ловлею и рыбю. Диких народов весьма много, которые занимают большую половину Канады, и на одного Европейца считается почти тысяча диких. Впрочем живут они между собою несогласно и в рассеянии, и всегда между собою дерутся.

СПб. Ведомости. 1750. 25 ноября. № 95. С. 756–757.

Ф.В. Каржавин
ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В ВИРГИНИЮ
В 1777 И 1778 годы
(Перевод с французского И.Ю. Усовой)

В воскресенье, 13 апреля, в два часа пополудни или при первом ударе к вечерне в церкви отцов-доминиканцев, снялись мы с якоря на рейде Сен-Пьера, направив путь наш на Вест-Зюйд-Вест с намерением пройти проливом Порто-Рико, дабы избежать встречи с аглицкими фрегатами, кои, как говорили нам в Сен-Пьере, ожидали наше судно в проливе Доминика или поблизости от него. В оное легко было поверить, видя, с какой легкостью арматеры¹ Мартиники рассказывают всем и каждому о цели своих операций, как бы похваляясь тем, что не сберегают секретов, что, однако же, совершенно необходимо при ведении дел крупной коммерции, особливо ежели предстоит идти в чужую страну контрабандой. Тем же днем мы шли на Вест и Вест-Норд-Вест.

На следующий день, 14 апреля, следуя тем же направлением и повернув в 3 часа пополудни на Норд-Норд-Вест, заметили мы великое повреждение в мачте малого марсея, и это принудило нас к релашу в ближайшем порту.

В четверг, 17 апреля, в 3 часа пополудни заметили мы на расстоянии 4 лье на Норд-1/4 Норд-Ост западную оконечность острова Порто-Рико, а в 4 часа увидели ее же на расстоянии 6 лье на Норд-Норд-Ост. Еще через два часа – на Норд-Ост-1/4 Норд на расстоянии 8 лье. Засим повернули мы на Юг, ибо наступила ночь.

В пятницу, 18 апреля, мы вышли на рассвете, дабы стать на якорь у побережья Порто-Рико, что мы и исполнили к 1 часу попо-

¹ Судовладельцы.

лудни. Приближась к берегу, дали мы холостой выстрел из пушки, дабы кто-либо из поселенцев поднялся на борт нашего судна. Проходя вдоль берега, мы ни одного жилья не заметили, но в разных местах поднимался дым и заставлял предположить, что в лесу обретаются жители. К нам никто не прибыл, и мы заметили, что вдоль берега идут две лодки с людьми, и снова выстрелили – из мортиры. Мы хотели дать им понять, что будем с ними говорить и что нуждаемся в лоцмане, чтоб войти в гавань. Все это было без пользы: лодки продолжали свой путь, не выказывая нам никакого внимания. А тем временем наш корабль продолжал продвигаться к входу в залив, который посчитали мы гаванью. Тут увидели мы двух человек, которые в тревоге бежали вдоль берега, то скрываясь в лесу, то выходя из него, дабы рассмотреть наше судно, так что наконец один из них приблизился к оконечности сего залива и, сняв с себя рубашку, стал размахивать ею в воздухе, давая таким образом нам понять, что продвигаться далее не следует. И тогда наш капитан стал на якорь и, спустивши шлюпку, приказал грести прямо к заливу, бывшему перед нами. Там встретил он лодку с людьми, и, поскольку он с легкостью говорил гишпански, много раз бывав в Кадисе и Аликанто, он добился того, что дали нам двух человек, дабы войти в порт. (Один из них был белый, а другой – негр, его кум; на острове Порто-Рико, как и во всех гишпанских колониях Западной Индии, белые охотно смешиваются с цветными; у них можно встретить и священников-негров. Меня даже уверяли в том, что на острове Сент-Томас есть черный епископ.) Два наших лоцмана хотели ввести нас в порт Сан-Хермен де Гуадиамилла, но ветер упал, как только мы подняли якорь, и по причине противных течений были мы принуждены опять стать на якорь мористее, перед гаванью Сан-Хермен. В тот же день наш суперкарго и наш помощник капитана купили гишпанский шлюп за один моэд соли, за что позже, в Виргинии, они имели 660 фунтов.

На другой день, 19-го, поутру, на малой марсовой мачте спустили парус, и капитан, поднявшись на марс с пилой в руке, исправил со своими людьми поломку, так что мы могли продолжать наш путь. И тут увидели мы идущее вдоль берега судно, в коем по его штандарту опознали англичанина, а по вооружению его и экипировке – а имело оно 6 пушек и несколько мортир – капера. Оно шло полным ходом прямо на нас, а нас легко было распознать как французов по белому штандарту на нашей грот-мачте. Появление оногo судна вызвало у нас различные чувства:

одни боялись, что капер осмотрит наше судно; другие считали, что он не сможет того сделать, поскольку мы стоим на якоре у гишпанского берега и посему находимся под протекцией короля гишпанского; некоторые, наконец, заметили с превеликим хладнокровием, что капер сей имеет пушек не более нас и посему появление его не должно нас тревожить. Все сии рассуждения высказывались по той причине, что у нас имелось более бочонков пороху, чем подобало для припасов купеческого корабля, и сие могло вызвать у осматривавших наше судно англичан подозрения относительно цели нашего путешествия. Но растерянность стала всеобщей, когда мы заметили на горизонте нечто белое, величиной с небольшой холм, и поняли, что это – аглицкий фрегат. Нам показалось даже, что идет он к нам под всеми парусами – лиселя сверху и снизу, – и по сей причине мы уже не сомневались более, что первое судно сопровождает тот фрегат. Догадка наша была в тот момент ложной, но она не замедлила исполниться через несколько часов. Судно подошло к нам прежде, чем смогли мы выбросить порох в море. Подойдя к нам вплотную, нас спросили по-аглички, откуда мы следуем. Мы ответили на хорошем французском, что не понимаем, что нам говорят. Тогда медик – француз, который был пассажиром на борту того судна, задал нам на французском вопросы, принятые в подобных случаях, и рассказал, что некий фрегат преследует их в течение 24 часов, что он 11 раз стрелял по ним из пушек, что одно раскаленное ядро попало в судно (он нам его показал) и что один человек ранен был обломком мачты, о которую сие ядро ударилось; что фрегат направил к ним вооруженный шлюп, но что они принудили его ретироваться несколькими пушечными выстрелами. Наш капитан, видя небольшой аглицкий штандарт на мачте этого судна, посчитал все сии речи ловушкой и спросил, не американский ли фрегат так их преследовал; ему ответили, что фрегат был аглицким, а что судно их, напротив, – американское и что они хотели бы знать, будут ли они в безопасности, став на якорь там же, где мы? Наш капитан посоветовал им войти в гавань поближе к берегу, сказав, что там имеется батарея из 4 пушек и что, возможно, англичане ничего не посмеют им сделать, поскольку они будут находиться на земле и в гавани короля гишпанского, и что мы также собираемся войти глубже в гавань. И тогда на судне был поднят большой американский флаг вместо маленького аглицкого штандарта, и оно вошло в порт. Мы воспользовались этим моментом, чтобы выбросить в море излишки нашего пороху (9 бочек!), и тем же путем, что и аме-

риканское судно, вошли в гавань. Бросив якорь посреди гавани, были мы изумлены чрезвычайно, увидев, что американцы посадили свое судно на мель; и через мгновение матрасы, сундуки и люди полетели за борт, в то время как капитан и офицеры спустили шлюпку; в один миг судно опустело от людей, имущества и товаров. На борту осталась только артиллерия, но порох был спасен весь или в большей части. Меж тем фрегат приблизился к гавани, и как только он бросил якорь, от него отошла шлюпка с вооруженными людьми, дабы попытаться захватить американское судно. Один генуэзец, имевший жену в Порто-Рико и ранее помогавший американцам выгружать их имущество, находился один на борту американского судна, когда увидел приближавшуюся шлюпку с большим аглицким штандартом на корме. Этот человек, характера живого и прямого, в чем мог я удостовериться за те несколько часов, что видел его на борту нашего судна и на берегу, был весьма раздосадован тем, что представители сей заносчивой нации намереваются в иностранной гавани в нарушение всех законов овладеть судном, на которое они более не имели никаких прав, поскольку их враги покинули его у берегов острова, принадлежащего королю гишпанскому, у коего они попросили убежища. И досада сия придала ему достаточно сил, чтобы навести пушку и выстрелить по англичанам. Затем, видя, что более он один ничего сделать не может и что не имеет никакой помощи от американцев, интересы коих принял так близко к сердцу, он спрыгнул в свою пирогу и достиг берега, где предложил местным жителям перенести порох и ядра американцев на батарею из 4 плохоньких пушек, на ближайшем холме расположенную, и обстрелять шлюпку и фрегат. Но предложение сие не было услышано; однако же выпущенное генуэзцем ядро произвело на англичан такое впечатление, что они возвратились назад и укрылись за нашим судном. Офицер со шлюпки попросил у нас наш шлюп, но получил отказ. Он объявил нам, что вышеупомянутое американское судно принадлежит подданным аглицкого короля, кои супротив него взбунтовались, и что фрегат послан был, дабы их захватить. При всем том он запретил нам становиться на якорь ближе к берегу, ежели мы не хотим, чтобы фрегат обстрелял нас. После сего «любезного» визита он спустился в свою шлюпку и, увидев, что на борту американского судна никто не показывается, приказал грести к берегу; обошед вокруг судна, потребовал он от гишпанцев, кои были на берегу, чтобы они выдали ему американцев, ибо они – пираты и мятежники, желавшие избавиться от власти своего короля. И в ответ на

отказ гишпанцев выдать ему иноземцев, обратившихся к их помощи, он объявил гишпанскому коменданту, что тогда он завладеет американским судном. Так что он незамедлительно взошел на борт американского; его люди подняли на нем аглицкий флаг, осмотрели пушки и подтащили стоящий на якоре приз к фрегату. И так сие судно стало разведочным судном аглицкого фрегата.

Вечером того же дня 19 апреля, когда было захвачено американское судно, высадились мы на сушу, где встретили человек двадцать обитателей того острова в рубахах и длинных штанах, босиком, с соломенными шляпами и палашами. Они прибежали на берег, дабы стать праздными зрителями захвата американского судна и трусливыми очевидцами бесчестия, кое дерзкие англичане нанесли их королю, овладев на его земле судном, которое должно было принадлежать ему с того момента, как его владельцы покинули его у берегов Порто-Рико. Во главе их был человек обмундированием своим офицер, с виду – как статуя, а по речам – дурак дураком; он, казалось, весьма удивился, когда наш капитан сказал ему, что американцев принимали, поддерживали и оказывали им помощь на Мартинике и во Франции. Он сказал, что, напротив, это действительно мятежный народ, взбунтовавшийся против своего короля, что фрегат имел все права захватить их судно и, кроме того, что сам он ничего не мог бы сделать против преобладающей силы англичан. Он уже забыл о предложении генуэзца, и если бы он послал за вымпелом на одну из гишпанских барок, стоявших на якоре неподалеку, дабы поднять сей вымпел на мачте американского судна, когда американцы его покинули, он бы увидел тогда, что вся мощь фрегата не смогла бы ничего сделать против гишпанского флага. Но он потерял голову при виде этого фрегата по причине того, что он и нас принял за «*bastimento del Re*»².

Однако же на другой день, а то было воскресенье, жители после мессы вышли из городка и во главе с тем же офицером и неким стариком, коего все именовали лейтенантом короля, отправились на берег моря. Наиболее сочувствующие американцам поднялись на борт фрегата предупредить капитана, дабы он остерегался содеянного им, ибо он захватил американское судно в водах короля гишпанского и т.п. Но после нескольких стаканов ямайского рома они заключили, что оно может оставаться в руках англичан, покуда комендант острова не решит иначе, а фрегат должен пребывать на якоре на том же месте до пяти дней, дабы

² Королевский корабль (исп.).

получить распоряжения коменданта и вернуть судно, ежели будет в том необходимость. А пока капитан фрегата поместил на борт захваченного судна человек двадцать, спровадил гишпанцев, вручив им бутылки аглицкого пива, запасася водой и стал крейсировать вблизи острова.

Я возвращаюсь к нашим делам. Поскольку присутствие фрегата не дозволило нам поднять паруса в субботу, 19 апреля, мы провели вечер на суше, где навестили американцев в их убежище; нашли мы их шагах в пятидесяти от берега морского, в лесу, в гишпанской казе, куда перенесли они все свои вещи. Они сообщили нам, что судно их называлось «Генри», что пришли они с острова Кюросао, что оное судно вооружено было как полувоенное-полукупеческое и что направлялись они в Чарльзтоун, когда имели несчастье встретить королевский фрегат.

На утро следующего дня запаслись мы водой, но по причине неблагоприятных ветров, а также из-за фрегата, присутствие коего не вызывало у нас желания сняться с якоря, мы высадились на сушу и решили отправиться в город купить свежего мяса и попугаев. Город расположен на расстоянии малой мили от берега моря. По пути миновали мы хорошую банановую плантацию и участки возделанной земли; встретилось нам несколько паточных мельниц, сработанных из зубчатого колеса и трех деревянных цилиндров, что вполне достаточно для получения сока из небольшого количества сахарного тростника, который выращивают жители этой округи, будучи либо слишком бедны в сей части острова, чтобы устроить настоящие сахарные мельницы, либо слишком ленивы, чтобы выращивать более тростника. На этой дороге встретили мы гишпанцев, направляющихся на борт аглицкого фрегата во главе с комендантом, о коем я уже упоминал и кто просмотрел документы, что наш капитан имел при себе, и попросил его купить одно-два ведра вина, в чем было ему отказано, поскольку легко было видеть, что полагал он получить сие вино в подарок; он запретил капитану что-либо продавать с борта нашего судна местным жителям и уведомил его, что суда не могут останавливаться у сего побережья долее, чем на 24 часа. Засим он удалился, а мы чрез некоторое время прибыли в город. Город сей являет собой скопление примерно шестидесяти деревянных домов, построенных на сваях, без первого этажа, так что нижняя часть их служит одновременно конюшней и прибежищем для людей и животных от солнца во время дневной жары. Место сие именуется Пуэбло или город Сан-Хермен и состоит из одной длинной улицы и несколь-

ких разбросанных в беспорядке домов. В середине той улицы находится церковь – прямоугольное каменное строение, без портала и колокольни, – совершенно гладкая изнутри и снаружи, с небольшим колоколом в нише рядом с исповедальней; мы зашли в ту церковь из любопытства и чтобы показать гишпанцам, что мы такие же христиане, как и они, но через несколько минут принуждены были покинуть ее, дабы не возмутить верующих гишпанцев своим хохотом, который мы с трудом подавляли в себе и который вызван был у нас видом тысяч смешных бумажных фигур, водруженных на длинные шесты, кои используются гишпанцами в процессиях, и особенно видом одной фигуры – изображением святого, помещенного над алтарем вместо картины. Я не знаю, был ли то страждущий Иисус Христос или св. Франциск, но какой бы святой то ни был, смею уверить, что место ему скорее было в саду для отпугивания воробьев, а не в алтаре для почитания верующими. Перед церковью расположен дом губернатора. Сия лачуга отличается ото всех остальных только пушкой, которая поставлена перед ней и которая, я думаю, давно забыла, как пахнет порох. В конце главной улицы отыскивали мы мясную лавку. То было просто дерево, под коим только что забили быка и разделявали тушу одного на листьях банана ударами тесаков, что все гишпанцы на сием острове носят у себя на боку, ежели у них нет шпаги. Мы получили свою долю этого мяса, и задешево: заплатили всего один гурд за кусок, который на Мартинике обошелся бы нам в половину мюэда. Это было самое вкусное и сочное мясо, которое я только едал в своей жизни; оно было лучше мяса не только в Новой Англии, но и в Холмогорах. Возвращаясь с мясом на борт нашего судна, встретили мы на берегу гишпанцев, оные шли пошатываясь из кабачка, где они выпивали с офицером аглицкого фрегата, который не почел за труд сопроводить их с фрегата на берег, – вместе с бутылками пива. После обеда сошли мы на берег и во второй раз направились в город. Утром наш капитан встретил там американцев с корабля «Генри», прошлой ночью перебравшихся туда и расположившихся в доме губернатора в ожидании его распоряжений. Эти бедные люди пожаловались нам, что гишпанцы отобрали у них почти весь их скарб и большую часть груза, спасенного ими с корабля. Число их увеличилось на 5 человек, бежавших с фрегата во время многократных поездок аглицкой шлюпки на берег. Эти беглые англичане рассказали нам, что на фрегате было 40 американских пленнх и что капитан фрегата, опасаясь мятежа, несколько дней тому назад высадил 15 человек сиих пленнх на

необитаемый остров Мона, оставив им провизии всего на три дня, в надежде что они умрут там от голода. Американский капитан уступил нашему капитану за три гурда том лоций, в коем были карты всей Новой Англии; мы по-прежнему скрывали от него истинную цель нашего путешествия из боязни, что сведения сии могут достичь ушей англичан с фрегата, и он уступил свою лоцию нашему капитану только потому, что сей последний очень ее домогался якобы ради карты следования от Сен-Пьера до острова Макилон, к коему мы будто бы направлялись, не намереваясь на самом деле его достигнуть. Я же с несколькими матросами направился в глубь острова, дабы купить попугаев и желая под сим предлогом немного осмотреть местность и изучить образ жизни порториканских сеньоров-полудикарей. Мы вернулись в город к вечеру с дюжиной попугаев, самый дорогой из оных не стоил и гурда, и, не найдя нашего капитана у американцев, поспешили на берег моря. Там встретились мы с нашим капитаном, только что туда прибывшим, и вернулись на борт нашего судна, сожалея о прекрасной стране, которую должны были покинуть, и поздравляя друг друга с отбытием фрегата, снявшегося с якоря, пока мы были в городе. Приятное побережье, тучная зелень, лужайки, поросшие кустарником, покрытые кокосовыми пальмами холмы, обширные обработанные поля, необозримые банановые рощи, там и здесь – небольшие участки сахарного тростника, леса, полные цветов карапы – желтых, белых или красных, кустарники, полные светляков и огромных насекомых со сверкающими глазами, берег моря, усыпанный разнообразными раковинами, среди которых своей величиной выделяются манш-де-куто, мадропоры того типа, который называют имбирем, толщиной в бедро человека и соответствующей высоты, в воздухе – зеленые попугаи самых ярких расцветок, на воде – большие птицы с чудовищными клювами, а в дрянных лачугах, построенных из тростника, – прелестные женщины, целыми днями изнеженно покачивающиеся в сплетенных из камыша гамаках, на дорогах – смуглые мужчины на великолепных скакунах, в рубашках и длинных штанах, без обуви, в соломенных шляпах, с палашом на боку или шпагой под мышкой, иногда с пикой в руке – вот вкратце то, что увидели мы за несколько часов, проведенных столь приятно на обильной земле Порто-Рико.

Когда мы вернулись на наше судно, дул свежий восточный ветер, и капитан решил покинуть гавань. Но к полуночи ветер стих, и мы на всю ночь оказались в полосе штиля. На рассвете ветер снова посвежел, и вскоре увидели мы идущий к нам аглиц-

кий фрегат. В 11 часов он сделал холостой выстрел из пушки и поднял свой флаг. Тогда и мы тоже подняли свой флаг и легли на траверс в ожидании фрегата. Когда фрегат приблизился, с него была выслана шлюпка с двумя офицерами, кои проверили наши бумаги и, найдя их в порядке для следования от Сен-Пьера на Макилон и оттуда в Байону, пожелали нам доброго пути.

В тот же день при слабом северном ветре заметили мы на расстоянии 2 лье на Вест-Норд-Вест в 5 градусах к Западу остров Ляше, а мыс Хайгаде остался на Ост-1/4 Норд-Ост. В 8 вечера мы имели все тот же остров Ляше на расстоянии 2 лье на Зюйд-Вест.

Путешествие наше было превосходным вплоть до воскресенья 27 апреля, когда в конце дня заметили мы позади нас три корабля, кои преследовали нас под всеми парусами: два корабля и один галет. Как мы узнали позднее, один из сих кораблей был французским, и все три они шли из Чарльзтоуна, столицы Южной Каролины, направляясь на Мартинику, когда накануне вечером заметили королевский корабль, который, казалось, пытался их избежать. На самом деле то был просто обманный маневр, поскольку через малое время увидели мы сей королевский корабль впереди нас, и он шел на Север. Суда, преследовавшие нас, накануне нас не видели, а утром приняли за англичан, а англичане в свою очередь посчитали нас за американцев, поскольку, увидев нас далеко опередившими остальных, развернулись к нам бортом, так что мы свободно могли посчитать их судно пиратским, и тут наконец мы увидели их белый вымпел с красным крестом; с фрегата рассмотрели наше судно и, увидя наши пушки, посчитали, что мы идем вместе с теми кораблями, что были позади нас. Желая убедиться в сем, с фрегата дали холостой выстрел в нашу сторону, дабы заставить нас поднять флаг, что мы тотчас и исполнили и стали к ним бортом. Однако остальные суда продолжали приближаться к нам, а королевский фрегат, подойдя на расстояние голоса, с пушками наготове, задал нам обычные вопросы и приказал спустить шлюпку на воду – быстро. Поскольку ветер был свежий и половина людей наших была наверху, убирая паруса, мы не могли спустить шлюпку на воду так быстро, как хотелось того аглицкому капитану, и он, дабы поторопить нас, приказал выстрелить в нас ядром из пушки. Ядро сие по счастью прошло между двумя мачтами и только напугало одного матроса, который стоял неподалеку от меня и который после сего весь день пролежал больной в постели. Наш капитан вместе со своим помощником и боцманом был около нактоуза и показал англичанину знаком, что шлюпку гото-

вят к спуску, но жесты нашего капитана показались малоубедительными, поскольку англичанин дал по нам еще один выстрел – из мортиры, и ядро, пройдя промежду трех особ, о коих говорил я выше, вонзилось в нашу грот-мачту близ железного обода, который держит гик. Работавший в сие время в камбузе у основания мачты повар упал от страха на палубу: ядро задело его колпак. К сему времени шлюпка была готова, что заставило аглицкий корабль прекратить огонь, командир его был очень доволен, когда на борт его корабля прибыл собственной персоной капитан нашей бригадины, которую он считал американским судном, поднявшим белый штандарт и мешкавшим со спуском шлюпки только для того, чтобы выиграть время и дать подойти другим судам. Он принес извинения нашему капитану, что по указанной выше причине обстрелял нас; он знал, что остальные суда – американские, он хорошо рассмотрел их еще накануне, но, дабы не потерять их из виду в ночном сражении, закрыл все пушечные порты своего фрегата и сделал вид, что бежит от них, дабы сим маневром лучше их заманить. Он сопровождал купцов с Ямайки, курсируя меж Лондоном и Ямайкой; он попросил нашего капитана спуститься в каюту, поскольку, сказал он, не может сам тут же изучить наши бумаги, ибо должен готовиться к бою, но что он посмотрит их, как только овладеет судном, к нему приближавшимся. Один из трех кораблей, кои мы видели с рассвета позади нас, после некоторых маневров ушел на Юг; то был французский корабль, который, хотя он и был вооружен, не счел для себя нужным вмешиваться в распрю, до него не касавшуюся. Два других судна были американскими; одно из них, 10-пушечное, имело команду из 35 человек и имело оружие как для каперства, так и на продажу; оно направлялось на Мартинику, где должно было укомплектовать свой экипаж: называлось оно «Хорнет» («Шершень»). Другое судно имело только 10 человек экипажа, 2 пушки и несколько мортир; оно было чем-то вроде корвета. Аглицкое судно было прекрасным королевским кораблем, построенным на Бермудах, вооруженным 14 пушками с 4-фунтовыми ядрами, и имело 90 человек под командой капитана Кэдогана, знатного англичанина, сына губернатора Ямайки, и то была первая его кампания; название ямайского корабля «Покийупин» («Дикобраз»). Начал нападение американец, но англичанин не заставил себя просить, незамедлительно ответив мощным залпом своих пушек; вскоре и корвет подошел на достаточное расстояние, дабы сделать свой выстрел из пушки, на который англичанин ответил двумя или тремя залпами. Но видя, что

«Шершень» уменьшил свой огонь, и сделав залпов двадцать, стал поднимать паруса, а немного времени спустя, еще отстреливаясь, обратился в бегство, корвет тоже решил выпутаться из этой истории и направился почти прямо на Юг. И тогда «Дикобразу» уже ничто не препятствовало отправиться в погоню за американским судном, тем более что он был быстроходнее. Сражение длилось около трех часов; ядра и картечь – все было использовано и той, и другой стороной, а мы находились под обстрелом пушек американца, ядра коего перелетали через аглицкий корабль и долетали до нас; мы были принуждены следовать за сражающимися, поскольку наш капитан и 4 наших людей были на борту аглицкого корабля; в конце концов сей последний принужден был уменьшить свои паруса, дабы не пройти мимо своего врага, и приготовился к abordажу, когда американцы спустили свой флаг. Но враждебность англичан была столь велика, что даже тогда, находясь на расстоянии ружейного выстрела, они дали по американцам залп картечью, и было сие тем более странно, что сразу же вслед за сим проявлением жестокости капитан Кэдоган сказал нашему капитану, что положение американцев доставляет ему огорчение и что он опасается, не слишком ли много убитых. Однако довольно сильный огонь за 3 часа сражения привел только к небольшому повреждению верхушки мачты на королевском корабле.

Аглицкий капитан принял американского с большой учтивостью, приказал накрыть стол для него и его людей, тут же распорядился выдать им такую же порцию, как и своему экипажу, и обещал нашему капитану передать ему шлюпку с захваченного приза взамен нашей, оказавшейся утерянной во время сражения: швартовы были перерезаны либо случайным ядром, либо намеренно; но он не сдержал своего слова, отправив нашего капитана и его людей на борт нашего судна в своей шлюпке и удовольствовавшись рассмотрением бумаг, не приказав провести досмотр нашего судна. Итак, вечером мы вновь пустились в путь, потеряв день хорошего попутного ветра и нашу шлюпку и подвергшись риску увидеть кого-либо из нашего экипажа убитым или раненым ядрами с «Дикобраза» или «Шершня». Дабы избежать подобного несчастья после первого же холостого выстрела с «Дикобраза» по нашему судну, наш суперкарго стал просить повара спрятать его промежду двумя бочонками с патокой в нижней части трюма, а поскольку сие оказалось невозможным, он спустился в констапельскую. Этот человек, столь храбрый на судне, где каждый должен был быть готов к любой случайности, прозывался Гиацинт Бернард из Марсея.

Остальную часть нашего пути мы проделали весьма спокойно и не имели ничего примечательного вплоть до 29 апреля, когда мы поймали крупную морскую свинью, коей весь экипаж угостился. Мясо сего животного – черное, но оно довольно вкусно, особенно для людей, которые уже много недель ели солонину. Когда сдирают кожу с сей рыбы, надо снять все сало, потому как оно приводит к кровавому поносу. Мясо же нарезают небольшими кусками – по 4–5 дюймов длиной, – нанизывают их на связку и вешают на марсе, дабы оно высохло на ветерке, что надолго сохраняет его для употребления в пищу экипажем. Сало, слой коего под кожей толще дюйма, тоже режут на куски, кипятят в котле и получают таким способом весьма хорошее масло для кожи. Замечу к слову, что на случай кровавого поноса повара на кораблях имеют обычай сохранять брюшко молодых зайцев. Молоко, которое в этом брюшке содержится, растворенное в бульоне, или в вине, или даже в воде, а иногда и в густом рисовом отваре, останавливает кровавый понос, когда снадобье это дают матросам, имевшим несчастье получить сей жестокий недуг, делающий их неспособными к работе на борту и часто отправляющий их в мир иной, сокращая путь в сем мире.

В первый день мая, подгоняемые свежим ветром примерно в 80 лье от берегов Новой Англии, мы увидели мачту, конец которой казался обрубленным и держался в воде перпендикулярно под тяжестью вантов и марса; мы прошли совсем рядом с ней, и коекому из экипажа даже показалось, что они просматривают под водой очертания судна. В тот же день после обеда видели мы кита, который несколько раз проплыл близ нашего судна; мы уже замечали ранее некую большую рыбу в проливе между Порто-Рико и Санто-Доминго, но мы находились в значительном удалении от нее, и сие не позволило нам определить, был ли то кит; фонтан был очень большой и очень высокий, и по сей причине решили, что рыба сия – огромный дельфин.

На 4-й день показалось нам, что видна земля; но на следующий день – а был то понедельник – на закате солнца мы увидели ее совершенно отчетливо, что заставило нас около 8 часов повернуть на восток при глубине в дюжину морских саженей. Все последующие дни мы только и делали, что маневрировали: днем шли на Запад, чтобы обследовать побережье, а ночью снова поворачивали на Ост, ибо не в состоянии были днем определить нашу широту по причине окутывающих нас густых туманов. Однако капитан верно рассчитал наш курс, поскольку по сделанному им счислению мы находились в нескольких лье к Югу от мыса Генри, что оказалось правильным.

7-го заметили мы на Севере бригадину, но не могли установить, каким курсом она следует, по причине весьма пасмурной погоды; был совет, на коем решали, что предпринять, ибо мы находились вблизи незнакомого нам побережья, расстояние до мыса Генри было неизвестно, и у нас не было лодки. К тому же наша грот-мачта была в плохом состоянии и мы не могли поставить наш большой марсель и идти под всеми парусами. И так как ко всему прочему не было у нас шлюпки, поскольку наша была потеряна в сражении «Дикобраза» с «Шершнем», решено было вступить в переговоры с этим кораблем, чей бы он ни был, в предположении, что, ежели окажется он королевским и будет хорошо вооружен, он не должен нас захватить, ибо состояние нашей грот-мачты и потеря шлюпки являются достаточными причинами, чтобы нам искать здесь релаш, даже если мы действительно следуем на Макилон. И тогда сделали мы холостой выстрел, дабы дать знать той бригадине, что мы хотим с ней говорить, но наша дерзость так ее смутила, что она подняла лиселя и повернула обратно на Норд-Вест. Тогда мы решили, что то были американцы, которые прибыли в Новую Англию, и что наше присутствие не было для них желательным. Все же мы дали в сторону бригадины еще один выстрел, на сей раз нехолостой, и повернули за ней, пытаясь ее нагнать, но туман скрыл ее от нас совершенно. Через час туман, несколько развеявшись, дал нам возможность отчетливо увидеть берег, идущий от мыса Генри на Юг, и когда совсем просветлело, увидели мы четыре судна, идущие на Ост под малыми парусами, и еще одно шло на Юг совсем рядом с берегом. Мы поняли, что это два американских фрегата и два их разведочных судна. Они крейсируют вблизи мыса Генри и охраняют корабли, что выходят из Чесапикского залива или входят туда; другие подумали, что это торговые суда, вышедшие из залива утром, а некоторые, наконец, сочли сии суда королевскими, блокирующими вход в залив, решив, что, поскольку они нас уже увидели, мы пойдем им навстречу и в том случае, ежели это английские фрегаты, заплатим за эту нашу дерзость. И когда мы стали к ним приближаться, то в скором времени увидели, что то был фрегат «Тамиз» с тремя захваченными американскими призами, из коих один был большим 3-мачтовым кораблем, второй – галетом, а третий – торговым судном; еще мы увидели, что судно, которое шло вдоль берега на Юг, сделало разворот и пошло следом за нами под всеми парусами. Эта 12-пушечная бригантина была захвачена англичанами, когда она вышла из гавани, следуя из Балтимора. Поскольку фрегат увидел нас и слышал выстрелы, он послал эту

бригантину, чтобы она узнала, кто мы, и отрезала нам дорогу, если мы решим бежать. Когда мы приблизились к фрегату, к нам была послана лодка с офицером, дабы узнать, кто мы и чего хотим. В первый миг вид англичан всех удручил; судно наше сочтено было потерянным, невзирая на все доводы, кои мы намеревались привести. Однако мы показали аглицкому офицеру состояние нашей грот-мачты, сказали о потере шлюпа и дали ему понять, что экипаж не пойдет далее без шлюпа и что капитан намеревался сделать релаш, как только мы заметим землю, дабы купить шлюп и починить мачты; в то же время осведомились мы у него, сколь далеко мы от мыса Генри и что это за побережье мы видим? Он имел любезность указать нам мыс Генри и сказал, что должен вернуться для рапорту своему командиру; в то же время нам приказали с борта фрегата приблизиться к нему и ни в коем случае от него не отдаляться, и через некоторое, довольно значительное время, в течение коего обсуждалась наша участь, нашему капитану приказали следовать за малым фрегатом – 12-пушечной бригантиной, которой дан был приказ отвести нас в порт, где мы сможем исправить наше судно; капитан спросил, в какой порт нас отведут, и ему ответили: в Галифакс. Наш суперкарго совсем потерял голову при виде англичан и уже тысячу раз беспокойным своим поведением мог раскрыть секрет, показывая своей тревогой, что на самом деле мы направляемся в Новую Англию. Наш суперкарго, говорю я, принудил капитана, который уже следовал за малым фрегатом, возвратиться, дабы растолковать англичанам, что порт Галифакс для нас слишком далек и что состояние нашего рангоута не позволяет нам долее находиться в плавании. На это нам ответили: «God damn the Frenchmen»³, – и отдали приказ 12-пушечной бригантине следить за нами самым пристальным образом и, ежели мы только не захотим за ней следовать, открыть огонь. Эта наполненная страхом нетерпеливость нашего суперкарго едва не вызвала возмущение среди наших матросов. Они готовы были предпочесть по доброй воле открыться англичанам, нежели ждать, пока они сами не догадаются о нашем замысле по неповиновению нашего суперкарго и капитана, кои и так говорили слишком много и могли этим вызвать у англичан подозрения об истинной цели нашего путешествия⁴. Однако сила

³ Черт бы побрал этих французов! (англ.)

⁴ Речь идет о том, что во время английской блокады американского побережья в те годы купцы стран, дружественных к молодому американскому государству, вели торговлю с США.

вынудила нас последовать за капером, что направлялся на Север, тогда как фрегат с захваченными им призами продолжал путь на Восток. Около 8 часов увидели мы мыс Генри в 3-х лье на Норд-Ост-1/4 Ост; остальную часть ночи шли мы вслед за капером то на Восток, то на Юг, то на Север. В конце концов поутру он заставил нас идти на Запад при десяти, шести и 5 сажнях под килем; поскольку был очень густой туман, мы опасались, что капер намеревался выбросить нас на берег, который был скрыт от нас туманом, но затем мы поняли, что сие не входило в его намерения, поскольку он несколько раз предупреждал нас о необходимости промерять глубину и быть осторожными, не отдаляясь от него; был момент, когда мы потеряли его из виду, и это представилось капитану подходящим, чтобы скрыться, но тут же вновь увидели мы нашего капера, что заставило нас уменьшить паруса, дабы заставить его подумать, что мы подняли их только для того, чтобы найти его в тумане. Немного времени спустя мы увидели 12-пушечную бригадину со спущенными парусами и решили, что она стала на якорь, ибо многие говорили, что видят ее якорный канат за бортом (глубина под килем была в 4 сажени, и берег виден не был); и тут отчетливо увидели мы на ее ряях людей. Одни сворачивали паруса, другие же спускали на воду шлюпку: и тогда все решили, что они собираются заменить наш экипаж, а нас самих взять к себе на борт; однако нам ничего не сказали, и мы продолжили наш путь, и вскоре туман скрыл от нас бригадину. Мы тотчас развернулись и взяли курс на Север, а затем стали держать в каюте совет о том, что нам делать далее, и одни говорили, что надо идти на Макилон, или на Север Новой Англии; другие – что надобно вернуться к каперу, ибо мы погибнем, ежели фрегат встретит нас без него; а кто-то сказал, что ежели капер привел нас к входу в залив, то и надо в него войти, а когда по дороге нам встретится капер, то мы отговоримся, сказав ему, что мы его искали. Сие последнее мнение восторжествовало; на нокдаузе раскрыли книгу аглицких лоций, которую наш капитан купил в Порто-Рико у американского капитана, командовавшего судном «Генри», мы определили по ним примерно все повороты, которые заставил сделать нас предыдущей ночью роялистский корабль, и посчитали, что находимся у мыса Кейп-Чарльз, и тогда взяли мы курс на Зюйд-Вест и тронулись в путь с лотом в руке и компасом на карте; сквозь туман стал виден берег, тянувшийся с Востока на Запад, лот приносил с собой тину, и посему сделали мы заключение, что находимся в устье реки. Мы шли с хорошим ветром, путь был свободен, мы шли без лоцмана по незнакомой реке.

Исходя из сего обстоятельства, капитан умело маневрировал парусами, дабы не наскочить на берег или на скалы и не потерять и жизнь, и имущество, ибо шлюпа у нас не было; суперкарго, напротив, как человек молодой и неопытный требовал все время поставить все паруса, но терпеливость нашего капитана привела к тому, что все настояния его оставались без внимания, и все были довольны, пока вдруг не увидели позади сквозь туман что-то большое, как холм. Все подумали, что то фрегат нас преследует, но успокоились, увидав в подозрную трубу, что судно сие стоит на якоре, и предположили, что оное – 54-пушечный корабль «Феникс», о коем накануне предупреждал нас офицер с фрегата, сказав, что стоит он на якоре в заливе; тут туман сгустился и скрыл нас от него, а вскоре по правому борту увидели мы землю; по карте следовало, что место сие – мыс Конфорт, перед которым имеется известная мель под названием «Хорс Шу» («Лошадиное копыто»); мое мнение было тогда, что надобно идти в Балтимор, как в наиболее значительный город, но суперкарго воспротивился сему, сказав, что мы пойдем в ближайший порт, и таким образом мы продолжили путь наш на Запад, имея 5, 4 и 3 сажени под килем; когда дело дошло до 2 сажений, капитан, опасаясь несчастья, отдал якорь; суперкарго хотел, чтобы мы продолжили наш путь, так как ветер был свежий, но ему не пришлось дожидаться выполнения своих распоряжений: услышав вдали два пушечных выстрела, мы подумали, что то 12-пушечная бригантина предупреждает фрегат о нашем побеге; но как сие может быть? С тех пор прошли часы.

То была американская галера, что увидела нас сквозь туман и, приняв за англичан, сделала для алларма два выстрела. Наконец туман понемногу рассеялся, и мы увидели один берег на Юге, другой – на Севере, тянувшиеся с Востока на Запад. И тут мы попались: мы увидели 5 или 6 кораблей, вот – бригантины, вот – галеты. Ух! то англичане, мы погибли. Нет, то были американцы, они загружены и готовы к отплытию. «Будь что будет, – сказал капитан, – мы прибыли; хуже, чем в Галифаксе, нам не будет». Ух! вон – колокольня, город. Где же мы? Капитан взял рупор и на французском крикнул людям, что прогуливались по палубам тех судов, не пришлют ли они за нами шлюпку, ибо мы таковой не имеем, и что мы – французы. За сим появился молодой француз; он был помощником капитана одной из сих бригантин; но на некоем расстоянии от нас приказал он перестать грести, дабы осведомиться, вправду ли мы французы, ибо он не доверял нашему белому штандарту, и будет ли он у нас на борту в безопасности? Ему ска-

зали да, и каждый стал уговаривать его пристать к нашему судну; число говоривших на французском, а было нас около 25, успокоило его, и он отважно поднялся на борт; ему сказали, что мы направлялись на Макилон, но что потеря шлюпки и плохое состояние наших мачт заставили нас искать релаш, дабы позаботиться о новой мачте и новой шлюпке, и что сие заставит нас продать здесь кое-что из наших товаров. Он же отвечал, что мы остановились близ города Хемптона у начала банки перед портом и что лучше нам дойти до Балтимора, где за товары дадут нам больше. И тогда ему объявили, что истинным нашим намерением было прибыть в Виргинию и каким путем удалось нам ускользнуть от бригантины, которой был дан с фрегата приказ препроводить нас в Галифакс. Тем временем подошла к нам галера, капитан ее поднялся к нам на борт, и в восторге, встретив французов, он сказал, что это просто чудо, как мы вошли в гавань и в реку Джеймс без лоцмана, после того как побывали в руках у англичан; он предупредил нас, что место нашей стоянки не очень надежно как по причине ветра, который может усилиться, так и из-за англичан, кои иногда по реке поднимаются; и он обещал нам на завтра прислать своего лоцмана.

9-го мая, на другой день после нашего счастливого прибытия на реку Джеймс, салютовали мы городу 5-пушечными выстрелами и стали на якорь позади банки, перед проходом, что вел в небольшую бухту Хемптона; проход сей образован двумя небольшими судами, затопленными при входе в порт так, чтобы пройти могло не более одного судна, и с великою осторожностью между мачтами тех судов. В тот же день на борт наш поднялся богатый американец, хотевший купить весь наш груз и загрузить наше судно табаком без комиссионных, но цена его не устроила нашего суперкарго, и он на другой день уехал в столицу Виргинии с неким французским авантюристом, что обещал ему устроить продажу нашего груза правительству на более благоприятных условиях; путешествие сие закончилось прибытием в Портсмут, чтобы предложить товары тому же американцу, что хотел купить их в первый раз; но сей последний удовольствовался тем, что взял разную мелочь у капитана, а от покупки груза отказался; и так наш суперкарго вынужден был распродавать его частями разным приватным лицам; с этой целью вошли мы в порт Хемптон 19 мая и покинули его 2-го июня, дабы доставить остаток нашего груза в Вильямсберг, где проживал купец, купивший его.

4-го июня бросили мы якорь близ офиса в устье бухточки, что вела в главный город <Виргинии> и была проходима только для малых судов.

11-го сошел я на берег и пошел осмотреть город в трех милях от берега.

12-го суперкарго удостоил нас визитом на борт нашего судна; присутствие его на борту, начиная с момента нашего прибытия в Хемптон, стало для нас раритетом; он говорил, что судно наше смердит; на самом же деле он по прошествии 8 дней с момента прибытия составил нелепый прожект – купить небольшое судно, снять паруса и снасти и несколько мортир с нашей бригантины и таким образом оснастить и вооружить то судно и послать его на Мартинику с нашим капитаном и командой, дабы назад в Виргинию прислали то же судно с удвоенным экипажем и со всем необходимым для приведения в порядок нашей бригантины, а она все то время должна была гнить в бухточке Хемптона.

13-го, освободив трюм, отправились мы вверх по реке, где должны были загрузиться табаком и назавтра, 14-го июня стали на якорь при слиянии рек Аппоматок и Джеймс.

19-го прибыли мы в Бродуэйз, расположенный всего в 3 милях от устья реки Аппоматок. В сем месте все более или менее крупные суда принимают груз табака, который им доставляется из Питерсберга на плоскодонных барках, что могут передвигаться на глубине в 4 фута, тогда как в Бродуэйз заходят суда с осадкой в 15 футов. Сразу при нашем прибытии решили сменить наши мачты и заказать две новые: грот-мачту и фок-мачту. Капитан сделал все возможное для выполнения этих работ, как того требовал долг и инструкции нашего арматера г-на Ла Серре.

27-го числа того же месяца случай привел меня встретить в доме вдовы, мадам Гордон, жительницы Бродуэйза, одну из ее негритянок, которую собака укусила за лодыжку; любопытство заставило меня осмотреть рану, а сострадание – дать ей лекарства, кои имелись при себе; я ежедневно осматривал больную ногу, сначала промывал рану горячим вином, настоящим на табаке, а затем, прежде чем наложить пластырь, – раствором медного купороса, что привело к тому, что стали меня именовать доктором, так здесь называют медиков; это наименование осталось за мной на все время моего пребывания в сей стране. Рана у негритянки была как с внутренней, так и с наружной стороны ноги и заполнена густым гноем, который раствор купороса за малое время отделил от живого мяса, что вселило в меня надежду на близкое исце-

ление, но госпожа этой негритянки не хотела входить в расходы, поскольку медики Питерсберга за 4 года не могли ничего сделать с сим вкусом. Больная же разбила бутыл с купоросом, ибо применение раствора сего было для нее болезненным, и она предпочитала забить раны хлопком и замотать ногу шерстяной тряпицей, и по оным причинам я положил оставить больную на собственное ее усмотрение; и в конце моего 8-месячного пребывания в Виргинии госпожа в критический момент заставила сделать той больной кровопускание, дабы отправить в мир иной, опасаясь, как бы болезнь ее не заразила маленьких негритят, кои обитали в той же хижине, и таким образом потеряла одного подданного, дабы сохранить несколько; что сие – гуманность? варварство? или простой расчет? – оставляю судить о том другим.

4-го июля был я вместе с капитаном в Худсе для отправления письма г-ну Ла Серре с капитаном Годеном, тем французом, что первым поднялся на борт нашего судна в Хемптоне; он отправлялся на Мартинику на судне с 7-ю бочками табака с намерением привести оттуда такелаж и паруса для новой бригаантины, коей затем должен был командовать, но по пути был захвачен англичанами, еще раз захвачен ими же на обратном пути и препровожден на Бермуды, откуда он вернулся в Новую Англию. По воде от Бродуэйза до Худса 24 мили.

12-го июля я впервые отправился в Питерсберг купить там башмаки, кои стоили мне 20 шиллингов; эта непомерная цена оказалась ничтожной по сравнению с той, что я заплатил за такие же башмаки в мае следующего года: они обошлись мне в 10 долларов.

16-го июля наш суперкарго отбыл в Хемптон; вернулся он из Вильямсберга 23-го июня, и первое же распоряжение, им нашему капитану данное, было – не спешить, ибо времени в распоряжении нашем предостаточно; тут надо бы отметить, что мы не имели еще на борту груза табака, и он оставил нашему комиссионеру весьма мало денег на его покупку, поскольку сей последний вынужден был сделать заем в 1200 серебряных пиастров у нашего капитана, чтобы купить для нас 96 бочек для табака; наше судно могло принять на борт до 180 бочек; цена на табак во время нашего пребывания в Бродуэйзе была 32 шиллинга за сто.

16-го августа молния ударила в судно нашего комиссионера, когда оно было неподалеку от Питерсберга с грузом табака для Бродуэйза; она расщепила мачту на три обломка, начиная с верхушки, где было железное кольцо, и вплоть до обода, который держит грот. Из 4-х негров, что были на борту, ни один не был ранен.

23-го августа, после 5-недельного отсутствия, наш суперкарго вернулся из своего турне и принес нам – капитану и мне – письма г-на Ла Серре, нашего арматера, в коих тот сообщал нам, что изменил назначенный путь нашего судна; оное должно было теперь идти в ближайший французский порт, и рекомендовал нам действовать с поспешностью и осторожностью; наш суперкарго, напротив, не был доволен наличием 96 бочек для табаку на борту судна, поскольку он упрекал капитана за его поспешение, и вместо благодарности за ссуду денег на приобретение груза выразил свое неудовольствие. Мы тем временем узнали, что он в товариществе с одним французом, работавшим на реке Йорк, приобрел половину судна и что половина сия обошлась ему в 150 фунтов. Сия сумма денег, да еще стоимость соли, коей он загрузил оное судно, а цена на соль была высока, да расходы при разъездах, не считая издержек на двух лошадей, которые стоили ему более 130 фунтов, а также – малое усердие, что проявлял он в вопросе загрузки нашего судна, начали вызывать относительно него самые худшие подозрения.

25-го августа, день святого Людовика; на борту нашего судна был дан обед, на котором, к нашему несчастью, присутствовало 1/2 дюжины французов, прибывших из Каролины; по их милости наш суперкарго забрал себе в голову не покупать вовсе груз для нашего корабля, а разделить риск, войдя с ними в компанию, и построить шхуну в Северной Каролине и т.п. Мы угощали в этот день на борту нашего судна 40 человек; было много дам, мы танцевали, стреляли из пушек и т.п., но я не мог принимать участия в сем празднестве: накануне вечером началась у меня местная лихорадка, продолжавшаяся 5 недель и оставившая мне рожистое воспаление в левой ноге и перемежающую желтуху – повторяющееся разлитие желчи в крови, так что белки моих глаз стали более желты, чем самый желтый цитрон.

Спустя два дня после праздника наш капитан отправился в Северную Каролину с теми французами, поскольку сеньор Лафай обещал дать нам французские экспедиции, которые, как он сказал, отпечатаны были в Нью-Берне и имелись у него в большом числе экземпляров; но по дороге распознал он гасконаду сих интриганов-авантюристов и решился на поездку в Вильямсберг, дабы там отпечатать их самому через одного печатника из Прованса.

Месяц сентябрь прошел для меня без особых событий в ожидании со дня на день освобождения из нашей тюрьмы, ибо мы не могли иначе рассматривать Виргинию. Англичане, с одной стороны, и наш суперкарго, с другой, уже 5 месяцев держали нас

арестантами на борту нашей бригантины в стране пустынной и нездоровой, каковой является Бродуэйз; и в то же время мы зачастую лишены были продовольствия и принуждены были покупать мясо за фунт у одного траппера и есть кишасшие червями сухари, мы с неудовольствием видели, как наш суперкарго живет на суше в изобилии и праздности, имея двух лошадей для прогулок по всему морскому побережью Виргинии, не задумываясь об освобождении своих пленников, токмо заботясь о своих удовольствиях за счет нашего бедного судна. Наконец⁵,

18-го октября наш суперкарго отбыл в Северную Каролину, оставив распоряжение капитану вычистить судно и в случае, ежели придется выгрузить табак на берег, отнюдь оный на борт до его возвращения снова не загружать: новые подозрения относительно его намерений. К счастью, судно наше было опрятным, и нам не пришлось ничего выгружать на сушу; достаточно было дать сильный крен и очистить швабрами от мха, коим заросло оно в пресных водах.

Месяц ноябрь прошел, а наш суперкарго не появился; будучи однажды в Питерсберге с капитаном, дабы сделать там некоторые покупки, узнали мы, что аглицкие военные корабли покинули гавань и что рейд Хемптона свободен. Капитан незамедлительно запасся провиантом – хлебом и солониной, чтобы все готово было ко времени возвращения нашего суперкарго; вернувшись на борт, он устроил все дела для отплытия в любой момент, но имел неприятность видеть упущенными много таких благоприятных моментов для отплытия и не был в состоянии что-либо предпринять; мы имели на борту только 96 бочек табаку, что было недостаточно, а суперкарго, присутствие коего для нашего плаванья было необходимо, грелся у огонька в Саффолке, в то время как мы страдали от холода на борту нашего судна в Бродуэйзе. Однако

24 ноября получили мы от суперкарго письмо, в коем требовал он прислать ему 23 бочки табаку с борта нашего судна и погрузить их на борт судна, которое он срочно с этой целью посылал из Саффолка; одновременно требовал он задержать некие письма, что намеревался он отправить на Мартинику с одним американцем, еще не отплывшим, поскольку, писал он, письма сии ничего не значат для *Ла Серре*; он более не удостаивал своего арматера титула «господин». Подтверждение упомянутых выше подозрений относительно его поведения. Команда, узнав об оном требовании, сказала ка-

⁵ Подобного рода «оборванность» характерна для текста дневника Каржавина.

питану, что подобное поведение ясно указывает на нежелание суперкарго отправлять судно в плавание и что по таковой причине ничего боле не остается, как распустить команду; нам обещали, что выгружать ничего не будут, и написали суперкарго, чтобы он незамедлительно возвращался, дабы отправить судно в плавание, поскольку англичане удалились, и мы ежедневно наблюдаем, как отплывают другие суда. А что касательно затребованных бочек, то принято решение, что их разумнее оставить на борту.

29 и 30-го ноября ночи были темные, с порывистым ветром от Запада; 14 судов, как больших, так и малых, воспользовались оным случаем, чтобы отплыть; в числе их были и французские. Мы с горечью наблюдали, как отплывают другие, в то время как нам был прислан приказ искать фрахт для окончательной загрузки судна. По сему приказу отправились мы в Осбин, расположенный выше по реке Джеймс, где ныне покойный мистер Ламберт должен был дать нам фрахт для догрузки нашего трюма; капитан уже договорился с сим арматером относительно 25 бочек по 9 луидоров за бочку, и их собирались загружать, как вдруг

10 декабря, после почти 5 недель отсутствия, появился наш суперкарго с нормандским капитаном, с коим он заключил письменное соглашение и предоставил ему место для 100 бочек на нашей бригантине, которую он называл «мой корабль». Фрахт был заключен из расчета одна бочка из трех. Пришлось тогда разорвать договор, заключенный капитаном по распоряжению суперкарго с ныне покойным сеньором Ламбертом. Сей последний говорил суперкарго, что тот не умеет вести дело, поскольку разрешил капитану заключить с ним фрахт, а сам, с другой стороны, заключил другие соглашения с другими персонами; все закончилось тем, что было взято 24 бочки в счет груза, и за них наш суперкарго заплатил сеньору Ламберту сколько тот потребовал в надежде предложить их новому фрахтовщику, но сей последний не захотел брать тот табак, ибо заметил, что номера подделаны и табак сей – низшего качества; мы вернулись в Бродуэйз, где поставили нам по фрахту 14 больших бочек табаку, и наше судно оказалось полностью загруженным; но из нашего груза требовалось выделить вышеупомянутые 100 бочек; в результате у нас осталось очень немного для отплытия во Францию; так случилось, что суперкарго, не получив запрошенные им из Саффолка 23 бочки, завладел всем грузом по письменным соглашениям, заключенным им в удалении от тех, кто мог бы ему указать на неправильность такого образа действий.

15-го декабря суперкарго направил к нам на борт трех пассажиров, а именно Куарона, суперкарго; Фортена, – капитана и помощника суперкарго, и Тузе – помощника капитана, – с потерпевшего крушение у побережья французского судна; поскольку сии господа взяли на себя фрахт, пришлось поместить их в каюту, где было нас уже трое: капитан, его лейтенант и я, в большой тесноте. По соглашению с суперкарго сии пассажиры пили и ели на борту бригантины вплоть до марта 1778, не платя ни сольдо. Здесь уместно сказать кое-что о нашем лейтенанте; имя его было Карвин, родился он в песках Олонны и прибыл на французском судне, которое потерпело крушение у мыса Хаттераса; он спасся, добравшись до земли, но все вещи его погибли; прибыв в Эдентон, подговорил он слугу шевалье де ла Невилля в отсутствие упомянутого господина вскрыть его дорожный сундук и завладеть содержимым. Он сам разбил замок, украл большую часть содержимого и красовался в городе, пока возвращение шевалье не принудило его бежать, спасаясь от правосудия, иначе его повесили бы. Он прибыл в Саффолк, откуда перебрался в Портсмут, где поступил матросом на американскую шхуну, чтобы добраться до Нанта; в тот день, когда оная шхуна вышла из Бродуэйза с грузом табаку, дабы спуститься вниз по реке, Карвин явился на борт нашего судна, и капитан наш, ничего не ведая о приключениях его в Эдентоне и увидев в нем только хорошего моряка, принял его в плавание до Франции в должности лейтенанта, пообещав ему 100 гурдов за переезд и барыш от одной бочки табаку.

21-го декабря наш суперкарго поехал в Вильямсберг и оттуда в Йорк, где продал свою шхуну, уладил дела со своим компаньоном и вернулся на судно 30-го декабря.

1778

7-го генваря узнал я от наших пассажиров, что завтра они должны закончить переговоры свои с нашим суперкарго; я взял на себя смелость уведомить их, что переговоры сии ведут к разорению снаряжения нашего судна и что суперкарго не только не был уполномочен делать то, что предпринял, но что он шел против прямых распоряжений нашего арматера, который требовал загрузить судно и скорейшим образом отправить его в плавание. Я сказал им, сколь нечестно с их стороны соглашаться на предложения суперкарго, ибо они уведомлены, что оный не имел полномочий

делать им предложения, при коих затрагиваются интересы арматера и компаньонов его, что все поведение суперкарго есть открытое лихоимство и что, входя в нечестную сделку с нечестным человеком, сами они могут свое честное имя потерять. Эти господа сказали мне, что, ежели я засвидетельствую перед суперкарго в их присутствии то, что высказал я им о нем за спиной его, они отступят, не заключив с ним никакого соглашения, и договорятся с другим. И таким образом

На 8-й и 9-й день генваря явился я к суперкарго в его комнату на берегу в сопровождении капитана и трех пассажиров и в присутствии их ему высказал все, что в сложившихся обстоятельствах своим долгом почитал, дабы показать ему неправильность его действий; речь моя встречена была нашими пассажирами очень доброжелательно и очень сдержанно суперкарго, который на сии два дня вооружился крайним бесстыдством, чтобы поправить правду; читатель сам может рассудить, что человек, который просит спрятать себя между бочками с патокой, слышав пушечный выстрел, неспособен поддаться горячности, выслушивая горькие истины, ему в спокойной обстановке высказанные; он удовольствовался составлением протокола, который удостоверял мои обвинения в плохом ведении им дел на судне и представил сей протокол на подпись всем присутствующим. Он угрожал мне, что в первом же французском городе заставит меня доказать, в чем именно плохо вел дела. Но никто не подписал, кроме одного капитана из Нижней Нормандии, в этот день случайно находившегося в его комнате и уже несколько дней состоявшего у него на службе, чтобы командовать кораблем, который наш суперкарго собирался покупать (онный капитан стал затем его приказчиком при покупке товаров в Саффолке; он оставался у него на службе три месяца, получая на содержание для себя и своей лошади 3 гурда, помимо жалованья). Пассажиры заявили, что поскольку суперкарго продал им бочонки груза, а капитан коносамент на сии бочонки подписать не согласен, ибо за несколько месяцев до сего дня загрузил он их на судно «Ле Жантий» и пометил Л.Ж., то с этим ничего нельзя уже сделать. Капитан сказал, что он коносамент подпишет; тогда я удалился, поскольку мои возражения не были приняты. Сделка была заключена, и наше полное разорение было подписано суперкарго, пассажирами и капитаном.

В тот же день суперкарго передал мне через капитана, чтобы ноги моей больше не было в доме комиссионера, который распорядился дверь свою отныне для меня закрыть. «Asinus asinum

fricat»⁶, – говорит латинская пословица; мошенники всегда друг с другом сталкиваются. Комиссионер на этой сделке вельми заработал; притом же ясно было, что суперкарго, капитал коего все увеличивался, не склонен был покинуть страну, человек же с деньгами в кармане никогда не лишний там, где берутся за комиссию для иностранцев, кои сами дела свои устроить не умеют.

11-го генваря спустились мы вниз по реке с лоцманом-негром, родом из Бразилии, который 5 раз сажал нас на мель по пути из Бродуэйза до Джеймстауна, где и стали мы на якорь.

Капитан поехал в Вильямсберг, куда суперкарго должен был прибыть по суше, дабы нас снабдить. Хочу рассказать о плутовстве нашего комиссионера. Вот оно: в 20-ти милях от Бродуэйза сели мы на мель, и сняться с нее было невозможно, не разгрузив судна; на другой стороне реки увидели мы стоящее на якоре суденышко и послали офицера просить владельца его прийти нам на помощь. Оказалось, что то было то самое судно нашего комиссионера, на коем был доставлен на борт нашего корабля груз табаку. Капитан суденышка любезно согласился прийти нам на помощь, поскольку прибыл он сюда забрать дубовую клепку у одного поселенца, а клепка та еще не была готова. По несчастью комиссионер наш в тот момент у того поселенца обедал, и он запретил своему капитану прийти на помощь нашему судну: он его снаряжал и отправлял, а теперь он его, стало быть, не хотел знать. По счастью, выгрузив в лодку артиллерию, мы снялись с мели, не прибегая к помощи Роберта Гилльяма, нашего комиссионера. Я расскажу о характере американцев несколько подробнее в алфавитном приложении, которое будет в конце сего дневника.

Наш капитан вернулся из Вильямсберга, и мы со дня на день ожидали благоприятного момента для отплытия, но англичане вернулись на свой сторожевой пост; гавань была заполнена их фрегатами; рейд Хемптона охранялся двумя линейными кораблями, из коих один стоял на якоре в большом проливе, а другой – в малом; ни один лоцман не соглашался провести нас ни за какие деньги; наш суперкарго отправился в Северную Каролину: прошел слух, что в гавани были захвачены три французских судна – капитанов Коллино, Ферро и Бонди; несколько дней спустя господи Ферро и Бонди прибыли, дабы лично подтвердить слух о захвате их судов; они отправились в Саффолк в поисках возможности отплыть на Мартинику; они нагнали страху на нашего капитана и

⁶ Осел трется об осла (*лат.*).

пассажиров, сказав им, что командир линейного аглицкого корабля прекрасно знает о нашем предполагаемом отплытии и что он поджидает нас в проливе; что лучше продать судно и пытаться выбраться через Каролину. Оные господа были еще у нас на борту, когда показался трехмачтовый корабль г-на Кардона-отца и бригантина капитана Андре, которые поднимались вверх по реке, поскольку сторожевые суда линейных кораблей поднялись до того места, где господа сии стояли на якоре, и захватили на их глазах несколько американских судов. И тогда принято было решение идти в Саффолк, дабы ожидать там указаний суперкарго касательно нашей участи; но невозможно было найти лоцмана, который бы взялся провести нас по реке до Нансемонда, ибо пришлось бы оставаться на виду у англичан при входе в реку, пока судно разгружалось бы от нескольких дюжин бочек, чтобы дойти до города. И тогда приняли решение подняться вновь до Бродуэйза и там ожидать сеньора Бернарда, нашего суперкарго, коему написали, чтобы он приезжал и решил, что нам делать. По сей причине

14-го февраля взяли мы курс на Бродуэйз, старую нашу стоянку; перед тем как снялись мы с якоря, нас уведомили, что на рейде у Хемптона остался только один 74-пушечный корабль. Все остальные принуждены были уйти из-за жестокого ветра, что дул трое суток и заставил их выйти в море.

16-го стали мы на якорь на старом нашем месте в реке Аппоматок и, времени не теряя, спустили стеньги, полагая, что и табак и судно проданы будут в Бродуэйзе. Мы ошиблись: мало еще денег тратили мы на лоцманов со дня нашего прибытия в Виргинию и по сей день! Надо было тратить еще, ибо

20-го наш суперкарго прибыл из Каролины, назначив нам идти в Смитфилд, где груз и судно можно продать выгоднее; он продал нашим пассажирам за 60 шиллингов табак, который стоил нам 35 и 37; он снова взял его по той же цене в 60 шиллингов и обязался перевезти принадлежащие им 14 бочек в Смитфилд.

21-го были заняты работой по приведению судна в такое состояние, чтобы можно было поставить паруса.

25-го отправились в Смитфилд с лоцманом, взявшимся провести нас в сей город за 100 гурдов. Но он довел нас только до входа в бухточку и сошел на берег и оттуда прислал нам другого, дабы ввести нас в бухту, сам же остался в гостинице в Смитфилде ждать нашего прибытия и платы за труд свой.

2-го марта вошли в бухточку; прямо напротив дома г-на Джона Годвина, ибо не могли идти далее не разгрузившись, и стали искать

габару; 7-го она подошла к нам; когда несколько габар табаку перевезены были в амбар, мы смогли продвинуться еще на милю до второго бара, который заставил нас разгрузиться еще: за несколько дней продвинулись мы до города, где третий бар воспрепятствовал нашему дальнейшему продвижению; разгрузились снова и 23-го стали на якорь в том же городе при глубине в 8 саженой у взвоза, коим оканчивается главная улица.

15-го суперкарго, совершенно непредвиденно прибыв обедать на борт нашего судна и проведя весь день в полном бездельи, пожелал лечь; в комнате и так было вельми тесно от пассажиров, коих он сам навязывал нам, и их сундуков; в Виргинии мы спали там впятером; я пользовался чуланчиком, в коем суперкарго спал во время переезда по морю; в этот день, имея возможность отправиться спать к себе, в пансион, захотел он ночевать в оном чуланчике, принудив меня спать на палубе; по сему поводу имели мы некоторую ссору; он мне заявил тогда, что на судне он хозяин, никому отчета давать не обязан, что он высадит меня с судна приказом губернатора Виргинии и сумеет заставить меня проесть тот небольшой барыш, что имел я до сего дня, будучи на судне. Угрозы сии не помешали мне остаться там до последнего момента, я сел на «Ле Жантий», чтобы разделить его судьбу, и хотел остаться свидетелем того, как корабль пропадет для арматера, перейдя в чужие руки из-за промахов и плохого поведения суперкарго, который мог только бить баклуши на Мартинике и который в Виргинии получил в свое распоряжение большой капитал; и сие заставило его забыть о порядочности и честности настолько, что он сказал следующее: однажды, когда капитан спросил у него, что он скажет г-ну Ла Серре по поводу его письма, в коем тот недвусмысленно приказывал снарядить «Ле Жантий» и смело идти навстречу опасности в наши трудные времена, он ответил: «Я скажу, что не получал письма».

Лоцман, который провел нас в бухту Смитфилда, получил в уплату 30 гурдов; капитан того был мнения, что сумму сию надобно вычесть из оплаты лоцмана, который провел нас от Бродуэйза, и был он прав, поскольку оный брался привести нас в Смитфилд; но наш суперкарго, щедрый на чужие деньги, уплатил 100 гурдов и этому лоцману без согласия капитана, хотя производить оплату лоцманов подлежит скорее капитану, нежели суперкарго; он даже сказал нашему капитану, когда тот указал ему на неправильность его действий: «Мсье, надо показать им, что мы французы, а не американцы». Сколь много кичливости в столь низком сердце.

18-го пассажиры покинули судно, не сказав даже спасибо за все, что они выпили и съели. От них, правда, трудно было ожидать проявления учтивости: один из них был бондарь, подмастерье, другой – пивовар, а третий – ткач. Они принадлежали к сословию, кое обычно не блещет образованностью и вежливостью.

23-го, хотя мы и стояли на якоре у Смитфилда, у нас утонул один человек: в час ужина, темной ночью, старший мастер, отправляясь на берег в пироге вместе с поваром, слишком лихо сошел с судна; поскольку до берега не было и 20 футов, решил он, что, стоя на одной ноге в пироге и оттолкнувшись от судна, он достигнет берега без помощи весел; но нога его соскользнула, он полетел кубарем под корабль, где было до 8 саженей воды и, возможно, еще 2 сажени грязи; его обнаружили только через 15 дней; некие французы, которые были в Смитфилде после нашего отплытия из сего города, позаботились о его погребении; повар два раза погрузился в воду, когда пирога перевернулась, но, умея немного плавать, он удержался на поверхности достаточное время, чтобы его могли спасти. Утонувший прозывался Ле Пателе; был он нормандцем и дважды бывал в Санкт-Петербурге в России; ему доставляло удовольствие рассказывать нам, как русские сеньоры обращались с ним и его товарищами, когда они имели случай попасть в императорский сад и увидеть там прогуливающуюся императрицу; оные сеньоры дали им знак приблизиться, дабы увидеть государыню вблизи, запросто задавали им великое множество вопросов и на прощание дали им несколько рублей. Потом он переехал на Мартинику и побывал в Новой Англии, где нанялся на то самое судно, под которым умер; он был в числе тех, кто отправился за ним в залив Каско, когда было оно куплено капитаном г-на Ла Серре. Ему настолько нравилось сие судно, надежность коего была ему хорошо известна, что решил он остаться на нем в качестве мастера или надзирателя; был то единственный человек на борту, коему доверять можно было; все остальные были провансальцами, людьми, готовыми в любую минуту дезертировать; и действительно, нас покинуло 7–8 человек, которые заменены были гишпанцами; каждый из оных получал в день по одному гурду.

25-го отправился я в Портсмут, чтобы попытаться отплыть на Мартинику, но без успеха; весь день пробыл под дождем, дороги в лесу были затоплены; несмотря на то, я до захода солнца прибыл в Портсмут, который находится в расстоянии 36 миль от Смитфилда; мне сказали, что я быстро дошел; пробыл я там

5 дней; в оное время посетил я развалины сожженного города Норфолька, главного торгового города Виргинии до войны.

В последний день марта снял я пансион у г-на Годвина за 10 гурдов в месяц; я полагал остаться у него на несколько месяцев в надежде получить ответ на письма, кои отправил г-ну Ла Серре с капитаном Маршаллом, а также, находясь ближе к Хемптону и Портсмуту, найти возможность переезда на Мартинику и, наконец, чтобы немного научиться аглицкому, который был мне непривычен по причине длительного моего пребывания на борту судна среди французов.

1-го апреля переправил я дорожный мой сундук водою в мой пансион и обещал переселиться в дом через 8 дней, по моему возвращению из Бродуэйза, куда суперкарго отправил наше судно со 107 бочонками соли и несколькими сотнями фунтов чаю, что он купил в Саффолке у одного еврея; и оный заставил его заплатить достаточно дорого за вельми плохой товар.

2-го апреля «капитанъ Венель дал мнѣ за табакъ 131 понтъ и 4 шилина, т.е. 436 гурдовъ; а я ему в Петербурге <Питерсберге> далъ только 300 гурдовъ; и такъ получилъ хороший барышъ»⁷. Табак был продан в Смитфилде по 4 фунта за сто и по 5 за сто в Саффолке.

3-го апреля вышли мы из бухточки при свежем ветре; проводка судна стоила шесть фунтов.

4-го апреля капитан отправился в Хемптон искать лоцмана, чтобы подняться по реке, поскольку остались мы посреди реки Джеймс при входе в бухту Смитфилда.

10-го после полудня прибыли мы в Бродуэйз к великому изумлению его жителей, кои поражены были тем, что столь добрый французский корабль так часто ходит взад и вперед по реке и изнашивает свои канаты, паруса и снасти, для перевозки 400 буасо соли, цена коей в Питерсберге, куда наш суперкарго заставил ее перевезти, была очень низкой. Лоцману уплачено было еще 25 фунтов.

16-го апреля отправился я водою в Кабан-Пойнт к капитану Кардону за лекарством для г-на Венеля, нашего капитана, вернулся 18-го. Г-н Кардон уведомил меня о письме его арматеров, в коем указывали они на близость войны и просили подождать еще месяца два с продажей судна, поскольку, по всей видимости, вскоре в Виргинию прибудет французский флот. Я передал сии новости нашему капитану, он счел их химерами. Этот капитан выказал такое рвение в продолжение первых 10 месяцев нашего вынуж-

⁷ Эта фраза написана по-русски. — *Примеч. переводчика.*

денного пребывания в Виргинии, что стал совсем другим человеком, как только увидел себя во главе крупного капитала после смерти г-на Ламберта, который сделал его своим душеприказчиком и рачителем всего своего имущества в Новой Англии; мое присутствие на борту судна его стесняло, он не хотел более иметь свидетеля своим делам; и я не сомневаюсь, что, будь он суперкарго, как г-н Бернард, он действовал бы так же, как сей молодой вертопрах. Таково влияние богатства на умы слабые и души ничтожные и низменные; в бедности они проявляют усердие, они пылки на добро; любое зло ранит их совесть; в преуспевании же их глаза, кои видят одну грязь, оказываются не в состоянии вынести блеск богатства, которое их ослепляет, их глаза закрываются, их совесть размягчается и их усердие угасает.

19-е. Пасха. Вымпел и штандарт. На ветер истраченный порох. Нашему кораблю только такой шумихи не хватает!

20-е. Капитан Коэз, вернувшийся с Мартиники в Бродуэйз, сообщил, что г-н Ла Серре послал нам письмо с капитаном Маршаллом. Наш суперкарго в тот же день прибыл из Вильямсберга, где находился, чтобы объявить в газетах о продаже судна. Капитан списал на берег трех гишпанцев и заплатил им 789 серебряных пиастров; по прибытии в Бродуэйз он просил денег у комиссионера, дабы уплатить им, но сей последний ответил, что денег у него нет (разумеется, для французов).

Несколько дней спустя прошел слух, что гавань очистилась, что прибыли французы и капитан Маршалл также вернулся; наш суперкарго его видел; никаких писем от г-на Ла Серре; я уже не знаю, что думать; не может ли статья, суперкарго перехватил ответ г-на Ла Серре на письмо капитана и на мое письмо, кои посланы были с капитаном Маршаллом? Позволительно подозревать людей, поведение коих небезупречно.

17-го мая 1778. Судно продано и передано за 3500 фунтов, исключая артиллерию, которая состоит из 6 пушек и 6 мортир с порохом и ядрами, ружейных пуль и прочая, а также исключая всю дубовую клепку, кою имели мы на борту.

18-го покинул я судно и нашел приют у бедной вдовы по имени Брюс: «дочь ее Сале бразу похожа на Терезу-Философа, любила иметь дѣло с мущинами во снѣ; другая – Бетси»⁸. Я встретил у нее сеньора Карвина, бывшего нашего лейтенанта (нашего второго помощника, в Смитфилде высаженного); покинув нашу

⁸ Фраза написана по-русски (бразу, т.е. образу). – *Примеч. переводчика.*

бригантину, жил он в Питерсберге и работал матросом и парусником на борту нескольких американских судов; поскольку поведение одного на борту нашего судна было весьма изрядным, я забыл о свойственном ему мошенничестве, но не прошло и нескольких дней, как пришлось мне с оным спознаться: полагал я, что были то обычные проделки молодости и что теперь он остепенился; посему не испытывал я к нему недоверия. 29-го мая, когда в хижине старушки, у коей я проживал, вечером танцевали, послышалось мне, что ходит некто снаружи, и поскольку встречались любопытные, которые заглядывали в щели на то, что происходит внутри, и к тому же частенько вокруг хижины бродили беглые негры, вышел я со своим ружьем и выстрелил в черноту леса, хижину окружавшего; затем вернулся в дом, чтобы лечь. Немного погодя зашли к нам сказать, что некто стрелял в капитана одной бригаантины Конгресса, в Бродуэйзе на якоре стоящей, но промахнулся.

30-го мая сеньор Карвин, побыв на берегу реки, запыхавшись, рассказал мне, что действительно выстрелил я накануне в одного капитана, что хочет он теперь отомстить за себя и что он, Карвин, сам слышал, как сей капитан говорил, что живым я из Бродуэйза не выберусь, что устроил он в лесу засаду из 4 людей с ружьями, дабы убить меня, что платит он им по 4 гурда за день, а что сам вооружился карабином и что, наконец, небезопасно мне долее в сем доме оставаться, ибо все и так завидуют французам, что они всегда наилучшим образом устроиться умеют; решено было немедленно ехать в Осбин, до коего от Бродуэйза лишь 3 мили сушей, и устроиться там на борту принадлежавшей покойному г-ну Ламберту бригаантины. Командовал оной теперь капитан Андре с Мартиники, служащий под командой нашего капитана, который по завещательному распоряжению покойного являлся ныне ее хозяином. Отправились мы вчетвером: Карвин видел, как я укладывался и как спрятал в мой сверток часы золотые и кошелек с 30 гурдами золотом и серебром; все то помещено было в хорошо увязанный дорожный мешок. Прибыв на борт, поместил я мой сверток в каморку капитана, в его прихожую, на ключ запиравшуюся, и пошел ночевать на постоялый двор. У меня было время поразмыслить о моем приключении, и нашел я столь странным намерение убивать людей таким манером, тратя на то столько денег в стране, законы коей столь суровы, что из любопытства положил объясниться с американским капитаном с глазу на глаз.

1-го июня вернулся я в Бродуэйз, где оный капитан обласкал меня, обругал Карвина за плутовство его и уверил меня, что в лесу

его вовсе не было, и я в него не стрелял, поскольку в час тот он спал. Под конец он, как человек ни в чем не повинный, рассказал мне обо всех слухах, что распространял о нем Карвин.

12-го вернулся я в Осбин и 13-го направился в Ричмонд и в Уоррек, дабы разыскать там какую-нибудь посудину, которая доставила бы меня вниз по реке. Я не нашел ничего и в тот же день вернулся в Осбин.

14-го случай заставил меня пойти на борт судна и заглянуть в мой дорожный мешок; все было в порядке, даже пара серебряных пряжек с подвязками была в глубине мешка; не хватало только моего кошелька и часов. Я уведомил о том капитана Андре и г-на Венеля; последний холодно сказал мне, что я сам виноват, ибо знал, что на борту мошенник, и оставил вещи свои в мешке, а не дал их ему, дабы запер он их в своем сундуке (должно отметить, что по недостатку людей взял он Карвина на судно вторым помощником); а когда капитан Андре сказал, как неприятно ему, что на борту его судна воровство, он ответил тому: «Н.....ь на то, не вас обворовали; сие научит его не быть философом и впредь не доверять всем встречным». Вот и все удовлетворение, что дал мне капитан, из комнаты коего совершена была кража вещей, его попечению доверенных, поскольку мешок мой служил ему изголовием.

15-го пошел я в Питерсберг заказать проезд в Смитфилд и купить пару пистолетов; что называется, захотел горчицы после обеда; но я не добился ни того, ни другого.

16-го г-н Кларк, француз, бывший офицер Конгресса, прибыл в Осбин, узнал о совершенной у меня краже, говорил о ней на судне в присутствии Карвина, коего хорошо знал по истории в Эдентоне, самовидцем которой был, и предложил мне разные способы отомщения оному мошеннику. Но я их все отбросил, поскольку были они либо слишком жестокими, либо слишком дерзкими. Я предпочел посоветоваться с местными жителями, которые о правосудии известны были; они сказали мне, что надобно иметь свидетелей; и тогда потерял я всю надежду вернуть свои вещи.

18-го г-н Эстав, пекарь-француз из Хемптона, был в Осбине; я советовался с ним, что мне делать: он не дал мне никакого хорошего совета; я полагал, что достигну многого, поговорив с самим Карвином; но оный отнюдь не был оскорблен тем, что его подозревают в покраже, вещей не вернул; уезжавший в Хемптон капитан решил по сему поводу его уволить: я видел Карвина на берегу, увещевал его прийти в себя и вернуть мне мои вещи; он ответил мне таким образом, чтобы показать, как удивлен, что подозреваю

в краже его, а не капитана Венеля. Видя, что ничего не добыюсь, в тот же день отправился я сушей в Бродуэйз; прибыв на паром, принадлежащий г-ну де Долина, я нашел судно, кое направлялось в Смитфилд за грузом ракушек для изготовления извести. Я тут же сел на то судно и 22-го прибыл в Смитфилд в ужасную погоду: дождь, гром и прочая. Негр, владелец сего судна, никогда не был в Смитфилде; я послужил ему лоцманом и благополучно провел его через все мели.

23-го поселился я у г-на Годвина, у которого оставлял я свой дорожный сундук.

24-го, купаясь в бухточке, видел я затмение Солнца. Было столь темно, что птицы прекратили свои утренние песни и вся природа была в оцепенении; я был шагах в 20 от берега, но едва мог видеть свое белье, повешенное на ветви деревьев.

25-го, не желая быть праздным, начал я посещать школу с малыми детьми, чтобы научиться читать и писать по-аглицки, в ожидании наступления зимы, дабы идти на Мартинику.

9-го августа я проехал рекой в Вильямсберг, чтобы купить несколько книг. Г-н Ла Фай сообщил мне о приезде г-на Ла Серре, и по моем возвращении 13-го я получил от него письмо и узнал, что он поехал в Смитфилд.

<Рукопись обрывается>

АКВАРЕЛИ П.П. СВИНЬИНА (США, 1811–1813)

П.П. Свиньин. Автопортрет с индейцами

П.П. Свиньин. Зимняя сцена в Филадельфии

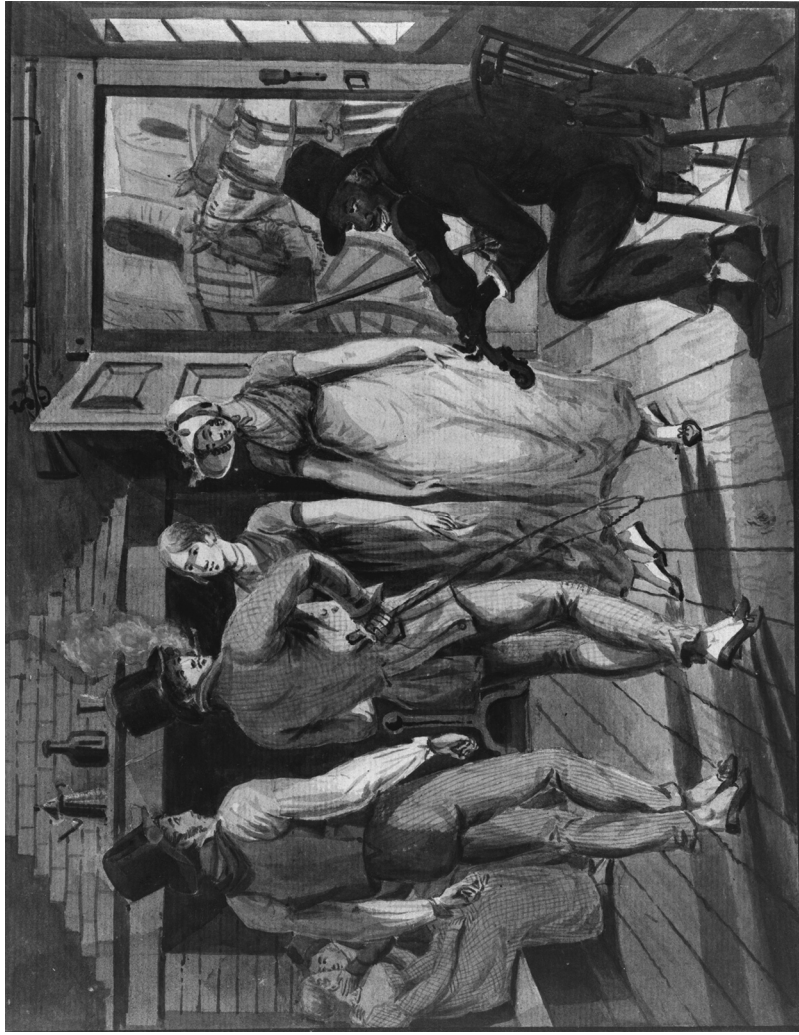
П.П. Свињин. Гробница генерала Вашингтона в Маунт-Верноне

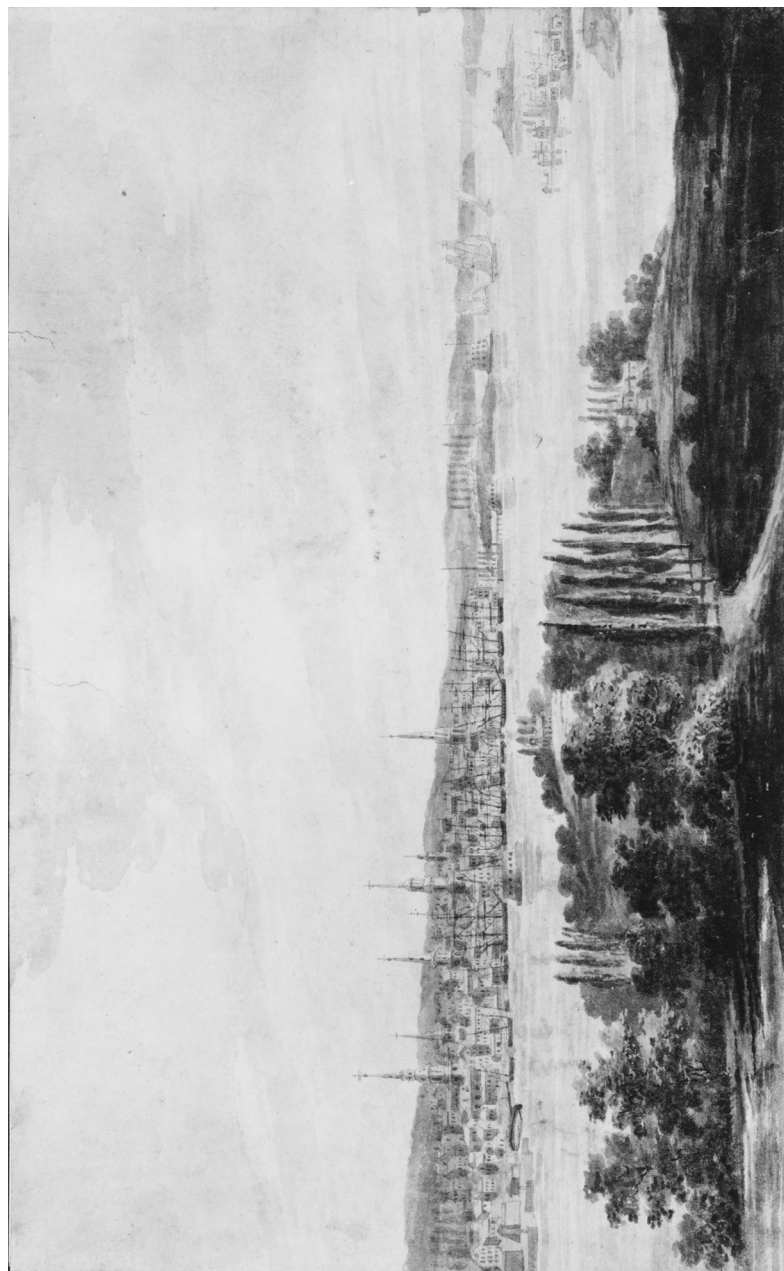
П.П. Свињин. Город Вашингтон

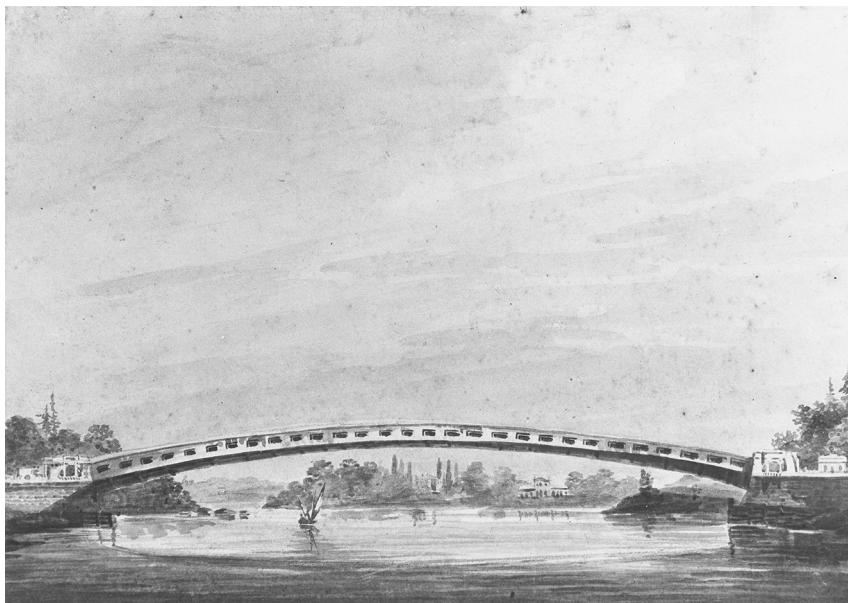
П.П. Свиньин. Первый взгляд путешественника на Нью-Йорк – батарея и флагшток

П.П. Свинин. Увлечение в придорожной гостинице

П.П. Свищев. Вид Нью-Йорка с реки

П.П. Свиныин. Новый мост близ Филадельфии

П.П. Свиныин. Индейские древности

П.П. Сви́нин. Богослужение у негров-методистов

П.И. Свинин. «Города содержат между собою беспрестанное сообщение помощью всенародных карет»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	– Государственный исторический музей (Москва)
ГЛМ	– Государственный литературный музей (Гос. музей истории рос. литературы имени В.И. Даля) (Москва)
ГПИБ	– Государственная публичная историческая библиотека
ИМЛИ	– Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Отдел рукописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	– Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РНБ	– Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел рукописей и редких книг
СПБИН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН. Отдел рукописей
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- Аверкиева Ю.П. 216
 Адамс Дж. 42, 47, 50, 51, 81
 Адамс Дж.К. 135
 Адамс С. 50
 Аддисон Дж. 160, 263
 Азадовский М.К. 95, 182
Академические Известия 33
 Аксаков К.С. 281
 Аксаков С.Т. 158, 176, 199
 Александр I 222, 228
 Александров В.А. 333
 Алексеев А.И. 23
 Алексеев М.П. 9, 10, 13, 94,
 102, 109, 110, 123, 150, 154, 183, 186,
 188, 208, 213, 222, 243, 282, 332, 349
 Алексей Михайлович, царь 211, 222
 Алипанов Е.И. 340
 Альд Мануций 15
 Америго Веспуччи 16, 19, 148
 Анакреон 326, 328
 Анастасевич В.Г. 338
 Андреев Л.Н. 321
 Аполлос, архимандрит
 (А.Д. Байбаков) 82
 Аринштейн Л.М. 332
 Ариосто Л. 240
 Астор Дж.Дж. 180
Атеней 12, 168, 259, 260
 Ахматова А.А. 13, 221, 222

 Бабкин Д.С. 64
 Бажин Н.Ф. 319, 320
 Базунов А. 259
 Байбаков А.Д. – см. Аполлос
 Байрон Дж.Г. 8, 115, 122, 152,
 161, 167, 174, 199, 241, 242, 280, 281,
 303, 305, 306, 340
 Бакунин М.А. 269
 Бальбоа Васко Нуньес де 19
 Бальзак О. де 161, 174, 264,
 277, 278, 347, 348, 351
 Баранов А.А. 125
 Бараншиков В.Я. 100, 101, 102, 103
 Баратынский Е.А. 229, 245, 340
 Барло Дж. 110, 111, 122, 353;
 см. также Barlow J.
 Бартенев П.И. 247, 248
 Барятинский И.С. 78
 Басаргин Н.В. 71
 Батюшков К.Н. 229, 328, 331, 337
 Бауринг Дж. 322–331, 337, 346;
 см. также Bowring J.
 Башуцкий А.П. 308–310
 Бегичев Д.Н. 97
 Бекетов П.П. 86, 93
 Белинский В.Г. 12, 98, 146, 147,
 152, 153, 162, 165, 170, 171, 173, 176,
 179, 185, 195, 196, 201–204, 209, 210,
 228, 249, 250, 255, 257–259, 263, 264,
 266, 267, 269, 271–289, 291, 293, 297,
 298, 301, 310, 350
 Бельский М. 16, 17
 Беляев А.П. 172, 248, 249, 302
 Беляевы, братья 97
 Бёме А. 355, 356
 Бенедиктов В.Г. 340
 Бенкендорф А.Х. 142, 155
 Бентли Р., издатель 270

Беранже П.-Ж.	174, 281	Бревурт Г.	190
Берг Л.С.	16, 23	Бредихин Н.	203, 204
Берд Р.М.	354	Бриссо Ж.П. (Бриссот)	66
Березина В.Г.	148	Бродский Н.Л.	209
Беринг В.	22–24, 25	Брукс В.В.	289
Берков П.Н.	12	Брэдфорд У.	7, 108, 109
Бертрам Дж.	108, 109	Брюсов В.Я.	317, 321
Бестужев А.А. (Марлинский)	95, 134, 153, 159, 182, 220, 224, 282, 330–332, 338–340; см. также Marlinsky A.	Булгаков В.Ф.	307
Бестужев М.А.	182, 248, 302	Булгаков Я.И.	32
Бестужев Н.А.	68, 95–97, 174, 181, 209	Булгарин Ф.В.	142, 143, 200, 220, 222, 223, 267, 281, 332, 339; см. также Bulgarin Th.
Бестужев Павел М.	95	Бунин И.А.	232, 349, 350
Бестужев Пётр М.	95	Бухарский А.И.	107, 108
<i>Библиотека для Чтения</i>	12, 98, 161–163, 165, 168, 175, 178–180, 183, 184, 187, 203, 205, 215, 264–266, 270, 271, 296, 297, 345, 353–356	Бушканец И.Н.	347
Бичер-Стоу Г.	241, 299, 356	Быков В.	301
Благосветлов Г.Е.	319	Бюргер Г.А.	328
Блинчевская М.Я.	348	Вальи Л. де	308
Блок А.А.	235, 314	Ваньер Ж.	217
Блоссвилль Э.	213, 215; см. также Blosseville E. de	Варениус Б.	18
Блулов Д.Н.	155	Василий III	15
Бобров С.С.	94, 323, 324, 336	Васильчиков А.А.	244
Богаевский И.И.	28	Вашингтон Дж. (Васингтон)	30, 33, 37, 39, 41, 44–46, 48–51, 54, 56, 58, 59, 81, 90, 94, 95, 97, 98, 105, 120, 121, 140, 149, 156, 182, 228, 240, 243, 268
Богданович И.Ф.	326, 336	Введенский И.И.	201
Богданович П.И.	27, 33	<i>Ведомости</i>	17
Боден Д.	13	Вельтман А.Ф.	339
Бодлер Ш.	307, 308, 318, 319	Веревкин М.И.	32, 33, 85
Бойд Дж.	252	Верн Ж.	301
Болтовская Л.Н.	321	Веселовский А.Н.	91
Болховитинов Н.Н.	14, 23, 47, 49, 55, 58, 62, 68, 71, 75, 76, 89, 103, 112, 157, 252, 322, 334, 358	Вессельгефт Р.	185
Бомон Г.	213	<i>Вестник Всемирной Истории</i>	310
Бонд Т.	357, 358	<i>Вестник Европы</i>	12, 29, 59, 65, 66, 68, 94, 128, 129, 168, 180, 198, 199, 219, 224, 239, 253, 254, 337
Борегар, переводчица	168	Виллис Н.П.	161
Борисов Л.И.	307	Виргилий	132, 337
Бороздин А.К.	71	Водовозов Н.В.	64
Боссю Ж.Б.	28	Воейков А.Ф.	94, 168
Боткин В.П.	194, 249, 273, 275, 278, 280, 286	Вознесенский А.А.	126
Брайент В.К.	149, 150, 151, 161, 163, 350, 352, 353, 356	Волк С.С.	97
Браун Дж.	244	Волконская З.А.	245
Браун Ч.Б.	164, 183, 346, 353	Волконский С.Г.	69
		Вольтер Ф.-М.	27, 74, 75, 81, 82, 90, 97, 217, 241
		Вольф М.О.	301

Вольховский В.Д. 94
 Волынский А.Л. 310
 Воронцов А. 26
 Воронцов С.Р. 78, 111, 217
 Воронцов М.С. 244
Время 311–313, 316
 Второв Н.И. 90, 96
 Вустер Д. (Востер) 39
 Выговский И.Е. 342
 Вяземский П.А. 67, 78, 80, 134,
 148, 155, 159, 165, 194, 216, 228, 229,
 242, 247, 248, 251, 256, 337
 Ганкок И. (Хэнкок Дж.) 39
 Гарт Ф.Б. 126, 173, 311
 Геберлин Ф.Д. 50
 Гейдж Т. (Гаж) 38
 Гейне Г. 174, 281
 Герасимов А. 262
 Герштейкер Ф. 299
 Герцен А.И. 98, 147, 164, 166,
 209–211, 228, 231, 241, 286–288, 300
 Гесслер, дипломат 190, 191
 Гёте И.В. 146, 152, 174, 241,
 280, 281
 Гибнер Я. (Гюбнер И.) 18
 Гизо Ф.П.Г. 298
 Гиллельсон М.И. 155
 Гиппиус В.В. 223
 Глазунов А. 173, 187
 Глазунов Н. 177
 Глебов Д.П. 70
 Глебов И. 177
 Глинка Б.Г. 182
 Глинка Г. 86
 Глинка С.Н. 86, 88
 Глинка Ф.Н. 97, 337
 Гнедич Н.И. 338
 Гоголь Н.В. 142, 173, 194, 224,
 225, 228, 238, 261, 280, 281, 292, 293,
 298, 316, 339; см. также Gogol N.
 Годвин У. 280
 Голдсмит О. 28, 328
 Голицын А.Н. 244
 Голицын Д. 131
 Голицына М.А. 243
 Голицына П.А. 243, 244
Голос 218
 Гомер 280, 287, 337, 338, 356

Гончаров И.А. 232, 294, 300
 Гопкинс Э. 40
 Горчаков Д.П. 88
 Горький А.М. 232, 254, 289,
 301, 302, 310
 Готорн Н. 181, 347, 348, 354
 Гоу У. 40
 Гофман Э.Т.А. 152, 168, 172,
 173, 176, 280, 286, 313, 314
 Грамматин Н.Ф. 94
 Грановский Т.Н. 273, 345
 Гребёнка Е.П. 314, 340
 Грей Т. 328
 Греч Н.И. 68, 172, 173, 195,
 200, 267, 281, 333, 338
 Гречников К.Н. 143
 Гриб В.Р. 277
 Грибоедов А.С. 230, 280, 338
 Григорий Богослов 16
 Григорьев А.Л. 14, 322, 334
 Григорьев Ап. А. 307, 308, 350
 Грин Н. (Грен) 44, 45
 Гринеус С. 16
 Грисуолд Р. 304, 305, 307
 Гроссман Дж.Д. 13, 321;
 см. также Grossman J.D.
 Гроссман Л.П. 300, 313
 Грот Я.К. 24, 126, 270
 Гроций Г. 26
 Гудон Ж.А. 73
 Гюбнер И. – см. Гибнер Я.
 Гюго В. 152, 161, 174, 255, 298
 Давыдов Г.И. 124–126
 Давыдов Д.В. 229, 328
 Д'Аламбер Ж.Л. 79
 Даль В.И. (Казак Луганский) 314, 339
Дамский Журнал 168
 Дана Р. 161, 163, 353
 Данилевский Г.П. 300, 350–353
 Данлеп У. 124
 Данте Алигьери 191, 281
 Дашков А.Я. 111–113, 127, 138, 157
 Дашкова Е.О. 129
 Дашкова Е.Р. 78
 Двойченко-Маркова Е.М. 13, 75,
 89, 103, 128; см. также Dvoichenko-
 Markova E.
 Дежнёв С.И. 22

Декей Дж.	245	Дюкре-Дюмениль Ф.-Г.	282
<i>Дело</i>	317, 319, 320	Дюма А.	184, 299
<i>Дело от Безделя</i>	29	<i>Европеец</i>	172, 205
Дельвиг А.А.	140, 141, 157, 168, 220, 337, 343	Евстафьев А.Г. (Евстафиев) ..	109–124, 128 138, 323, 324; см. также Eustaphie A.
Дельвиг А.И.	71	Екатерина II	24, 33, 48, 57, 61, 63–65, 72, 75, 82, 84, 89, 100, 217, 252, 335
Дементьев А.Г.	12	Елизавета Петровна, импер.	335
Денни Дж.	127	Есенин С.А.	314
Державин Г.Р.	23, 24, 93, 126, 323–327, 333, 337	Ефимов А.В.	23
<i>Детское Чтение для Сердца и Разума</i>	27	Жан Поль	152
Дефо Д.	226, 263	Жанлис М.Ф.	282
Джеймс Г.	8, 187	Железников П.С.	68
Джеймс Э. (Джемс)	207, 216	<i>Живописец</i>	57
Джексон Э.	145, 214	<i>ЖМНП</i>	162, 163, 180
Джефферсон Т. (Ефферзон, Иеферсон)	9, 51, 65, 68, 80, 94, 131, 132, 149, 268, 353	Жуковский В.А.	91, 92, 156, 194, 195, 229, 303, 328, 337
Джеффри Ф.	115	Журавский, переводчик	213
Джонс П. (Павел Джонес, Ионес, Ионис, Пауль Жонс, Жонес, Джон-Поль)	41–43, 246, 251–253, 255, 292	<i>Журнал Новостей</i>	67
Джуитт С.О.	252	Жюльен де Пари М.-А.	159
Дидро Д. (Дидерот)	79	Загоскин М.Н.	134, 219, 238, 332, 339; см. также Zagoskin M.
Дидье Э.Л.	305	Западов А.В.	12
Дикинсон Дж.	63	Зарин Е.Ф.	300
Диккенс Ч.	133, 166, 255, 282, 283, 298	<i>Заграничный Вестник</i>	303, 304
Дмитриев И.И.	323, 327, 328, 333, 337, 338	<i>Зеркало Света</i>	60, 90, 101, 102
Дмитрий Донской	121–123	Иван Грозный	15, 17
Добровольский, переводчик	256	Иванчин-Писарев Н.Д.	70
Добролюбов Н.А.	205, 297–299, 348	Изабелла, королева	192
Долгова С.Р.	103	Измайллов А.Е.	31
Долгоруков Д.И.	188, 189, 191–194, 243–245	Измайллов В.В. (С. В-нь)	169
Долгоруков И.М.	188	Илличевский А.Д.	340
Достоевский Ф.М.	10, 187, 198, 211, 232–235, 300, 311–317, 320	Инграм Дж.	305
Дрейк Дж.Р.	161	<i>Иппокрена</i>	65
Дружинин А.В.	162, 184–186, 198, 203, 293–297	Ирвинг В. (Ирвин, Вашингтон)	8, 31, 146, 149, 151, 152, 160–205, 215, 216, 219–227, 238, 241–243, 263, 268, 289, 293, 311, 346, 350–354, 356; см. также Irving W.
Дуайт Т.	122	Ирвинг Питер	193, 194
Думмер В.	17	Ирвинг Пьер	188
Дуров Н.П.	103	<i>Иртыш, Превращающийся в Ипокрену</i>	84
<i>Дух Журналов</i>	12, 67, 68		

<i>Исторические, Генеалогические и Географические Примечания в Ведомостях</i>	18, 19
<i>Исторический Журнал</i>	138
Ишимова А.И.	202, 246

Кайсаров А.С.	91, 93
Камашев-Средний И.Н.	154
Каменев Г.П.	90
Каменская М.Ф.	231
Кампе И.Г.	27, 35–37
Кантемир А.Д.	19, 336
Капнист В.В.	336
Карамзин Н.М.	12, 31, 40, 59, 65, 89, 90, 128, 227, 323, 326, 327, 335, 337, 339
Карвер Дж.	35
Каржавин Ф.В.	37, 49, 50, 87, 88, 100–109, 338
Карл V	193
Катаев В.П.	306
Катарский И.М.	282
Катков М.Н.	202, 274, 276
Каченовский М.Т. ...	128, 198, 199, 338
Квитка-Основьяненко Г.Ф.	340
Кеннеди Дж.П.	353
Кетчер Н.Х.	210, 276, 287
Киреевский И.В.	56, 81, 172, 205, 210
Киреевский П.В.	198, 205, 206
Кирпичников А.И.	255
Кириша Данилов	336
Кирияков, переводчик	164
Кларк Л.Г.	245
Кларк Э.Д.	128
Клементьев А.	179
Клепиков С.А.	96
Клинтон Г.	43
Клушин А.И.	31
<i>Книжки «Недели»</i>	321
Княжнин Я.Б.	337
Коведяев Е.	270
Козлов И.И.	338
Козлов И.Я.	140
Козлов Н.Я.	111, 112, 127–129
Кок П. де	211
Колберн Г., издатель	270
<i>Колокольчик</i>	270

Колумб Х. (Коломб)	16–19, 52, 111, 121, 125, 126, 148, 169–171, 173, 187, 189, 203–205, 221, 227, 268
Кольцов А.В.	286, 340
Кондорсе М.Ж.А.Н.	64, 84
Кони Ф.А.	291
Корнваллис Ч.М.	46, 47
Корнель П.	280
Короленко В.Г.	232, 300
Кортес Ф. (Кортец)	19
Корш В.Ф.	255
Костров Е.И.	324, 337
Котошихин Г.К.	211
Котген М.	282
Коцебу А.	66
Краевский А.А.	276, 291
Красовский А.И.	172
Кревкёр Ж. де (Кревекер Сент Джон)	7, 108, 109
Кросс А.Г.	110
Крузенштерн И.Ф.	229, 231, 232
Крупеников И.	238, 239
Крылов И.А.	31, 195, 323, 327, 338, 344
Кук Дж.	23, 33
Кукольник Н.В.	184
Кулешов В.И.	14, 159
Купер В.Д.	34, 37
Купер Дж.Ф. (Копер)	8, 41, 70, 133, 146, 149, 150, 152, 160, 162–165, 167, 168, 170, 175, 180, 182, 183, 185, 186, 194, 197, 198, 201–203, 214, 216, 218, 219, 227, 237–302, 311, 318, 346, 350, 352–354, 356; см. также Cooper J.F.
Кутузов М.И.	117, 129
Кэмпбелл Т.	331
Кюхельбекер В.К.	92, 94, 179, 182, 219, 249–251, 271
Ла-Гарп Ж.Ф. де	33
Ла Порт Ж. де	32, 37
Лавров П.Л.	304
Ладыгин (Лодыгин) Д.М.	34
Лажечников И.И.	339
Лакиер А.	298
Ламартин А.	185, 298
Ламенне Ф.Р.	228

Лафайет М.Ж. де (маркиз Ноалье)	45, 79, 81, 97, 98, 253
Лафатер И.К.	135
Лафонтен А.	282, 324
Левин Ю.Д.	27, 28, 154, 203
Лёвшин А.И.	244
Ленау Н.	174
Ленин В.И.	300
Лермонтов М.Ю.	225, 228, 284–287, 339, 340; см. также Lermontov М.
Лесаж А.Р.	241
Лесков Н.С.	100, 101, 300
Либман В.А.	14, 177
Ливотов И.И.	34
Линд В.Н.	208
Лисовский Н.М.	12
Лисянский Ю.Ф.	229
<i>Литературная Газета</i>	12, 140, 141, 157, 168, 171, 220, 332
<i>Литературные Листки, Журнал</i> <i>Нравов и Словесности</i>	330, 331
<i>Литературные Прибавления к</i> <i>«Русскому Инвалиду»</i>	12, 172, 177, 204, 242
Лихачев Н.	108
Логинов В.В.	237
Локк Дж.	337
Ломоносов М.В.	12, 18, 20–23, 76, 89, 94, 96, 128, 217, 323–325, 335, 336
Лонг С.Х.	207, 216
Лонгфелло Г. (Лонгфеллоу)	8, 161, 216, 311, 347–349, 351–353, 356
Лондон Дж.	301, 311
Лопухин А.В.	27
Лопухин И.В.	91
Лорер Н.И.	95
Лотман Ю.М.	92
Лоуэлл Дж. Р.	356
Лужков А.И.	35
Лунин М.С.	70
Львов К.	86
Львов П.Ю.	65
Льюис У.Д.	333
Мабли Г. Бонно де	64
Магеллан Дж. Х.	78
Магеллан Ф.	19
Майков А.Н.	351
Макогоненко Г.П.	13, 49, 81, 82
Максим Грек	15, 16
Максимович М.А. (W.W.)	167, 168, 343
Макферсон Дж. («Оссиан»)	337
Манн Т.	316
Манн Ю.В.	81
Манро, издатель	116
Мандзони А. (Манцони)	219
Маркевич Б.М.	300
Маркс К.	24
Марьянов Б.М.	208, 215
Масальский К.П.	332, 339
Масанов И.Ф.	11
Маяковский В.В.	97
Мелвилл Г. (Мельвиль)	170, 181, 252, 261, 296, 346, 355
Менкен Г.	214
Мерзляков А.Ф.	329, 333, 338
Мериме П.	173
Меркатор Г.	17
Местр К. де	331
Миддлтон Г.	303, 305, 306
Микушевич В.Б.	110
Мильвуа Ш.	70
Минин К.	113
Мирабо О.Г.	83, 84, 97
Михаил Алексеевич, царь	17
Михайлов М.Л.	347, 348
Михаловский Д.Л.	349
Мицкевич А.	172, 174, 245, 281
Мишле Ж.	298
Модзалевский Б.Л.	157, 186, 197, 208, 216, 218, 221, 227
<i>Молва</i>	12, 176
Моллер Е.А.	311
Монгольфье Ж.-М. и Ж.-Э.	80
Монро Дж.	112
Монтегю Э.	350, 351, 353
Монтескье Ш.Л.	28, 81, 87, 97
Морской Сборник	227
Моряков В.И.	73
<i>Москвитянин</i> ...	216, 307, 308, 346, 350
<i>Московские Ведомости</i>	12, 27, 28, 29, 30, 33, 34–56, 58–60, 62, 78–85, 107, 217, 252, 305, 346
<i>Московский Вестник</i>	12, 154, 168, 169, 171, 246, 247, 257, 258
<i>Московский Наблюдатель</i>	281, 349

<i>Московский Телеграф</i>	11, 12, 15, 31, 56, 57, 70, 96, 145–160, 163, 165– 168, 170–174, 176, 177, 179, 195–202, 204, 223–225, 237, 239, 242–246, 248, 251–253, 257, 259, 262, 270, 339
<i>Московское Ежемесячное Издание</i>	39
<i>Московской Журнал</i>	12, 90, 337
<i>Муза</i>	59
Муравьев А.М.	95, 97
Муравьев В.С.	188
Муравьев М.Н.	330
Мусин-Пушкин А.И.	338
Мюнстер С.	16
Мюрат И.	129
Мюссе А.	174
Надеждин Н.И.	154, 166, 173
Наполеон Бонапарт	110–121, 123, 128, 129, 131, 132, 153, 343
Нарежный В.Т.	338
<i>Наше Время</i>	351
Нелединский-Мелецкий Ю.А.	328, 329, 333, 336
Ненарокомов Ф.Н.	187
Нестерова Е.К.	321
Неустров А.Н.	11
Нечаева В.С.	80, 165, 228, 247
<i>Ни То ни Сие в Прозе и Стихах</i> ...	26, 27
Никитенко А.В.	174, 340
Николай I	57, 71, 142, 146, 178, 272, 340
Никонов Е.	96
Нил Дж.	161, 354
Новиков Н.И.	12, 18, 22, 26–30, 32, 34–37, 39, 40, 44, 45, 47–49, 50– 60, 62, 64, 67, 78, 79, 81, 82, 84–86, 88, 90, 91, 94, 106, 107, 225, 337
Новикова А.И.	191
<i>Новости Литературы</i>	168, 169
<i>Новые Ежемесячные Сочинения</i> ...	64, 65, 75
<i>Новый Живописец Общества и Литературы</i>	57, 225
<i>Новый Журнал Иностранной Литературы</i>	301, 321
Нодье Ш.	241
Нокс Р.	311
Ньютон И. (Невтон)	94
Нэпп С.	150

Обер Д.Ф.Э.	176
Огарёв Н.П.	164, 209, 241
<i>Одесский Вестник</i>	244
Одоевский В.Ф.	31, 97, 339
Одюбон Ж.-Ж.	180
Ознобишин Д.П.	351
О'Киф Дж.	219
Окунь С.Б.	23
Олджер Х.	186
Оленин А.Н.	122
Оленина А.А.	219
Олин В.Н.	198
Омулевский И.В.	319
Оом О.Н.	219
Орлов В.Г.	237
Орлов В.Н.	93, 156
<i>Отечественные Записки</i>	12, 138, 140, 165, 168, 184, 185, 187, 201–204, 218, 249, 273–276, 289–292, 300, 301, 315, 320, 352, 353
Павлов М.Г.	260
Павлов Н.Ф.	339
Панаев И.И.	202, 274, 284, 285
Панин Н.И.	105
Панин П.И.	77
<i>Пантеон</i>	291
<i>Пантеон и Репертуар Русской Сцены</i>	296, 352, 353
<i>Пантеон Иностранной Словесности</i>	12
Паррингтон В.Л.	269, 289
Паскевич Д.	204, 205
Пейн Т.	9, 63, 67, 74, 141
Пенн У.	98, 102
<i>Периодическое Издание Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств</i>	66
Персиваль Дж.	161, 163
Пестель П.И.	35, 95, 97
Пётр I	16–18, 22, 23, 96, 102, 104, 120, 121, 123, 124, 248, 335, 336, 343, 344
Петров В.П.	330, 337
Печерин В.С.	69, 228
Пико делла Мирандола Дж.	15
Пиксанов Н.К.	282
Пиндар	94
Пинкни Э.	161

Пирпонт Дж.	161, 323	Пугачёв Е.И.	32, 48, 61, 72, 75, 217, 218, 332, 339
Писарев Д.И.	297, 299, 300, 319	Путнам И.	39
Писарро Ф. (Пицаррус)	19	Пушкин А.С.	8, 24, 31, 35, 36, 72, 75, 91, 92, 94, 96, 126, 141, 144, 147, 155, 156, 159, 166, 171–173, 176, 183, 186, 189, 191, 194, 195, 197, 199, 200, 206–209, 211–229, 234–236, 238, 241, 243, 245, 255, 278, 280, 281, 303, 306, 320, 327, 330–334, 336, 338– 340, 344; см. также Pooshkeen A., Pushkin A.
Питт-младший У.	119	Пушкин С.Л.	229
Плетнёв П.А.	270	Пушин И.И.	96, 98
Плещеев А.А.	31	Пфейль И.Г.	28
Пнин И.П.	66, 67	Пыпкин Н.	143
По У.Г.	305	Пяст В.А.	306
По Э.А. (Поэ)	13, 173, 181, 207, 303–321, 349, 351, 354, 356; см. также Рое Е.А.		
Погодин М.П.	154, 246		
Погорельский А.	314	Рабинович В.И.	103, 107
Поджио А.В.	97	Рабле Ф.	266, 267
Подолинский А.И.	340	Радищев А.Н.	10, 22, 26, 31, 35, 57–59, 61–65, 67, 72, 75, 82, 84, 85, 89, 90, 93, 94, 213, 217, 218, 228, 234
<i>Подснежник</i>	351	Радклиф А.	242, 249, 280, 282
Пожарский Д.М.	113	Радовский М.И.	76
<i>Покоящийся Трудолюбец</i>	28	Разумов А.	26
Полдинг Дж.К. (Паулдинг)	163, 184, 243, 353, 354	Разумовская М.Г. (урожд. Вяземская)	244
Полевой А.Е.	152	Разумовский Л.К.	244
Полевой К.А.	56, 146, 155, 172	Расин Ж.	294
Полевой Н.А.	15, 31, 56, 57, 94, 146–156, 158–160, 163, 165, 167, 168, 170–173, 176, 177, 179, 182, 196, 198–200, 223–225, 237, 242, 251, 270, 339, 350	Рахманинов, цензор	178
Полежаев А.И.	137	Редкин П.Г.	310
Полетика П.И.	140–142, 156–158, 228	Резанов Н.П.	126
Поликарпов Ф.П.	18	Рейналь Г.Т.Ф.	28, 62, 73, 81, 142
Половцов А.А.	157	Рейхель И.Г.	26
Полонская И.М.	103, 104, 106	Ретеюм Ю.Я.	216
Полторацкий С.Д.	11, 94, 155–159, 172, 200, 201	Рид Т.М.	301
Помяловский Н.Г.	319	Рихман Г.В.	96
Поп А.	161, 337	Ричардсон С.	241
Попов А.	15	Робертсон В.	35
Попова И.М.	272	Робинсон Э.	335
Поповский Н.Н.	337	Родней Дж.Б.	40, 46
Попугаев В.В.	66, 93	Рожалин В.М.	171
Прево А.Ф.	32, 33, 85	Рожалин Н.М.	171
Прескотт В.	352	Розен Е.Ф.	292, 293
<i>Прибавление к «Московским Ведомостям»</i>	12, 30, 37, 39, 49, 50, 60, 61, 107	Рознотовский Е.В.	87
<i>Природа и Люди</i>	301	<i>Российские Ведомости</i>	17
<i>Приятное и Полезное Препровождение Времени</i>	27, 65	Рошамбо, граф	46

Румянцев Н.П.	111, 112, 114, 128, 129, 135
<i>Русская Вивлиофика</i>	57
<i>Русская Старина</i>	103, 105
<i>Русский Вестник</i>	95, 182
<i>Русский Инвалид</i>	168, 246, 304, 305, 310, 311
<i>Русское Слово</i>	187
Руссо Ж.-Ж.	81, 97, 198, 212, 241, 255
Рустан	195
Рыкачев Д.	27
Рылеев К.Ф.	68, 71, 122, 123, 134, 142, 181, 337, 338, 339
Саади (Сади)	155
Савин А.	27
Савонарола Дж.	15
Савурёнок А.К.	271
Салинка В.	94
Салтыков-Щедрин М.Е.	232
Санд Ж. (Занд)	161, 166, 174, 261, 281, 289, 298
<i>Санкт-Петербургский Вестник</i> ...	27, 87
<i>Санкт-Петербургские Ведомости</i> ...	12, 20, 21, 34, 35, 38, 39, 52, 58, 62, 76, 78, 83–85, 350–352
<i>Санкт-Петербургский Зритель</i> ..	140
<i>Санкт-Петербургское Ежедневное Сочинение</i>	85
Сатин Н.М.	209–211
Саути Р. (Сутей)	151
Сахаров И.П.	342
Свиньин П.П.	124, 126–144, 206, 212, 218, 339; см. также Svinin P.
Свистовский А.	35
Свифт Дж.	226, 265–267
<i>Свободная Мысль</i>	349
<i>Северная Пчела</i>	142, 168, 173, 220, 224, 226, 239, 267, 268, 269, 333
<i>Северный Архив</i>	200, 201
Седжвик К. (Сэджвик)	243, 353
Семенников В.П.	58
Сенковский О.И.	98, 179, 205, 266, 267
Сервантес Сааведра М. де	152, 226, 241, 267, 280, 281
Сигурни Л.	161
Силсфилд Ч.	185, 354
Симмс В.Г.	8, 241, 353, 354; см. также Simms W.G.
Сиповский В.В.	102
Скотт В.	8, 143, 145, 146, 151, 152, 154, 155, 160, 169, 186, 195, 199, 202, 218, 219, 223–226, 237–243, 246– 251, 258–260, 262–264, 268, 271, 276, 277, 280–288, 291, 292, 297–299
Скьюлер Ю.	305
Словцов П.А.	93
Смирдин А.Ф.	194, 276, 303, 340
Смирнов Н.С.	27
Смирнов-Сокольский Н.П.	12
Смит Дж.Ф.Д.	107
Смит С.	151
Смоллет Т.Дж.	264, 295
Соболевский А.И.	18
Соболевский С.А.	237, 238
<i>Собрание Лучших Сочинений</i>	26
<i>Собрание Разных Сочинений и Новостей</i>	39
<i>Современник</i>	12, 168, 173, 184–186, 198, 203, 205, 208, 217, 227, 270, 293–296, 299, 347–349
Сойкин П.П.	301
Соколова Ю.	178
Соллогуб В.А.	90
Сомов О.М.	71, 123, 173, 198, 220, 226, 332
Сопиков В.С.	338
Сорокин М.	202, 251
Спраг Ч.	161, 163
Срезневский И.И.	341, 342
Сталь Ж. де	241
Станкевич А.В.	345
Станюкович К.М.	300
Старцев А.И.	13, 61, 62, 64, 76, 103, 104
Стейнбек Дж.	261
Стендаль	174
Стерн Л.	74, 135
Стороженко Н.И.	301
Стюарт Г.	140
Суворов А.В.	231, 252
Сумароков А.П.	22–25, 56, 110, 280, 324, 327, 336
Сухонин С.	310

- Сушков Д.П. 218
Сын Отечества 12, 68–70, 123,
 130–134, 138, 168–170, 172, 173, 181,
 200, 204, 212, 223, 247, 248, 250, 257,
 262, 270, 271, 289, 292, 293, 298
 Сю Э. 184
- Тайлер Р. (Апдайк Андерхилл) 67
 Талви (Т.А.Л. фон Яков,
 Робинсон) 322, 334–344; см. также
 Robinson Th., Talvj
 Талейран М. 208
 Тассо Т. 338
 Таубе Ф.В. 34
 Твен М. 76, 82, 173, 187,
 241, 261, 301, 311, 320
Телескоп 12, 166–168, 172,
 173, 177, 209, 211, 212, 262–264, 266,
 267, 286, 288
 Телуол Дж. 115
 Теннер Дж. (Таннер) 207–209, 211,
 213–216, 219, 235, 236; см. также
 Tanner J.
 Тик Л. 152
 Тимофеев А.В. 340
 Титов В.П. 257
 Токвилль А. 208–211,
 213, 215; см. также Toqueville A.
 Толстой А.К. 182, 183, 300
 Толстой В.С. 35
 Толстой Л.Н. 76, 92, 98, 99,
 211, 230, 232, 273, 274, 294, 307
 Толстой С.Л. 230
 Толстой Ф.И. 229, 230, 231,
 232, 235
 Толстой Я.Н. 159
 Торо Г.Д. 170, 261
 Трамбал Дж. 122
 Тредиаковский В.К. 20, 148, 336
 Тростин Д. 239
Трудолюбивая Пчела 22
Труды Вольного Экономического
Общества 77
 Туманский Ф.О. 60, 90
 Тургенев Ал.И. 93, 94, 134,
 197, 208, 209
 Тургенев Ан.И. 66, 81, 87, 88,
 90–93, 134
 Тургенев И.П. 91
- Тургенев И.С. 8, 232, 287,
 294, 299, 300, 313, 348
 Тургенев Н.И. 71, 97
 Тургенев С.Н. 237
 Турьян М.А. 313
 Тюрго А.Р.Ж. (Тюргот) 79, 84
- Уайльд О. 175
 Убри П.Я. 189
 Уваров С.С. 57
 Уитмен У. 7, 245, 345, 349
 Уиттьер Дж.Г. 332, 333;
 см. также Whittier J.G.
 Уолш Р. 115
Утренний Свет 27
- Фёдоров И. 22
 Фёдорова С.Г. 23
 Фердинанд, король 18, 192
 Фиектонг 25
 Филдинг Г. 241, 264
 Филипп II 193
 Флеров, цензор 295
 Фолкнер У. 261
 Фомин А.А. 90, 91
 Фонвизин Д.И. 26, 45, 77,
 78, 324, 337
 Фонвизин М.А. 98
 Фонтенель Б. 19
 Форг П.-Э. 346
 Франклин Б. (В.) 7, 9, 33, 38–42,
 45, 47, 54, 63, 68, 72–99, 105, 108,
 109, 130, 132, 139, 149, 186, 216–218,
 253, 353; см. также Franklin B.
 Френо Ф. 9, 149, 252, 353
 Фридлиндер Г.М. 98
 Фрэнсис, издатель 116
 Фуллер М. 353
 Фултон Р. 134, 135
- Халибертон Т. 352
 Халлек Ф.-Г. (Физ-Грен-
 Галлен) 161, 163
 Харрисон-Смит М. 332
 Хвостов Н.А. 124–126
 Хебб Г.К. 332
 Хемингуэй Э. 261
 Хемницер И.И. 323, 327, 336
 Херасков М.М. 324, 336

Хименес М.	221	Шевченко Т.Г.	340
Хлебников К.Т.	227	Шейнкер В.Н.	249
Хмельницкий Б.М.	342	Шейс Д. (Шаас, Шаир)	52, 53
Хогарт У. (Гогарт)	135	Шекспир У.	152, 154, 188, 249, 279, 280, 283
Хомяков А.С.	340	Шелгунов Н.В. (псевд. Н. Языков)	317–321
Храповицкий А.В.	82, 217, 218	Шелехов Г.И. (Шелихов)	23, 64, 125, 152
Хэнкок Дж. – см. Ганкок И.		Шешковский С.И.	217, 218
Цветаев Л.А.	158	Шиллер Ф.	152, 249, 281
Цезарь (Ю. Кесарь)	132	Шишков А.С.	126
Цейтлин А.Г.	309	Шнитцлер Ж.-А.	159
Циммерман Г.	33	Шнор И.К.	85
Цицерон М.Т.	94, 132	Шопен Ж.-М.	159
Цшокке Г.	152, 172	Шоу Т.Б.	332
Цявловская Т.Г.	219	Шпрыгова М.Н.	36, 47
Чаадаев П.Я.	211, 212	Штейнгель В.И.	96
Чатам, лорд	119	Штоффреген, дипломат	190
Черейский Л.А.	220	Эверетт Э.	331
Черепанов М.С.	12	Эзертон Г.	126
Чернышевский Н.Г.	211, 232, 297, 298, 319, 347, 348	Элиот Дж.	32
Чехов А.П.	143, 232, 234	Эмерсон Р.У.	74, 154, 185, 281, 345, 346, 351, 353
Чичагов П.В.	121	Энгель И.Я.	86
<i>Чтение для Вкуса, Разума и Чувствований</i>	27	Энгельгардт Е.А.	96
<i>Чтонибудь от Безделья на Досуге</i>	28	Энгельс Ф.	24
Чуйкевич П.А. – см. Tchuykevitch P.		<i>Эпоха</i>	313
Чуковский К.И.	349	Эро Э.-И.	159, 160
Шабельский А.П.	227	Юферов А.Н.	319
Шаден И.М.	40	Языков М.	274
Шаликов П.И.	168	Языков Н.М.	340
Шаль Ф.	160, 162, 353; см. также Charles Ph.	Яков Т.А.Л. фон – см. Талви	
Шатобриан Ф.Р. де	193, 194, 214, 266, 267, 294	Якубович А.	211
Шатров Н.М.	333	Якубович Д.П.	225
Шаховской А.А.	229, 241	Якубович Л.А.	340
Шаховской А.Л.	237	Ямпольский И.Г.	202, 285
Шаховской Ф.И.	230	Ярмолинский А.	13, 127; см. также Yarmolinsky A.

<i>American Literature</i>	312	Hewett-Thayer H.W.	247, 356
<i>American Monthly Magazine</i>	183	Holman C.H.	241
<i>Athenaeum</i>	296		
Barlow J.	111	<i>Illustration</i>	308
Beard J.F.	243	Ingram J.H.	305
<i>Biblical Repository</i>	334, 335	Irving P.M.	189–194
Blosseville E. de	208	Irving W.	13, 189–194, 197, 221
Boden D.	13		
<i>Boston Gazette</i>	117, 118, 120	James E.	207
Bowring J.	323–330	<i>Journal de St.-Petersbourg</i>	156, 157
Bulgarin Th.	332	<i>Journal générale de la littérature</i>	
Byron G.G.	167	étrangère	159
		<i>Journal encyclopédique</i>	104
Cairns W.B.	189	<i>Knickerbocker Magazine</i>	245
Carlyle Th.	211		
Carver J.	35	Lermontov M.	322
Charles Ph.	160	Lewes G.H.	211
Clarke E.D.	128	Lewis W.D.	334
Clavel M.	240	<i>Literary Gazette</i>	189
Coleman A.P.	323		
Cooper J.F.	13, 214, 218,	Macaulay J.	207
240, 243, 245, 260, 265, 272, 273		<i>Magazin für die Literatur</i>	
Cooper J.F., grandson	243	des Auslands	165, 355
		Maistre X. de	331
Defauconpret M.	218	Marchand L.A.	167
Dvoichenko-Markova E. (Dvoichenko-		Marlinsky A.	13, 332
Markov)	76, 89, 98, 102, 103	Münster S.	16
<i>Dziennik Wileński</i>	198, 199		
		<i>National Era</i>	333
<i>Edinburgh Review</i>	114, 115, 151	Neuhauser R.	13
<i>English Literary Journal</i>		<i>New Monthly Magazine</i>	262, 331
of Moscow	197	<i>New York Review</i>	240
Eustaphieve A.	115–118, 120–122	<i>New York Tribune</i>	304
		<i>North American Review</i>	13, 146,
<i>Foreign Quarterly Review</i>	343	331, 334	
Franklin B.	89, 98, 216		
		Papas A.	306
Garcia G.	192	Penn W.	102
Gardiner H.C.	261	<i>Pennsylvania Gazette</i>	73
Gerhardt D.	208	Pierpont J.	323
Gogol N.	13	Poe E.A.	13, 303
Grossman J.D.	13, 321	<i>Politisches Journal (Hamburg)</i>	138,
Grynaeus S.	16	145, 146, 149	
		Pollard B.	111
Halsey R.T.H.	127	Poole W.F.	13
Hebbe G.C.	332	Pooshkeen A.	334
Heifetz A.	322	<i>Portfolio</i>	127

Proffer C.R.	13	Sobry A.	221
Pushkin A.	13, 322, 332, 333	<i>Studia Slavica Academiae Scientiarum</i>	
		<i>Hungaricae</i>	313
Raizis M.B.	306	Svinin P. (Svenin, Swinin)	127, 134
Raynal G.-T.	73		
<i>Repertory and General Advertiser</i>	118	Taine H.	211
<i>Revue britannique</i>	183, 262	Talvj	334, 336
<i>Revue des deux mondes</i>	165, 350, 351	Tanner J.	207, 208
<i>Revue encyclopédique</i>	123, 159, 160	Toqueville A.	211
<i>Revue étrangère</i>	160, 161, 179	Tchuykevitch P.	115
Robinson Th. (Talvj)	334	Tschizewskij D.	208
Rose G.	332		
<i>St. Petersburg English Review</i>		Vail E.A.	267
<i>of Literature, the Arts and</i>		Voigt I.C.	334
<i>Sciences</i>	288, 289		
Sand G.	262	Whittier J.G.	333
Shaw J.T.	208		
Shaw Th.B.	332	Yarmolinsky A.	13, 16, 127, 322
Shulenberg A.	273		
Simms W.G.	241	Zagoskin M.	332

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Книга А.Н. Николюкина «Литературные связи России и США: Становление литературных контактов» вышла в июле 1981 г. в издательстве «Наука» под двумя грифами Академии наук СССР – Институт научной информации по общественным наукам и Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Ответственный редактор доктор филологических наук Ю.Д. Левин.

В феврале 1979 г. рукопись книги была обсуждена в Отделе взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ, одобрена академиком М.П. Алексеевым и 23 апреля 1979 г. утверждена ученым советом ИРЛИ. 25 июня 1979 г. рукопись книги утверждена к печати на 1980 г. ученым советом ИНИОН. 15 апреля 1980 г. рукопись передана редактору издательства «Наука» В.И. Рыморовой. Составительница указателя В.А. Либман. Сдана в набор 30.09.80, подписана к печати 27.02.81.

Отрывки из рукописи книги были опубликованы под названием «Из истории русско-американских литературных связей»: Вопросы литературы. 1981. № 4. С. 180–199.

Н.Н. Болховитинов (академик РАН с 1992 г.) в рецензии на вышедшую книгу отмечал, что заслугой А. Николюкина является предложенный термин «активный отбор» вместо традиционного термина «влияние». Также рецензент обратил внимание автора на то, что «Сказку» Ф. Каржавина, уже известную и ранее печатавшуюся, желательно заменить на публикацию рукописи «дневника Ф. Каржавина о его путешествии в Виргинию за 1777–1778 годы, который А. Николюкин упоминает (с. 112), но, к сожалению, практически не использует» (Вопросы литературы. 1982. № 11. С. 252).

Во втором дополненном издании настоящей книги в «Приложениях» вместо «Сказки...» Фёдора Каржавина представлен «Дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 годы» Ф.В. Каржавина

в переводе с французского И.Ю. Усовой (впервые опубликован в сборнике: Взгляд в историю – взгляд в будущее: Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США / сост. А.Н. Николюкин. М.: Прогресс, 1987. С. 10–39. Французский текст (рукопись Ф.В. Каржавина в РНБ: Ф. 1000. Л. 76–101 об.) был впервые опубликован в книге: *A Russian Discovery of America / selected and edited with an introduction and commentary by A. Nikolyukin*. Moscow: Progress Publishers, 1986. P. 32–70.

Все иллюстрации из текста первого издания книги исключены. Из иллюстративных материалов первого издания сохранены только некоторые акварели П.П. Свинына. В 2006 г. были переизданы записи П.П. Свинына в книге: *Свинын П.П.* Американские дневники и письма (1811–1813). М.: Парад, 2006.

Авторские переводы некоторых английских цитат заменены на появившиеся с тех пор новые русские публикации американских писателей. Старые названия архивов Москвы и Ленинграда заменены на современные.

Настоящая книга А.Н. Николюкина привлекла внимание и неоднократно пересказывалась (о роли Франклина в России) и цитировалась старейшим хранителем русского отдела Библиотеки конгресса США Робертом В. Алленом в его книге «Россия смотрит на Америку. Взгляд до 1917» (*Allen R.V. Russia Looks at America: The View to 1917*. Washington: Library of Congress, 1988. P. 6–8, 297).

Во втором томе настоящего собрания будет напечатано дополненное издание книги: *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов.

Кандидат филологических наук И.В. Логвинова

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Акварели П.П. Свинына (США, 1811–1813)

Вклейки

- П.П. Свинын. Автопортрет с индейцами
- П.П. Свинын. Зимняя сцена в Филадельфии
- П.П. Свинын. Гробница генерала Вашингтона в Маунт-Верноне
- П.П. Свинын. Город Вашингтон
- П.П. Свинын. Первый взгляд путешественника на Нью-Йорк –
батарея и флагшток
- П.П. Свинын. Увеселение в придорожной гостинице
- П.П. Свинын. Вид Нью-Йорка с реки
- П.П. Свинын. Новый мост близ Филадельфии
- П.П. Свинын. Индейские древности
- П.П. Свинын. Богослужение у негров-методистов
- П.П. Свинын. «Города содержат между собою беспрестанное
сообщение помощью всенародных карет»

Александр Николаевич Николюкин

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И США
СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том первый

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 21/VI – 2022 г.

Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1.

Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 24,5 Уч.-изд. л. 23,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 8

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У